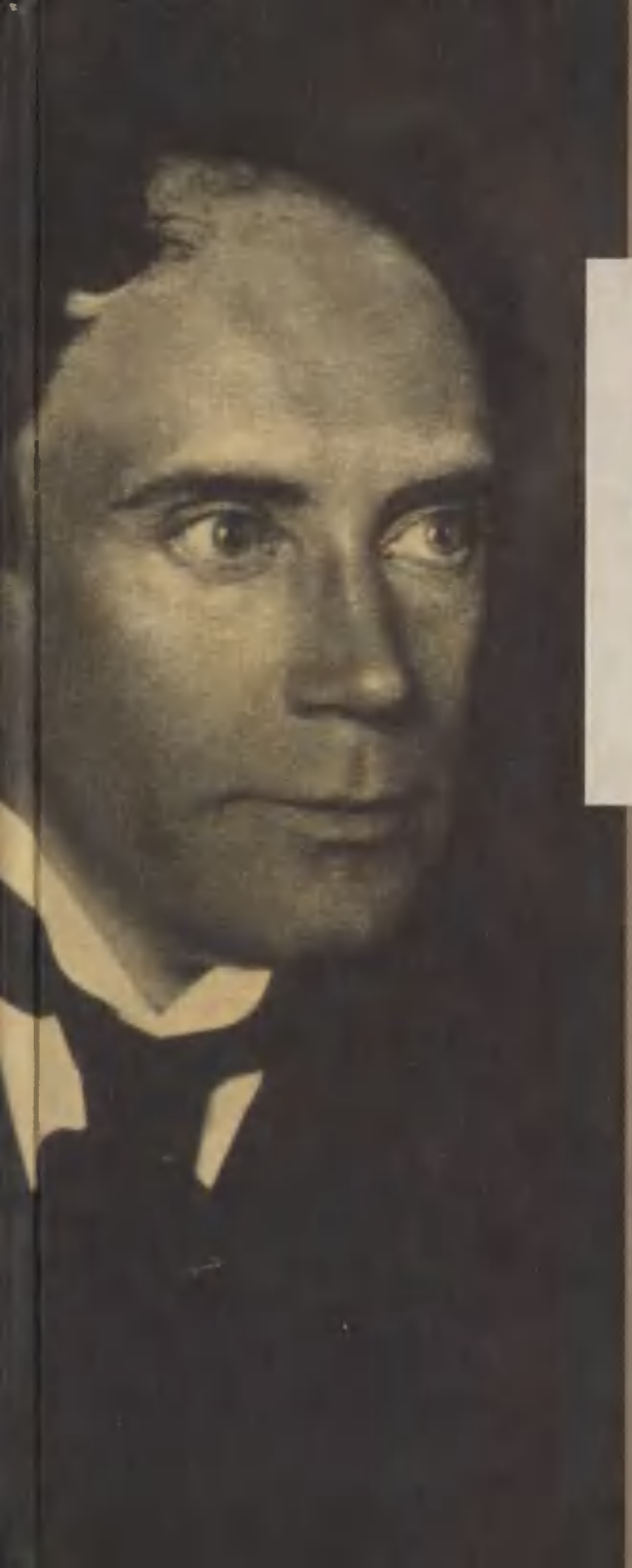
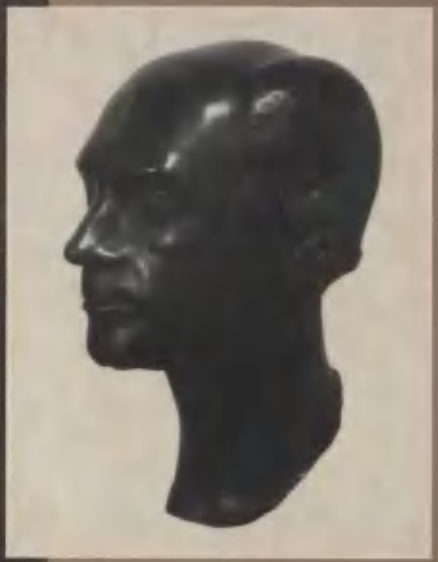

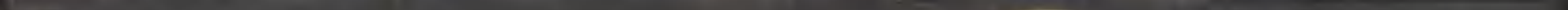
современная
западная
русистика

Русский Мефистофель

Жизнь и творчество Эмилия Метнера

Магнус Юнггрен

Магнус Юнггрен

Русский Мефистофель

Magnus Ljunggren

THE RUSSIAN MEPHISTO

A Study of the Life and Work
of Emilii Medtner

Acta Universitatis Stockholmiensis.
Stockholm Studies in Russian Literature. V. 27.
Stockholm, 1994

Магнус Юнггрен

РУССКИЙ МЕФИСТОФЕЛЬ

Жизнь и творчество
Эмилия Метнера

Академический проект
Санкт-Петербург
2001

Редакционная коллегия серии
«Современная западная русистика»:

Б. Ф. Егоров (председатель),
Я. А. Гордин, А. В. Лавров, М. А. Турьян.

Перевод с английского *А. В. Скидана*

Редактор *А. В. Лавров*

ISBN 5-7331-0232-2

© Магнус Юнггрен, 1994
© Estate of C. G. Jung, письма К. Г. Юнга к Э. К. Метнеру, 1996
© А. В. Скидан, перевод, 2001
© Г. В. Снежинская, перевод переписки Метнера с Юнгами, 2001
© Гуманитарное агентство «Академический проект», 2001

ВВЕДЕНИЕ

Эмилий Метнер был центральной фигурой в движении русских символистов начала века. В основе этого движения, отличавшегося прежде всего культурным синтетизмом, была мечта о рождении новой духовной эры, путь к которой прокладывало бы искусство, а литература, музыка, философия и религия взаимодействовали бы в ней по-новому.

Свою особую миссию Метнер видел в установлении тесной связи русского символизма с немецким культурным наследием, наследием Канта, Гете, Ницше и Вагнера. О его попытках осуществить свое предназначение, увенчавшихся в 1909 г. основанием в Москве издательства «Мусагет», написано совсем немного[1]. Он также взял на себя роль ментора и импрессарио своего брата, композитора Николая Метнера[2], и был особенно близок с Андреем Белым, как философский наставник, интеллектуальный собеседник и друг, оставив свой след на всем творчестве писателя. Яркий портрет Метнера в воспоминаниях Белого — единственное имеющееся в нашем распоряжении связное свидетельство о влиянии личности Метнера и его идей на Россию тех лет[3].

С распадом символизма и обращением Белого к антропософии Метнер вошел в полосу духовного кризиса, обострившегося с началом Первой мировой войны и заставившего его в августе 1914 г. обратиться за помощью к психоаналитику Карлу Густаву Юнгу в Цюрихе. Юнг и сам после произошедшего в том же году разрыва с Зигмундом Фрейдом и с психоаналитическим движением находился в глубоком кризисе, «лавинообразный поток» видений и снов серьезно угрожал его здоровью[4]. Под влиянием этих и последующих драматических душевных переживаний Юнг в течение тех лет, что лечил Метнера, разработал свою так называемую аналитическую психологию, полемичную по отношению к фрейдовской теории неврозов. Согласно его рассказу, содержащемуся в «Воспоминаниях, сновидениях, размышлениях», все написанное им позднее было «более или менее удачной попыткой включить этот горячий материал в современную картину мира»[5].

Метнер, благодаря близости с Юнгом и уникальному опыту, почерпнутому им в русском символистском движении, подтверждал и подкреплял центральные аспекты новой теории своего врача-психоаналитика. Он разглядел внутреннее родство символизма Белого и психологии Юнга, которую воспринимал как дальнейшее развитие этого русского движения. И в том, и в другом случае символ интерпретировался как преодоление катастрофического разрыва между интеллектом и чувством, между духом и природой во внутреннем мире совре-

менного человека, как наведение моста между ними, ведущего к воскрешению и возрождению. И Белый, и Юнг подчеркивали основополагающее значение и общечеловеческие корни Мифа. В среде русских символистов жизнь и искусство были неотделимы друг от друга. Именно под этим углом зрения Метнер рассматривал Юнга, видя в нем прежде всего гениального художника, или, по выражению Барбары Ханна, человека, который *был сам себе психологией* (was his own psychology)[6].

Со временем Метнер стал другом и коллегой Юнга. Несмотря на некоторые трения, он оставался членом юнговского круга — иногда выступая даже в качестве аналитика — вплоть до своей смерти в 1936 г. Когда в 1920-е и особенно в 1930-е годы Юнг расширил сферу своей теории, включив в нее культурологические размышления о проблеме Востока и Запада и вопросы национальной психологии, влияние Метнера сказалось и здесь. По-видимому, на Юнга оказали непосредственное воздействие расовые теории Метнера и тот энтузиазм, с которым последний относился к Муссолини и Гитлеру. Метнер был носителем протофашистских идей в культуре начала века, в основе его взглядов лежал воинствующий антисемитизм.

Из-за значительных пробелов в изучении биографии Юнга, в особенности того периода, который предшествовал его широкому международному признанию, Метнер остался в тени в анналах психоанализа даже в большей степени, чем в истории символистского движения. Несмотря на то, что он был близок с Юнгом на протяжении почти двух десятилетий, его имя совершенно игнорируется в монографиях о швейцарском психиатре[7].

Метнер, отличающийся исключительной восприимчивостью и стоящий на стыке двух великих европейских культур, связанных друг с другом особыми историческими узами, был человеком, в котором преломлялись идеи эпохи. Задача предпринятого исследования — воссоздать единый мир жизни и мысли Метнера. Мы попытаемся определить тот вклад — положительный или отрицательный, — который был внесен им как посредником между немецкой и русской культурами, и постараемся выявить то значение, которое русский символизм, благодаря Метнеру, мог иметь для юнгианской психологии. Предлагаемая работа в значительной степени основывается на неопубликованных материалах: по большей части на письмах из весьма обширной переписки Метнера, а также на рукописях и дневниках, находящихся в архивах России, Соединенных Штатов и Швейцарии.

«ЖИТЕЙСКАЯ ЛОЖЬ» МЕТНЕРА

Эмилий Карлович Метнер (Medtner) родился в Москве 20 декабря 1872 г. Его мать и отец происходили из немецких семей, некогда эмигрировавших в Россию. Отец, Карл Метнер, состоял одним из директоров «Московской кружевной фабрики». Всю свою жизнь он не мог простить себе неудачный выбор карьеры, который лишил его возможности развивать свои культурные интересы, главным образом в области литературы. Мать Эмилия, Александра (урожденная Гедике), выросла в семье профессиональных музыкантов. Ее дед по материнской линии (Гебхард), приехав в Россию в начале 1800-х гг., работал в Немецком придворном театре в Петербурге. Отец ее был пианистом и учителем музыки, а сама она и ее мать — певицами. Ее брат Федор был пианистом и профессором Московской консерватории[1].

О детстве Метнера нам известно очень немногое, поскольку он весьма неохотно распространялся на эту тему. Его рано начали мучить страшные сны, которые достигли критической точки в возрасте восьми лет — после убийства в 1881 г. царя Александра II. В своих позднейших дневниковых записях он упоминает о том, что его терзал «мистический ужас»[2]. Незадолго до этого, в январе 1880 г., родился его брат Николай. (Между ними были еще два брата, Карл и Александр, и сестра Софья.) В раннем отрочестве он, по-видимому, испытал страстную нарциссическую влюбленность в Николая, который был любимцем семьи, проявив уже в самом нежном возрасте исключительный музыкальный талант. Младший брат, Владимир, родился в 1881 г.; судя по всему, он был болезненным ребенком.

Николай начал брать уроки игры на фортепьяно в возрасте шести лет. Брат Александр, бывший тремя годами старше его, уже умел играть на скрипке, и вскоре, без какого-либо специального обучения, Николай овладел и этим инструментом. Болезненной привязанности Эмилия Метнера к Николаю благоприятствовал в особенности тот факт, что, вопреки живому интересу и всеобщему поощрению, он сам не подавал никаких музыкальных надежд и так и не научился

играть ни на одном инструменте. Между тем, Николай и Александр, вместе со своим двоюродным братом Александром (сыном Федора Гедике, бывшего также учителем Николая по классу фортепьяно) уже играли на скрипке в пользовавшемся довольно широкой известностью детском оркестре. Примерно в это же время Николай начал проявлять интерес к сочинению музыки; он делал наброски своих первых проб на обрывках бумаги еще до того, как приобрел какие-либо познания в теории композиции.

Метнер учился к тому времени в московской Первой классической гимназии. По достижении юношеского возраста он начал страдать от все более и более мучительных симптомов псевдоменьеровой болезни в форме тошноты, головокружения и шума в ушах. Эти невротические проявления — особенно сказавшиеся на его слухе — были связаны, конечно же, с его отношением к музыке. Специалисты по ушным заболеваниям вскоре обнаружили, что его правое ухо (страдавшее больше всего) было здоровым, а симптомы обязаны своим происхождением «нервам»[3]. Его одержимость Николаем в этот период стала еще сильнее. Живя исключительно младшим братом, он дал волю сокровенным мечтам о своем высоком предназначении, компенсируя все нараставшее чувство фрустрации. Николай, судя по всему, был окружен той материнской любовью, которой так жаждал сам Метнер, и с ранних лет, отчасти вследствие этой деятельной заботы, в Николае развились пассивные черты. Вполне вероятно, что Метнер в этой ситуации отождествлял себя как со своей матерью-заступницей, так и с отцом. Карл Метнер, которого мучили неудачный выбор карьеры и нереализованные потребности заниматься художественной деятельностью, был нежен и чуток там, где Александра Метнер была резка и грубовата, и, по-видимому, он также возлагал свои надежды на вундеркинда. Кроме того, дарования Метнера, как и его отца имели скорее литературный, вербальный характер, в то время как именно музыка, благодаря условиям, которые создала мать, стала доминировать в жизни семьи.

Уже с этой поры Метнер стремился направлять и формировать своего младшего брата. Главной целью в жизни для него стал Николай, без возражений соглашавшийся с теми ролями, которые для них выбирал Эмилий. Метнер питал глубокий теоретический интерес к музыке, и по мере того как эрудиция его росла, он оказывал неоценимую помощь своему менее опытному брату. В то же время, болезнь Меньера, ночные кошмары и хроническая бессонница грозили его сокрушить. В школе он столь сильно ощущал на себе преследо-

вания со стороны эксцентричного и строгого педанта, учителя латыни Казимира Павликовского, что в возрасте семнадцати лет был вынужден перейти в другую классическую гимназию.

В 1891 г. самый младший брат, Владимир, умер. Два года спустя Метнер поступил на юридический факультет Московского университета. Он был в разладе с самим собой, не уверен в будущем, обеспокоен переживанием своей несостоятельности. Николай в это время начал занятия в средней школе; одновременно, в возрасте всего лишь двенадцати лет, ему удалось поступить в Московскую консерваторию, разумеется, не без помощи своего дяди, преподававшего ему игру на фортепьяно. Позднее Метнер утверждал, что принес себя в жертву, отказавшись от планов стать дирижером, ради того, чтобы Николай имел возможность учиться в консерватории. На самом деле это была ложь, один из многих обманов, которыми он жил, но тем не менее, не исключено, что он действительно делал попытки убедить родителей позволить Николаю в столь юном возрасте поступить в консерваторию. Вскоре идея неосуществленной карьеры дирижера стала центральной в его фантазиях о высоком предназначении. В дальнейшем, вместо того, чтобы самому стоять за дирижерским пультом, он считал своей миссией «дирижировать» музыкальной карьерой Николая, контролируя профессиональное развитие брата, благородно отказавшись от собственных художественных притязаний. Таким образом, его агрессивным мечтам о власти сопутствовало чувство собственной неполноценности.

В 1894 г. Николай уже играл на своем первом студенческом концерте. В следующем году Метнер обратился к поиску второго профессионального поприща — свободного музыкального критика. Такой выбор выглядел вполне естественным, поскольку его отношения с музыкой были, в конечном счете, словесно-теоретическими. В 1896 г. Николай начал трехлетнюю учебу в консерватории по классу фортепьяно. В том же году, воспользовавшись перерывом в занятиях, Метнер совершил путешествие в Вену, где часто бывал в опере и встретился с преуспевающим музыкальным критиком Эдвардом Гансликом (в доме которого он мельком видел Иоганнеса Брамса за несколько месяцев до смерти композитора). В течение этого периода мечта Метнера о профессии дирижера начинает ассоциироваться в его сознании с фигурой Артура Никиша, дирижера немецко-венгерского происхождения, чьи темпераментные и динамичные выступления на гастролях в России произвели на Эмилия неизгладимое впечатление. Во время одного из появлений Никиша в Москве в марте

1897 г., когда Метнер был представлен своему кумиру, он записал в своем дневнике: «Что ж, я просто-таки влюбился в Никиша»[4].

В середине 1890-х гг., средний брат, Карл, женился на Елене Братенши, девушке из принявшей православие еврейской семьи. Вскоре после этого Николай влюбился в сестру Елены, скрипачку Анну, которая была на три года его старше. Однако их родители воспротивились этим отношениям, которые вследствие этого постепенно сошли на нет. Тогда же на сцену выступил Метнер, проявив интерес одновременно как к Анне, так и к третьей сестре, Марии. Его дневник за 1897—1899 гг. содержит признания в любви, обращенные в основном к Анне.

В 1896—1897 гг. Николай сочинил свои первые серьезные композиции, так называемые «Stimmungsbilder*»[5]. По совету Метнера, в них были использованы мотивы поэзии Лермонтова, которая в то время особенно привлекала Метнера.

Во время подготовки к экзаменам весной 1899 г. у Метнера обострилась бессонница. Некоторое временное облегчение принесло лечение внушением у Николая Даля, доктора, имевшего репутацию лучшего гипнотизера в Москве. После получения диплома юриста Метнер служил в артиллерии: это «благотворно сказалось на моем физическом и духовном состоянии»[6]. Ему явно пришлась по душе строго регламентированная (и к тому же исключительно мужская) казарменная жизнь.

На рубеже 1899—1900 гг. Метнеру приснился незабываемый страшный сон, рассказать который он смог сперва только одному человеку, своему другу Алексею Петровскому, который был девятью годами младше его. То была битва двух змей, белой и черной. Черная змея, глаза которой были особенно пугающими, была повержена белой. Этот сон выражал чувство постоянной угрозы, исходившее из деструктивных сил его нарциссической личности, ту борьбу, которая непрерывно продолжалась в его душе[7].

Стоило только Метнеру попытаться рассказать этот страшный сон, как с ним случился приступ тошноты, похожий на тот, который вызывало у него чтение романов Достоевского. Попытавшись в начале века вновь обратиться к этому писателю, он почувствовал к нему инстинктивную ненависть[8]. Как он позднее отмечал, его одновременно и «восхищал», и «травмировал» Достоевский, писатель, который бросал вызов хаосу и заигрывал с ним, не будучи в состоянии окон-

* «Картины настроения» (*нем.*).

чательно ни «изгнать», ни «укротить» его. Увлеченность Метнера характерами Достоевского была настолько сильной, что повлекла за собой приступ «нервной астмы»[9].

Весной 1900 г. Николай окончил консерваторию, где учился у таких музыкантов, как Сергей Танеев, Антон Аренский и Василий Сафонов[10]. Осенью того же года он начал давать публичные концерты в России, исполняя по преимуществу сочинения Баха, Бетховена и Шопена. Мечту Метнера о художественной миссии брата подогревали надежды, которые он возлагал на новое столетие.

Между тем Метнер получил должность цензора. Его бессонница возвратилась, а очередной курс лечения гипнозом оказался неэффективным. Он старался убедить себя в том, что его работа временная и что он должен найти способ избавиться от нее. Он лелеял надежды на совместное будущее с Анной, которая значительную часть 1901 г. провела в Германии (и, стало быть, уже не была связана с Николаем). Когда к концу года она вернулась, Метнер сблизился с ней еще больше.

В бытность свою студентом Метнер посещал в Московском университете лекции по философии; теперь он весь сосредоточился на культе немецких философов и писателей, и прежде всего Гете, перед которым преклонялся и его отец. Прадед Метнера по материнской линии, Фридрих Гебхард, эмигрировавший из Германии, мог встречаться и переписываться с Гете; и, по-видимому, он, как человек, занимающийся разнообразной художественной деятельностью, считал его идеалом[11]. Метнер считал Гете универсальным человеком, который создал себя как свое собственное произведение искусства[12]. В его глазах жизнь и произведения Гете были одним нераздельным целым. И «Фауст», и «Вильгельм Мейстер», к которым Метнер проявлял особенный интерес, были делом всей жизни Гете, делом, отражающим путь их автора к сути вещей и к зрелости. В этом представлении, очевидно, не последнюю роль сыграло и отождествление Метнера с собственным прадедом, ибо последний был актером и, стало быть, коллегой Вильгельма Мейстера. Страдающий от чувства собственного бесплодия и творческой несостоятельности, Метнер смотрел на никогда не терявшего продуктивности Гете как на идеал личности, к которому он должен стремиться. Он также связывал Гете с Кантом, поскольку Гете ощущал в себе кантианский дуализм природы и духа, однако преуспел в его преодолении.

Метнеровское преклонение перед Гете было тесно связано с его отношением к Фридриху Ницше, единственному «истинно свобод-

ному» человеку, как он называл его в своем дневнике[13]. Он ощущал глубинное духовное родство с философом, только что открывшимся русской читающей публике. Ницше, особенно в «Так говорил Заратустра» (русский перевод — 1898 и 1899 г.), казалось, обращался прямо к нему, облекая в слова метнеровскую жажду власти, конкретизируя его собственную мечту о высоком предназначении, высказанную в пророчествах о надвигающейся новой культуре, духовной аристократии «белокурой бестии» и о сверхчеловеке. Музыкальность прозы Ницше отвечала его собственным попыткам самовыражения и соотносилась с танцующей походкой Заратустры; целостное ритмическое чувство тела, передаваемое Заратустрой, не могло не импонировать Метнеру с его нарциссически преувеличенным сознанием собственного тела.

На отношение Метнера к Гете и Ницше глубочайшим образом повлияла его увлеченность музыкой Рихарда Вагнера. Никишу, ранее игравшему под управлением Вагнера, русская публика была обязана своим знакомством с композитором в конце 1890-х гг. В новом оперном синтезе слов и музыки, явленном в «Gesamtkunstwerk»*, Вагнер продемонстрировал фундаментальное значение Мифа. Героическая древнегерманская сага о кольце нибелунгов была в это время, вероятно, и по-человечески близка Метнеру, поскольку своей апокалипсической атмосферой, воспринятой от Шопенгауэра, она перекликалась с его собственным внутренним ощущением катастрофы. Он хорошо знал и о том, что его прадед по материнской линии встречался с Вагнером и состоял с ним в переписке.

Вскоре у Метнера стали вызревать мысли о новых сообществах людей, которые высвободили бы невиданные до сей поры энергетические силы. Его жажда власти отныне направлена на мечты о новом коллективе, управляемом сильной, творческой личностью, подобной Периклу, чье ораторское искусство, на манер Заратустры, собирает хаотически разрозненные массы в однородный организм[14].

---

* Синтетическое (целостное) произведение искусства (*пер.*) — термин вагнеровской эстетики.

ВСТРЕЧА С БЕЛЫМ

Впервые Метнер встретился с Борисом Бугаевым в конце 1901 г.; тогда их коротко представил друг другу их общий приятель Петровский. Бугаев — взявший себе после литературного дебюта весной 1902 г. псевдоним Андрей Белый — так описывает в своих воспоминаниях это первое соприкосновение со своей «судьбой»:

«...вырос стройный, эластичный мужчина в карей широкополой шляпе, в зеленовато-сером пальто; бросились: узкая клинышком каштановая борода и лайково-красная перчатка, подымавшая палку, когда он остановился как вкопанный, точно внюхиваясь расширенными ноздрями тонкого носа и поражая загаром худого, дышавшего задором и упорством лица.

Вдруг лицо взорвалось блеском больших зубов с волчиным оскалом и вспыхом зеленых глаз, пронизавших насквозь, когда он, сорвав шляпу, ее уронил к тротуару, отвешивая четкий поклон и косясь исподлобья; длинные, жидкие, но кудрявые пряди волос с ранней лысины трепанул ветер; я увидел надутые височные жилы и линии костей черепа, сросшиеся буграми.

Глаза угасли: задержь, напоминающая оцепененье щетину поднявшего волка, готового к скачку вперед, и к легкому скоку от нас вглубь переулка. Петровский представил:

— Эмилий Карлович Метнер.

Настороженно вперились друг в друга; запомнилась поза Метнера: подозревающий задор, дразнимое любопытство, могущее стать и угрюмым молчаньем, и жестом детской доверчивости. Впоследствии мне казалось, что в миг первого столкновения на улице всплыл лейтмотив отношений, и бурных и сложных, где и пиры идей, и ярость взаимных нападок пестро сплетались до первого разговора, единственного, длившегося года в поединке взаимопроницания, признания, отрицания»[1].

Вскоре Метнер предпринял шаги к тому, чтобы узнать Бугаева лучше. Случай — задним числом он производит впечатление тщательно продуманного — представился в апреле 1902 г.: они вновь

увиделись на генеральной репетиции Симфонии до-мажор Шуберта под управлением Артура Никиша в Дворянском собрании в Москве. Никиш впервые привлек внимание Бугаева еще в 1901 г. И вот теперь Метнер перевел Бугаеву музыку на словесный уровень, объясняя различные тематические нити симфонии, как он это часто делал Николаю. Белый был потрясен. Его первое произведение — симфония в прозе, написанная в 1901 г., строилась на музыкальных принципах, разработанных отчасти посредством фортепьянных импровизаций. Он часто посещал концерты в Дворянском собрании. Комментарии Метнера вылились вскоре в культурно-философские толкования, изобиловавшие отсылками к Бетховену, Шуману, Новалису и в особенности к Ницше. Очевидно, что яркие жесты Метнера и свободный ассоциативный стиль выражения уже тогда должны были внушить Бугаеву мысль о том, что тот является чем-то вроде Заратустры, провозвестником новых истин, вынашивавшихся им до поры до времени в монашеском одиночестве. В своих воспоминаниях Белый указывает на метнеровскую интерпретацию человеческой культуры в духе симфонии; такой подход во многом был близок к его собственными поискам, которые у Метнера уже обрели словесную, конкретную форму. Бугаева, наблюдавшего за состоявшимся после генеральной репетиции разговором Метнера с Никишем, поразила мысль, что он видит перед собой двух дирижеров: один был «дирижером оркестра», а другой — «дирижером душ»[2].

Вскоре Белый опубликовал свое первое произведение, «Симфонию (2-ю, драматическую)». Метнер сразу же догадался, кто скрывается за псевдонимом «Андрей Белый». Симфония, ставшая предметом насмешек консервативно настроенных критиков из-за ее радикальной новизны формы и содержащихся в ней мистических пророчеств, произвела на него ошеломляющее впечатление; он искал молодого автора, чтобы поведать ему о своих чувствах. Этот лирический музыкальный эксперимент в прозе, с его ницшеанскими и соловьевскими предчувствиями новой духовной эры, которые были сатирически оттенены кошмарными видениями юных героев и надвигающимся на них душевным расстройством, напоминающим о расстройстве Ницше, — все это говорило языком самого Метнера и выражало дуализм его собственного бытия. Он узнал в нем себя; к тому же ему казалось, что он нашел заключительный аккорд освобождающей радости. Размахивая своей тростью, он «продирижировал» Белому симфонию, подчеркивая ее революционное значение[3]. Он безошибочно определил ее суть, коренившуюся в символике зари

и восходившую одновременно и к поэзии Владимира Соловьева, и к «Так говорил Заратустра». В Москве, над которой восходит заря нового века, герой симфонии стремится претворить в жизнь пророчество Апокалипсиса о «Жене, облеченной в солнце», согласно которому небесная Матерь Божья должна явить на свет Спасителя новой эпохи, символ воскресения «Мировой Души», предносившийся в видениях Соловьеву. В этом прослеживается и связь с Гете. В самом, наверное, знаменитом стихотворении Соловьева «Das Ewig-Weibliche» («Вечная Женственность») уже само название указывает на связь содержащихся в нем пророческих видений с картиной небесного единения Фауста с Вечной Женственностью в заключительных строках «Фауста»; это стихотворение Соловьева было написано всего лишь за три года до симфонии Белого. Помимо влияния Ницше и Гете, Метнер обнаружил в произведении Белого влияние Вагнера в том, что касалось техники лейтмотивов и в мифотворческого начала. Для Метнера была ясна его собственная миссия: еще больше приблизить Белого (как и Николая) к немецким образцам и способствовать его развитию под знаком Гете.

В своих воспоминаниях Белый утверждает, что обрел в своем старшем друге «зеркало»; что не вызывает сомнений, поскольку он сам страдал ярко выраженным нарциссизмом и крайней формой раздвоенности[4]. Теперь свой «синдром младшего брата» Метнер перенес на Белого, которому, стоит отметить, было столько же лет, сколько Николаю[5]. Белый, основным материалом для которого, как и для самого Метнера, являлось слово, был новым русским художником, которого надлежало направлять и воспитывать в прогерманском духе; в свою очередь сам Метнер, ощущая собственное творческое бесплодие, аналогичным образом доверялся таланту Белого и приносил себя в жертву ради его гения. Так Белый оказался втянут в его грандиозные честолюбивые замыслы — на тех же условиях, что и Николай. Все это становится еще более понятным, если учесть, что Белый нуждался в подобного рода отеческой заботе со стороны старшего брата, которого у него никогда не было, и на авторитет и руководство которого он мог бы рассчитывать в первый момент как своего личного успеха, так и успеха символизма в целом. Появление Метнера, таким образом, было как нельзя кстати; оно оказалось своевременным еще и потому, что Белый и сам серьезно занимался немецкой культурой и сознательно стремился к тому, чтобы приблизить свою прозу к музыке. Его понимание Канта, Бетховена и Вагнера было пока еще довольно смутным, и Метнер взялся заполнить

пробелы в его познаниях. Они дополняли друг друга в своих стремлениях, и это обеспечивало почву для развития их необычной творческой дружбы.

У Белого была собственная мессианская культурная задача; она сатирически отразилась в наполненной символами ткани его симфонии. Придерживаясь эстетики Соловьева (умершего, как и Ницше, летом 1900 г.), он видел себя в роли теурга женственной «Мировой Души» (Софии) — в роли современного Христа с чертами белокурого сверхчеловека[6]. Он сознательно пытался сплавить в одно целое искусство и жизнь. Позднее в своем частично все еще не опубликованном труде «Материал к биографии (интимный)» он характеризовал свое первое сочинение как «почти протокольную запись» грандиозной внутренней симфонии, пережитой им в 1901 г.[7]. Метнер, разумеется, истолковывал симфонию со своей точки зрения, и это толкование только укрепилось, когда он узнал ее биографическую подоплеку. Белый поведал ему о мистическом ощущении перелома, связанном с вечерними и утренними зорями и достигшем кульминации весной 1901 г., когда он ожидал воплощения «Мировой Души» в Маргариту Морозову, которую издали видел на концертах в Москве (и которую можно узнать в объекте поклонения его литературного героя). Метнер окрестил 1901 год «годом зари»[8]. Очень быстро он и Белый обнаружили поразительное сходство в своих биографиях: обоих в детстве мучили ночные кошмары, обоих преследовал один и тот же школьный учитель Павликовский (каждого в соответствующей гимназии), оба были болезненно амбивалентны в отношении Достоевского[9]. Метнер тогда уже вынашивал идею о связи между индивидуальностью и родом, между «драконами» детских ночных кошмаров и доисторическим опытом, хранящимся в коллективной памяти человечества[10]. И его, и Белого одинаково занимали вопросы, концентрировавшиеся вокруг душевной болезни и помешательства Ницше; Метнер собирал материал для задуманной им биографии философа.

Вскоре Метнер организовал встречу Белого с Николаем. В течение ранней весны Белый был чуть ли не ежедневным гостем в доме Метнеров, где общался со многими молодыми представителями московских музыкальных кругов. В дневниковых записях этого периода, свидетельствующих о его раннем интересе к краниологии, френологии и физиогномике, Метнер характеризует Белого следующим образом:

«Бугаев — высокий тонкий 21-летний студент. Голова его пост-

роена очень хорошо; она свидетельствует о способности этого колоссального ума со временем уравновеситься, стать «белым»; голова эта, в которой затылок и лоб поражают взятые в отдельности, но гармонируют вместе, есть голова оптимиста, жизнерадостного олимпийца, поэта и философа в одно время. Мистицизм просвечивается лишь в глазах, в которых есть что-то волчье, хаотичное и нестерпимо сильное. Фигура — стройная, хотя недостаточно гибкая; движения порывисты и не лишены дикой грации. Бугаев — это для меня пробный камень русского человека. Если из него не выйдет чего-нибудь очень значительного, чего-нибудь более крупных размеров, нежели Влад. Соловьев, то я ставлю крест способностям русского человека. Так сильно, как он, никто из русских, кроме Пушкина и Лермонтова, не начинал. Его "Симфония" — гениальна»[11].

Итак, описывая свои первые впечатления, Белый и Метнер оба подчеркивают друг в друге волчьи черты.

Теперь Метнер подчеркивал близость между своим братом и Белым, причем на первый план выступал отнюдь не только тот факт, что Соната фа-минор, над которой работал Николай, должна была во второй своей теме передать ту же «ноту зари», что лежала в основе прозаической симфонии Белого[12]. У Белого с Николаем, безусловно, было много общего, и они это сами, видимо, сразу осознали[13]. Временами Белый сомневался, не следовало ли ему стать композитором, а не поэтом. Даже спустя несколько лет ему однажды пришла в голову мысль, что, возможно, он был «не осознавшим себя композитором»[14]. Николай, со своей стороны, страстно любил русскую поэзию и намеревался с помощью своего брата продолжать переложения своих любимых стихов на музыку. В формальном эстетическом отношении эти два художника отличались друг от друга: Белый был экспериментатором-авангардистом, тогда как Николай в своих опытах с осторожностью расширял и обновлял контрапункт и ритм (главным образом в рамках сонатной формы). В то же время все это, разумеется, свидетельствует о том, что оба работали с родственными симфоническими структурами, каждый в соответствующей области искусства. Своими формальными отличиями они были обязаны разнице темпераментов: и в том и в другом было что-то дионисийское, однако Николай был относительно более сдержан, чем капризный и изменчивый Белый. В известной степени они отражали дуализм Метнера, коль скоро — несмотря на то, что он воспринял классический эстетический идеал и предпочитал читать таких консервативных в художественном и политическом отношении русских писателей, как

Константин Леонтьев и Василий Розанов, — его тоже неудержимо притягивали к себе радикальные новации, принесенные временем. Свою миссию он видел в том, чтобы обуздать модернистские экстравагантности Белого, придав контуры и истинное содержание его подлинно русскому мистицизму. Обращая внимание Белого на цепочки прилагательных, образующие лейтмотив его симфонии, он заявлял, что этим туманным и «бесполым» символическим словам недостает существительного, чтобы облечь их в плоть[15]. Короче говоря, надежды, возлагавшиеся им на будущее, как раз и сводились к тому, что он — при посредстве немецкой культуры — сможет дать Белому такое существительное.

Осенью 1902 г. Метнер решил жениться на Анне Братенши. К тому времени он уже принял предложенную ему должность цензора в Нижнем Новгороде. Он хотел полностью порвать с московской жизнью, причинявшей ему столько тревог и беспокойств. Белому он признался, что ощущает себя Wälsung'ом (Вельзунгом), что в нем живет та же самая тайная любовь к гибели, что пронизывает вагнеровское «Кольцо нибелунгов»; что он словно «выпил солнца», и теперь этот главный в его жизни символ грозит превратиться в яд, который будет медленно его убивать[16]. Пропала жизнь, — не жизнь, а сплошная неудача длиной в тридцать лет, ибо гению дирижера в нем так и не дано было развиться. Переезд с Анной в Нижний Новгород был отчаянной попыткой изменить заведенный порядок и избавиться от депрессии. В действительности же Метнер мечтал уже о другом, более значимом путешествии, которое, уверял он сам себя, скоро должно стать реальностью: об эмиграции в Германию. Символично, что Белый и Николай были приглашены быть шаферами на его свадьбе, состоявшейся в ноябре. Белый, хотя и обескураженный отъездом Метнера, обратил его в нечто плодотворное, начав с ним переписку, которая стала лирическим дневником, личной исповедью и хроникой становления московского символизма[17]. Почти одновременно с этим Белый начал переписываться со своим современником из Петербурга Александром Блоком, который двигался тем же путем, что и он, исходя из соловьевского культа Софии.

Метнер поддерживал оживленную переписку также со своим братом, продолжая осуществлять философское и литературное руководство и получая взамен уроки гармонии, оказавшиеся полезными для его собственных упражнений на фортепьяно. В декабре 1902 г. Николай исполнил Концерт до-минор Чайковского в Московской консерватории под управлением Артура Никиша, который стал вклю-

чать в свой гастрольный репертуар все больше и больше русской музыки.

Брак Метнера на ранней стадии был, по-видимому, отмечен физическим отчуждением и душевными переживаниями. Уже в феврале 1903 г. в письме к Белому он вспоминает свой сон со змеями в связи с двойственностью, которую находил в «соловьевских» стихотворениях Блока, недавно присланных ему Белым[18]. В письмах и первых статьях в екатеринославской газете «Приднепровский край», обращаясь к музыке и к новинкам символистской литературы, он не устает предупреждать об опасности эротического мистицизма и оргиастических тенденций, очевидно имевших какое-то отношение к его семейным проблемам[19]. Вскоре Белый присылает ему свою только что завершенную третью симфонию в прозе, под ницшеанским названием «Возврат». Ее герой — молодой московский студент, живущий одновременно в тривиальной повседневной реальности, со своей скучной женой, и в снах и видениях. Его трагедия, заканчивающаяся в итоге сумасшедшим домом, включает в себя переживание доисторической реальности. Враги, которые мучат его в Москве начала века, возникают в его видениях в облике рептилий и монстров, нападающих на него — дитя вселенской гармонии — из далекого прошлого. На симфонию несомненно повлияла идея Метнера о том, что личность «помнит» происхождение видов. Вместе с тем, два плана в этом произведении отражают реакцию Белого на личную трагедию Ницше. В своей переписке с Метнером он обсуждал душевную болезнь Ницше, расценивая его смерть, равно как и смерть своего героя, как акт свободы, переход в иное измерение[20]. Метнер в то время сам читал собрание сочинений Ницше в оригинале.

Отец Белого, профессор математики Николай Бугаев, умер в июне 1903 г. По поводу кончины отца Белый написал стихотворение «Старинный друг», которое он посвятил Метнеру, заменившему Белому отца. В этом стихотворении лирический герой пробуждается из мертвых. Отверзается крышка гроба, и он видит над собой теплую улыбку своего «старинного друга»: они вместе путешествовали сквозь тысячелетия, и теперь им дано испытать возрождение и воскрешение[21]. В начале осени Белый напечатал в петербургском журнале Дмитрия Мережковского «Новый Путь» свою незадолго до того написанную статью «О теургии». Она содержит обширный комментарий к «Stimmungsbilder» Николая, касающийся теургического элемента в музыке[22], однако изначально статья задумывалась как манифест «Аргонавтов», кружка символистов, сформировавшегося вок-

руг Белого этой осенью. Это название было предложено близким другом Белого Львом Кобылинским (Эллисом) и было связано с греческим мифом о мореплавателях, отправившихся к Черному морю за золотым руном. Для Белого эта символика, разработанная им в программном стихотворении, посвященном Метнеру[23], была тесно связана с загадочным концом Ницше; золотое руно ассоциировалось у Белого с солярными символами, содержащимися в «Так говорил Заратустра»[24]. Таким образом, мечты Метнера о новой человеческой общности обретали конкретную реальность.

Той же осенью Метнер завязал знакомство с Анной Шмидт, жившей в Нижнем Новгороде. В своих трактатах она заявляла о себе как о воплощении «Мировой Души»; ее мистические настроения в откровенно окарикатуренном виде нашли свое отражение во второй симфонии Белого. Метнер познакомился с ней через Андрея Мельникова, своего нижегородского приятеля. Этот местный краевед был сыном Павла Мельникова, известного в конце девятнадцатого века своими литературными описаниями религиозных сект, печатавшимися под псевдонимом Андрей Печерский. Незадолго до нового года в «Приднепровском крае» была опубликована рецензия Метнера на вторую симфонию Белого — вероятно, то был первый по-настоящему глубокий анализ этого произведения, появившийся в русской прессе[25].

Вскоре Николай обосновался на какое-то время в Нижнем Новгороде у Метнеров, и его отношения с Анной возобновились. Вдохновленный своим братом, которого завораживала дионисийская символика метели, он положил на музыку пушкинское стихотворение «Зимний вечер» и работал над музыкой к стихотворениям Гете[26]. А Метнер тем временем возводил все более и более неприступные интеллектуальные твердыни, защищаясь от собственного чувства фрустрации. Он убедил себя — и это стало его второй житейской ложью, — в том, что в нем, потомке эмигрантов, на самом деле течет древнегерманская кровь: «Да, я немец», — писал он Петровскому в феврале[27]. Исполнялась его мечта о высоком предназначении. Германия, говорил он себе, призвана достичь духовной гегемонии. Россия (синоним темных сил в нем самом) представляет собой незрелую стадию культуры, нуждающуюся в немецкой дисциплине. В своей дневниковой записи он говорит об усталости, вызванной «половой пресыщенностью». В то же время он утверждает, что «великое освобождение, деюдаизация, германизация» его мышления развивается быстро и что он обладает истинно арийским пониманием пер-

вородного греха: «деюдаизированное» мышление означает «освобождение» от того, чем было для него переплетение начал иудаизма и пола[28].

Позднее Метнер настаивал, что расовый вопрос занимал его «с детства»[29]. Антисемитизм, развившийся в нем в Нижнем Новгороде, имел идеологические корни в традиции русской консервативной мысли, приверженцем которой он был. Он вырос в атмосфере активной политики государственного антисемитизма, проводившейся в восьмидесятых и девяностых годах. И тогда, в 1903 г., эта политика принесла свои плоды в виде жестоких погромов; петербургский журнал напечатал предварительную версию «Протоколов сионских мудрецов», — фальшивки, претендующей на раскрытие деталей мифического международного еврейского заговора, организованного с целью установления господства над миром[30]. Чтение немецких авторов укрепляло его расизм: антисемитские выпады имелись, в особенности, у Вагнера, в поздних полемических статьях которого ненависть к евреям является неотъемлемой частью идеи германского ренессанса. В то время у Метнера, по-видимому, появилась тенденция проецировать на евреев свои собственные инстинкты, перенося на них скрытые агрессивные и либидинозные импульсы. Эта специфическая сексуальная фиксация, по всей видимости, рано привела к тому, что иудейство и женственность в его восприятии соединились. Анна и Мария были лишь первыми из числа тех евреек, к которым он испытывал крайне двойственное влечение. Роль одного из возможных и немаловажных факторов здесь мог сыграть и циркулировавший среди Метнеров слух о семитских элементах в семейном прошлом[31]. Антисемитизм Вагнера также отчасти объяснялся подозрением о собственных еврейских корнях.

Необходимость аскетизма и связь между эротизмом и новой духовностью — таковы центральные темы переписки Метнера с Белым в 1903 г. Белый и его семнадцатилетний друг Сергей Соловьев, племянник философа и троюродный брат Александра Блока, много дискутировали по поводу женитьбы Блока в августе того же года на Любови Менделеевой, земной ипостаси его поэтического культа Софии. Их интересовало главным образом соотношение между духовностью и эросом. На протяжении осени Белый ухаживал за Ниной Петровской, участницей кружка «аргонавтов», с твердым намерением пережить с ней «мистерию жизни». В конечном итоге он оказался втянут в сексуальную связь, ставшую причиной смятения и серьезного срыва, а затем и добровольно наложенной на себя епити-

мьи. На Страстной неделе он решился «бежать» за помощью к Метнеру в Нижний Новгород. Переживавший собственные семейные неурядицы, Метнер явно считал себя прекрасно подготовленным к подобной задаче[32]. Теперь он «лечил» Белого на примере Гете, вслух зачитывая отрывки из его книг и проводя параллели между переживаниями Белого и молодых романтиков. Он убеждал Белого осознать опасную близость с Новалисом, братьями Шлегелями и Людвигом Тиком и описывал, как Гете справился с собой, «выбросив Вертера из своей жизни» и «подмяв свою тень»[34]. Синдрому романтизма он противопоставлял эпистемологические категории Канта, настоятельно советуя Белому, вооружившись кантианством, идти путем Гете[35]. Метнер разнообразил их беседы посещениями Андрея Мельникова: опираясь на доскональные познания, воспринятые от отца, Мельников рассказывал Белому о местной хлыстовской секте. Сопоставляя оргиастические радения хлыстов и опасные тенденции, которые он ощутил в религиозных стихах Блока, Метнер указывал на «Сказку» (объект мистического поклонения во второй симфонии, отождествляемый с Маргаритой Морозовой) как на истинный образец для Белого в его стремлении к Женственности[36].

Николай прибыл с визитом сразу после Белого. Ему только что удалось договориться с Александром Скрябиным (который несколько лет провел за границей) о том, что тот будет давать Морозовой уроки игры на фортепьяно. Скрябин, наряду с Сергеем Рахманиновым, был самым признанным из композиторов молодого поколения. Получая от Морозовой финансовую поддержку, он был также и ее близким другом. Морозова была представительницей одной из самых богатых купеческих семей в Москве (Мамонтовых) и вышла замуж за представителя другой, не менее состоятельной семьи. Овдовев, она взяла на себя роль покровителя русских искусств, которую до того выполнял ее муж. Метнер во всех отношениях одобрял близость к ней своего брата, прекрасно отдавая себе отчет в возможном значении этого для его будущей карьеры. Между тем, Николай и Анна становятся любовниками. Метнер поверяет своему дневнику мысль, что он чувствует себя в буквальном смысле потесненным у рояля своим братом[37]. Он начинает планировать для всех троих поездку в Германию, которая облегчила бы затруднительное положение и ввела бы Николая в немецкую музыкальную жизнь. Положение стало еще более гнетущим, когда Анна обнаружила, что беременна. Общественный скандал казался неминуем, ведь она собиралась родить ребенка не от мужа, а от деверя. Она не видела никакого выхода из такой

позорной ситуации. В ноябре 1904 г. еще ни о чем не подозревавший Николай исполнил в Москве свою Сонату фа-минор, посвятив ее, с чувством благодарности и неоплатного долга, своему брату.

Вскоре после этого трио покинуло Россию. Они остановились сначала у немецких родственников в Дрездене, где Вагнер некогда был дирижером в придворном театре и где значительный период времени провел Гете. Николай дал концерт в Берлине, исполнив Сонату фа-минор и «Stimmungsbilder». Реакция критиков была по большей части отрицательной. Метнер с Анной отправился в Веймар, который он считал своей духовной родиной. Из Тюрингии приехала семья Гебхардов. Гете провел в Веймаре последние сорок лет своей жизни; Ницше родился в Тюрингии и последние годы прожил в Веймаре, где во время гастрольных поездок бывал и Вагнер. Состояние Анны ухудшилось, и вскоре ее отправили в госпиталь с острыми маточными болями. 2 января 1905 г. она родила мертвого ребенка. В тот же день Метнер сообщил Николаю о ее беременности и о том, что случилось. Он предлагал брату незамедлительно ехать в Веймар и, по аналогии со своей собственной болезнью Меньера, советовал ему попытаться пройти в госпиталь — как русскому музыканту, страдающему болезнью уха. Есть все основания полагать, что рождение мертвого ребенка было вызвано страхом Анны и ее нежеланием становиться матерью. Отныне их еще теснее объединяли боль и чувство вины. Никто, даже родители, не были посвящены в их тайну. Видимо, Анна не была готова отказаться от кого-либо из двух своих мужчин. Ей нужны были оба, поскольку они дополняли друг друга и, связанные вместе столь тесными узами, составляли по существу своего рода единую личность.

И тем не менее Метнер писал в своем письме Николаю, что хочет освободиться, выйти из «тюрьмы», в которой он был заперт в Нижнем Новгороде[39]. Он посетил музей Гете, архив Гете и Шиллера и архив Ницше, размещенный в том самом доме, где за душевнобольным философом ухаживала его сестра. Он познакомился с этой женщиной, Элизабет Фёрстер-Ницше, хранившей архив и недавно опубликовавшей второй, заключительный том биографии брата[40]. Также он встретился с другом Ницше, композитором Петером Гастом (Генрихом Кёзелицем), работавшим в архиве; к последнему он, естественно, ощутил особую духовную близость[41]. У Метнера имелись серьезные причины для установления этих контактов. Он стремился постичь загадку Ницше и мечтал об издании в Москве журнала, который стал бы плацдармом для Белого и в то же время служил

мостом между немецкой и русской культурой, еще теснее связывая русский символизм с немецкой мыслью. Посредством этого он надеялся вернуть себе роль дирижера.

Метнер возвратился в Россию вместе с Николаем и Анной в самый разгар резких политических перемен. Почти в тот самый момент, когда они пересекали границу, в Петербурге произошло «Кровавое воскресенье». Россия стояла на пороге своей первой революции. Андрей Белый был в Петербурге, и его личная драма переплелась в его глазах с драмой всей нации. Он влюбился в жену Блока в ту пору, когда Блок больше уже не мог ни преклоняться перед ней как воплощением «Мировой Души», ни играть роль ее супруга. Тайные надежды Белого на принятие от Блока его культовой роли сочетались в нем с общей русской мечтой о революции. Положение Белого в семье Блока — где источником его фантазий служили узы «братства» и идентификация с Блоком и где объект его поклонения различными способами давал понять, что отвечает ему взаимностью — начинало напоминать место, занимаемое Николаем в жизни Метнера и Анны. Весной 1905 г. Белый наконец лично познакомился с Маргаритой Морозовой, изначальным объектом своего культа. В салоне Морозовой, в новой революционной атмосфере, встречались художники и политики, представители теперь уже признанного молодого поколения символистов и академическая интеллигенция старшего поколения. В это же самое время, под управлением Никиша и на деньги Морозовой, в Париже исполнялась «Poème divine», окрашенная в мистические тона третья симфония Скрябина. В Нижнем Новгороде Метнер ощущал все более растущее отвращение к своей работе на службе у царского правительства. Николай регулярно его посещал, любовная связь с невесткой продолжалась.

В августе, когда революционные события в России приближались к высшей точке. Метнер писал своей матери, что готов «послать к черту» любого, кто посоветует ему быть благоразумным[42]. Он уже обдумывал планы новой и более продолжительной поездки в Германию — с тем, чтобы порвать с Нижним Новгородом и предоставить брату возможность писать музыку в немецком окружении, дав ему возможность строить свою карьеру на немецкой почве. Он хотел также, чтобы и Белый полнее слился с немецкой культурой. Жизнь Метнера с Анной становилась все более и более невыносимой; в более позднем письме к ней он вспоминает «мои гневные эксцессы, ваши слезы, безумный взгляд, эти грозы, разряжение которых не давало облегчения»[43]. На протяжении той осени и зимы Анна несколько раз

под различными предлогами сбегала в Москву. Ее (менее сложная душевно) сестра Мария приехала к Метнеру вести домашнее хозяйство; он по-прежнему испытывал к ней определенное влечение. В начале 1906 г. он прочел письма Сёрена Кьеркегора к Регине Ольсен (приобретенные им в Германии вскоре после их публикации) и сильнейшим образом идентифицировал себя с ним[44]. В письме к Анне он проводил параллели между Кьеркегором и его датским соотечественником Гамлетом[45]. Их нерешительность напоминала ему его собственную, ведь они точно так же были вынуждены отвергнуть женщин, к которым питали самые сильные чувства. Он говорил, что Кьеркегор в мрачном и гневном настроении мог приказать Регине покинуть его, и добавлял: «Не правда ли, знакомая тема!?»[46]. Он писал, что Кьеркегор, знавший, что должен порвать со своей возлюбленной, делал вид, что она наскучила ему, толкая ее тем самым под венец с другим, и комментировал: «Возможно, что кроме опасения сделать ее несчастною, у него была мистическая мысль о необходимости *принести в жертву* самое дорогое в жизни». Он приводил слова Кьеркегора о том, что его отношения с Региной развивались в ином, неэротическом плане, и у Метнера вырывалось восклицание: «*Как* глубоко, до дна души *Я* понимаю это превращение любовного в ужасное»[47].

В феврале 1906 г., после вспыхнувшей революции и ее кровавого подавления, Метнер отказался от занимаемой государственной должности. По иронии судьбы, это случилось, видимо, почти в тот самый момент, когда ему был пожалован чин титулярного советника. Впрочем, он уже был приглашен возглавить отдел музыкальной критики в недавно основанном символистском журнале «Золотое руно», который финансировал миллионер Николай Рябушинский. Он пишет в своем дневнике об «окончательном расстройстве нервной системы» в это время, и о сопутствовавшем неумолимом осознании того, что «мы с Колей составляем одно неразрывное целое». Он отмечает, что понимает теперь, что его брак и должность цензора были всего лишь «отсрочкой» «*настоящей* жизни и *настоящей* деятельности»[48]. Николай, сочувствуя ему и сознавая собственную вину, заявлял в письме: «Я пережил все твои ужасы, и понимаю тебя, как ни один человек в мире»[49].

НОВАЯ СТЕЗЯ

В марте 1906 г. Метнер и Анна перебрались к его родителям и Николаю в Москву. Как и Белый, Метнер начал писать под псевдонимом, и именно Белый избрал для него псевдоним: «Вольфинг» («волчонок»), имя, которым называет себя Зигмунд в «Валькирии», второй части тетралогии Вагнера. Зигмунд, преследуемый и лишенный матери Вельзунг, стремясь к обретению истоков, берет имя сына Волка (Wolf). В конце концов он находит свою потерянную сестру Зиглинду, которая производит на свет их героического сына Зигфрида. Белый считал этот псевдоним просто созданным для Метнера[1]. Метнер прекрасно сознавал, что внутри него живет избранный и вместе с тем обреченный Вельзунг, да и Белый с самого начала уловил в его облике нечто волчье. Позднее Метнер отмечал, что маска — которую он, что знаменательно, называл «забралом Зигфрида» — была ему так важна потому, что давала свободу, смелость и силу в битве, а кроме того — была «коллективной» в том смысле, что оставляла возможность и для становившихся все более утонченными музыкальных идей Николая[2].

Очевидная стратегия Метнера с самого начала заключалась в попытке нейтрализовать и подчинить двух главных соперников Николая, Рахманинова и Скрябина. В январском номере за 1906 г., с которого началось издание «Золотого руна», Вольфинг писал об операх Рахманинова «Скупой рыцарь» и «Франческа да Римини», премьера которых только что состоялась в Большом театре в Москве под управлением самого композитора, недавно назначенного на место дирижера. Двойная роль ставшего уже международной знаменитостью Рахманинова была особенно горькой пилюлей для Метнера, объявлявшего его весьма прилежным, но лишенным воображения композитором. Этот «избалованный маэстро, слишком рано ставший маститым», продолжает он, выдвинулся благодаря своим операм[3]. Одновременно Метнер предложил Скрябину дать в «Золотое руно» статьи по музыкальной теории, однако получил отказ[4]. В апрельском номере наступательный тон подхватил Белый, чей об-

зор композиций Николая на стихи Гете в значительной степени был отголоском метнеровских суждений. Проводя сопоставления, Белый заявлял, что Рахманинов оригинален, но лишен глубины, а Скрябин, — хотя он, как и Николай, и «несет новое слово», — все же чересчур сложен и ему не хватает гениальной простоты последнего[5]. Это сочетание простоты и технической изощренности объединяет Николая Метнера с великими немецкими гениями — Бетховеном, Шуманом и Вагнером. Его музыка обещает неугасимую зарю жизни, радость новой эпохи. Белый здесь почти повторяет метнеровскую интерпретацию его же собственной «2-й, драматической симфонии». Он подчеркивает, что Николай обнажил ницшевский демонизм, скрытый в стихотворениях Гете, и вынес на поверхность их магическую глубину.

Метнер в то время стал встречаться с товарищами Белого по кружку «аргонавтов», в том числе с Эллисом. Правда, пребывание в родительском доме в Москве обернулось для него новым обострением кризиса, и его болезнь Меньера усилилась. В начале июня он уже не мог более терпеть и уехал за границу, чтобы пройти курс санаторного лечения в Штирии (Австрия). Это повлекло за собой передачу полномочий редактора музыкального отдела «Золотого руна» композитору Арсению Корещенко, другу его юности. Взамен он собирался посылать в журнал отчеты о музыкальной жизни в Германии. Таким образом его планы длительного пребывания в Германии прояснились; они концентрировались вокруг журнала и, возможно, издательского предприятия, с помощью которых, как он надеялся, ему удастся послужить как Белому, так и русскому символизму в целом, направляя их на верную стезю. Одна из обитательниц санатория в Граце — по иронии судьбы еврейка — познакомила его тем летом с опубликованным в Берлине за год до этого «Арийским миросозерцанием» («Arische Weltanschauung») Хьюстона Стюарта Чемберлена, идея гегемонии Германии и воинствующий антисемитизм которого прекрасно отвечали насущным компенсаторным потребностям Метнера. Он писал Анне, что эта книга «высказывает о расе, семитах, арийцах и, в частности, о германцах мнение (обоснованное глубоким исследованием), буквально тождественное с моим, основанным на внутреннем чутье и незначительных наблюдениях. Некоторые абзацы — точно мною написаны»[6].

Между тем отношения Белого с Блоками дали трещину, и худшие опасения Метнера по поводу его увлечения Любовью Дмитриевной Блок подтвердились. Планы Белого переехать в Петербург и

соединиться в мистическую триаду рухнули спустя несколько месяцев после подавления революции, когда Любовь Дмитриевна, постепенно и с большими колебаниями, но в итоге все же решила отвергнуть домогательства самозванца. Драма завершилась тем, что Белый последовал давнему совету Метнера и отправился в Мюнхен. Тем временем трагедия потрясла семью Братенши. Брат Анны Андрей, изучавший философию в Московском университете, покончил с собой, перед этим убив замужнюю женщину, с которой его связывали запутанные отношения. Для Метнера это был страшный удар, особенно в свете его собственной ситуации. К тому же он мог с легкостью отождествить Андрея Братенши с Андреем Белым, так как последний открылся ему, признавшись, что переменчивое поведение Любови Дмитриевны не раз приводило его к мыслям об убийстве и самоубийстве[7]. Проведя два месяца в Москве, Метнер, измученный так, как если бы он страдал от «нервной горячки», уехал наконец в Мюнхен, куда и прибыл в декабре сразу же после отъезда Белого[8].

В Германии, между тем, получили широкую известность эксперименты с контрапунктом молодого композитора Макса Регера. Конкурент Метнера критик Вячеслав Каратыгин ранее уже приглашал Регера в Петербург, где его концерты прошли с заметным успехом; он также опубликовал в «Золотом руне» статью о нем, где характеризовал его как революционного гения и достойного преемника Баха, Бетховена и Вагнера[9]. Для Метнера этот композитор-модернист представлял тем более серьезную угрозу, что, при своей чрезвычайной плодовитости, он был еще и дирижером. В январе 1907 г. Метнер вместе с Николаем посетил в Мюнхене концерт, составленный из сочинений Регера, и отозвался на него страстной отповедью в статье «Sixtus Beckmesser Redivivus», первой в серии обзоров, посылаемых им в «Золотое руно» из Германии. В ней он определяет «нового Баха» как фальшивого и легковесного[10]. Знаменитая техника модуляции Регера, продолжает он, развивает лишь слабейшие стороны вагнеровского стиля. Он разрушил сонатную форму; его контрапункту недостает мелодического и ритмического ядра. Его дилетантские, полузаконченные вещи чудовищным образом напоминают шумные рулады Сикстуса Бекмессера из вагнеровских «Нюрнбергских мейстерзингеров». Бекмессер производит смехотворное впечатление на состязании певцов, где он проигрывает Гансу Саксу, чье профессиональное мастерство противопоставлено интриганству и жульничеству Бекмессера. Ганс Сакс представляет собой истинно германский тип, тогда как Бекмессер, призванный внушить мысль о

«враге» Вагнера, еврейском музыкальном критике Ганслике, — это латентно антисемитский образ. Статья Метнера задает тон для всех последующих обзоров, в которых нападки на поверхностность немецкой музыкальной жизни будут приобретать все более и более расистский характер.

В феврале Метнер вместе с Николаем слушал новую оперу Рихарда Штрауса «Саломея», вызвавшую у него еще более неистовую реакцию. Штраус был еще одним фаворитом Каратыгина. Он был чрезвычайно продуктивен и пользовался уже широким признанием и как представитель новой музыки, и как дирижер (он возглавлял Берлинскую Королевскую оперу, управляя лучшим, по мнению Метнера, оркестром в мире). Штраус положил на музыку «Так говорил Заратустра», его сочинениями дирижировал Никиш. И вот теперь свою любовь к чувственным и драматическим эффектам он перенес на «Саломею» Оскара Уайльда, которая во многом была близка Метнеру с его женоненавистничеством. Уже сама тема могла, возможно, напомнить Метнеру трагедию брата его жены: Саломея приказала принести ей голову Иоанна на блюде, после чего Ирод распорядился убить ее. Метнеру потребовалось время, чтобы привести в порядок обрушившиеся на него впечатления от оперы. В апрельском номере «Золотого руна» вышла его статья «Калиостро в музыке», в которой он клеймит Штрауса как музыкального проходимца, — почти в тех же словах, как ранее Регера, несмотря на все стилистические различия между ними. По его словам Штраус, как и Регер, демонстрирует бессилие и отсутствие таланта — и как композитор, и как дирижер. Его намерения вдвойне разрушительны: Метнер слушал, как он дирижировал произведениями Вагнера, и вынес впечатление, что он умышленно старается ослабить воздействие музыки. Он — шут, обманщик, обыватель, пытающийся выдать себя за Заратустру. Его слащавые мелодии и банальность выдают влияние Мендельсона и Мейербера (двух евреев, чей успех содействовал пробуждению антисемитизма у Вагнера). Подчеркнуто романтический стиль «Саломеи» выражает в конечном счете лишь «откровеннейшее издевательство ловкого фокусника»[11].

Обличениями Метнера в «Золотом руне» движет зависть к неуклонно растущей популярности Штрауса и Регера, лишь подчеркивавшей тот факт, что его брат все еще не был признан немецкими критиками. Не составляет большого труда понять, что его полемические выпады на самом деле являются проекцией его собственных комплексов на своих антагонистов. Метнер обвиняет Штрауса и Ре-

гера в том самом чувстве бессилия и распада, которое носит в себе самом.

Параллельно с Метнером, Белый в журнале «Весы» развязал собственную яростную полемику с литературным Петербургом, нацеленную в конечном счете на его соперника Блока. Символизм вошел к этому времени в свою вторую фазу, в которой (одновременно с углублением политической реакции) религиозные чаяния рубежа веков вырождались в декаданс и псевдомистицизм. Блок сам в значительной степени подтверждал подозрения Метнера, низводя в своей поэзии космическое начало женственности до образа петербургской уличной девки. Белый (подстрекаемый прежде всего Эллисом и при поддержке главного редактора «Весов» Валерия Брюсова) направил свой удар против так называемых мистических анархистов; его полемическая манера походила на ту, которую использовал Метнер против Штрауса и Регера. В своих филиппиках Белый заявлял, что мистические анархисты — возомнившие о себе ничтожества, творческие импотенты. Еще более, чем Метнер, склонный к параноидальным идеям, он усматривал адский петербургский заговор против символизма, подчинение хаосу, в духе самых мрачных сцен из романов Достоевского. Реагируя на крах своей «мистерии», он уводил теперь идею символизма от теургии Соловьева в сторону неокантианской эпистемологии, все более и более окружая себя умозрительными кантианскими абстракциями, служившими ему опорой для нападок на отступников. И в этом случае, как и в случае с Метнером, полемический пафос был в значительной степени обусловлен механизмом проекции. Белый ниспровергал петербургских декадентов за превращение религиозной мистерии в эротический эксперимент, то есть как раз за то, что сам он проделывал в своих отношениях с Любовью Дмитриевной Блок. Он бичевал их за идеологический распад, который по существу был его собственным.

Крестовый поход, объявленный Белым, подогревали давнишние предостережения и проповеди Метнера[12]. В то же время, однако, закоснелое кантианство привело Белого к нападкам и на некоторые основополагающие идеи самого же Метнера. В статье, появившейся в мартовском номере «Весов» за 1907 г. и озаглавленной «Против музыки», он заявлял, что больше не принимает шопенгауэровскую иерархию искусств, в которой музыке отводится высшее место. В ответной реплике в «Золотом руне» Метнер указал на то, что Белый после того, как музыка оказалась неспособной воплотить его теургические ожидания, очутился в той же ситуации, что и Ницше после

разрыва с Вагнером. Причина, по которой Ницше так глубоко разочаровался в своем друге, как раз и заключалась в том, что философ слишком идеализировал его, вплоть до ожидания на сцене в Байрейте настоящих чудес[13]. Белый парировал это замечание критическим письмом редактору, которое Рябушинский отказался напечатать. «Золотое руно», таким образом, тоже оказалось втянуто в «войну» Белого, причем потребовались определенные дипломатические усилия, чтобы избежать серьезного конфликта с Метнером[14].

Примерно тогда же Белый закончил свою четвертую симфонию, вышедшую в свет через год под заглавием «Кубок метелей». И в формальном, и в тематическом плане на симфонию сильное влияние оказал Метнер, который и оценил ее высоко. Сам Белый говорил о симфонии как о чересчур амбициозной и, соответственно, неудачной попытке применить к прозе вагнеровскую технику контрапункта и лейтмотива; здесь во многом проявились выдвигаемые им сомнения в ведущей роли музыки[15]. В предисловии к симфонии Белый заявляет, что пытался установить связь с гетевскими предощущениями любви как религиозной мистерии, в то же время, однако, демонстративно отмежевываясь от современных «пророков эротизма» и шарлатанов[16]. Основной материал для симфонии был почерпнут из его опыта общения с Блоками в Петербурге. Не без оснований он посвятил ее (помимо Зинаиды Гиппиус) также Николаю Метнеру, «внушившему» ее тему. Дионисийская символика метели в симфонии многим обязана композициям Николая, основанным на лермонтовском стихотворении «Метель шумит» (в его «Stimmungsbilder») и пушкинском «Зимнем вечере», — двух вещах, отражавших, по-видимому, две фазы в его отношениях с Анной.

Вскоре Анна вновь забеременела от Николая, и перспектива родов повлекла за собой те же муки, что и в 1904 г. Метнер видел особую связь между ее отчаянием, сопровождавшимся острыми приступами тошноты, и своей собственной болезнью Меньера, увязывая в дальнейшем их общую «морскую болезнь» с вагнеровским «Летучим Голландцем», постановку которого они недавно посмотрели[17]. Как и прежде, он отправился с Николаем и Анной в Веймар, дабы укрепить в гетевской атмосфере пошатнувшееся мужество и упрочить свои контакты с Фёрстер-Ницше и Гастом. В конце лета он посетил вагнеровский фестиваль в Мюнхене, вследствие чего стали появляться его статьи, задуманные как своего рода просветительские обозрения опер Вагнера[18]. Николай подготовил несколько запланированных на осень концертов. Он уже завершил серию новых композиций по про-

изведениям Гете[19]. В сентябре он закончил музыку к стихотворению Белого «Золотому блеску верил...»[20]. Написанное в Париже в начале года и еще не опубликованное, стихотворение Белого выражало его разочарование после петербургской личной драмы, его переживание внутренней смерти после солнечных экстазов на заре века. Знаменательно, что оно было посвящено Нине Петровской, вследствие чего Николай решил посвятить свое собственное сочинение Морозовой. В начале октября Николай отправился в Дрезден, где его настигли те же тревожные известия, что и три года тому назад. Вскоре Анна опять родила мертвого ребенка. Трагедия повторялась, и снова их троицу связывали вместе горе и стыд.

В конце октября Николай участвовал в концерте, проходившем в Берлине под управлением Сергея Кусевицкого. Кусевицкий, которому тогда исполнилось всего лишь тридцать три года, был признан лучшим контрабасистом в мире, и выступал с оркестром Большого театра под управлением Рахманинова и других мастеров. Теперь он и сам вступал на стезю дирижера, принимая за образец Никиша. Он был евреем и, следовательно, тоже представлял угрозу для Метнера, хотя тот и понимал, что Кусевицкий мог бы быть полезен для упрочения положения Николая. В ноябре Николай отправился исполнить три концерта из своих собственных сочинений в Берлин, Лейпциг и Дрезден. Критики в общем и целом отзывались сдержанно. Отмечалось, например, что Николай Метнер привнес нечто славянское в поэзию Гете и что его сонатная форма обнаруживает определенную оригинальность, но гармония, ритмические «фиоритуры» и диссонансы разработаны чрезмерно, и это разрушает лиризм стихотворений[21]. То, что его брата обвиняют в модернизме, подрывающем устои классической музыки, вызвало у Метнера шок. Прежде чем к концу года вернуться домой, трио провело еще один месяц в Веймаре. За это время Метнер написал вторую статью под заглавием «Модернизм и музыка», принявшую форму атаки, направленной одновременно на Штрауса, Регера и «продажных» немецких музыкальных критиков. В ней он объявлял, что чистую музыку в Германии отравляет «уродливое». Лишь немногие из композиторов выдерживают темпоральность и тональность. А диссонанс, напротив, усиливается — доходя до момента, когда музыка превращается просто в «кучу звуков», неотличимую от обыкновенного шума. Два «антигерманских сверхнемца», Штраус и Регер, возглавляют эту разрушительную деятельность[22]. Они — плагиаторы, энергично разрушающие музыку и окружившие себя самой беспринципной рекламой. В

действительности же они заключили тайное соглашение с критиками. Немецкая музыкальная жизнь больна, и музыкальная сцена нуждается в радикальной реформе, если она хочет очиститься от опасной заразы.

Метнер возвратился с мыслью о новой поездке в Германию. В Дрездене Николай сошелся с Хедвиг Фридрих, молодой женщиной, страстно увлеченной музыкой; он и Анна встретили ее в январе 1905 г. Фридрих влюбилась в него, не подозревая, что у него роман со своей невесткой. Метнер также начал уделять ей внимание, причем тот факт, что Фридрих только что получила наследство, конечно, не преуменьшал его интереса к ней. Обстоятельства складывались таким образом, что у Метнера имелись все основания поощрять отношения между ней и своим братом, не в последнюю очередь ввиду его собственных планов об открытии издательского предприятия. Сразу же по возвращении в начале года в Москву Метнер вновь встретился с Белым — поэт выступал с докладом, в котором говорил о Ницше как о современном Христе, распятом вместе со своим революционным учением[23].

Месяц спустя Метнер был на исполнении недавно написанной Второй симфонии Рахманинова, к тому времени самого монументального и в наибольшей степени проникнутого национальным духом сочинения композитора. Из обзора Метнера в «Золотом руне» явствует, что симфония Рахманинова производит сильное впечатление, но это связывается исключительно с его изумительным дирижерским мастерством. Рахманинов демонстрирует дерзость, граничащую с деспотизмом: он наслаждается властью и способен вести своих слушателей куда ему заблагорассудится — против их воли. На сей раз Метнер не смог защититься от рахманиновского духовного «деспотизма»[24]. Обзор этот интересен прежде всего тем, что он ясно показывает: отношение Метнера к музыке — сосредоточенное в действительности на его одержимости идеей дирижирования — в сущности концентрировалось вокруг вопроса о власти.

Весной 1908 г. Метнер сблизился с Маргаритой Морозовой. Его отождествление с Белым привело к тому, что он перенял возвышенную влюбленность поэта, повторив тем самым схему, имевшую место в его отношениях с Николаем и Анной. В действительности Метнер предстает человеком, который едва ли был в состоянии увлечься женщиной до тех пор, пока его «брат-соперник» не оказывался рядом с ним. Подобные треугольники (типичные для того времени) воспроизводились с завидным постоянством. Морозова интересова-

ла его вместе с тем и по вполне корыстным соображениям: она могла бы финансировать планируемые им издательство и журнал. Она осталась для него «Сказкой» из второй симфонии Белого с ее атмосферой зари. Что до самой Морозовой, то она восхищалась им и укрепляла в нем веру в его культурную миссию[25]. В своих воспоминаниях Белый описывает, как он, Метнер и Морозова образовали, вослед неудавшемуся петербургскому эксперименту, новое трио. Отношения их зашли настолько далеко, что иногда он по рассеянности путал стороны треугольника, обращаясь к Морозовой как к Метнеру[26]. С другой стороны, он подчеркивает, что, как и в остальных тройственных союзах, в которые ему доводилось входить (в частности, с Метнером и Эллисом), руководящая роль принадлежала Метнеру. Еще в большей степени, чем раньше, Метнер служил теперь для Белого исповедником и наставником, «искристым» собеседником, который вскоре стал играть «слишком» большое значение в его жизни[27]. Вновь Метнер демонстрировал Белому, как тот воспроизводит эмоциональные эксцессы йенских романтиков, и ставил перед ним Гете в качестве образца для подражания[28].

Метнер вновь жил у своих родителей с Анной и Николаем. Их неуверенность в будущем была как никогда велика. Он часто проводил время в компании писателей, художников и композиторов в Обществе свободной эстетики, одной из цитаделей символизма. На периферии символистского движения, в Религиозно-философском обществе, размещавшемся в аристократическом особняке Морозовой в центре Москвы, он встречался с религиозными философами. Он был окружен творческими натурами — роль дирижера в жизни Белого, увы, не приносила облегчения от не покидавшего его чувства краха. Осенью Белый начал проявлять осторожный интерес к теософии. Он прочитал Елену Блаватскую и некоторые работы Рудольфа Штейнера. То была не только реакция на отвлеченность Канта, грозившую заковать его в панцирь умозрительности. Метнер, который всегда предостерегал его от опасности бесконтрольного мистицизма, не располагал эффективной защитой против соблазнов этого эзотерического духовного вероисповедания. В конечном счете, он видел лишь один-единственный выход из того болезненного ежедневного обмана, который он, Анна и Николай были вынуждены совершать на глазах у всех, в том числе и на глазах родителей. Вновь, на сей раз один, он должен отбыть на свою «духовную родину». В ноябре он поехал в Берлин с намерением изучать философию и немецкую филологию, лелея смутную надежду начать новую карь-

еру. Однако из этих планов ничего не вышло; напротив, вопреки его декларативному антипсихологизму, его все сильнее и сильнее притягивала к себе именно психология. Обуреваемый в высшей степени противоречивыми чувствами, он посещал лекции теоретика искусства и философа Макса Дессуара (еврея по происхождению), давно интересовавшегося бессознательными психическими процессами. Он ходил также и на лекции Рудольфа Штейнера в Теософской ложе и даже встретился со Штейнером лично, однако большую часть того, что довелось ему при этом услышать, нашел отвратительным[29]. Оторванный от Анны и Николая, он, по-видимому, столкнулся в этот момент лицом к лицу с главной проблемой своей жизни.

За время своего пребывания в Берлине Метнер, вероятно, прочел сочинения Чемберлена о Вагнере и его «Die Grundlagen des XIX. Jahrhunderts» («Основные черты XIX столетия», 1899). Как он сам отмечал, сходство с его собственными идеями оказалось просто поразительным, так что Белый в своих воспоминаниях не без основания берется утверждать, что Метнер предвосхитил Чемберлена в России, самостоятельно развив некоторые из важнейших положений его книги[30]. Взяв в качестве отправной точки все тот же вагнеровский воинствующий германизм и расовую мифологию, Чемберлен объявлял евреев заклятыми врагами арийской культуры. История, как он ее видел, была непрекращающимся расовым конфликтом, который теперь достиг своей кульминации, вылившись в решающее сражение между германским и еврейским началами. Немцы создали главные культурные ценности Запада и, благодаря своему гению, они избраны осуществить мировое господство. Однако проникновение семитов и смешение рас угрожают до основания разрушить все то, что воздвигнуто. Католическая Франция тоже служит антигерманским интересам. Чемберлен считал, что евреи не внесли никакого вклада в культуру, поскольку они лишены какого бы то ни было представления о духовном и вечном.

Жизнь и личность Чемберлена обнаруживают некоторые примечательные параллели с жизнью и личностью самого Метнера. Безоговорочное преклонение перед всем немецким соединилось в нем, английском эмигранте, с презрением к собственному происхождению. В юности (он был на пятнадцать лет старше Метнера) он страдал нервным расстройством, на какое-то время прервавшим его занятия. Он очень болезненно и внезапно разорвал свой первый брак с женщиной, которая, по-видимому, была еврейкой[31]. «Кольцо нибелунгов», прослушанное им в Байрейте в 1878 г. (когда еще был жив Ваг-

нер), оказало на него решающее влияние. Самое неотразимое впечатление произвел «Парсифаль» с его идеей христианско-германского ренессанса, когда это «завещание» Вагнера впервые было поставлено в Байрейте в 1882 г. Его фанатичное вагнерианство — сочетавшееся до известной степени с культом Гете — вскормило граничившую с истерикой непомерную жажду величия, основанную в конечном счете на чувстве собственной неполноценности. Его ненависть к евреям, которая выкристаллизовывалась в нем в течение четырех лет, проведенных им в Дрездене, питалась, по всей видимости, боязнью «заразиться». В процессе написания «Die Grundlagen des XIX. Jahrhunderts» он чувствовал, что его преследуют внутренние демоны, от которых временное убежище давала лишь работа[32]. Его идентификация с Вагнером зашла настолько далеко, что в 1908 г., после того как в течение нескольких лет он возглавлял вагнеровские фестивали, он женился на его дочери. В 1909 г. он обосновался в Байрейте.

С этих пор и впредь Метнер будет говорить на языке расовой борьбы и кровной вражды. В статье «Эстрада», написанной в основном в декабре 1908 г., он заявляет, что евреи превратили музыкальную жизнь в Берлине в коммерцию и индустрию. Они произвели на свет орду кокетливых маленьких вундеркиндов, чьи бессодержательные инструментальные пьески расхваливают нанятые рецензенты. Музыкальная сцена, соответственно, стала все больше и больше напоминать цирк или водевиль. Берлин — столица Германской Империи, и тем не менее, вновь и вновь критики бросаются к первому попавшемуся еврейчику из Лодзи, воспевая искусство, которое не знает границ. Но они отреагируют по-другому, появись подлинный германский художник, наследник Брамса или Вагнера, скажем, из Ливонии, и выступи он на сцене: они его тут же отвергнут как чужака. Метнер заверяет, что единственная причина, объясняющая успех евреев на музыкальном поприще, состоит в том, что они вырастают с музыкальными инструментами в руках и многие из них занимаются музыкой. Евреи — совершенные варвары, принадлежащие прошлому; со своими азиатскими культурными основами они могут достичь виртуозности, но им никогда не проникнуть в суть истинного — германского — музыкального искусства. И дело здесь не в творческом бессилии индивидуальности, а в бесплодии целого народа. Они остаются и будут оставаться исполнителями; им никогда не стать композиторами. День за днем чужеродная музыкальная армия под сурдинку юдаизирует европейскую музыку. Еврейский компо-

зитор и дирижер Густав Малер крадет мотивы у Бетховена и гордится этим. Мало-помалу всякое чувство подлинного, таинственного и недосягаемого изгоняется из великой немецкой традиции. Евреи захватили эстраду и до того смешали еврейское с немецким, что немецкая сущность рискует оказаться утраченной. Возможно, Штраус и Регер и не евреи, чему сам Метнер верит с большим трудом, и однако солнце их славы могло взойти только в эпоху господства еврейского духа рекламы и виртуозности. Крайне необходимо создать новые условия для немецкой музыкальной жизни. Понятие музыкальной сцены надлежит освежить, а две расы следует размежевать. Евреи заслуживают похвалы за свою жизнеспособность и силу воли; теперь немцы должны преодолеть свойственную им флегматичность и пассивность, отмеченные еще Вагнером, и оказать им наконец сопротивление[33].

Итак, Метнер рисует евреев агрессивными захватчиками. Перехитрив Николая, они узурпировали его место и исключили его из немецкой музыкальной жизни. Разумеется, они тоже с Востока, их корни в Российской Империи (Лодзь). Однако евреи — чуждые азиатские элементы, тогда как он — истинный немец из балто-немецкой Ливонии (где родился и по-прежнему был зарегистрирован его отец)[34]. Они просто сумели перевернуть все с ног на голову. На самом же деле его «евреи» были зеркальными отражениями его самого, злыми двойниками, на которых он проецировал свою собственную деструктивную бессодержательность. В конечном счете его раздражение проистекало из тайной зависти к своему брату и страха, вызванного собственным добровольным преклонением перед гениальностью Николая (и Белого). Николай потеснил его как за фортепьяно (о чем он сам открыто говорит в своем нижегородском дневнике), так и в браке, — подобно тому как в его статьях евреи теснят настоящих немцев со сцены. Точно так, как эти самые вундеркинды, большинству из которых было примерно столько же лет, сколько и Николаю, когда тот начал играть в детском оркестре, Николай вырос с фортепьяно и скрипкой, и с самого начала его таланту уделялось огромное внимание в семье.

В Москве Белый написал письмо в стихах «Э. К. Метнеру», опубликованное в его сборнике «Урна» в 1909 г., в котором вспоминал о ранней поре товарищества со своим «старинным другом», сопровождавшейся опьяняющими метелями и сиянием зорь. Он вспоминает портрет Гете на стене метнеровской квартиры, доносившуюся из соседней комнаты мелодию Сонаты фа-минор Николая, и убеждает

своего друга не оставлять веру в конечное воскрешение их «юности золотой»[35]. В свою очередь, Метнер в Берлине тоже говорил о своей дружбе с Белым, правда, по-своему. Он писал предисловие к статье Ницше «Вагнер в Байрейте», которая должна была войти в планировавшееся русское издание собрания сочинений Ницше. Из этого эссе видно, что изучение психологии, судя по всему, не прошло для него даром, поскольку в нем содержится зерно самоанализа[36]. Как бы там ни было, но он был увлечен Ницше и загадкой его души, с самого начала уверенный, что именно здесь он отыщет решение своих собственных проблем. По-видимому, он считал, что «трагедия» дружбы Ницше с Вагнером послужила решающей причиной болезни философа и что эта болезнь была также тесно связана — как оно в действительности, конечно и было — с его одиночеством, отразившемся в «Так говорил Заратустра». Здесь Метнер явно видит в Вагнере, в этом бесконечно продуктивном, изначальном объекте ницшевского безмерного почитания, Белого. Напряженность отношений между Белым и Метнером ощущалась все время, а в 1907 г. она проявилась открыто, и Метнер, правда, в ином ключе, сразу же увидел в этом параллель с разрывом между Ницше и Вагнером. Смутно предчувствуя, что в конце концов то же самое произойдет между ним и Белым, он в своем предисловии пытается объяснить, почему экзальтированная дружба Ницше с Вагнером была обречена закончиться кризисом. Не менее восьми раз в этом контексте он характеризует Ницше как раздвоенную (расколотую) личность, подчеркивая, что его двойственность постепенно усиливалась по мере развития отношений с Вагнером. Он прямо говорит о «зависти» Ницше к Вагнеру и утверждает, что Ницше видел в композиторе более блистательную и идеализированную версию самого себя. Как писал в одном из своих афоризмов сам Ницше, с подобной же завистью Платон взирал на Сократа. Ницше, как пишет Метнер, отмечал также, что в вагнеровской музыке он хотел найти дионисийство, звучавшее в его собственной душе. Ницше и Вагнера, точно так же, как Метнера и Белого, во многом объединяли их детские переживания и «симфонический разум». Ницше была присуща способность «в реальных личностях настоящего или прошлого увидеть самому и заставить видеть других живое воплощение его идеи»[37]. Вряд ли можно было бы лучше сказать о самом Метнере. По завершении своего эссе, в марте 1909 г., он вернулся на родину, заехав по дороге в Веймар, где нанес свой, ставший уже обязательным, визит в архив Гете и Шиллера и в архив Ницше[38].

После нескольких лет, проведенных за границей, в Москву возвратился Скрябин. Морозова безотлагательно позаботилась о том, чтобы они с Белым встретились в присутствии Метнера у нее дома. Она лелеяла надежду на установление между ними более тесных отношений, ведь у них было много общего в том, что касалось космического самосознания, которым питалось искусство обоих. Скрябин, который раньше Белого заинтересовался теософией Блаватской, только что с триумфом выступил в Московской консерватории с недавно написанной им «Poème de l'Extase». Из знакомства, однако, ничего путного не вышло, причем не трудно понять, что главным камнем преткновения явился Метнер, питавший антипатию к Скрябину как к мистику (как его преподносила пресса) и как сопернику в его отношениях с Морозовой[39]. К величайшему удовлетворению Метнера, вскоре после этой встречи Скрябин поссорился с Морозовой.

С этих пор опекать Скрябина взялся Сергей Кусевицкий. Женившись, Кусевицкий вошел в одну из богатейших купеческих московских семей и запланировал устроить свой собственный симфонический оркестр — в дополнение к Русскому Музыкальному Издательству, которое он открывал в Берлине с целью поддержать новую музыку. Центром этой деятельности он хотел сделать музыкальные эксперименты Скрябина. Той весной Метнер помог Николаю получить место в «совете» издательства, в который входил и Скрябин и возглавить который должен был Рахманинов. Осенью Николаю и его двоюродному брату Александру была предложена профессура в Московской консерватории, и Николай с некоторыми колебаниями согласился ее принять. Задачей Метнера было создать твердую платформу как для Николая, так и для Белого. Он мечтал сыграть в жизни Белого ту же роль, что и Кусевицкий в жизни Скрябина[40]. Думая поддержать Белого, он рассчитывал на Хедвиг Фридрих, которую встретил в Берлине, а потом мельком видел по возвращении в Москву, где она навещала своих родственников.

На протяжении весны Белый работал над своим первым крупным, уже давно задуманным, романом «Серебряный голубь». В апреле он познакомился с девятнадцатилетней художницей Анной (Асей) Тургеневой, на которую понемногу начал возлагать свои надежды. Он встретил ее в так называемом «Доме Песни», которым в течение последних шести месяцев заведовали кузина Асиной матери, певица Марья Оленина и ее муж Петр д'Альгейм, музыкальный критик французского происхождения. «Дом Песни» был основан с

целью содействия развитию искусства романса и фольклорной песни. Он находился напротив дома Метнера и, учитывая узы, связывавшие «Дом Песни» с французской культурой, был просто обречен на неодобрение со стороны Метнера. К этому времени Метнер сблизился с теософкой Анной Минцловой, от которой и Белый по мере того, как продвигалась его работа над романом, становился все более и более зависим. Минцлова раньше была русским «эмиссаром» Рудольфа Штейнера, и ее наставления несли на себе печать глубокого влияния «учителя». Как потом вспоминал Белый, ее почти гипнотическая сила и явная психическая неуравновешенность придавали ей сходство с самой Еленой Блаватской[41]. С ее помощью Белый обратился к оккультной магии, астрологии и Каббале. К тому времени она уже занимала определенное место в жизни его собрата по символизму Вячеслава Иванова; именно в петербургской «башне» Иванова в начале того же года он и узнал ее достаточно близко. Она укрепляла его чувство избранности, предлагая основать тайный орден розенкрейцеров, с Белым и Ивановым во главе, дабы противостоять влиянию в России восточных сил. Метнер, в принципе противник теософии, оказался внезапно для себя самого (подобно Белому, Эллису и Алексею Петровскому) увлечен ею, так как, помимо всего прочего, Минцлова умело играла на его (и Николая) мессианских идеях.

Белый по-прежнему был занят работой над «Серебряным голубем», появлявшимся в виде отдельных глав в «Весах». Главный герой романа — молодой символист Петр Дарьяльский; размышления о зорях и сумерках приводят его к оргиастическим обрядам секты хлыстов, находящейся под влиянием Востока. Он верит, что призван оплодотворить «Богородицу» секты новым мессией, в котором предвидит собственное перевоплощение. В основе всех хитросплетений интриги лежат предостережения Метнера против эмоциональных заблуждений романтизма и вырождения мистики в эротизм, а также метнеровские же нижегородские изыскания в области сектантства, в которое, как он считал, готов впасть символизм (и в особенности Блок). Вместо того, чтобы внять его советам, Белый последовал за Блоком и разыграл свою «петербургскую мистерию» как раз в том направлении, против которого предостерегал Метнер, — в направлении, на которое «мистические анархисты» вскоре будут претендовать как на свое собственное. Чтобы уравновесить переливающийся через край эротизм, сконцентрированный в «Богородице» по имени Матрена (она имеет некоторое сходство с Любовью Дмитриевной

Блок), Белый вводит в качестве альтернативы образ утонченной аристократической девушки Кати, написанный с Аси Тургеневой; таким образом, в автобиографической подоплеке романа переплетаются различные временные планы.

В конце весны родители Метнера узнали наконец о действительном положении его семейных дел. Ложный фасад уже никак нельзя было сохранить, когда Николай и Анна вдвоем отправились в свою первую заграничную поездку — в Марстранд в Швеции. Там Николай принимал ванны и работал над новыми композициями, основанными на поэзии Гете и Ницше[43]. В июле он и Анна присоединились к Метнеру в Пильнице под Дрезденом, где остановились в доме у Хедвиг Фридрих. Фридрих поняла, что свободен не Николай, а его брат, и Метнер не без успеха взялся за дело, оказывая ей знаки внимания и всячески склоняя к тому, чтобы она пожертвовала большую сумму на открытие издательства в Москве, специально задуманного им для дальнейшего сближения русской и немецкой культуры. Метнер называл ее на славянский манер Ядвигой. Она же прекрасно знала о его периодически возникающих мыслях об эмиграции и надеялась через издательский проект в конце концов уговорить его обосноваться в Германии навсегда. Не без прозрачной аллюзии к своему вагнерианскому псевдониму Метнер просил ее называть его «Wolf». Она страдала мигренями и была еще слишком зависима от своей матери.

С явным намерением сделать приятное Метнеру, Белый тем же летом написал статью «Штемпелеванная культура». Она появилась в сентябрьском номере «Весов» и недвусмысленно свидетельствовала о том, что на Белого произвели глубокое впечатление расистские доводы, приводившиеся Метнером в «Эстраде». Фактически статья переносит на русскую литературную жизнь метнеровскую оценку расовой борьбы в берлинском музыкальном мире. По утверждению Белого, еврейские критики и издатели превратили культуру в биржу и рынок. Именно эти космополиты диктуют сейчас условия русским писателям. Они последовательно стремятся юдаизировать и дискредитировать духовные и национальные ценности и подмять под себя творческий гений России. Результат таков же, как некогда с «чистокровным арийцем» Ницше, которого замалчивали в Германии.

«МУСАГЕТ»

В начале осени 1909 г. Метнер сообщил Белому из Пильница, что его издательский проект скоро воплотится в реальность. Символизм к тому времени уже находился в кризисе, и два ведущих символистских журнала, «Весы» и «Золотое руно», были на грани своей смерти. Новое издательство получило название «Мусагет», в честь Аполлона, предводителя муз, чье изображение стало также и его эмблемой. Метнер заранее решил, что это имя будет дано или издательству, или задуманному им журналу. Аполлон был богом не только предсказаний и музыки, но и солнечного света и медицины. Его покровительство искусствам вместе с заботой о нравственном развитии человечества напоминали Метнеру Гете. Следуя взглядам Ницше на культуру, изложенным им в «Рождении трагедии», Гете преодолел романтико-дионисийский элемент в себе самом и возвысился до аполлонической ясиости. С помощью своего искусства ему удалось преодолеть свойственный философии Канта конфликт между субъектом и объектом. Цель издательства была Метнеру ясна: возвысить русскую культуру до аполлонической зрелости в духе Гете, обуздать дионисийский модернизм и проложить дорогу для новой, «органической» культуры, превратить русских символистов в немецких. Через «Мусагет» он начал и реальное сотрудничество с Германией, организовав русский филиал немецкого журнала «Логос», редакторами которого были несколько видных философов; выпуск русского журнала должен был начаться в следующем году. «Органические» культурные амбиции Метнера совпадали в какой-то мере с веяниями времени: центральные фигуры символизма — Белый, Блок, Иванов — переходили в более традиционалистскую, синтетическую фазу выздоровления после излишеств, последовавших за мистическими ожиданиями начала века.

Метнер вернулся в Россию из Пильница через Веймар, где, как обычно, посетил архив Гете и Шиллера и архив Ницше; он пригла-

сил Петера Гаста к сотрудничеству в работе над журналом, запланированным им под эгидой «Мусагета»[1]. После прибытия Метнера в Москву был проведен ряд учредительных встреч в арендованных под редакцию помещениях. Все московские символисты, группировавшиеся вокруг Белого, были рекрутированы в «Мусагет», и первоначальный кружок «аргонавтов» обрел таким образом новую жизнь, реализовав метнеровскую идею о новом коллективном сообществе. Знаменательно, что в воспоминаниях Белого издательство описывается как оркестр, которым дирижировал Метнер, а Белый, Эллис, философ Густав Шпет, эллинист Владимир Нилендер и Григорий Рачинский исполняли свои партии на различных ведущих инструментах[2]. Рачинский, имевший за плечами широкое философское, теологическое и литературное образование, фигурировал в московских символистских кругах в многообразных амплуа; в тот момент он занимал пост председателя Религиозно-философского общества[3]. Он входил также в число редакторов собрания сочинений Ницше, начавшего выходить в «Московском Книгоиздательстве», членом редколлегии которого был и Метнер. Первым должен был появиться второй том, содержавший «Несвоевременные размышления» и очерк «Рихард Вагнер в Байрейте» с предисловием Метнера; как и другие тома издания, он включал в себя вступительное слово Элизабет Фёрстер-Ницше и комментарии из немецкого издания собрания сочинений Ницше. Работа над тем, что казалось осуществлением его жизненной миссии, потребовала от Метнера крайнего напряжения всех сил. Белый почувствовал это еще тогда, когда его друг вернулся в Москву, и это впечатление усиливало то обстоятельство, что теперь он впервые оказался напрямую зависим от Метнера.

В своих воспоминаниях Белый выразительно описывает перемену, произошедшую во внешнем облике и манерах Метнера:

«...куда делись эти длинные волосы? Лысина — в четких буграх придавала лицу выраженье упорства; когда-то зеленоватые глаза стали твердыми глазками; зыбкая, мягкая очень улыбка — обернулась сатирической, выжидательной, готовой лопнуть в отчаянный хохот иль вовсе исчезнуть в зажатых, упорных губах; и тогда — раздувалися ноздри; морщина внезапная перерезала напруженный лоб; исчезла и эластичность в пружинных движеньях, сменясь четкой силой выкидываемых ног иль — рубящей руки с карандашиком; другая рука, подлетев выше талии, схватывалась за бок; он, откинувшись, с крикливой надсадой доказывал: музыкальная критика Каратыгина должна быть вырвана с корнем; и вдруг принимался

метаться меж стен и с задохом выкрикивать прямо бреды о том, что культуры — в огне; глазами — под ноги, рукой — в потолок; было ясно — фанатик!»[4]

Метнер становился все более и более деспотичным в своем честолюбивом стремлении приобщить Белого к «руслам индо-германской культуры». Белый осознал яснее, чем когда-либо, что Метнер ставит его и Николая на «пьедестал», что он упорно пытается видеть их такими, «какими поволил», что он просто-напросто лепит из них «немцев, придуманных им»[5].

В своем фанатизме Метнер интерпретировал московскую действительность сквозь призму вагнеровского мифа, в котором Белому отводилась роль Зигфрида. «Дом Песни», где д'Альгеймы устраивали не только концерты, но и курсы и семинары, он рассматривал как вражеский форпост в Москве, видя в чертах д'Альгейма то злого кудесника Клингзора (из «Парсифаля»), то Хагена, убийцу Зигфрида[6]. Здесь сказывалась, видимо, определенная взаимосвязь между параноидальными склонностями Метнера и сходными чертами в личности д'Альгейма (развившимися впоследствии в душевное расстройство). Дело осложнялось еще и тем, что этот конкурировавший с Метнером музыкальный критик только что поссорился с Николаем, принимавшим, наравне с Белым, активное участие в деятельности «Дома Песни». Помимо ориентации на французскую музыкальную культуру, «Дом Песни» ратовал за Листа и Мусоргского. Первый был для Метнера упадническим предшественником Штрауса и Регера, наравне с Миме, гномом, пославшим против Зигфрида дракона Фафнера, а последний — разнузданным русским варваром в духе Достоевского[7]. Д'Альгейм был сведущ в различных мистических доктринах. В своих концертных программах он проявлял подчеркнутый интерес к еврейской народной музыке, что выглядело подтверждением тезиса Метнера о засильи «еврейства» во французской музыкальной жизни. Он дал понять Белому, что общение с д'Альгеймом может оказаться «губительным» для него и что Тургенева (которой д'Альгейм фактически приходился приемным отцом после безвременной кончины ее собственного отца) совсем не та спутница, которая нужна Белому. Тургенева, утверждал Метнер, связана с поверхностной французской католической культурой, принадлежащей прошлому. Знаменательно, что в своих обзорах, присылаемых из Германии, он описывал и власть евреев как нечто давно себя изжившее («Plusquamperfectum»)[8]. «Гете не одобрил бы вас», — так, по воспоминаниям Белого, утверждал Метнер[9]. Для последнего но-

мера «Золотого руна» Метнер написал статью, в которой стремился показать разлагающее влияние, оказываемое «Домом Песни» на позиции «музыкального германизма» в Москве. Он отмечал в ней, что «два привившихся немецких еврея, Мейербер и Оффенбах», задают тон в парижской опере и оперетте. Неудивительно, что в «Доме Песни» он находил «недостаточную веру в конечную победу арийского начала» в расовой борьбе[10].

Белый между тем, сопроводив свои главные теоретические работы обстоятельными примечаниями, собрал их в том под заглавием «Символизм», задуманный как программное выступление «Мусагета». В «Эмблематике смысла», новой статье, написанной им специально для этого тома, он обратился к кантианским вопросам. Вслед за Кантом, он проводит различие между теоретическим и практическим, этически обусловленным разумом. Однако в противоположность Канту, он полагает, что познания трансцендентной реальности возможно достичь на основе практического разума. Ближе к концу года он завершил и «Серебряного голубя», закончив его гибелью Дарьяльского в дьявольских сетях, расставленных ему сектантами. Перед этим, в соответствии с замыслом автора, ученый теософ с немецким именем Шмидт истолковывает судьбу Дарьяльского на основе Каббалы, астрологии и оккультных наук. Шмидт безуспешно пытался уговорить Дарьяльского ехать с ним за границу, чтобы он, вместе с дружественными теософами, мог спасти его от обступивших его отовсюду опасностей. Как и все его московское окружение, Белый именно тогда стал увлекаться немецкой теософией, и в образе Шмидта ощутимо присутствие Рудольфа Штейнера[11]. Это происходило примерно в то же самое время, когда Метнер, описывая Эллису Штейнера на основе своего личного с ним общения, отверг его как философски наивного «мониста» (то есть, не воспринявшего Канта всерьез), человека, настолько банального в своей претенциозности, что «Гете наверное не захотел бы знакомиться с ним»[12]. Метнер посчитал роман Белого в общем малоприемлемым для себя: книга была слишком открыта навстречу хаосу, слишком двойственна в своем отношении к западне из темных чар, расставленной Дарьяльскому хлыстовской сектой. Правда заключалась в том, что Белый все еще находился под гипнозом своей «петербургской мистерии». Короче говоря, роман вызывал у Метнера такое же беспокойство, какое он испытывал при чтении Достоевского.

В феврале 1910 г. Николай отправился с Анной и Метнером в Петербург для выступления с концертами из своих собственных со-

чинений. Там Метнер вновь встретился с Минцловой; Белый тоже был рядом в «башне» Вячеслава Иванова. Метнер переехал туда на несколько дней и до поздней ночи беседовал с хозяином «башни». Ему удалось убедить Иванова, второго крупнейшего теоретика символизма, сотрудничать с «Мусагетом». Одной из центральных идей теории символа у Иванова было единство эллинистического и христианского; в возрождении страдающего бога древнегреческих дионисийских мистерий он видел предзнаменование воскресения распятого Христа. Иванов был сильно ориентирован на немецкую культуру в целом и, в частности, разумеется, на Ницше; на него также оказал сильное влияние Владимир Соловьев. На этой ранней стадии они с Метнером, видимо, даже обсудили возможную публикацию отдельным изданием главного исследования Иванова «Религия страдающего бога», до сих пор лишь по частям печатавшегося в журнале[13].

Через Минцлову Метнер встретился с Маргаритой Сабашниковой, художницей, состоявшей в браке с поэтом (и художником) Максимилианом Волошиным. Осенью 1906 г. она участвовала в мистико-эротических экспериментах в «башне», составив «треугольник» с Ивановым и его женой. Сейчас у нее была своя студия в Петербурге, где она предоставила кров Минцловой; под воздействием минцловской теософии она находилась уже давно. В известном смысле она напоминала Хедвиг Фридрих: подобно ей, происходила из состоятельной семьи (знаменитых московских издателей), была такой же сомневающейся и ищущей натурой. Она сама отмечала, как сильно привлекал ее Метнер: «Я никогда не встречала никого, кто, несмотря на занятия философией, мог жить культурной историей с такой субъективной страстью, как он. Бывало, он носился взад и вперед по комнате как сумасшедший, преисполненный ненависти к какой-нибудь исторической фигуре, жившей две тысячи лет назад»[14]. Она утверждает, что, взглянув на Белого, Метнер повернулся к ней и сказал: «Люди просили, чтобы я дал издательскому дому девиз; гений Белого — вот мой девиз, мое знамя»[15]. Сабашникова тогда же написала портрет Метнера, который вскоре был приобщен к коллекции Морозовой. Иванов давно уже направлял ее в сторону Гете, так что она сразу распознала метнеровский гетеанский синдром и даже считала, что уловила внешнее сходство с великим писателем.

Этой весной «Мусагет» начал свою деятельность, выпустив среди других крупных книг «Символизм» Белого; вскоре последовала критическая книга Эллиса «Русские символисты», в которой Белый

был изображен в мессианском духе[16]. Параллельно с «Мусагетом» Морозова (также поддерживавшая издательскую деятельность Метнера) основала издательство, получившее название «Путь» и отмеченное той же патриотической и соловьевской ориентацией, что и Религиозно-философское общество. Белого, конечно же, привлекало то, что «Путь» мог предложить в противовес «Мусагету».

В июне Метнер попытался уговорить Сабашникову сопровождать его на лекционный курс «Миссия народной души в связи с германско-нордической мифологией», с которым Штейнер собирался выступить в Христиании. Он хотел еще раз испытать Штейнера, становившегося все более и более значимой фигурой для тех, кто составлял его ближайшее окружение. Но Сабашникова поехать не смогла, так что этим планам не суждено было сбыться. Метнер, Анна и Николай провели часть лета в Бретани и уже оттуда направились в Пильниц. В начале октября Метнер поехал в Цюрих, где и встретился наконец с Сабашниковой. Она поведала ему, что показала его портрет и образец его почерка Рудольфу Штейнеру, и тот объявил, что Метнер нуждается во внутреннем покое и занятиях теософией[17]. Метнер и Сабашникова отправились в Италию через альпийский перевал Шплюген, следуя по маршруту Гете и читая в дороге его «Путешествие по Италии». Они посетили Перуджу, Болонью, Рим и Флоренцию. Их конечной целью был Ассизи, где, как намекала Минцлова (бесследно исчезнувшая к тому времени), располагался тайный центр розенкрейцеров, чьи взоры были обращены в сторону России[18]. Метнер считал картины Сабашниковой творениями «гения». В письме к Анне он говорит, что хотел бы быть в состоянии любить Сабашникову, несмотря на ее художнический эгоизм[19].

Непосредственно перед своей поездкой Метнер получил от Белого письмо, в котором сообщалось, что соратницу Сабашниковой по искусству Асю Тургеневу теперь следует рассматривать как его невесту. «Примите в душу свою Асю, — молил Белый, — как приняли Вы когда-то за что-то меня». В заключение он выражал надежду, что в будущем все трое станут «одной семьей»[20]. Он пытался таким образом смягчить удар, который тем не менее оказался страшным. Метнер расценивал отношения Белого с Тургеневой как совершенно неприемлемые. Он не мог скрыть свою ревность. Чуть позднее он узнал, что Белый и Тургенева планировали провести в Италии свой неофициальный медовый месяц. До этого он уже был крайне разочарован тем, что Николай отказался от профессуры, поскольку та отягощала его обременительными обязанностями, почти не оставляя

времени для сочинительства; и вот теперь еще путешествие Белого, которое было в его глазах не чем иным, как изменой. Вследствие этого он физически был не в состоянии собраться с мыслями и проявить интерес к путевым заметкам Белого, которые тот обещал как компенсацию за финансирование поездки. Кроме того, «Логос» также требовал от Метнера времени. В редакцию журнала, помимо него, входили два молодых философа-неокантианца, учившихся в немецких университетах, — Сергей Гессен и Федор Степпун[21]. Меньше внимания он уделял другому проекту, изданию мистико-религиозной литературы под эмблемой Орфея (для которого Сабашниковой были заказаны переводы духовных проповедей и размышлений Мейстера Экхарта)[22].

В этой ситуации Белый все больше и больше времени проводил в своем кружке в «Мусагете» за изучением ритма и просодии русского стиха, а также с «Молодым Мусагетом», студией литературной молодежи, организованной Эллисом. Помещение редакции «Мусагета», с ее серо-зелеными стенами, напоминавшими стены официальных царских учреждений, вскоре стало казаться Белому бюрократическим чиновничьим департаментом, в котором Метнер проводил казенные аудиенции, тираня посетителей под сенью портрета Гете[23]. Более настойчиво, чем когда-либо, Метнер убеждал Белого, что жизнь с Тургеневой грозит ему раздвоением, и обвинял его в пренебрежении своей миссией и в измене себе. Метнер отчаянно боролся, стараясь вернуть ускользавшую из его рук власть над Белым; примечательно, что в том же году, как член редакции, выпускавшей собрания сочинений Ницше, Метнер готовил русское издание «Воли к власти». Когда же он начал тянуть с выплатой аванса за путевые заметки, на который Белый, по его мнению, имел полное право рассчитывать, «Мусагет», а вместе с ним и вся Москва, быстро превратились для Белого в «тюрьму», из которой ему и Тургеневой оставалось только незамедлительно «бежать»[24].

В декабре, перед своим отъездом вместе с Тургеневой, Белый прочитал в Религиозно-философском обществе доклад «Трагедия творчества у Достоевского». Как он позднее признался, то было ритуальное послание Метнеру[25]. Но из-за страхов, которые вызывал у него Достоевский, Метнер даже не удосужился присутствовать на чтении. В этом докладе Белый отказывался от своих предыдущих попыток развести символизм и «болезненные» лабиринты исследуемой Достоевским души, напротив, он двигался в сторону сближения со своим великим предшественником и всей национальной литературной

традицией — не случайно круг его слушателей составляли люди, группировавшиеся вокруг морозовского «Пути». Хотя доклад частично и отражает идеи, заимствованные у Метнера, он выходит за установленные наставником границы. Развивая свои тезисы на примере Гоголя, Достоевского и Толстого, Белый утверждает, что гениальный художник в своей творческой деятельности проходит три фазы становления. Последняя стадия, в которой жизнь и искусство вступают между собой в поединок, представляет собой стремление синтезировать два предшествующих опыта — романтического экстаза и классического созерцания. Достоевский чувствовал себя слитым с душой русского народа, но в то же время он испытывал глубочайший внутренний раскол. Работая над «Братьями Карамазовыми», он пытался соединить наконец жизнь и искусство, воплотить свою мечту о воскресении. Старец Зосима несет весть о солнце и радости духовного совершенства; здесь Белый исподволь намекает на то значение, которое Метнер придавал двум центральным символам его второй симфонии[26]. Достоевский в конечном счете потерпел неудачу; его теургическая миссия осталась незавершенной, а сам он нашел успокоение в смерти. Сходным образом сбился с пути и Ницше, жертва своей собственной раздвоенности, после написания «Так говорил Заратустра», «бомбы», которую он бросил[27]. Теперь символистам предназначено учесть общий для их поколения и Достоевского опыт и понять, что их внутренняя разорванность граничит с душевным помрачением; не устрашенные трагедией Достоевского, они должны попытаться продолжить то, что ему не удалось. Быть может, заключал Белый в торжественном импровизированном предисловии, вызванном к жизни уходом Льва Толстого из Ясной Поляны, случившимся за день до лекции и потрясшим всех, именно Толстой внезапно показал выход из дилеммы, которая разрывает художников; быть может, он первый, кто разрешил конфликт между искусством и жизнью. Этот доклад имел огромное принципиальное значение для Белого, поскольку заключал в себе реакцию на продолжающийся кризис символизма, и поэтому он даже специально пригласил на него Блока. В сущности, то был вызов Метнеру и его надзору над творчеством Белого, первый бунт, открыто поднятый против «старинного друга».

Метнер воспользовался приездом Блока в Москву, чтобы познакомиться с поэтом. Блок был до известной степени обязан ему, потому что именно Метнер, по настоянию Белого, помог блоковским «Стихам о Прекрасной Даме» пройти через цензуру в Нижнем Нов-

городе в 1904 г. Теперь же Метнер стремился связать Блока с «Мусагетом» посредством контракта на издание собрания его стихотворений в трех томах. Через несколько недель он закрепил эту предварительную договоренность, отправившись в Петербург, чтобы обеспечить вхождение Блока и Иванова в круг «Мусагета». Таким образом, все три крупнейших символиста были связаны теперь с этим издательством. В то же время Метнер лелеял свою давнюю мечту о журнале, основными сотрудниками которого предполагались Белый, Блок и Иванов.

КОНФЛИКТ С БЕЛЫМ

Полный патриотических чувств и, однако же, памятуя об «Итальянском путешествии» Гете, Белый отправился в Италию. Поездка Гете, которой Метнер придавал огромное значение, была в конечном счете его величайшим разрывом, бегством от застоявшейся жизни, которое стало также его внутренним возрождением, исключительно благотворно сказавшимся впоследствии на всем его творчестве. Конечной целью Белого тоже была Сицилия, где, судя по его путевым заметкам, он рассчитывал ближе познакомиться с различными культурами в их синкретическом, гетеанском духе[1].

В возрасте тридцати восьми лет Метнер все еще жил с Анной и Николаем в доме своих родителей. В конце концов он был вынужден так или иначе порвать связывавшие его путы. В январе 1911 г., дабы смягчить общественное давление на их двусмысленный тройственный союз, трио сняло дом вблизи деревни Ховрино недалеко от Москвы. Вскоре там их посетила Фридрих, занявшаяся изучением русского языка.

Письма и путевые очерки Белого показывают, насколько глубоко на него повлияли метнеровские расовые идеи. Из Сицилии он и Тургенева отплыли в Тунис. Оттуда он сообщал Метнеру, что гордые арабы знают, как указать местным евреям их место: здесь «ни следа жидовства или монгольства»[2]. Под влиянием изложенной Метнером версии инцидента с участием Николая, которому предстояло играть с оркестром Кусевицкого, Белый незадолго до этого выступления предупреждал о двуличии Кусевицкого, тесно связанного с «продажностью и жидовством берлинской эстрады»[3]. Белый подготовил (не опубликованную тогда) статью о Николае; написанная в том же духе, что и доклад о Достоевском, она свидетельствует о его неослабевавшей привязанности к композитору. Белый рассуждает о единстве классицизма и новаторства в сочинениях Николая, об их усмиренном дионисийстве и их гениальной вести о воскресении в пьянящем вихре метели[4].

Раздраженный тон писем Белого предвещает, по сути дела, усугубление трений между ним и Метнером. Вскоре Белый уже критиковал своего друга за то, что тот выдавал аванс в счет причитавшегося ему гонорара в виде несоразмерных ежемесячных выплат, что явно слишком напоминало ему о былой болезненной материальной зависимости от отца. Метнер был уязвлен и ответил соответствующим образом. В Каире Белый получил письмо от него, которое счел оскорбительным. По-видимому, оно усугубило сильнейшее потрясение, пережитое им при встрече со сфинксом и пирамидами в Гизе в середине марта, возвратившее его к детским ночным кошмарам и переполнившее его внутренним «ужасом»[5]. В письмах и почтовых открытках друзьям, в том числе и Метнеру, он описывал эти страхи, оказавшиеся чрезвычайно плодотворными для задуманного им нового романа.

Из Иерусалима, где они с Тургеневой очутились перед пасхой, Белый написал письмо Морозовой, из которого явствует, что он все больше и больше склонялся на сторону «Пути». Исходя из опыта своих встреч с европейской культурой в Африке и на Ближнем Востоке, он утверждает, что подлинная европейская культура творится русскими, что Гете и Ницше могут быть правильно поняты только на русской почве, что «подлинную Европу» можно найти внутри русских границ[6]. По возвращении домой, спустя некоторое время, ему стало казаться, что он видит агрессивного Метнера насквозь, видит в нем усохшую мумию. Вспоминая о пережитых в Гизе потрясениях, Белый в своих мемуарах описывает «Мусагет», а заодно с ним и весь центр Москвы, как нечто, начинающее напоминать мертвую культуру Египта[7]. Метнер предстает в них уже не Метнером, а минотавром, бешеным животным, принявшим человеческий облик и готовым выскочить из своего логова и броситься на посетителя[8]. В итоге Белый вынужден был «бежать» в имение своей неофициальной тещи — Боголюбы Волынской губернии[9]. Разумеется, его ужас перед Метнером усиливался сознанием вины, поскольку на карту было поставлено будущее издательского дома в том виде, какой придал ему Метнер.

Из-под власти Метнера ускользал и Эллис. Весной он редактировал издававшуюся «Мусагетом» «Антологию» — сборник символистских стихов тридцати авторов, начиная с Блока, Белого и Иванова и кончая Сабашниковой и юной Мариной Цветаевой. То был его последний совместный проект с издательством. Как и Алексей Петровский, он уже в течение некоторого времени был последовате-

лем Рудольфа Штейнера, вел собственные семинары по оккультизму при «Мусагете», и его все больше и больше притягивали к себе теософские круги. При поддержке Тургеневой Белый также возобновил свои занятия теософией.

В июне Метнер, Анна и Николай перебрались из Ховрина в Траханеево. Туда пришло письмо от Белого, укорявшего Метнера в том, что тот уже некоторое время не видит его[10]. Несколько недель спустя Белый уже в другом письме жаловался на вечные денежные проблемы, прямо сопоставляя себя с Достоевским, пытающимся уклониться от кредиторов. То была прямая атака на Метнера, который, не предоставив средств для издания путевых заметок Белого, поставил того в ситуацию, когда он оказался не в состоянии вернуть долг «Мусагету» — в размере трех тысяч рублей. Уязвленный, Метнер парировал обвинением в «достоевщине». Тотчас же последовал взволнованный ответ Белого на тридцати страницах. Сначала Белый извинялся за свой тон в предыдущих письмах, ссылаясь в свое оправдание на обуревавшие его химеры, мигрень и постоянную бессонницу. Затем он атаковал вновь: называл Метнера прокурором, обвинял его в пренебрежительном отношении к «Серебряному голубю», в неспособности понять ни Достоевского, ни русскую культуру вообще, «величайшую в мире». Развивая тему своего доклада, посвященного Достоевскому, он заявлял: «Я не с больной Россией, не с хаотистами-романтиками; против них — с Гете (и с Вами); но над Гете еще ставлю жест ухода Толстого»[11]. Для Метнера это звучало чуть ли не богохульством.

В начале осени Белый написал ряд статей для запланированного «Мусагетом» журнала, который принял теперь ясные очертания и получил название дидактической поэмы Гесиода «Труды и дни»[12]. Он больше не мог выносить Москву: город казался ему зараженным «истерией», разыгравшейся вокруг «Мусагета»[13]. Он и Тургенева перебрались на загородную дачу. Согласно воспоминаниям, у Белого уже тогда возникли серьезные проблемы с его спутницей[14].

Той же осенью Метнер отправился с Анной и Николаем в Пильниц. Одно время он тешил себя довольно расплывчатыми планами женитьбы на Фридрих. Эти мысли наполняли его крайне противоречивыми чувствами, еще больше осложнившимися в дальнейшем тем, что развод в царской России был делом исключительно трудным, к тому же Анна (не желавшая его терять, так как ее жизнь с Николаем все еще находилась под вопросом) активно противилась этой идее. Николай дал концерты в Берлине и Лейпциге. Метнер работал над

предисловием и комментариями к своим избранным полемическим статьям, которые он собирался издать в 1912 г. под названием «Модернизм и музыка», что с его стороны было объявлением войны авангардистскому «антигерманизму». Кроме того, он писал и для первого номера «Трудов и дней» — журнала, который, начиная с 1912 г., должен был выходить раз в два месяца под редакцией его и Белого. Заметки Метнера вскоре выросли до размеров двухсотстраничного приложения. Под рубрикой «Иудаизм» он пытался более отчетливо определить свое отношение к иудаизму и музыке. Его «Иудаизм» явно перекликался с идеями Чемберлена, названного в примечаниях к расширенной версии статьи о «Доме Песни» «выдающимся расовым теоретиком», там же Метнер объяснял мировую экспансию евреев главным образом их необычайной силой воли[15]. Теперь он еще более настоятельно предостерегал от опасности расовой ассимиляции, заявляя, что европейская культура должна быть очищена от семитских элементов, впитанных ею из Ветхого Завета и из Малой Азии. Он пытался охарактеризовать этих «жутких замаскированных личностей, совершенно лишенных творчества, но вследствие изумительной способности и энергии своей пробирающихся в ряды руководителей и устроителей духовной жизни». Они обрядились в костюмы «всечеловеков», но в действительности они всего лишь эклектичные космополиты, поверхностно усвоившие культуру великих народов Европы. Они так же далеки от подлинной (гетевской) универсальности, от его «всечеловечества», как Мейербер от Бетховена[16].

Как утверждал Метнер, он узнал о работе Отто Вейнингера «Пол и характер» не раньше, чем принялся за свои заметки. Опубликованная в Вене в 1903 г., почти одновременно с всплеском метнеровского воинствующего антисемитизма, она была переведена на русский язык в 1909 г., и в том же году ее отрецензировал в «Весах» Белый. Метнер сожалел, что не мог раньше воспользоваться прозрениями «этого даровитого еврея»[17]. Оно и понятно, учитывая, что диалектика, с помощью которой Вейнингер выражает свою патологическую ненависть к себе самому, поразительно совпадает с содержанием метнеровской фобии. «Пол и характер» выражает чисто дуалистическую философию, согласно которой женское и еврейское представляют собой бесплодные и непродуктивные силы, препятствующие развитию арийской мужественности в направлении гениальности и космической духовности. Вейнингер сам находился под гнетом этого неразрешимого конфликта; он покончил самоубийством в год выхода книги. Примечательно, что и Белый отмечает в своих воспомина-

ниях, что Метнер предвосхитил Вейнингера, чьи идеи не были широко известны в России до 1909 г.[18]. В «Иудаизме» Метнер цитирует, в частности, заявления Вейнингера о том, что «еврей не умеет петь», что простая песня, мелодия есть «нечто вполне нееврейское» (что противоречило тому, что утверждал д'Альгейм)[19].

Под впечатлением своего последнего пребывания в Берлине, Метнер приходит к выводу, что этот город, столица германизма, потерял свою душу, проиграв ее еврейским «капельмейстерам» культурного строительства[20]. Подоплекой здесь опять же было то, что Николаю вновь не удалось добиться признания критики. Душа Берлина, продолжает Метнер, утратила свою творческую силу; единственное, что есть в нем живого, — это еврейская мечта об окончательной гегемонии на европейском континенте. В поддержку своих аргументов он приводит антисемитские высказывания не только Вагнера, но и Гете и Ницше. Во второй части своего приложения он обрушивается с новыми нападками на еврейских вундеркиндов и в первую очередь на десятилетнего скрипача Иосифа Хейфица — которому вскоре предстоит стать виртуозом Яшей Хейфецем, — чей дебют той весной в Петербурге был встречен восторженными отзывами; Хейфиц только что исполнил скрипичный концерт Чайковского под управлением Никиша, который специально его пригласил[21]. Критикует Метнер и модернистов за отсутствие мужской энергии, называя их сворой «женоподобных снобов, - - -гермафродитов»[22].

Один раздел приложения, который Метнер решил напечатать в виде самостоятельной статьи в «Трудах и днях», называется «Лист». Франц Лист объявляется здесь отцом модернистского движения, человеком, несущим на себе большую часть вины за разложение европейской музыкальной жизни. При всем желании Метнер не может сделать из него еврея, но он награждает его всеми отрицательными эпитетами, которые будут ассоциироваться с евреями в «Модернизме и музыке». Хотя Лист и родился в сфере германского культурного влияния, но он был не немцем, а венгром, и, может быть, даже потомком цыган. (В «Иудаизме» проводятся недвусмысленные параллели между цыганами и евреями.) Он появился сначала как «виртуоз» и вундеркинд[23]. Он ввел в музыку интернационализм, то есть неполноценное выражение национальной самобытности. По сути дела, он неуправляемый эротик, чисто либидинозная личность. Метнер употребляет здесь термин «либидо», только что ставший основным понятием глубинной психологии Фрейда, хотя и был еще не знаком с психоаналитической литературой[24]. Лист — это подобие Клингзо-

ра, прибывшего в Тюрингию, чтобы насадить присущие его расе художественные особенности в самом сердце Германии (этой духовной родины Метнера). Лист имел наглость взяться за «Фауста» и дать имя «Faustsymphonie» тому, что в действительности было его «Мефистофелевской симфонией». Он эстетический материалист, обретающий себя как раз в фигуре Мефистофеля. Его двойственный образ обладает пленительной притягательностью для славянской души, но если она подчинится этому иллюзионисту-Клингзору, русскую музыку и культуру ждет гибель[25].

Метнер, кроме того, написал для «Мусагета» манифест. Публикация его в «Трудах и днях» была совершенно естественной, поскольку журнал задумывался как рупор издательской программы. Миссия «Мусагета», писал Метнер, состоит в том, чтобы прокладывать путь новым культурным формам, влиять на происходящие процессы, переходя «от интуитивно-предвосхищенного невыразимого знания культурно-должного к реализации этого должного». Творить культуру значит исполнять высочайшее человеческое предназначение; координация религии, философии и художественной деятельности в этом контексте становится существенно важным делом. «Мусагет» намерен способствовать развитию «подлинно символического искусства», в центре которого должен находиться миф[26]. Метнер цитирует Ницше и Канта в поддержку своего тезиса о том, что искусство должно овладеть жизнью. Власть искусства и культуры — такова в действительности ключевая идея его программной статьи, поскольку вся его издательская деятельность проистекала из невротической одержимости идеей покорить жизнь, и прежде всего — жизнь в России.

Агрессивность Метнера подогревалась в этот период, отчасти еще и тем, что теософия усилила свое положение в окружении «Мусагета». В октябре 1911 г. Эллис покинул Москву, присоединившись к теософской колонии в Берлине, откуда он отправлял Белому восторженные послания, достигшие желаемого эффекта. Сабашникова, посещавшая лекции Штейнера в Карлсруэ, окончательно решила стать его последовательницей. «Мусагет», таким образом, оказался в плотном кольце укоренившейся в буддизме и христианстве эзотерической доктрины, которую Метнер отвергал, охарактеризовав ее в письме Белому весной того же года как мешанину из полурелигии и полукультуры[27]. Вернувшись в Москву в декабре, Метнер почувствовал себя перегоревшим и неспособным к работе. Перед новым годом для обретения новых сил он отправился вместе с Фридрих на адриатический курорт Аббацию.

В октябре 1911 г. Белый начал работу, которая в конце концов вылилась в роман «Петербург». На сюжете, идеологии и даже в какой-то мере на форме произведения, поскольку она тяготела к экспериментам его ранних симфоний, сказалось влияние Метнера. На этот раз Белый более последовательно использовал материал, который восходил к его «петербургской мистерии» и был просеян сквозь опыт, приобретенный в процессе писания: его конфликт с Метнером, проблемы с Тургеневой, углубляющийся кризис символизма.

Героем и ключевым персонажем романа, на котором сходятся все сюжетные линии, является Николай Аполлонович Аблеухов, переусердствовавший в своем интеллектуальном развитии студент-кантианец, живущий в Петербурге девятьсот пятого года. Его красивая аристократическая внешность (он светловолос, как ариец) скрывает внутреннюю раздвоенность, неразрешимый конфликт между разумом и душой. Эта двойственность воплощена в самом городе, где выстроившимся в линию кварталам вокруг дома Аблеухова, расположенного на материковой части города, противостоят неустанно бурлящие, окутанные туманом острова по другую сторону Невы. Главный мост, соединяющий две половины российской столицы, как бы олицетворяет собой символ, как его понимает Белый; для него он — связь логоса и трансцендентной реальности; не случайно он именуется Николаевским мостом. Николай унаследовал аполлонический дух от своего отца, сенатора Аполлона Аполлоновича Аблеухова, этого оплота царской власти. Как эмиссар дионисийского бессознательного в самом Николае Аполлоновиче, с островов к нему является «незнакомец» и вручает ему бомбу, которую тот пообещал бросить в своего отца. Бомба — внешнее проявление того сильнейшего напряжения, которое разрывает его изнутри. Обещание совершить отцеубийство родилось на волне его эротического увлечения Софьей Лихутиной, весьма недалекой — как эмоционально, так и интеллектуально — женой армейского офицера[28]. Таким образом, эротические коллизии переплетаются с революционными событиями, точно так же, как мистический эксперимент Белого с Любовью Дмитриевной Блок в свое время оказался переплетенным с происходившей в России политической драмой.

«Незнакомцем», как выясняется, руководит двойник, возникший из его чуть ли не оккультных трансов. Именно эта теневая фигура, «Липпанченко», женоподобная «она» с неприятной монгольско-семитской физиономией, скрытое внутреннее я «незнакомца», и организует террор. «Она» открыто заявляет, что в жилах русских течет

монгольская кровь. «Она» считает себя «художником», который как концертом «дирижирует» запланированным террористическим актом. В конечном итоге «она» намерена ввергнуть Россию в хаос[29]. Как уверяет Николая Аполлоновича «незнакомец», в нем самом есть что-то от «ее» разрушительных инстинктов и жажды смерти. Этот дьявольский монголо-еврейский дирижер на духовных подмостках России обладает внешним сходством с агентом охранки и провокатором Азефом, евреем, с характерными азиатскими чертами. В его образе нашли свое отражение размышления Владимира Соловьева о нашествии «панмонголизма» на Россию и рассуждения Минцловой о темных восточных элементах в народной среде, но этот персонаж восходит также и к предостережениям Метнера о просачивании «малоазийской» крови и разрушительного влияния еврейских «дирижеров культуры»[30]. В письме Блоку, написанном в самом начале работы над романом, Белый предсказывает войну рас, полем битвы которой станет Россия[31]; эти предчувствия катастрофы возникают вновь в видении монгольского нашествия и апокалипсической кровавой бойни, явившемся «незнакомцу» перед статуей Медного Всадника. Знаменательно, что свое письмо Белый написал сразу же по прочтении сочинения под заглавием «Свобода и евреи», написанного по следам революции 1905 г. Алексеем Шмаковым, одним из самых оголтелых антисемитов в России. Евреи рисуются в нем врагами нации, ведущими в подрывную подпольную деятельность, имеющую своей целью разрушить устои русской культуры[32].

Тема конфликта между отцом и сыном в романе кажется непосредственно навеянной трениями между Белым и Метнером. Сенатор Аполлон Аполлонович Аблеухов стоит во главе огромного департамента[33]. Строгие аудиенции, которых удостаиваются посетители, равно как и преобладающий серо-зеленый цвет стен его кабинета, могут быть восприняты как гротескно окарикатуренный отголосок впечатлений Белого от «Мусагета», которые вполне могли сыграть свою роль и в выборе имени и отчества сенатора. Окружающая его среда, геометрически застывший в камне расположенный на материковой части Петербург, — это реминисценция мертвой культуры египетских пирамид, какою ее увидел Белый вокруг «Мусагета» в центре Москвы[34]. Аблеухов и лейтенант Лихутин своим изможденным видом также наводят на мысль о мумии, чьи черты Белый распознал в Метнере по возвращении из Северной Африки[35]. Лихутин, занимающий пост мелкого государственного чиновника, явно напоминает Метнера тем, как он мечется между мазохистским подчинением и

пассивностью в своем асексуальном браке, с одной стороны, и неконтролируемыми припадками ярости, с другой, когда он начинает походить на дикое животное и бешеную собаку. Любовный треугольник, в который вовлечены Николай Аполлонович и Лихутины, может ассоциироваться как с вмешательством самого Белого в брак Блоков, так и с вторжением Николая Метнера в супружескую жизнь своего брата.

Хотя истоки романа и кроются целиком в русской литературе, влияние Ницше в нем также весьма ощутимо. Городской пейзаж, заставляющий вспомнить о Достоевском, выражает ницшеанскую раздвоенность, которая является характерной чертой молодых героев — Николая Аполлоновича, и «незнакомца»; оба они переживают нервное расстройство и внутренний надлом, сокрушившие Ницше. Показательно, что в своем докладе о Достоевском (1910) Белый ассоциировал «бомбу» с Ницше, отталкиваясь, должно быть, от оценки Ницше самого себя как «динамита» в «Ecce Homo» (произведении, написанном накануне помешательства, опубликованном посмертно в 1908 г. и переведенном на русский в 1911 г.)[36]. Доклад этот был напечатан «Мусагетом» — вместе со статьей, посвященной памяти Толстого — под названием «Трагедия творчества. Достоевский и Толстой»[37].

В Петербурге, в феврале 1912 г., Белый и Иванов выступили с докладами, в которых попытались определить текущие задачи, стоящие перед символизмом. Доклад Белого «О символизме» вновь был написан расистским, заимствованным у Метнера языком. Белый рассуждал о развитии «символизма германской расы во второй половине девятнадцатого столетия» как о становлении нового мировоззрения, которое необходимо сейчас утвердить в России. Он заявлял, что «символизм латинской расы» в течение этого же периода, напротив, принял форму всего лишь литературной школы. Он заключал: «Символизм германской расы принес новое зрение и новый слух; смысл и правда деятельности Вагнера, Ницше и Генрика Ибсена заключались в том, что все трое сказали, будто сферой искусства является сама жизнь, а жизнь — перерождается»[38]. Именно этого синтеза искусства и жизни, этого возрождения в новых условиях и искал Белый, все более и более тяготевший к теософии Рудольфа Штейнера по мере того, как продвигалась его работа над романом. Иванов, со своей стороны, указывал на «связь» между символизмом и целостностью личности — как личности художника, так и личности того, кто переживает эпифанию искусства. Он объявлял Гете «дальним отцом на-

щего символизма» и определял цель символизма как расширение личности, освобождение души, внутренний катарсис[39].

Первый номер «Трудов и дней» вышел в марте. Он состоял из краткого, сформулированного Ивановым, редакторского предисловия о синтетической миссии журнала, уже упомянутых статей Белого и Иванова (статья Белого была разбита на две части, вторая должна была появиться в следующем номере), метнеровского полемического портрета Листа (за подписью, разумеется, «Вольфинг»), и манифеста «Мусагета». Белый ощущал себя в это время «преследуемым» Метнером, который требовал от него для журнала все новых и новых материалов, проявляя вместе с тем безразличие к его роману и тем трудностям, с которыми ему пришлось столкнуться при его публикации[40]. Благодаря новому контракту с издательством, Белому наконец-то удалось собрать деньги, необходимые ему и Тургеневой для «бегства» из Москвы и от «Мусагета» в Западную Европу, где он собирался завершить свой труд[41].

Вскоре после отъезда Белого Метнера посетила в редакции «Мусагета» юная поэтесса Мариэтта Шагинян, принесшая ему статью о Рахманинове, которую она надеялась напечатать в «Трудах и днях». Метнер сразу же проявил к ней интерес, и вскоре она попала под его влияние, оказавшись впоследствии в более полной и деспотической зависимости от него, чем кто-либо из его прежних знакомых женщин. Метнер хорошо знал, что Шагинян до этого общалась с Белым в ходе короткой, но интенсивной переписки осенью 1908 г.[42]. Она страдала от сексуальных комплексов, проявившихся в отрочестве в ослаблении слуха, которое безуспешно пытались вылечить доктора. Эта нервная «болезнь слуха» возникла в связи с откровениями о раннем сексуальном опыте, которыми поделилась с ней одна из подруг[43]. Путь сублимации пролегал у Шагинян в том же направлении, что и у Метнера: незадолго до того она разорвала двухлетний тройственный духовный союз, связывавший ее в Петербурге с Дмитрием Мережковским и его супругой Зинаидой Гиппиус. Хотя Шагинян была не еврейкой, а армянкой, она, в глазах Метнера, принадлежала к той же «малоазийской» культуре, что и евреи. В феврале 1912 г. она послала Рахманинову письмо, в котором выразила ему свою поддержку, превознося его значение для русской молодежи. Она сделала это, так как была наслышана о том, что он потерял уверенность в себе после провала его Первой симфонии пятнадцать лет назад. Творческий кризис, вызванный тем провалом, удалось излечить лишь с помощью гипноза[44]. Письмо было подписано «Re», нотой, указываю-

щей на основную тональность его музыки. Это письмо произвело на Рахманинова благоприятное впечатление, и начало их переписке было положено. Теперь она хотела подытожить свои взгляды на его творчество в своей статье. Но Метнер воспротивился этому, будучи не в состоянии перенести столь одностороннее, с его точки зрения, восхваление великого соперника Николая. Шагинян отчаянно старалась защитить Рахманинова. Как она говорит в своей статье «Воспоминания о Сергее Васильевиче Рахманинове»: «Словно предчувствовала, каким насилием над всеми моими взглядами, какой тиранией будет мнение этого странного бритого аскета с лицом не то Лютера, не то Бисмарка, — во всех наших будущих спорах»[45].

Метнер принял статью, но лишь с условием ее переработки.

ВСТРЕЧА БЕЛОГО СО ШТЕЙНЕРОМ

Обосновавшись в Брюсселе, Белый и Тургенева прошли через ряд оккультных опытов, которые привели их к учению Штейнера. В письме из Москвы Метнер давал выход своему негодованию в связи с очередным бунтом Белого. Наконец Белый и Тургенева решили посетить одну из лекций Штейнера в Кельне. Здесь Белый обрел, взамен Метнера, нового духовного наставника в лице Штейнера, теософа, который не только обладал основательным знанием восточной мудрости, но и, находясь в самой гуще немецкой интеллектуальной жизни, все с большей готовностью склонялся к мысли об особой культурной миссии России[1]. Штейнер обладал харизмой, которая произвела на Белого, вкупе с темой его лекции о Христе и центральном значении Таинства Голгофы в двадцатом столетии, почти гипнотическое впечатление[2]. Белому он явно предстал одновременно и посвященным учителем, и духовным целителем. Знаменательно, что Белый искал руководителя как раз в тот момент, когда его герой, Николай Аполлонович Аблеухов, приобретал первый опыт проникновения в собственную психическую сущность и готовился телесно перешагнуть на ту сторону Невы — на острова. Позднее Белый говорил о своей приверженности Штейнеру как о наведении внутреннего моста[3].

Второй номер «Трудов и дней» и «Модернизм и музыка» вышли за несколько дней до встречи Белого со Штейнером[4]. Кроме продолжения статьи Белого «О символизме» в журнале были помещены метнеровский отклик на десятилетний юбилей со дня выхода второй симфонии Белого и «Инвективы на музыкальную современность» Вольфинга. Заметка Метнера была, само собой разумеется, проявлением его стратегии, преследующей цель наставить Белого на путь истинный. Он объявлял, что «золотая зорька» первого произведения Белого никогда не погаснет для того, кто однажды «сгорал» в ней[5]. Оскорбительные высказывания Метнера, содержавшие новые

выпады против Штрауса и Регера, напрямую вырастали из приложения к «Модернизму и музыке». В разделе «Вагнериана», который должен был стать регулярным, было напечатано также эссе Чемберлена об автобиографии Вагнера (недавно переведенной на русский).

Белый вернулся в Брюссель и нашел там еще одно запальчивое письмо от Метнера. В ответе Белый заявлял, что, по-видимому, сам дьявол извратил их отношения, и продолжил письмо рассказом о своей встрече со Штейнером[6]. Это явилось для Метнера тяжелым ударом. Над его издательским проектом, похоже, нависала серьезная угроза. Ему противостоял могущественный соперник, обладавший личной харизмой, превосходящей его собственную, соперник, для которого немецкий язык был к тому же родным; последнее обстоятельство давало Штейнеру еще более солидное преимущество: в глазах Белого он мог выглядеть более сведущим, чем Метнер, на его собственном поприще.

Штейнеру шел всего лишь двадцать первый год, когда его пригласили участвовать в издании трудов Гете по естествознанию. В 1888 г. он опубликовал исследование об эпистемологии Гете[7]. Спустя два года он был приглашен принять участие в работе по подготовке нового издания Собрания сочинений Гете. Благодаря этому он на протяжении семи лет, начиная с 1890 г., жил в Веймаре и трудился над рукописями Гете по естествознанию в архиве Гете и Шиллера[8]. Там он познакомился с Элизабет Фёрстер-Ницше — как раз тогда, когда готовил свою работу «Фридрих Ницше, борец против своего времени» («Friedrich Nietzsche, ein Kämpfer gegen seine Zeit»), которую издал в 1895 г. Фёрстер-Ницше наняла его, чтобы создать библиотеку Ницше в Наумбурге. Так он получил возможность в течение непродолжительного времени изучать заметки Ницше на полях книг, прослеживая развитие его идей, отразившееся в его реакции на прочитанное. Он встретился и с самим Ницше, увы, уже душевнобольным; то было глубочайшее переживание, и сострадание Штейнера мучениям Ницше граничило, по-видимому, с самоидентификацией. Он пришел к убеждению, что Ницше обладал тайным знанием, которое научное мировоззрение девятнадцатого века исказило и превратило в болезнь. Ницшевский Сверхчеловек был на самом деле попыткой выдвинуть на первый план духовное измерение личности, а ницшевская теория «вечного возвращения» указывала в сторону эволюции духовного «я» через серию перевоплощений.

Штейнер все больше и больше сосредоточивал свое внимание на полярности Гете и Ницше; он полагал, что перевод аполлонического-

дионисийской диалектики на язык материализма погубил Ницше, тогда как Гете, напротив, воспринимал проявления чистого духа во внешних формах природы. Покинув Веймар в 1897 г., Штейнер опубликовал свое «Мировоззрение Гете» («Goethes Weltanschauung»). Осуществленное им исследование, посвященное Гете, обеспечило фундамент для «науки о духе» (в рамках теософии), которую он начал оформлять на рубеже веков. Именно пример Гете дал ему силы выявить свой опыт переживания потусторонней реальности, и именно опираясь на Гете он искал ясновидение в медитативном мышлении, заявив о его совместимости с научной методологией. Это привело к тому, что возглавляемое им немецкое отделение Теософского общества было вынуждено позднее, когда движение в целом стало тяготеть к Востоку и буддизму, заявить о своей независимости. В этой ситуации было естественно, что Штейнер обратил свои взоры к России как к месту встречи культурных импульсов, идущих с Запада и Востока. Друг и коллега Штейнера Мария фон Сиверс, родом из Петербурга, для которой русский язык был родным, могла теперь служить посредником между ним и растущим числом его русских последователей.

Приверженность Белого Штейнеру выдвигала для Метнера кантовскую проблему на самый передний план. Штейнер утверждал, что его предписания для медитаций соответствуют кантовским эпистемологическим критериям, однако Метнер считал его не только некомпетентным гетеанцем, но и эпистемологическим мошенником. Он рассматривал теософию Штейнера как в чистом виде монистическое учение. Слияние между внутренним и внешним, обещанное Штейнером, означало для Метнера абсолютную утрату «власти» духа над природой. Поэтому это слияние и казалось ему таким пугающим. Метнер решил написать статью, критикующую гетеанские трактовки Штейнера, а тем самым — косвенным образом — и его интерпретацию Канта. Он прекрасно знал, что Гете был фундаментом штейнеровской эзотерической «науки». Он поставил своей задачей до основания разрушить этот фундамент, чтобы спасти Белого и культуру символизма в целом от тлетворного влияния этого схожего с Мефистофелем ловца человеков. Метнер послал Белому письмо, в сильных выражениях предостерегая его от обучения оккультизму под руководством Штейнера (каковое Белый собирался начать), так как оно неизбежно высушит его творческую фантазию и приведет к художественному выхолащиванию. Белый отреагировал на это своим еще не законченным романом, где лейтенант Лихутин сначала сбри-

вает себе бороду и усы (своего рода жест самооскопления), в точности как это сделал Метнер в 1909 г., когда утвердился в своем «фанатизме»[9], а затем, в полувменяемом состоянии, разыгрывает трагикомическую попытку самоубийства. В какой-то мере этот эпизод может выглядеть объективным описанием того состояния, в котором пребывал Метнер, уже наполовину истощивший свои духовные силы. Однако, вопреки предостережениям Метнера, колебание Белого между двумя авторитетами, отягощенное чувством вины, оказалось исключительно плодотворным в художественном отношении[10], поскольку эта мучительная ситуация в сочетании с началом его упражнений в медитации и изучением под руководством Эллиса космогонических построений Штейнера придала его роману новое психологическое и сатирическое направление. В июне под Парижем, где он обосновался у д'Альгеймов, Белый работал над пятой главой, в которой погружал Николая Аполлоновича в мир сна, окрашенный в тона штейнеровской интерпретации мифа: Николай Аполлонович узнавал об «испорченной» монгольской крови в своих жилах и о своей секретной миссии, состоящей в разрушении арийской культуры посредством неокантианского нигилизма и отрицания ценностей, миссии, которая на самом деле и управляет его революционными действиями[11].

Метнер теперь искал прибежища у Гете в Веймаре[12]. Он охлаждал Блока, воспринявшего увлечение Белого Штейнером с интересом. Он пытался указать Блоку на то, что Белый с Эллисом не были подготовлены к обучению оккультным медитациям и что встреча со Штейнером в действительности грозит лишь усилить их духовный разлад[13]. В августе, когда Белый проходил посвящение в науку о духе, Метнер, Анна, Николай и Хедвиг Фридрих отправились на вагнеровский фестиваль в Байрейт, где были на представлениях «Кольца нибелунгов», и «Парсифаля». Тесное общение Белого со Штейнером побудило Метнера к новым предостережениям, что, вкупе с невыплаченным долгом Белого и растущими денежными проблемами, вынудило того прибегнуть к угрозе покинуть «Мусагет». Самое большее, впрочем, на что он в действительности решился, — это отказ от поста ответственного редактора «Трудов и дней», который он делил с Метнером, и переход в ранг рядового сотрудника[14]. Для журнала, который был главным образом сосредоточен вокруг Белого, это решение обернулось смертельным ударом. Он перестал выходить регулярно, так что первый год его существования стал и последним с полным выходом запланированных номеров. Принципиальной же и самой непосредственной причиной ухода Белого было то, что рабо-

та над романом в сочетании с обучением оккультному знанию вдали от родины делали просто невозможным для него продолжение редакторской деятельности.

Вскоре статья Метнера о Гете стала вырастать до размеров книги. Шагинян помогала ему в технической работе, в частности, с переписыванием. Она теперь подолгу жила с Метнерами в Траханеево. Метнер приобрел, как она пишет в своих воспоминаниях, «огромную власть» над ее личностью[15]. Садистские оттенки, которые порой эта власть приобретала, определенно восходили к потребности Метнера взять реванш после «утраты» Белого. Он давал Шагинян уроки немецкой литературы, причем не ограничивался одним только чтением вслух; он приучил ее к дисциплине в работе и под его пристальным оком она превратилась в писателя и почитательницу Гете. Метнер убедил ее видеть в нем Вильгельма Мейстера и даже, как прежде в случае с Сабашниковой, находить физическое сходство с самим Гете[17]. Одним из результатов всего этого было ее безграничное восхищение Николаем и его музыкой, и ее влюбленность в Метнера в какой-то мере была перенесена и на Николая. Так в жизни Метнера появилось очередное сообщество из трех человек, которое, при участи Анны, стало фактически группой из четырех. Это напоминало «треугольник» Шагинян с Мережковскими, который тоже был четырехсторонним, поскольку включал в себя публициста Дмитрия Философова. Под влиянием Метнера Шагинян почитала Николая как творческого гения и идеальное человеческое существо, прозревая в его внешнем облике те же черты Лютера и Бисмарка, которые находила в Метнере[18]. Одновременно она продолжала вести интенсивную переписку с Рахманиновым. Побуждаемая Метнером, она предлагала Рахманинову в его творческих исканиях обратиться к примеру Николая. Рахманинов же, страдавший «комплексом неполноценности» (как впоследствии говорила Шагинян), в ответ называл себя «душевнобольным» — по контрасту со «здоровым», собранным, полным творческих сил Николаем, которого он всегда высоко ценил и которого провозглашал теперь «самым талантливым из всех современных композиторов»[20]. Шагинян чувствовала себя призванной спасти его, точно так же, как она хотела освободить Метнера от его мучений. Рахманинов сделал красноречивый жест, посвятив ей «Музу», написанную на одно из стихотворений Пушкина, которые она посоветовала ему переложить на музыку.

Влияние Метнера отчетливо проступает в «музыкально-психологическом этюде» Шагинян, озаглавленном «С. В. Рахманинов». В

ряде случаев она прямо ссылается на Вольфинга. Она открыто бичует теософию и излишества модернизма. Теософия привела Скрябина к хаосу и «дегуманизации» в его сочинениях. Сегодня величайшими композиторами являются Рахманинов и Николай Метнер, которые, каждый по-своему, стараются спасти музыку от распада[21]. Следы расовых теорий Метнера здесь также вполне очевидны. Глубокая человечность Рахманинова, его субъективизация явлений внешнего мира — все это, вероятно, отличительные славянские черты, и, несмотря на все различия, у него есть определенное «расовое родство» с Чайковским. Точно так же германизм Николая Метнера воплощен в завораживающем повествовательном мастерстве его «сказок» и в его неисчерпаемом мелодическом богатстве[22]. Музыка Рахманинова, подчеркивает Шагинян, прежде всего целомудренна: она может быть страстной, но никогда — чувственной, берущей свое начало от эроса. Это смелый вызов бессилию времени, вызывающий у слушателя чувство «деятельной любви»[23].

Под впечатлением от посещения Байрейта Метнер попытался использовать против Штейнера еше и Вагнера, предлагая фигуру последнего как образец творческого развития для Белого — в противоположность угрозе выхолащивания, исходящей от оккультизма. Для публикации в «Трудах и днях» он подготовил путеводитель по мифологическому миру Вагнера. Стараясь избегать упоминания имени Штейнера, он наполнил свой текст более или менее скрытой полемикой с теософией. Во введении он заявляет, что Идея, высшая истина, может быть выражена двумя путями: через религию и искусство либо через науку и философию. Художник пользуется системой мистических символов, в то время как мыслитель — метафизическими аллегориями. Между ними находится мистик, достигающий истины, отталкиваясь от двух исходных точек разом и тем самым серьезно рискующий создать неудачный синтез и свести таинство к схоластике и диалектике. В мышлении многих мистиков (читай: Рудольфа Штейнера) четкое разграничение между религией и наукой грозит быть размыто и замещено запутанным и нездоровым монизмом. Мистикам бывает трудно выдержать несоответствие между религиозными и научными представлениями о мире, они часто стремятся к непосредственному проникновению в тайну бытия. Мистицизм неизбежен как для художника-теурга, так и для философа, но не как неопределенное смешанное проявление различных компонентов внутреннего опыта. В подобном случае мистицизм превращается в суррогат тайны, субъективный и иллюзорный кратковре-

менный опыт, который может быть лишь несовершенным образом отражен в созданном.

Тот, у кого отсутствует врожденное чувство прошлого и его проявлений в настоящем, продолжает Метнер, не может рассчитывать на проникновение в суть мифа. Подобно Гете, Вагнер был способен смотреть в будущее, переживая в то же время настоящее в прошлом и прошлое в настоящем, и эта его способность была несомненно немецкой по своей природе. Соприкосновение художника-мифотворца с подлинным мифом пробуждает в нем состояние сна и грезы, приводящее рано или поздно к ясновидению. Это ясновидение — ключевое понятие теософии Штейнера — открывает художнику новое соотношение между внешними явлениями, которое невозможно постичь в состоянии бодрствования. Миф для Вагнера был тем узлом, в котором переплелись поэзия, музыка и религия. Он считал, что миф изначально повлиял на жизнь людей, служа регулирующим принципом их взаимоотношений, поддерживающим стремления и собирающим энергию, необходимую для великих свершений. Религиозное видение природы, глубоко укоренившееся в германском сознании, некогда породило изначальный миф, а впоследствии создало гармонию и сотворило средневековые легенды, основанные на достоверном опыте различных племен и героев. Вагнер обладал особой способностью ретроспективного мифического восприятия, отсюда его гениальные воссоздания древних легенд, его отказ от литературных напластований, накопившихся благодаря различным версиям у средневековых поэтов. Искреннее принятие Вагнера — мерило истинно арийского европеизма. Заново открытый Вагнером миф не будет утрачен до тех пор, пока существует хотя бы одна нация, в жилах которой течет индогерманская кровь.

Углубляясь в более детальное описание богов в «Кольце нибелунгов», Метнер рассуждает о том, что именно они воплощают и каковы источники их происхождения. Здесь он ссылается на современные мифологические исследования, гораздо более состоятельные, нежели «фантазии» теософов относительно происхождения богов в иерархиях духовного мира[24]. Богом, который занимал его в первую очередь, был, конечно же, Вотан, и заметки о нем являются фактически завуалированным автопортретом, проливающим свет на его собственную тяжкую участь. Метнер находит сходство между Вотаном и Дионисом: Вотан тоже страдающий бог, чье бытие расколото надвое, он болезненно сознает непримиримый конфликт между универсальным и человеческим, духом и природой, конфликт, разреше-

ние которого древние германцы искали с незапамятных времен. Но в качестве бога солнца Вотан обладает в то же время и определенными аполлоническими чертами. Таким образом, его осаждают несовместимые противоположности: он одновременно и бог гнева, и бог добра. Он завоеватель, и его неутолимая жажда борьбы и все новые завоевания приводят его в Валгаллу. Он представляет божественную сторону человеческого гения и нордически-западный арийский характер. Трагедия Вотана обязана своим происхождением его воинственному духу. И последователи Шопенгауэра, и теософы отождествляли его с Буддой, но Будда предлагает отказаться от воли к жизни, тогда как Вотан, напротив, лицом к лицу встречает земную мать Эрду, свою судьбу. Вотан исследует тайну существования во многом так же, как и Фауст, тоже нисходящий к Матерям. Подобно Ницше, он побеждает свою судьбу, принимая ее. Его активная трагическая воля к жизни побеждает застывшее знание пассивной богини судьбы. Он вынужден приговорить своего сына Зигмунда к смерти и должен отвергнуть свою возлюбленную дочь Брунгильду. Он прилагает все усилия, пытаясь противостоять своему проклятию и смягчить безжалостные удары судьбы. Теперь ему кажется, что только с помощью человека, освобожденного от проклятия богов, он сможет избавиться от чувства вины, которое тяготеет над ним и угрожает уничтожить под собой мир. Но его наследник Зигмунд, которому предназначено исполнить эту миссию, — победитель лишь отчасти. Единственная божественная привилегия, которая в конечном счете остается у Вотана, это — желание собственного конца. Его героическая победа над собой является поворотным пунктом всей драмы. Его прощание с Брунгильдой — это гимн любви, не знающий себе равных в мировой литературе.

Портрет Вотана Метнер написал в октябре, сразу же после того, как Белый ушел из «Трудов и дней». Его автопроекция на Вотана была настолько сильной, что в своей жизни с Анной он описывал свою душу как «Эрду». Фиксация Метнера на собственной травме, разумеется, была все это время с ним, она никуда не исчезла, и теперь, когда дело всей его жизни оказалось на грани краха, о себе дал знать могущественный инстинкт смерти. Принять «конец», встретить «проклятие» — все это также подразумевало и добровольный отказ от любви, которую его «дочь» Шагинян (она была моложе его на пятнадцать лет) предлагала ему[25].

Спустя четыре дня после своего ухода из «Трудов и дней» Белый послал в журнал серию афористических импровизаций под названи-

ем «Круговое движение», подобно метнеровским «Инвективам» ницшеанских по тону. Темой, объединяющей их, также была личная драма философа. Они родились из бесед о символизме с Вячеславом Ивановым, встречавшимся с ним в сентябре того же, 1912-го года в Базеле, где Белый слушал цикл лекций Штейнера. Сложно переплетенные ницшеанские и вагнерианские символы вкупе с откровенно сатирической тональностью толкований Канта — все это было для Метнера крайне оскорбительным. Именно в Базеле у Ницше начался кризисный период. Здесь, утверждал Белый с типичной для него игрой слов, лежало «происхождение трагедии»[26]. Здесь в пронизанной солнцем реке будущий создатель Заратустры искал «Золото Рейна» и здесь же, под стать новому Зигфриду, он пытался выковать свой разящий дракона светоносный меч. Но он пал жертвой закона, провозглашенного гномом, этой злой тенью Заратустры, — закона ложного кругового движения вечного возвращения. «Земля» Ницше отомстила его «небесам», кретин сокрушил в нем бога[27]. Он поднялся в Альпы со своим Заратустрой, но, ринувшись сломя голову в бездну, разбился. Подобным же образом философский модернизм и все символистское движение бросились в бездну только затем, чтобы отскочить обратно, спружинив на упругой резиновой голове. Современный неокантианец оказался гибридом младенца и старика, чересчур умствующим молокососом, оскопленным еще прежде достижения половой зрелости. Но на глубинном уровне книги «Так говорил Заратустра» читатель может почувствовать лучезарного исполина и солнце, освещающее его внутреннее пространство: это «вы Сами», космическая сущность, которую искал и утратил Ницше и к которой неокантианцу не дано даже приблизиться[28].

Эти сатирические «арабески» Белого как нельзя лучше были приложимы к Метнеру. Перекликаясь с видениями пятой главы «Петербурга», возвращающими Николая Аполлоновича к его детским ночным кошмарам, они выражали ту ницшевскую раздвоенность, с которой Метнер отчаянно боролся внутри себя самого. Откровенно намекая на вторую метнеровскую «Инвективу», в некоторых отношениях совпадающую с приложением к «Модернизму и музыке» и появившуюся в третьем номере «Трудов и дней» в начале той же осени, Белый описывал скопца-неокантианца как современного «гермафродита»[29].

Белый написал «Круговое движение» в Фицнау, в Швейцарии, и там же он сосредоточился на работе над шестой главой своего романа, почти целиком состоящей из снов и видений (разумеется, на ост-

ровах). Здесь «незнакомец» — Александр Дудкин — начинает отдавать себе отчет в двойственности и своей, и Николая Аполлоновича. Он объясняет Николаю Аполлоновичу, что пережитое им в трансах — это экстаз «терзаемого Диониса». Такая аллюзия Элевсинских мистерий указывает и на самоотождествление Ницше с Дионисом, содержащееся в заключительных строках «Ecce Homo»[30]. В кошмарном видении Дудкин встречается с дьяволом и понимает, что он, подобно Фаусту, добровольно поступил в услужение злому духу.

Задержавшийся четвертый номер «Трудов и дней», который Метнер был вынужден сделать сдвоенным, вышел в ноябре. Раздел «Wagneriana» включал в себя первую часть метнеровских комментариев к Вагнеру, кроме того в журнале были помещены благоприятный отзыв Метнера на концерт Моцарта, исполненный Рахманиновым, этюд о Рахманинове Шагинян, «Круговое движение» Белого (вместе с полемическим ответом неокантианца Степпуна), статья Иванова о недавно появившихся в печати произведениях (в которой, спровоцированный отчасти «Модернизмом и музыкой», он стремился показать, что объект метнеровской критики представлял собой лишь ложное дионисийство в модернизме), и первое письмо Эллиса из Мюнхена, в котором прямо заявлялось, что «научный оккультизм» развился из кризиса символизма[31].

Метнер послал номер журнала и экземпляр «Модернизма и музыки» Рахманинову. Он знал о критическом отношении композитора к авангарду, но реакция последнего оказалась совсем не той, на которую он, должно быть, рассчитывал[32]. Сверхчувствительный Рахманинов не забыл, что о нем однажды написал Метнер. Как утверждала Шагинян, он питал «острую нелюбовь» к Метнеру, которого считал человеком «мефистофельским»[33]. В то же время он, по-видимому, втайне уважал бескомпромиссный характер антимодернистской кампании Метнера[34]. Ощущая за всеми внешними различиями определенное родство между ними, Шагинян желала сближения двух соперников[35]. Знаменитый композитор ощущал себя творчески бесплодным с восемнадцати лет. Переутомившийся и психически истощенный, он как раз тогда обосновался в санатории в Аросе, в Швейцарии. Шагинян заканчивала тем временем книгу стихов «Orientalia», вышедшую в свет в начале 1913 г. По ее словам в мемуарном эссе о Рахманинове, книга была посвящена ему, но адресована прежде всего Метнеру, представляя собой провокационную попытку утвердить свои «азиатские» истоки вопреки воинствующему метнеровскому «арийству»[36].

В декабре решил уйти из «Трудов и дней» Блок; Иванов со своей стороны тоже уклонялся от активного сотрудничества. Сломленный Метнер в письме к Иванову задавался вопросом, видел ли Белый когда-нибудь живую личность в нем. Белый, разумеется, ранее задумывался над тем же вопросом относительно самого Метнера[37]. Единственным светлым пятном в сгустившемся вокруг Метнера мраке было присуждение Николаю престижной премии Глинки за композиции на стихи Гете, число которых к тому времени достигло двадцати семи. Он до сих пор еще не был по достоинству оценен русскими критиками, и премия означала определенного рода признание.

На протяжении осени Штейнер занимался тем, что укреплял независимость немецкой секции от теософского центра в Индии. В конце года он основал в Кельне собственное, отмежевавшееся от Теософского, «Антропософское общество». Лекционные курсы, прочитанные им, и формальную реорганизацию Белый воспринял с глубоким внутренним подъемом. Он отождествлял себя с новорожденным движением, которое придало новые силы его мессианским стремлениям[38]. Все это было подспудно связано с работой над романом и с тем творческим подъемом, которым сопровождались его упражнения в медитации. Из Кельна он с энтузиазмом сообщал Метнеру о своих грандиозных литературных планах на ближайшие несколько лет, — о проектах, совершенно противоречивших опасениям его друга.

Белый старался убедить Метнера, что на самом деле его отношения со Штейнером носили чисто личный характер. Он указывал на опыт Штейнера как члена ордена розенкрейцеров и проводил параллели между прорицаниями его и Минцловой, которым Метнер по-прежнему придавал серьезное значение[40]. Белый утверждал, что сделал выбор между санаторием и колонией оккультистов. Он отождествлял себя со своим «ницшевским» протагонистом из третьей симфонии и заявлял, что узнал в «Докторе Штейнере» психиатра своего героя[41].

Белый, без сомнения, имел в виду своего друга, поэта Сергея Соловьева. Осенью 1911 г., когда Белый приступил к работе над «Петербургом», Соловьев заболел; его лечили в психиатрической клинике в связи с его параноидальными и суицидальными наклонностями, которые в тот период проявлялись у него гораздо сильнее, нежели у Белого. Весной 1912 г., когда Белый обрел своего «Доктора», Соловьев проходил курс психоаналитической терапии в подмосковном санатории в Крюково; идеи Фрейда как раз тогда проникли в Россию[42]. Выйдя из санатория, Соловьев последовал по стопам Бе-

лого, — женился на младшей сестре Аси Тургеневой Татьяне и отправился провести медовый месяц в Италию. Многозначительно и со свойственной ему двусмысленностью Метнер сообщал Сабашниковой (в чьей жизни Штейнер явно играл ту же роль духовного целителя, что и в жизни Белого), что, ввиду надвигающейся «ветхости», он не прочь проконсультироваться у Штейнера как у «врача». Он писал, что собирается посетить его в течение ближайшего года, чтобы побеседовать о «беснованиях» Белого, которые «едва не привели к гибели Мусагета»[43].

Через Блока Белый вступил в деловой контакт с новым издательством «Сирин», заинтересованным в приобретении прав на публикацию его романа. Чтобы вернуть себе хоть какую-то роль в жизни Белого, Метнер вскоре принес новую «жертву», предложив свои услуги по ведению переговоров с издательством от имени Белого. Для Метнера это была одна из главных тем, когда он посетил Блока в Петербурге в начале 1913 г. Они поговорили и о Гете (Метнер настаивал на присутствии гетевского элемента в поэзии Блока)[44], и о том, какой вред наносит теософия «ритмическому» процессу в культуре. Обсудили неспособность Белого организовать свою жизнь. Метнер развивал свои идеи о сектантстве и о возможной измене Штейнера своему прошлому в ордене розенкрейцеров[45]. Блок, сам антисемит, говорит в своем дневнике, что был поражен «еврейским» в метнеровском лице. Однако это впечатление не помешало ему почувствовать к нему глубокую симпатию[46]. В тот самый день, когда они встретились в Петербурге, в Берлине было официально учреждено Антропософское общество — Белый и Тургенева были среди первых его членов. Это означало, что Белый еще решительнее избрал себе дорогу, по которой намеревался следовать, и что напряженность между ним и Метнером, завязанная теперь вокруг переговоров с «Сирином», еще более обострилась[47]. Издательский контракт был заключен в марте, что обеспечило Белому достаточную финансовую стабильность, дав возможность завершить антропософские штудии в Германии и рассчитаться с Метнером. Он временно вернулся в Россию, чтобы в волынском имении отчима Тургеневой закончить работу над романом. Там Белого вскоре посетил его новоиспеченный шурин Сергей Соловьев, который рассказал ему кое-что о своей психиатрической терапии. В письмах Блоку Белый, упоминая лечение Соловьева, выражал озабоченность психической неуравновешенностью Метнера и жаловался на его «необъяснимую жесткость», «одержание» и «невменяемость»[48].

В марте Метнер продолжал работать над своим путеводителем по Вагнеру, снабженным пояснительным комментарием о богинях в «Кольце нибелунгов». С Эрдой, однако, он решил обождать; тема явно требовала от него слишком большого напряжения. Работа же над книгой о Гете, по-видимому, близилась к завершению. Он назвал ее «Размышления о Гете», снабдив весьма многословным подзаголовком: «Разбор взглядов Р. Штейнера в связи с вопросами критицизма, символизма и оккультизма». Предпосланный книге эпиграф из ницшевского «Ecce Homo» знаменовал собой вызов на поединок. Метнер уже планировал следующие тома. Он написал предисловие, в котором пытался определить, чего именно он намеревался достичь, приступая к критическому разбору толкования Гете, предпринятого «архипастырем антропософии»[49]. Он утверждает, что философия жизни Гете не может быть введена ни в какую систему и что писать о ней можно лишь по сугубо внешнему поводу— в данном конкретном случае, по поводу работ о Гете Рудольфа Штейнера. Он отмечает, что Гете для России — все еще в огромной степени «terra incognita»[50], и утверждает, что, помимо искажений и ошибок, трактовка писателя Штейнером содержит все обычные клише поверхностного гетеанства. Все это — лишь попытка оправдать заявление книги, так как в действительности полемика со Штейнером служит не более чем предлогом для презентации собственного портрета Гете.

ВСТРЕЧА МЕТНЕРА С ПСИХОАНАЛИЗОМ

Книга Метнера о Гете еще не была закончена. Он продолжал дописывать и расширять ее, подобно тому как и Белый дорабатывал свой роман. Эта работа заполняла все растущую пустоту в его жизни, особенно после того как завершились издательские переговоры. Той же весной, на фортепьянном концерте у Морозовой он (вместе с Николаем) встретился с философом Иваном Ильиным, который вскоре сыграет важную роль как в его работе над книгой, так и в личной жизни. Ильин, который был на одиннадцать лет младше Метнера, оказался восторженным почитателем «Модернизма и музыки», разделяя ненависть Метнера к авангарду в музыке и литературе; к тому же он был большим поклонником искусства Николая. Его эмоциональная амбивалентность напоминала амбивалентность Метнера и сходным образом была связана с русско-немецким происхождением его семьи: его мать была немкой, а отец — представителем древнего аристократического русского рода. В 1905 г., примкнув к революционным радикалам, он разорвал всякие отношения с отцом. Теперь он тяготел к тому же славянофильствующему консерватизму, что и Метнер, а Гегель, о котором он писал магистерскую диссертацию, играл в его жизни такую же роль, что и Гете в жизни Метнера. Вместе с женой, тоже изучавшей философию, он вернулся за год до этого из Германии, где учился под руководством таких профессоров как Георг Зиммель и Эдмунд Гуссерль. Ильин приписывал Гегелю заслугу в прокладывании пути к знанию, зиждущемуся на живом тождестве субъекта и объекта, тождестве между созерцательным духом и божественной основой реальности. Гегель говорил о слиянии с «предметом»; это стало паролем для Ильина, находившегося одновременно и под сильным воздействием феноменологических размышлений Гуссерля о созерцании «идеальных сущностей» во внешней реальности. К этому времени Ильин был приват-доцентом на факультете философии права в Московском университете; по-видимо-

му, в этой академической среде он ближе познакомился с теориями Зигмунда Фрейда, чьи наиболее значительные русские последователи были связаны с университетской психиатрической клиникой[1]. Важнейшие работы Фрейда были изданы в России около 1912 г.; Ильин же читал их в оригинале. Возможно, он также бывал на так называемых «малых пятницах», неформальных и открытых собраниях, начавшихся в 1912 г. в Университетской клинике; на них обсуждались новые психотерапевтические идеи. Он уже подумывал и о консультациях у Фрейда.

Запись в дневнике Метнера, сделанная в день его первой встречи с Ильиным, содержит рассказ о явившейся ему во сне книге, написанной странным алфавитом. Стоило ему приняться за ее изучение, как вдруг волосы у него встали дыбом, ибо он начал ее понимать. В это мгновение он проснулся. Через два дня его внезапно осенило, что его «две судьбы» — «психофизическая организация» и «кантианско-аскетическое Ich (я)» — находились между собой в открытом конфликте[2]. Он не стал ни музыкантом, ни философом, потому что его «психофизика» противилась все это время честолюбивым замыслам его «я». Вполне возможно, что к этому моменту Ильин уже познакомил его с фрейдовской теорией неврозов. Книга на незнакомом языке содержала истину о нем самом, и это было то пугающее самопознание, которому он сопротивлялся.

Несколько недель спустя Метнер и Ильин устроили долгий ночной диспут о Гете и Гегеле. Метнер описывает эту дискуссию в эпистолярном дневнике, начатом им вместе с Шагинян примерно в это же время; письма, подписанные «Вольфинг», посылались из комнаты в комнату в доме в Траханееве, где гостила Шагинян. Ильин пытался убедить Метнера, что на самом деле тот мыслит гегелевскими категориями, что — судя по его же собственным словам — он понимает «предмет» так же, как и сам Ильин. Для Метнера эта беседа представляла опасность, поскольку он ничего так не боялся, как монизма, в котором теперь обвинял Ильина. Спор не закончился ссорой и взаимным отчуждением только потому, что Ильин смягчал свои провокации, чередуя их с неизменными заверениями в своем уважении и восхищении. Он настаивал на том, чтобы Метнер изложил свои мысли без обиняков и от своего имени, не пускаясь ни в какие полемические околичности. Узнав, что Метнер вновь работает над полемическим текстом, он стал еще более настойчив в своих требованиях[3].

В планы Метнера входило написание предисловия к русскому

переводу (изданному «Мусагетом» осенью) саги Вагнера «Вибелунги» («Die Wibelungen»), тесно связанной с «Кольцом нибелунгов»[4]. На него опять напала бессонница. Он был один в Траханееве, Анна и Николай путешествовали в это время по Европе. В Берлине состоялась первая настоящая встреча Николая с Рахманиновым. Метнер, боявшийся, что Николай может заразиться «русскостью» Рахманинова, отнюдь ее не одобрял. Разлученный с братом, Николай тоже страдал бессонницей. Положение троицы выглядело как никогда более неопределенным. Анна нуждалась в обоих, а Метнер и Николай нуждались как в ней, так и друг в друге.

В конце мая Ильин нанес очередной визит Метнеру, и они снова схлестнулись в споре. Знание Фрейда помогло Ильину нащупать у Метнера слабые места. Он сказал ему, что считает Гете эгоистом, соотносившим все на свете с собственной персоной и бравшим за единственную точку отсчета себя самого. В отличие от Гете, Гегель забыл о себе и сконцентрировался на «предмете», что позволило ему совершить перелом во «всем развитии бытия». Позже он прямо заявил, что культ Гете у Метнера был результатом его «инфантилизма». Тогда же, если не раньше, он поделился с Метнером некоторыми психоаналитическими знаниями[5]. Метнер, конечно, не мог упомянуть об этом в своем отчете о вновь вспыхнувшем споре, предназначавшемся для Шагинян. Это расходилось с его целями, поскольку в «манифесте» к эпистолярному дневнику, как раз в это время составленном им, он объявлял, что некоторые темы в их переписке, и среди них «пол», являются табу[6].

При всем при том письма Метнера к Шагинян обнаруживают интимность, сопоставимую разве что с тоном, принятым между ним и Анной. Без сомнений, Шагинян сексуально возбуждала его сильнее, чем любая другая женщина, с которой он сталкивался до нее. Она была его «азиаточкой». Он называл ее своей музой[7] и, с особой нежностью, «деточкой», по ассоциации с манерой обращения Вильгельма Мейстера с Миньоной, девочкой с мальчишескими ухватками[8]. Их отношения, по-видимому, и впрямь перекликались с отношениями между Мейстером и сексуально неопределившейся дочерью итальянского арфиста. Мейстер окружен женщинами, но ни одна из них не может дать ему того же удовлетворения, что дает Миньона, темноволосая и импульсивная южанка, ребенок, предлагающий свою преданную любовь. Он знает, что с Миньоной его связывают тайные религиозные узы; их отношения одновременно и целомудренны, и окрашены в эротические тона. К своей преданной смуглой

южанке Шагинян Метнер должен был питать сходные чувства. В письмах он часто заявлял, что они «связаны навеки». Теперь его все больше и больше интересовали сны, и именно Шагинян чаще всего являлась ему в ночных видениях. Он уподоблял ее амазонке, всаднице, заставившей «дрянную клячу» его души встать на дыбы и пуститься в галоп. Это — лишь один из множества сексуально насыщенных образов, намекающих на то, что ее «мужественность» была направлена к пробуждению в нем женственной составляющей его личности[9]. В то же время он постоянно возвращается к своему «больному "я"» и неосуществимости этой ее задачи, что в действительности преследовало лишь одну цель — усилить зависимость Шагинян от него[10].

Ильин высказал несколько полезных профессиональных критических замечаний по поводу рукописи о Гете. Под впечатлением от разговоров с ним Метнер написал введение к разделу «Goetheana», который он собирался включить в очередной номер «Трудов и дней», запаздывавший по вине Белого. Метнер сопроводил его эпиграфом, в котором словами Пушкина Гете провозглашался «нашим великим учителем». При этом Метнер ощущал, что только Гете мог спасти его и Россию. «Болеет наша культура», объявлял он, потому что нет никого, кто может повести ее за собой. Мы должны, следовательно, обратиться за исцелением к «великим мертвецам»[11]. И Гете в этом отношении — самый подходящий «врач», поскольку он сам испытал «все духовные борения», терзающие наше время[12]. Чуть ли не сверхличная идентификация Гете с природой позволила ему достигнуть того, что лежало за пределами его самого. Его размах и «коллективистическая сторона» и составляют ту неуловимую и неустранимую особенность его личности, которая воплотилась в его искусстве и стала тем самым общедоступной[13]. Проникновение в индивидуальность Гете приносит не только радость, приходящую вместе с осознанием высочайшей человечности, но и подлинную помощь, ибо лишь почувствовав его «неделимое», можно по-настоящему постичь и степень его самопознания[14]. Наше время стремится к этому самопознанию, но мы выбрали не тот путь и теперь лишь все глубже тонем в болоте. Гете нужен России как никогда. Ему не страшна критика, а та разноголосица мнений, что возникла вокруг его личности и творчества, в сущности, есть лишь выражение бессознательного признания.

Это введение может быть прочитано как письмо, адресованное Ильину через головы читателей. В этом введении примечательно то,

как настойчиво Метнер подчеркивает роль Гете как «врача» России; здесь чувствуется скрытый намек на ту роль, которую Белый отводил своему «учителю мудрости» Штейнеру, а также, вероятно, и полемические отголоски того, что Ильин поведал Метнеру о Фрейде[15].

В июне Белый вернулся в Волынскую губернию после поездки в Гельсингфорс, где он и Тургенева прослушали ряд лекций Штейнера, в которых антропософ прямо призывал русских, находившихся в аудитории, вслушиваться в свою национальную душу с тем, чтобы быть готовыми к исполнению ее грядущей культурной миссии[16]. Белый продолжал работать над седьмой главой своего романа. В конце этой главы «незнакомец» Дудкин пытается освободиться от своего кошмара путем убийства Липпанченко, только что спевшего свою «лебединую песню» под аккомпанемент скрипки в слащавой южной манере, которую Метнер в «Эстраде» и Белый в «Штемпелеванной культуре» характеризовали как специфически еврейскую[17]. Следствием убийства становится откровенно ницшевское раздвоение личности Дудкина. Белый и сам пребывал тем летом в очень тяжелом состоянии. Он подумывал о том, чтобы окончательно присоединиться к Штейнеру, зная при этом, что его преданный соратник Эллис, поощряемый Метнером, уже склонялся к тому, чтобы оставить антропософию.

В начале июля Метнер отправился в Пильниц с ежегодным визитом к Фридрих. Страхи оказывали на него все более парализующее воздействие. Однажды, неподалеку от Хеллерау, он наблюдал занятия по ритмике в школе танцев Эмиля Жак-Далькроза и был покорен гармонической «организацией масс». В этом различим отголосок его давнишней мечты о дисциплинированном коллективном организме. Гимнастическая программа Далькроза имела ярко выраженный терапевтический профиль, который не мог не привлечь Метнера, хотя его и отталкивала «демократизация» этой программы[18]. О пережитом им в Хеллерау он сообщил в письме к Ильину, отважившись в то же время задать ему некоторые вопросы о психоаналитической литературе и о возможности консультации у Фрейда[19]. Ильин в своем ответе подчеркнул, что Метнеру сначала совершенно необходимо связаться с самим Фрейдом, а не с кем-либо из его коллег-психоаналитиков. Он подробно описал «сеансы» Фрейда, а в качестве «пропедевтически необходимой» литературы упомянул «Три очерка по теории сексуальности» и «Толкование сновидений» Фрейда и обзор Эдуарда Хичмана «Фрейдовское учение о неврозах»[20]. О деталях клинической практики Фрейда Ильин, по-видимому, узнал

от Николая Осипова, молодого московского психиатра из университетской клиники, на протяжении нескольких лет состоявшего с Фрейдом в переписке. Как раз в это время группа московских докторов предприняла учебную поездку в Вену, где их принял Альфред Адлер. Новые теории Адлера начинали привлекать к себе внимание в России — главным образом о них говорилось в журнале «Психотерапия», который стал рупором психоаналитической мысли.

В Пильнице Метнер видел кошмарный сон, который он записал и которому справедливо придавал огромное значение[21]. Он видел во сне двух старых, сморщенных, совершенно одинаковых сестер в магазине тканей. Одна из них все время держалась в тени другой, неизменно появляясь в сером освещении и сером платье, которое она, казалось, никогда не меняла. Однажды обнаружилось, что магазин закрыт. Когда дверь была взломана, «старшую» сестру нашли в полубезумном состоянии на грани жизни и смерти. Ее лицо было в глубоких царапинах, платье разорвано, а горло в кровоподтеках от пальцев, пытавшихся ее задушить. Придя в себя, она объяснила, что случившееся произошло по ее вине, так как она долго притесняла свою сестру, и та в конце концов взбунтовалась и зверски напала на нее. Вскоре, однако, выяснилось, что у нее никогда не было сестры. Отметины на ее лице и горле остались от ее собственных пальцев и ногтей. Сон этот, очевидно, отразил переживаемое Метнером ощущение, что он одновременно является и самим собой, и своим братом (Андреем Белым), и что его разрывает непримиримый внутренний конфликт. В этом сне отразилась и интимная нарциссическая связь с Шагинян, которой Метнер и рассказал о его содержании. Отношения Шагинян с сестрой в какой-то мере были подобием отношений между Метнером и Николаем, и не только в плане осуществления контроля. Вполне возможно, что Метнер уже тогда был знаком с книгой «Толкование сновидений», полученной им тем же летом вместе с книгой Хичмана.

Наконец вышел первый в том году (сдвоенный) номер «Трудов и дней»; в центре этого номера были разделы «Goetheana» и «Wagneriana». Первый состоял из введения Метнера и анализа «Лесного царя», предпринятого молодым философом Алексеем Топорковым; его анализ перекликался с идеями Метнера об исключительной близости Гете к «хаосу и безумию» и о его освобождении от внутренних демонов посредством искусства[22]. В последнем же разделе было помещено продолжение прошлогодней статьи Метнера о различных богах тетралогии о нибелунгах и крайне субъективное тол-

кование «Парсифаля», написанное Эллисом[23].

В письме к Ильину Метнер жаловался на «страшную» усталость, мешавшую ему закончить книгу о Гете[24]. Правда, его депрессию скрашивал разрыв Эллиса с антропософским движением и сочинение антиштейнеровского памфлета, который предполагалось опубликовать в «Мусагете». В Пильнице Метнера посетила Шагинян, уговорившая его направить ее своим посланником к антропософам в Мюнхен, с предложением примирения с Белым, который слушал там последние лекции Штейнера. Встреча между Белым и Метнером, о которой Шагинян удалось договориться, произошла в Дрездене и прошла, судя по всему, удачно, прежде всего благодаря ее смягчающему присутствию[25]. Однако встреча эта мало что изменила, и Метнер писал Анне, что в ближайшем будущем опасается «самого страшного»[26]. Через две недели, 20 сентября, в Дорнахе был заложен краеугольный камень «свободного университета духовных наук», а в Москве в тот же день было основано Русское антропософское общество. Белый уже находился в Христиании, ожидая нового цикла лекций Штейнера о Христе.

На обратном пути в Россию Метнер решил проконсультироваться у Фрейда. Он приехал в Вену в начале октября и пробыл там полторы недели. Похоже, он застал психоаналитика в самое подходящее время, так как Фрейд только что закончил исследование того явления, которое он назвал «нарциссизмом»[27]. Из данного Метнером описания своих недугов, Фрейд заключил, что его личность, страдающая периодически возвращающимися симптомами болезни Меньера, постоянно терзали «боли от тяжелых родов»[28]. Он заверил, что ушная болезнь Метнера и Шагинян может быть излечена, и советовал ему вернуться еще раз для прохождения курса лечения[29]. С терапией можно было подождать приблизительно до следующего года, когда Метнеру вновь представится возможность длительной заграничной поездки. Метнеру было предписано твердо следовать своим нереализованным планам: «жениться и не впадать в отчаяние»[30]. Свободные вечера в Вене он проводил в опере; был и на представлении «Валькирии»[31]. Возможно, под впечатлением вагнеровских идей, но на самом деле скорее всего под влиянием Штейнера, он начал соблюдать вегетарианскую диету.

Примерно в то самое время, когда Фрейд сообщил Метнеру о его «родовых болях», Белый переживал мистерию возрождения на лекциях Штейнера в Бергене: эти лекции как бы возвратили его к экстазам 1901 года. Он чувствовал свое преображение в «Богородии-

цу»[32]. В спазматических конвульсиях он выявил свое новое «я» — «я», призванное спасти мир[33]. В этих переживаниях сказывался театральный и истерический элемент, восходивший, конечно же, к пророчествам Ницше и Соловьева; по-видимому, в своей мегаломании Белый в конечном счете подражал мегаломании Ницше в «Ессе Homo». Отныне Белый вручал свою жизнь в руки Штейнера.

Восторг сменился изнеможением и чувством вины. Узнав по возвращении в Берлин о памфлете Эллиса, Белый тотчас же телеграфировал Метнеру в Москву, убеждая его не печатать это произведение. В конечном счете, его собственная близость к «Мусагету» могла навлечь на него обвинения в «предательстве»[34]. В особенности его пугало то, что Эллис приобщенный к близкому окружению Штейнера, бывал на эзотерических уроках «Учителя» и теперь собирался, судя по всему, обнародовать некоторые оккультные материалы, к которым он имел доступ. Белый настаивал, по меньшей мере, на купюрах в тексте.

Развал «Мусагета», которого так боялся Метнер, представлялся теперь неминуемым. Он жаловался Шагинян, что все его усилия оказались в этот момент совершенно бесполезными; и что еще хуже, то была бессмысленная жертва, принесенная ради кого-то. Он увидел себя во сне артиллерийским офицером, участвовавшим в военном сражении. Раненный в руку и вынесенный с поля боя вместе с женщинами и детьми, он внезапно очутился на оперной сцене. Взрывы вагнеровского оркестра пронзили его, как до того пронзила картечь[35]. Он воевал с Белым и с самим собой, и то была война в вагнеровской тональности.

Шагинян между тем работала над статьей для очередного номера «Трудов и дней», под названием «Воля к власти». Несмотря на заглавие, статья эта имела отношение не к Ницше, а к Гете. Ее подтекст, содержавший ряд специфических аллюзий, метил в Метнера. Статья воспринимается как отголосок идей Адлера о фундаментальной потребности невротика во власти, идей, имевших в это время сильное влияние среди московских психиатров, однако крайне сомнительно, чтобы Шагинян была знакома с этими теориями. Более вероятным представляется то, что ее интерес к человеческому стремлению к власти имел «ницшеанскую» отправную точку, связанную с оживленными культурными дебатами в России тех лет. Она указывала на то, что даже дети, и те борются за верховенство в своих играх, и что и вне игры они тоже «бессознательно властолюбивы»[36]. Стремление ребенка к власти поначалу инстинктивно, но позднее оно

проявляется все более и более сознательно. Когда дети вынуждены считаться с другими, более сильными, чем они, это стремление переносится в область волшебных сказок. Как и наши сны, оно выражает потребность в покорении внешнего мира, «жажду этой неограниченной и притом произвольной власти»[37]. Шагинян цитирует Наполеона — которым восхищался Метнер — как пример граничащей с безумием тяги к утверждению собственной воли. Особенно показательны в этом контексте две вещи Гете, дополняющие друг друга, несмотря на их формальные и жанровые отличия: «Новый Парис» (в первом томе «Поэзии и правды») и «Мариенбадская элегия». Сказка из «Поэзии и правды» — это фантазия Гете-юноши, которую он часто рассказывал своим сверстникам и товарищам как приснившийся ему сон. В нем он использовал дарованные ему богами волшебные силы с целью покорения девочки по имени Алерта. Явно имея в виду Метнера, Шагинян видит, как «властолюбец, маниакально преданный идее господства, цепляется за нее всеми правдами и кривдами, сам себя обожествляет, упоется самозванством, защищает свою власть и зубами и кулаками, и моментальными творческими насилиями над суммой своих представлений, которые он комбинирует к своей выгоде (мы зовем это «ложью»), — и побеждает»[38].

Но насколько незыблема такая победа? «Мариенбадская элегия», по контрасту с «Новым Парисом», показывает, как постаревший поэт подвергает свою власть испытанию. При всей своей «острой и нежной» любви к «новой Алерте», он добровольно подчиняется воле Всемогущего и утрачивает магию своей власти[39]. Взамен он получает единственную истинную свободу — свободу от Судьбы. Таким образом, Шагинян заканчивает свою статью скрытым призывом к Метнеру, призывом последовать примеру неэгоистичной любви Гете к юной Ульрике: если он перестанет контролировать себя и прислушается к своим чувствам, возможно, его одержимость идеей судьбы ослабит свою хватку. Сходство было тем более очевидным, что Метнер постоянно твердил о своей «ветхости» и о полной жизненных сил молодости Шагинян, а их отношения в целом походили на отношения Вильгельма Мейстера и Миньоны.

«Воля к власти» была написана, когда Метнер вступил в заключительную стадию сражения за власть в «Мусагете». По горячим следам собрания, на котором обсуждалась публикация памфлета Эллиса в свете выдвинутого Белым ультиматума, он объявлял Шагинян (через два дня после того, как ее статья была закончена): «Ясно вполне, что антропософия или должна быть подчинена «Мусагету» (как

одно из «учреждений» всему «государству») или она подчинит «Мусагет» себе»[40]. Спустя неделю-другую от Белого поступило «досье», в котором он заявлял, что уходит из издательства. С Метнером случился приступ головокружения и болезни Меньера; в этом состоянии он прочел первые две главы «Петербурга», вышедшие в литературном альманахе «Сирин». Его страдания переросли в настоящую пытку; в письмах к Шагинян он характеризовал роман как «гениальное рассказывание дрянных психологических атомов: безотрадная опустошенность, сменяемая там и здесь замаскированною антропософическою назидательностью». Новую психологическую прозу Белого он нашел безвкусной, манерной, механистичной. Похоже было на то, что Белый «исписался», подтверждая тем самым его опасения о губительных последствиях оккультизма для художественности[41].

Тем временем Белый дописывал в Берлине заключительные главы и эпилог романа. Он устал и был сильно озабочен: его не покидало ощущение, что его дух свободно парит после норвежских экстазов, тогда как «бренная оболочка» мучительно прикована к земле[42]. В восьмой главе жаждущий возрождения Николай Аполлонович Аблеухов начинает напоминать одновременно и ребенка, окруженного ореолом спасителя, и «белокурую бестию» Ницше. Наконец, пародийным эхом пережитого Белым в Бергене таинства рождения раздается взрыв бомбы в доме Аблеухова. Отца Николая Аполлоновича этот взрыв не убивает, но сокрушает духовно, и Николай Аполлонович вынужден бежать из Петербурга и из России. В эпилоге он вновь, в облике, напоминающем Христа, появляется в русской деревне. Как это ни парадоксально, Белый чувствовал себя вновь обращенным к России благодаря Штейнеру, но при этом оставался частью оккультной коммуны в Берлине и обращал свои взоры к Дорнаху.

Катастрофа, внушавшая Метнеру такой ужас, свершилась. Более того, неокантианцы, издававшие «Логос», тоже порвали с «Мусагетом»[43]. Вячеслав Иванов, перебравшийся в Москву, убеждал Метнера провозгласить спасительное слово, которое бы заново объединило силы символизма, написать нового «Заратустру», о чем тот всегда мечтал[44]. Но Метнер чувствовал только боль и опустошенность: крах «Мусагета» угрожал расколоть надвое и его самого. Он искал поддержку в Чемберлене: «самый близкий мне человек в Европе», — признавался он Шагинян[45]. В начале того же года он прочел чемберленовского «Гете» (1912) и был потрясен сходством их взгля-

дов на этого писателя. Чемберлен тоже акцентировал освобождение Гете от раздиравшего его внутреннего кантовского дуализма с помощью искусства[46]. «Мусагет» именно в это время опубликовал русский перевод «Арийского миросозерцания». Это произведение сослужило Метнеру хорошую службу в развернутой им кампании против антропософии, поскольку оно фокусировалось на Гете и в то же время подходило к индоарийскому наследию с иной, нежели оккультизм, точки зрения, демонстрируя его космические истоки и первостепенное значение для европейской христианской культуры[47]. Метнер также собирался во втором томе «Размышлений о Гете» (если, конечно, ему когда-нибудь удалось бы его написать) уделить внимание дискуссии Чемберлена и Георга Зиммеля о Гете и Канте[48].

Страдая от приступов головокружения, Метнер работал в это время над «контр-досье», где перечислялись все стадии «предательства» Белого по отношению к «Мусагету»[49]. Шагинян в конце концов удалось уговорить его принять в Траханееве Рахманинова. Однако визит, как она отмечает в статье, посвященной памяти композитора, прошел в натянутой обстановке, поскольку Метнер «сидел больной и пасмурный и не вмешивался в разговор» (даже когда разговор коснулся Белого)[50]. Метнер прочел «Женщину с моря», пожалуй, наиболее психопатологическую из всех драм Ибсена, в которой героиня, Эллида Вангель, духовно выздоравливает благодаря встрече лицом к лицу со своими скрытыми инстинктивными стремлениями, воплощенными в «незнакомце» с моря. Колебания между реальностью и проекцией оставляют зрителя в сомнении относительно границы между событиями внешнего и внутреннего мира. Борьба Эллиды со своим бессознательным была, конечно же, хорошо знакома Метнеру[51].

Перед самым новым, 1914-м годом Метнер, Анна и Николай переехали, из практических соображений, в собственную московскую квартиру. Белый был в Лейпциге, где слушал лекции Штейнера о Христе и средневековом символизме Святого Грааля. Теперь, когда он дал своему «Учителю» решающую клятву, полагал Белый, ему дано будет видение чаши. В интимных автобиографических записках он говорит о предчувствии того, что какая-то часть его существа готовилась к смерти[52]. Во время лекционного курса он посетил деревню под Лейпцигом, в которой родился и провел свои первые годы Ницше (и в которой до сих пор жил пастор, коллега отца Ницше, помнивший его ребенком). Он опустился на колени перед могилой Ницше — и ощутил в себе наполненность неиссякаемым солнцем:

словно он вышел за пределы самого себя и истории[53]. Фактически то была заключительная точка в его работе над «Петербургом» — почти абсолютное самоотождествление с больным Ницше. Спустя несколько недель он и Тургенева обосновались в Дорнахе.

Метнера день и ночь терзала болезнь Меньера. Его самоотождествление с больным Ницше было не менее сильным, чем у Белого. Он советовался с гомеопатом, который прописал «натуральные» средства лечения и гидротерапию. 21 февраля Шагинян уговорила его пойти с ней на генеральную репетицию «Колоколов» Рахманинова, написанных на текст стихотворения Эдгара По (в переводе Константина Бальмонта). Эта недавно созданная «хоральная симфония» для самого большого оркестра должна была впервые исполняться в Москве с хором Большого театра. Метнер намеренно опоздал на репетицию, придя к началу второй части. Как признается Шагинян в своей мемуарной статье, она нервничала, а демонстративно пустовавшее место Метнера даже сказалось на дирижировании Рахманинова — при исполнении, возможно, самой сильной части «симфонии». Причин для такого поведения Метнера было несколько. Он не любил программную музыку подобного рода, к тому же Рахманинов придал первой части национальный колорит: она рождала ассоциации с сугубо русским зимним пейзажем и звоном колокольчиков. Это произведение стало величайшим успехом в карьере Рахманинова, но братья Метнеры даже не сочли нужным поздравить его. Шагинян не знала, куда деваться от стыда. По ее собственным словам, она была порабощена «жесткой логикой» Метнера и его «блестящей эрудированной «снисходительностью» к музыке Рахманинова»[54]. В своем эпистолярном дневнике Метнер суммирует свои впечатления в том же духе, в котором он уже однажды отзывался об операх Рахманинова: «Неприятно слышать нарядную музыку, написанную душевноглубоким композитором, не умеющим сказать существенное и рассказывающим то, что могут и другие, гораздо менее глубокие, могут рассказать даже лучше, с более естественной нарядностью»[55]. В своем ответе Шагинян обвинила его в «садизме», что спровоцировало Метнера на ответный, еще более жестокий удар; он отвергал «Колокола» как «плохое искусство очень большого музыканта-неудачника, потуги человека без спинного хребта, психологического атомиста»[56]. Его оценка «симфонии» Рахманинова поразительно совпадает с его же оценкой «Петербурга»: в обоих случаях он критикует произведения за их внутреннее отчаяние и «психологический атомизм».

В середине марта Метнер вновь схлестнулся с Ильиным. На сей раз искрой послужило тяготение последнего к русскому культурному национализму. Как и в случае с немецким культурным национализмом Метнера, это был компенсаторный феномен, но как бы инверсированный, поскольку в случае Ильина немецкое происхождение его матери аналогичным образом мешало ему чувствовать себя истинно русским. Теперь он склонялся к Достоевскому и бросал Метнеру вызов тем, что ставил русского писателя выше Гете. Гегель, согласно декларациям Ильина, убил в себе все антропологическое, «сгорел со стыда, что он немец», поставил себя выше национальных различий. Достоевскому не нужно было этого делать; он мог оставаться русским, поскольку, как он сам выразился, русский человек — это «всечеловек»[57]. Ему достаточно было «сжигать» посредством своего искусства все, что было в нем отвратительного. А Гете был всего лишь тайным советником, типичным немцем восемнадцатого века, совершенно недостойным книги Метнера. Возвеличивая свою персону, ставя «Вольфганга Гете на место «предмета»», Гете потерял душевное равновесие. Ильин заявлял, что немецкая поэзия вообще невозможна, по причине уродливости немецкого языка. В качестве примера он отвергал самое знаменитое стихотворение Гете, «Ночную песню II» («Über allen Gipfeln»), утверждая, что его «спас» лишь гениальный перевод Лермонтова. Будущее принадлежит России, а не Германии, которая фактически уже мертва и гниет. На эти богохульства Метнер ответил своими богохульствами, заявив, что перевод Лермонтова относится к оригиналу Гете как польская мазурка к религиозному таинству, критикуя отсутствие у великих русских, и в особенности у Достоевского, «благородства» (Vornehmheit), отвергая русские звуки «ч», «ш», «щ» и «ы» как варварские и оценивая русский абстрактный язык как лишенный плоти, нечеловеческий и суконный по сравнению с его немецким оппонентом[58]. Ильин в конечном итоге признал, что он сознательно провоцировал Метнера. И он в этом преуспел: насмешки Ильина над немецким языком точно ремнем били «по моим губам, немецким губам», — исповедовался Метнер в письме к Анне[59].

КНИГА О ГЕТЕ

Одно время Метнер зачитывал Ильину вслух фрагменты из корректуры своей книги. Теперь он проделал это в последний раз, ибо «Размышления о Гете» были закончены. Произведение Метнера было отчаянной попыткой пробудить Белого, пока не поздно, но одновременно оно было и аутотерапевтическим актом. Метнер постарался придать ему почти научный вид, разделив на части и сопроводив обширным аппаратом примечаний. Штейнер изображается здесь в той же манере, что и Лист в метнеровской статье 1912 года. В действительности как раз подход Метнера к Листу вполне мог определиться под влиянием его воззрений на Штейнера, поскольку эти двое имели в глазах Метнера много общего: оба узурпировали фигуру Гете и оба в какой-то степени создали себе плацдарм в России, по крайней мере через д'Альгейма. Сделать из Штейнера еврея было еще меньше шансов, чем из Листа (хотя, как и Лист, Штейнер вырос в Венгрии, в немецкой области), и все же Метнер окружил-таки его «иудейскими» эпитетами. Как ни парадоксально, он усмотрел материалистический фундамент в основании штейнеровской науки о духе; он намекал на ее близость к демонизму и хаосу и предостерегал против опасной притягательности, которую она может возыметь для славян. Как дает понять Метнер, Штейнер, в чисто еврейском духе, ищет эклектического «универсального знания», являя тем самым нечто давно отжившее, нечто принадлежащее прошлому. Позиция Штейнера по отношению к Гете описывается как по существу антагонистическая, то есть все сводится к вопросу о власти. «Меч» Штейнера был выкован в кузнице, принадлежащей «потомкам карлика Миме»[1]. Но его злокозненные махинации потерпели провал; не способный вразумительно сформулировать какую бы то ни было мысль или высказывание, он не нашел, как ни старался, ни одного уязвимого места у Гете-Зигфрида.

Главной мишенью атак Метнера служит недооценка Штейнером роли Канта в жизни Гете и переоценка гетевской натурфилософии. Он считает, что Штейнер исказил все перспективы, расширяя и превознося недостатки Гете и одновременно преуменьшая и опошляя истинные проявления его величия. Решающая встреча с Шиллером в 1794 году, по мысли Метнера, привила мышлению Гете кантовский критицизм. Без этого противоядия Гете мог сбиться с пути, который надлежало пройти Фаусту в его нисхождении к Матерям, и, подобно Вотану, мог задохнуться в «объятиях Эрды». Метнеру хотелось бы верить, что свободная душа Гете и любовь к человечеству в любом случае сохранили бы и спасли его, но опасность крылась именно здесь, и это известно любому, кто пытался следовать мысли Гете и замечал, как того сносит «в бесконечные сталактитовые проходы пещеры Эрды»[2]. Он совсем не был вознесшимся, хладнокровным олимпийцем, когда встретился с Шиллером, зато в возрасте сорока пяти лет, когда началась вторая половина его жизни, он обладал большей страстью, большим юношеским задором и непочатой энергией, чем кантианец Шиллер, который был моложе его на десять лет. Здесь сошлись сверхчуткий визионер и ученый поэт-философ, результатом чего явилась самая замечательная дружба в истории литературы. Но Штейнер совершенно неправильно истолковал эту встречу. Он лишил гениально-непосредственные естественнонаучные воззрения Гете всего их аромата, превратив их в обыкновенную глупую наивность анти-критициста. Он полагал, что Гете был против Канта, тогда как на самом деле именно прозрения Канта обеспечили зрелому Гете твердую почву под ногами.

Штейнер настаивает на том, что Гете никогда не созерцал свою собственную мысль, как это отваживается делать антропософ в состоянии медитации, и, следовательно, никогда не исследовал и опытно не постигал идею свободы. Метнер отвечает, что Гете, как творец и проводник идей, всегда мыслил созерцательно, образами, а не абстрактными понятиями. Из его общения с Шиллером явствует, что он находился в опасной близости от того, чтобы утратить различение между внутренним и внешним образом. В то же время он был от природы наделен подлинным гносеологическим талантом и в высшей степени способен к саморефлексии, даже если она порой и требовала от него усилий или встречала известное сопротивление.

Метнер полагает, что Штейнер, когда он пишет о естественнонаучных размышлениях Гете, маниакально стремится отделить Гете от современной науки с ее неадекватными рационалистами и меха-

ницистами. Это означает, что он отказывается принимать в расчет лирические достоинства научных работ Гете. Гете очень ясно описал процесс своего духовного видения, способ, которым его «внутреннее око» схватывало идеи. Его научные изыскания занимают особое положении на стыке искусства, науки и философии. Он никогда не абстрагировал свои наблюдения, но исходил из типических случаев, тогда как у ученого-естественника в качестве отправной точки есть готовая концептуальная сетка. Он понимал «протофеномен», «перворастение» органического мира через свой «метод филиации», не коррелировавший с научной классификацией, как об этом заявляет Штейнер, но, напротив, шедший параллельно ей. Если физика стремится к относительному господству над внешним миром, Гете в физической реальности искал такую истину, которая была бы плодотворна для мира духовного. Однако Штейнер упорствует в своем заблуждении, будто наука пытается лишь объяснить мир, будто это есть главная задача физики.

Интеллект Штейнера, по убеждению Метнера, не готов к символизму, следовательно, ему никогда не удастся осмыслить Гете. В 1797 году гетевское предчувствие связи между видимым и невидимым мирами заложило фундамент символизма. Его творческая идея символа возникла в то время, когда он достиг окончательного и бесповоротного критического дуализма. Символическое познание было бы немыслимо, если, согласно модели Штейнера, мы могли бы обосновать и истолковать все на свете. Важно осознать предел способности символического познания, поставленный Гете. Это — «первоформа», которая была для него одновременно идеальной и реальной, символической и аутентичной. Никто никогда не поймет символизма Гете, пока не постигнет его принцип «stirb und werde» — «умри и стань» (из стихотворения «Seelige Sehnsucht» — «Блаженная тоска» — в сборнике «Западно-восточный диван»), пока его не пронзит эта гетевская «блаженная тоска», которая позволяет «я» погибнуть, как мотыльку в пламени, только затем, чтобы воскресить его в высшей форме. Путем катарсического очищения «блаженная тоска» превращается в духовное ясновидение. Интуитивное воображение приобретает новую четкость, и, пользуясь собственными словами Гете, рождается «точное чувственное воображение»[3].

Гете не отрицал объективного существования других измерений или «планов» (как их называют антропософы), он просто устранился от своевольного, систематического проникновения в них. Его масонская песня «Symbolum» обнаруживает его смирение перед этими

тонкими материями. Он сказал, что нам никогда не обрести знания истины, имеющей божественное происхождение. Нам дано лишь мельком увидеть ее в отражениях, в частностях, в символах.

Гете, по мысли Метнера, начинает с целого и стремится к целому. Его мысль движется то линейно, то пересекаясь, то разбегаясь в разные стороны, порождая попутно множество прекрасных и грандиозных образов. Метафизическая уверенность в том, что природа и дух слиты воедино в мире, который как макрокосм отражен в микрокосме человеческого существа, никогда не покидала его, даже тогда, когда он был самым законченным дуалистом. Да и Кант никогда от нее не отрекался.

Из всех великих людей, живших на земле, Гете, возможно, достиг наиболее глубокого самопознания. Безграничность и разносторонность его внутренних прозрений прямо-таки пугает. Метнеру кажется загадкой, что это не подавило его творческие способности. С погружением Гете в глубины своего духа не все обстояло так просто. Он должен был исследовать целый мир, чтобы в конце концов обрести себя. На взгляд Гете, созерцание мира должно сочетаться с самосозерцанием. Он подчеркивал, что индивидуум не может долго оставаться в состоянии сознательности и должен вновь искать прибежища в бессознательном, поскольку именно там находится его «корень»[4]. В действительности Гете был даже более склонен к различного рода экстремальностям, чем многие нынешние эстеты, представители различных поляризованных течений. Но он стремился отойти от полюсов ради проявления в себе не варварского или божественного, а человеческого, которое лежит посередине. Литературное наследие Гете свидетельствует о его титанической работе над собой. В непрерывном борении он постепенно достиг внутреннего равновесия.

После своего путешествия в Италию, продолжает Метнер, Гете обрел состояние любви-войны с природой. Он почувствовал себя «женихом» природы в тот миг, когда перестал бояться ее и оставил попытки насиловать ее теорией, то есть, ощутив себя скорее отделенным от природы, нежели неопределенно с нею слитым[5]. То был акт внутренней необходимости и, следовательно, высочайшей свободы. Его «брак» с природой был, возможно, самым гармоническим единством частного и общего, личного и универсального в истории человечества[6]. Он стал богоподобным, выполнив призыв Аполлона, бога-солнца: «Познай самого себя!». В «Рождении трагедии» Ницше говорит об «обожествлении индивидуации» в том же контексте сле-

дования повелению Аполлона[7]. Гете грозил «солнечный удар», если бы он слишком пристально взирал на своего любимого бога и отказался от влечения к самопознанию, если бы — как он сам сказал Шиллеру — он не научился «себя отделять от самого себя»[8]. В противном случае его самоутверждение закончилось бы отождествлением с Божественным Светом, со всей Вселенной.

Власть над природой, на которую претендует монистическая антропософия, это, по утверждению Метнера, просто-напросто магическая иллюзия. Подобные претензии ведут лишь к порабощению Люцифером, к тому же самому ложному самовластью, которое предлагает Фаусту Мефистофель. Гете никогда не стремился к господству над природой или хотя бы над собой, он жаждал лишь щедрости, которая подобающим образом препоручит его объятиям природы. В конечном счете, он искал именно любовь, и поскольку он обрел любовь, он отыскал и дорогу к внутренней власти над внешней реальностью.

В этом портрете Гете Метнер изображает себя и Белого. Гете угрожало ницшевское душевное помрачение, однако, вступив во вторую половину своей жизни, он с помощью Канта сумел победить внутренних демонов, «себя отделить от самого себя», провести границу между собой и миром. Метнер был вовлечен в ежедневную борьбу за власть с внутренней и внешней природой, и гарантией его спасения было то, что в точно такой же битве участвовал Гете — и победил. Причина, по которой Штейнер был для Метнера врагом, заключалась в том, что через метнеровского alter ego Белого тот пытался монистически узаконить наступление бессознательного на те крепостные стены, которыми Метнер обнес свой разум. Метнер помышлял о близком к гетевскому состоянии равновесия между возвышенным и низменным, между аполлоническим и дионисийским, между светом дня и темнотой ночи. Он стремился к «индивидуации», к возрождению в новой высшей форме жизни.

Нетрудно заметить, что центральная часть текста Метнера содержит диалог с Шагинян. Страх интимной близости с ней есть также страх погрузиться в лоно «Матерей», оказаться задушенным «в объятиях Эрды», утратить под ногами твердую почву разума при столкновении лицом к лицу с реальностью[9]. В «Воле к власти» Шагинян предостерегала против фанатичной жажды власти и самообожествления, показывая, что сам Гете позволил, в конечном итоге, своему любовному переживанию нейтрализовать желание властвовать. Метнер же неспособен отказаться от своей позиции, зато он

пытается найти баланс между «браком» и «обладанием».

Согласно Метнеру, испытавшему влияние френологии, физиогномики и краниологии, одного изучения лица и головы Гете достаточно, чтобы получить представление о его универсальности. С этой целью он проиллюстрировал свою книгу гравюрой и тремя фотографиями четырех бюстов Гете, сделанными в разных ракурсах. Детально прокомментированные в сопроводительном эссе, они должны были дать общее впечатление от многогранной личности Гете. Особенно в двух скульптурных изображениях Александра Триппеля 1787 и 1790 годов, сделанных в Риме по время первого путешествия Гете в Италию и при более позднем посещении, Метнер усматривает доказательство углубляющегося самопознания Гете и того страдания, которое он, достигший 38 лет ко времени создания первой скульптуры, уже пережил. Триппель и сам, говорят, был поражен аполлоничностью головы Гете, но ему дано было также уловить и «неукрощенную» дионисийскую энергию, скрывающуюся за аполлоническим фасадом. Когда Гете исполнилось сорок, его внешность стала «совершенным воплощением аполлонического начала»[10]. Метнер подчеркивает, что этот аполлонизм был по своей природе исключительно германского свойства. Это проявилось в лицевых линиях бюста 1790 года, где в нераздельном единстве чувства, воли и разума ясно виден «сверхчеловек»[11]. В портретах юного Гете заметно некоторое несоответствие между различными чертами его лица. В зрелом Гете 1790 года (которому, кстати, было столько же лет, сколько и Метнеру, когда он завершил книгу) все детали уже гармонично сочетаются друг с другом: соединяющие лоб и нос линии получили новое значение, подчеркивая глубину его личности. Неудивительно, что Метнер усматривает в облике Гете нечто наполеоновское, и, как указывал еще друг Гете, основатель физиогномики Иоганн Каспар Лафатер, определенно волчьи черты в его лице. Здесь сказывается авторефлексия Метнера («Вольфинга») и проекция на Белого — двенадцатью годами ранее он в сходных терминах прокомментировал форму черепа Белого и его «волчье» лицо.

В другом приложении Метнер развивает свои мысли об оккультизме и его растущем влиянии в России. Здесь взят более примирительный, чем в основном тексте, тон, предназначенный, вероятно, служить своего рода извинительной оговоркой. Это эссе дает представление о неизбывной амбивалентности в его отношении к антропософии. С одной стороны, он видит в ней и ее непомерных претензиях опасное безрассудство, тогда как, с другой стороны, вынужден

признать, что занятия оккультной медитацией на индивидуальной основе продемонстрировали, что могут привести тоскующих и отчаявшихся русских адептов к некоторому самоопределению. Он предполагает, что антропософия может в этом отношении помочь медицине. Штейнер, видимо, заключает со своими учениками деловую, «хотя бы и бесконечно «сублимированную»», сделку, которая состоит в духовном исцелении ценой духовного порабощения[12]. Таким образом, Метнер говорит не только о «бессознательном», но и о «сублимации», и о попытке антропософии «усилить я». Его текст слегка отдает психоанализом[13].

Как отмечает Метнер в своем эпистолярном дневнике, когда книга была закончена, он чувствовал себя как в тумане. Он угрожал Шагинян покончить с собой. Только «слабые люди» не в состоянии приблизить «конец» своими руками[14]. В противном случае его ждет «смерть» или «безумие», или, может быть, прозябание инвалида, прикованного к постели в санатории[15]. Однажды, когда он работал на закате, с ним случился такой приступ страха, что он выронил перо и выбежал на улицу. Все бремя своей жизненной трагедии он переложил на Шагинян. Не один Рахманинов был мишенью его резких нападок в письмах: он негодовал и на теософские экстравагантные эксперименты Скрябина, и на Кусевицкого, который к тому времени (рассорившись со Скрябиным) сделал скандальный балет молодого модерниста Игоря Стравинского «Весна священная» гвоздем репертуара своего оркестра[16].

В третьем выпуске альманаха «Сирин» Метнер прочел шестую, седьмую и восьмую главы «Петербурга», содержащие кульминацию и концовку романа. Он послал Белому в Дорнах «рецензию», свидетельствующую о его, внушающем ему самому ужас, сочувствии произведению: «Читаю Петербург. Восхищаюсь, ужасаюсь, тону, захлебываюсь (до губошлепства) — невыносимая вещь — хочется кричать: так нельзя! Постойте! Караул, грабят! Украли человека! Вынули человека, остались одни кальсоны! И все-таки даже враги Ваши должны признать, что подобное (по стихийности) не напишет ныне никто в мире»[17].

В письме к Шагинян он также подчеркивал автобиографическое начало в романе: «Это не искусство, а неприличное растление своей гениальности ради банного очищения своих душевных нечистот. — Здесь пахнет парильной и веником и еще разною гадостью». Он говорил, что не может принять это «саморазглядывание, самораздевание, самообнажение, самооплевание»[18]. В его весьма непростой ре-

акции звучали отголоски недавнего спора с Ильиным: в эпистолярном дневнике он обвинял Белого в том же отсутствии благородства, что и Достоевского, и в варварской природе его художественного катарсиса; возможно, в этом он даже превзошел Достоевского. Метнер безусловно мог узнать себя в этой галерее кошмарных портретов, тем более, что близкий к помешательству Лихутин являет собой недвусмысленную карикатуру на него (вплоть до таких мелочей, как уход со своего незначительного чиновничьего поста по горячим следам революции 1905 года)[19].

В конце апреля 1914 г. Метнер в своем эпистолярном дневнике вновь писал о неотвратимости «конца» и необходимости самому его приблизить. Даже Гете, по его словам, и тот больше не может воодушевить его или удержать на земле[20]. На эти литании Шагинян ответила статьей в «Трудах и днях» под заглавием «О "конце" и "окончании"». То был по сути дела ответ на метнеровский анализ Вотана в «Кольце нибелунгов», представленный в последнем за 1912 г. номере журнала (вышедшем в 1913 г.). Статья Шагинян — о Вотане и, на другом уровне, о Метнере, последовательно идентифицировавшем себя с этим богом. Она надеялась, что все еще сможет спасти Метнера. Она вносит определенные коррективы в метнеровские положения, видя во влечении Вотана к уничтожению отражение страстной тоски человечества по самореализации. Тут есть, с одной стороны, «стремление к концу» (которое может быть свойственно как индивидууму, так и целым поколениям, и ведет к катастрофе), а с другой, «стремление к окончанию» (которое, как правило, характеризует гениев и наиболее жизнеспособные расы и указывает путь становления)[21]. Метнер совершенно прав, отстаивая мысль о том, что Вотан радикально отличается от Будды, ибо за двумя силами, которые толкают его, мы можем в действительности разглядеть волю к жизни. Трагедия Вотана в том, что он разрывается между стремлением к концу и стремлением к окончанию. Он знает, что только через конец может проложить себе дорогу к окончанию, и тем не менее не в состоянии позволить себе воспламениться и бесследно исчезнуть в языках пламени. «Монизм» причиняет ему невыносимую боль; он знает, что должен «умереть и стать», но это прозрение тщетно из-за страха перед тем, что он канет в вечность и никогда уже не возродится в новой форме[22]. Вотан пребывает во власти своего желания обладать кольцом. Подавленный, он безропотно отступает, когда понимает, что любовь — это цена, которую он должен заплатить за обладание им, и пытается одновременно вызвать конец, и отсрочить его с по-

мощью отвлекающих действий. Страх от встречи с концом заставляет его «до некоторой степени сохранять свою власть» и тем самым раздвоиться во избежание другого страха, страха единства и союза с Брунгильдой[23]. Таким образом, он сопротивляется концу и одновременно втайне служит ему тем, что посылает в мир своих детей — плод той самой любви, которую он должен отвергнуть. Эта любовь продолжает расти в сердцах его отпрысков и в конечном итоге приводит его к спасительному «крещению огнем»[24]. Проклятие Вотана должно быть соотнесено с тем роковым кругом, в котором он заключен. Это и есть настоящее кольцо, вырваться из которого он может, лишь бросив на себя зажженный факел, лишь перестав быть тем, кто он есть и преобразившись раз и навсегда. Именно это он и делает с помощью Брунгильды, «суженой его желания»[25]. Любовь, воздымающая факел, помогает ему разбить колдовские чары кольца и встретить смерть-воскресительницу. Вслед за его концом должно следовать окончание; именно по этой причине Вагнер и написал «Парсифаля» вслед за тетралогией о нибелунгах. Подобно тому как Зигфрид ведет Вотана к концу, так и Парсифаль ведет его — ставшего после крещения уже не языческим богом, а христианским пастырем — к окончанию.

Статья Шагинян может быть прочитана как продолжение ее рассуждений на тему власти и любви, начатых в «Воле к власти». Две ее статьи были напечатаны вместе той же весной в седьмом номере «Трудов и дней». Примечание от редакции оповещало, что в дальнейшем журнал будет выходить только раз в год. (Уже сдвоенный номер 1913 года оказался единственным за тот год.) Под рубриками «Goetheana» и «Wagneriana» в номере были помещены также статья молодого искусствоведа Алексея Сидорова о трудностях перевода Гете на русский язык (Сидоров только что опубликовал свой перевод «Тайн» Гете в «Лирике», небольшом издательстве, связанном с «Мусагетом»[26]) и комментарии Метнера, посвященные богиням (за исключением Эрды) в «Кольце нибелунгов»[27]. Кроме того, в номере участвовал и Вячеслав Иванов, предоставивший новый теоретический этюд «О границах искусства».

В начале мая Ильин со своей женой отправился в Вену для прохождения психоаналитического курса у Фрейда. Когда Метнер зашел с ними попрощаться, Наталья Ильина напичкала его фрейдовскими истинами о его личности. Она вменяла ему в вину его «перфекционизм», мешавший ему завершить работу о Вагнере. Она не постеснялась даже назвать его «аутоэротичным» и заявила, что он

любил Канта и Гете по причине их сходства с ним самим[28]. Она критиковала его за эксплуатацию других людей, которых он ценил только в той мере, в какой они доставляли ему удовольствие, вне зависимости от того, насколько оно полезное или вредное. Впервые он вынужден был выслушивать от постороннего лица о своем нарциссизме (хотя сам термин и не был упомянут). В эпистолярном дневнике, обращенном к Шагинян, он приводит реплики Ильиной без каких бы то ни было комментариев со своей стороны, сокрушаясь в то же время по поводу ее гегельянского спиритуализма и гуссерлевского феноменологизма, чье опасное самозабвение в познавательных актах служило отправной точкой их беседы.

Вскоре из Вены от Ильина поступили два предварительных отчета. Он сообщал, что невольно полюбил «архиерея»[29], и убеждал Метнера начать курс психоанализа, если он действительно принимает его всерьез, потому что до отпуска венских врачей оставалось только семь недель. Он также сообщил, что «юнговцы» в Цюрихе откололись от фрейдистского лагеря. В любом случае, два лучших аналитика — под которыми он, должно быть, подразумевал Фрейда и Адлера (несмотря на разрыв последнего с Фрейдом) — находились в Вене[30]. Этот зов сирены не мог не возыметь определенного действия на Метнера, ощушавшего себя загнанным «в подполье»; его самоидентификация с литературными персонажами Белого зашла настолько далеко, что он откровенно признавался Шагинян, что его жизнь превратилась в «достоевщину». Он страдал от бессонницы и ночных кошмаров. Категоричнее, чем когда-либо прежде, он объявлял, что его больная душа никогда еше не чувствовала себя «гаже». Как будто наступили «последние времена»[31].

Метнер предпринял последнюю отчаянную попытку спасти Белого от антропософии, увещевая его в телеграмме: «Бегите сломя голову от этого Клингзора, пока не поздно, не слушайте ни друзей (Штейнера), ни жены, никого, слушайте только своего гения, иначе он Вас оставит»[32].

Весной Белый сочетался браком с Тургеневой, которая, однако, (отчасти из-за своего антропософского аскетизма) отказывала ему в сексуальной близости[33]. Одним из последствий этого отказа явилось его увлечение ее старшей сестрой (похожей на нее) Натальей Поццо, тоже входившей в дорнахскую коммуну. Белого мучила его сексуальная фиксация; он отождествлял себя с Парсифалем, а загадочно обворожительную Поццо — с Кундри, которую волшебник Клингзор посылает, чтобы убить Парсифаля. Метнер и представить себе

не мог, насколько он был прав, когда изображал Белого Парсифалем, окруженным колонией оккультистов. Согласно интимным автобиографическим запискам Белого, он на самом деле чувствовал, что Штейнер преследует его, пользуясь чарами Поццо, как во снах, так и наяву[14]. Его благоговение перед Штейнером умерялось сдерживаемыми противоречивыми чувствами, которые ранее были направляемы в русло темы аблеуховской отцовской травмы во второй половине романа. Тем самым предостерегающий голос Метнера раздавался и внутри него самого.

Метнер откладывал свой ответ Ильину. Состояние, в котором он находился, усиливало как его отвращение к психоанализу, так и необходимость в нем. Наконец он достаточно собрался с мыслями, чтобы написать длинное объяснительное письмо. Начал он с самозащиты, сославшись на заверения Фрейда (восьмимесячной давности), что терапия могла бы и подождать. По правде говоря, заявлял он теперь, Фрейда озадачил его случай из-за того, что особая «конфигурация обстоятельств» препятствовала процессу освобождения. Единственное возможное для него лечение по предположению Метнера состоит в том, чтобы положиться на свое призвание. Неудачный выбор жизненного поприща был, конечно же, следствием его детских травм, но это — реальность, изменить которую уже не под силу никакому анализу. Если ему суждено выйти после фрейдовской бани чистым и свежим (эти метафоры показывают, в какой степени он внутренне ассоциировал анализ с катарсическим самоизобличением Белого) и, однако же, нуждающимся во внутренней энергии, чтобы справиться со своим «главным горем», он лишь рискует столкнуться с еще худшими страданиями — с сожалением о том, что этот акт очищения произошел в его жизни слишком поздно. Гете, пожалуй, был бы для него полезнее Фрейда. Но если даже Гете, этот (христоподобный) «Утешитель» не смог исцелить его, а лишь удержал от самоубийства, то лечение Фрейда обещало лишь духовное отупение и половые излишества, и это «после половых воздержаний, раздражений и редких спорадических удовлетворений», которыми он до сих пор жил. Теперь и литература, и философия показались ему по большей части отвратительными. В Пильнице летом 1913 г. он попытался вернуться к занятиям фортепьяно, но это вызвало новые приступы болезни Меньера и нападения «чертиков». Глубоко внутри него зреет пламенная «ненависть ко всему, к природе, к культуре». Из этого письма совершенно ясно, что он страшился правды о своей «житейской лжи» и боялся того, что может произойти, если

дать волю инстинктам. Налицо была мазохистская фиксация на собственных страданиях[35].

Метнер признавался в своем письме, что «русскость» была глубоко чужда всему его существу. Он только что расстался с Вячеславом Ивановым в его московском доме, где беседовал с ним и его последователем и учеником, философом-славянофилом Владимиром Эрном, о Штейнере и натурфилософии Гете. Метнер пришел к убеждению, что в этой стране «никто не знает Гете»[36]. Следовательно, его книга была крайне важна, но ее публикация — а также публикация памфлета Эллиса «Vigilemus!» — откладывалась из-за забастовки печатников. Однако же перед самой стачкой в «Мусагете» вышел (под маркой «Орфея») перевод книги Якоба Беме «Aurora», выполненный Алексеем Петровским и посвященный Штейнеру. Появления своих «Размышлений о Гете» Метнер был вынужден ждать до конца лета[37].

28 июня, в тот самый день, когда в Сараево прозвучал роковой выстрел, от Ильина в Москву пришла новая весточка. Беспокойная Европа была на пороге войны. Метнер снова собрался в Пильниц. Он отправился туда через Крым (где отдыхали Анна и Николай) и Вену, прибыв в столицу Австрии как раз тогда, когда психоаналитики ушли в отпуск. Он встретился с Ильиным, который после шести недель терапии хотел остаться в городе еще на какое-то время и — явственно предчувствуя новую вспышку творческого вдохновения — работал над своей магистерской диссертацией о Гегеле. Эти занятия психоанализом могли иметь определенное значение и для Фрейда, поскольку Ильин с его «русским» отцовским комплексом и тем, что Фрейд рассматривал как типично русскую амбивалентность, проходил курс лечения в течение того самого периода, когда у одессита Сергея Панкеева (прозванного «Человеком-Волком»), ставшего впоследствии самым знаменитым пациентом Фрейда, была открыта главная «архетипическая травма» (Ur-Trauma)[38]. По совету Ильина Метнер тогда, видимо, склонился к тому, чтобы начать консультации не у Фрейда, а у Адлера, чьи идеи о жажде власти и комплексе неполноценности (разработанные вопреки сексуальной догме Фрейда) были, казалось, обращены прямо к нему. Проведя в Вене несколько дней, он отправился к Хедвиг Фридрих, которую теперь сам убедил приступить к фрейдистскому психоанализу с доктором Маргаретой Штегман в Дрездене[39]. Он планировал сначала укрепить силы в гетевском Веймаре, а затем, ранней осенью, путем психоанализа — в Вене.

Одновременно с отъездом Метнера, в Германию, в туристических ботинках и с рюкзаком за плечами, отправилась Шагинян. Она собиралась посвятить какое-то время в Гейдельберге консультациям с философом и историком религии Эрнстом Трёльчем, но сначала, под непосредственным впечатлением от «Размышлений о Гете», в последнюю неделю июля она совершила паломничество по культурным центрам Германии. Шагинян вела подробные записи, которые намеревалась переработать в книгу. 26 июля она прибыла в Вормс, место, связанное с одним из немецких героев Метнера (и, стало быть, и ее героем), с Мартином Лютером, а также с вагнеровским «Кольцом нибелунгов». В воздухе уже носились слухи о войне. Шагинян отправилась во Франкфурт-на-Майне, посетив место, где родился Гете; там она предавалась размышлениям о его детстве и глубокой дружбе, связывавшей его с сестрой Корнелией, дружбе, описанной им в автобиографии «Поэзия и правда», которую они с Метнером читали вслух всего лишь несколько месяцев назад. Она прекрасно знала о том, что тесные родственные узы между ними основывались на «мужских элементах характера Корнелии и на женских чертах характера Гете»[40]. Представляется очевидным, что в подобной «гетеанской» форме она размышляла о своих сложных отношениях с Метнером, вполне отдавая себе отчет о связи между «мужественной» Корнелией и Миньоной из романа Гете. Она ощутила «свежесть германской земли и расы», ее «молодость», которая так поразительно контрастировала с уже явившимися предзнаменованиями катастрофы[41]. Полтора дня спустя она прибыла в конечный пункт своего путешествия — в Веймар. Она провела там три дня, раздумывая — в доме Гете, у его могилы, в архиве Гете и Шиллера — о его «женственной» влюбленности в объект познания, влюбленности, составлявшей основу его преданности жизни, и о вездесущем эротическом элементе в его познании[42]. По дороге в Вюрцбург, где Вагнер начинал свою музыкальную карьеру, она размышляла об отношениях Вильгельма Мейстера и Миньоны, «сверхполого» существа, которое с первого же мгновения было «обречено на любовь и гибель от любви»; в ней было нечто такое, что не выносило физического контакта[43]. Когда в Вюрцбурге она видела вокруг себя людей, приветствовавших кайзера и певших «Deutschland über Alles» («Германия превыше всего»), она спрашивала себя, не ведет ли «симфонизм» немецкой культуры к гибели, коль скоро немецкая «пьеса» требует «всего оркестра»[44]. На следующий день, 1 августа, она вернулась в Гейдельберг, где узнала, что Германия объявила войну России: разразилась Первая мировая война.

НАЧАЛО ВОЙНЫ И ВСТРЕЧА С ЮНГОМ

В эти горячие дни Метнер был погружен в творчество Вагнера еще глубже, чем Шагинян. 1 августа он с Фридрих смотрел «Парсифаля» в мюнхенском Фестшпильхаусе. В перерыве, незадолго до пяти часов, он узнал, что Германия объявила войну. Шок «парализовал» его душу[1]. Все казалось ему потерявшим смысл. На следующий день он писал Анне в Россию: «Эта, в подлинном смысле слова, братоубийственная война является для меня самым ужасающим событием моей жизни»[2]. Германо-русский конфликт оказался перенесенным из его психической сферы на поля сражений Европы, где стал объективной реальностью. На представление «Тристана и Изольды» в мюнхенском Принцрегент-театре три дня спустя его, дрожащего от приступа «лихорадки», сопровождала Фридрих. Смерть Изольды укрепила его убежденность в том, что на Европу надвигалась «гибель богов»[3]. На следующий день он был арестован и депортирован как российский подданный при обстоятельствах, чрезвычайно унизительных для такого германофила, как он. Пересекая Констанцское озеро на пути в нейтральную Швейцарию, он как никогда сильно осознал свое родство с вагнеровским Летучим Голландцем[4]. Метнер решил остановиться в Цюрихе, где когда-то обрели убежище Гете и Вагнер. От Ильина он знал о «цюрихской школе» психоанализа, а кроме того, неподалеку жила его состоятельная троюродная сестра Лоня Бюлер[5]. Прекрасно понимая, что погибнет без немедленной помощи, Метнер поспешил связаться с профессором Эйгеном Блейлером в клинике Бургхёльцли и справился о подходящих аналитиках. Карл Густав Юнг возглавлял предложенный ему Блейлером список.

В начале века, будучи молодым ассистентом Блейлера, Юнг познакомился с только что опубликованным «Толкованием сновидений» Фрейда. Уже в 1906 г. между ними завязалась переписка; работая в Бургхёльцли, Юнг успешно разрабатывал фрейдовский метод.

Вскоре Фрейд уже рассматривал его как своего «преемника» и «сына»; он стал центральной фигурой растущего психоаналитического движения за пределами Вены. Еврей Фрейд возлагал на этого «иноверца» свои надежды в деле распространения новой теории по всему миру. Однако постепенно их отношения дали трещину.

В 1911—1912 гг. Юнг написал свою крупнейшую работу «Либидо, его метаморфозы и символы» («Wandlungen und Symbole der Libido»), опубликованную двумя частями в международном психоаналитическом ежегоднике, который выходил под его редакцией. Это исследование основывается на сновидении молодой американки, описанном женевским другом Юнга психологом Теодором Флурнуа. Юнг показывает взаимосвязь языка ее сновидения и религиозных легенд и художественных символов. Он обнаружил, что корни творческого воображения простираются за пределы чисто индивидуальной сферы, черпая свои образы в коллективном бессознательном, в котором хранится мифический язык различных эпох и культур. В середине жизненного пути, в «зените» жизни, взрослый индивидуум стремится к внутреннему возрождению через обновленное соприкосновение с материнскими корнями души, с бессознательным. Классические мифы постоянно возвращаются к фундаментальной схеме, в которой герой совершает нисхождение в смерть и затем восходит из нее к возрождению. Индивидуум, которому удается преодолеть инфантильное желание инцеста — представляющего по сути дела смертельную угрозу личности, — освобождается, подобно герою, из плена «преисподней», чтобы вступить в зрелую стадию жизни[6].

В действительности у книги Юнга была очень личная подоплека. Работая над ней он проник в суть своего бессознательного, и это случилось именно тогда, когда он достиг середины своего жизненного пути. Он не мог согласиться с мыслью, что стремление к «возвращению в материнскую утробу» определялось исключительно фрейдовским инцестуозным инстинктом и интерпретировал его в более широкой перспективе как выражение страстной тоски по духовному перерождению. Публикация книги «Либидо, его метаморфозы и символы», таким образом, не могла не охладить отношения между Фрейдом и Юнгом, а окончательный разрыв произошел на Четвертом Психоаналитическом Конгрессе в Мюнхене в сентябре 1913 г. Вследствие этого Юнг — вместе с несколькими своими последователями в Цюрихе — ушел со всех занимаемых им во фрейдистском движении постов, а в 1914 г. отказался и от преподавательской деятельности в университете. Все это способствовало глубочайшему

кризису, подробно описанному им в «Воспоминаниях, сновидениях, размышлениях». Его столкновение лицом к лицу с бессознательным началось как научный эксперимент, но мало-помалу превратилось в психическую реальность, овладеть которой, как ему представлялось, он был не в состоянии. Его наводнили внутренние образы, угрожавшие подавить его сознательную жизнь и полностью выйти из-под контроля.

12 декабря 1913 г. Юнг почувствовал, что погружается во тьму. Ему явилось новорожденное солнце, встающее над глубинами вод. Там сочилась тонкая струйка крови; еще раньше той же осенью ему являлось страшное кровавое видение. Он понял, что его сон был схож с мифами о героях, которые он исследовал в своей книге, но его пугала та катастрофа, предзнаменованием которой этот сон, по-видимому, служил. Через шесть дней он видел сон, в котором убивал Зигфрида также на фоне солнечного восхода. Позднее у него возникло чувство, будто это он сам символически лишал себя жизни, что наводит на мысль о том, насколько сильно было его самоотождествление с вагнеровским героем. Юнг был чрезвычайно честолюбивым и жаждущим власти человеком, и вот теперь он неожиданно принес в жертву свое ведущее положение (положение «героя») в психоаналитическом движении и прервал дерзновенное восхождение к вершине. Сновидение отображало этот крах.

После того как разразилась война, в августе 1914 г. Юнг начал записывать свои сны: «Я пытался понять, что произошло и в какой степени мои собственные переживания совпадали с переживаниями человечества вообще». Он жил в «состоянии постоянного напряжения», захваченный «непрестанным потоком фантазий»[7]. Юнг опасался за свой рассудок, осознав, что ему может быть уготована та же судьба, что и Гельдерлину (чье душевное помрачение анализируется в его книге) и Ницше. Мысли о самоубийстве не заставили себя ждать; он спал с заряженным пистолетом в ночном столике. Записывание фантазий, помимо всего прочего, служило защитой от этих мыслей. Внутренний голос, который он отождествлял со своей «анимой», говорил ему, что на самом деле он был художником и что фиксация видений — это форма искусства. Именно в этот момент Метнер и возник в жизни Юнга. Метнер был пациентом, который жил мифом, Метнер — как и сам Юнг — скользил по краю душевного расстройства в борьбе со своим бессознательным, тесно взаимосвязанным с событиями войны.

Оба, и Юнг, и Метнер, обладали явно шизоидными чертами. В

«Bildnis der Persönlichkeit im Rahmen des gegenseitigen Sich Kennenlernens» («Картина личности через взаимное самопознание»), ретроспективном портрете, опубликованном через два десятка лет по случаю шестидесятилетия Юнга, Метнер описывает свою встречу с ним как предопределенную самой судьбой. На самой первой стадии анализа, в начале осени, он читал «Либидо, его метаморфозы и символы» и был поражен мыслью о том, что эта книга написана скорее для писателей, чем для психиатров[8]. Метнеру явно не составило большого труда обнаружить взаимосвязь с собственной книгой о Гете и набросками так никогда и не завершенной работы о Вагнере. Юнг и Метнер обратились к мифу почти в одно и то же время, и в некоторых отношениях они двигались параллельно. Гете, Ницше и Вагнер занимали в небольшом двухтомнике Юнга центральное положение; кроме того, значительное внимание в нем уделялось нисхождению Фауста к Матерям, встрече Вотана с Эрдой, Зигфриду и Заратустре. Таким образом, Метнер столкнулся с психоаналитическим истолкованием тех личных проблем, с которыми он сам боролся и которые он пытался сформулировать в философских и полемических работах. Как и Белый, Юнг подчеркивал значение солнца как символа возрождения. Герой подобно солнцу, умирает в материнской тьме, чтобы быть рожденным заново из ночи в воскресающем свете зари. Так Юнг разъяснял то, что сам Метнер пытался выразить в «Размышлениях о Гете»: то, как Гете обрел себя заново в середине своего жизненного пути, когда его «дух» снизошел в «природу», в этот фаустовский лабиринт Матерей, и, рискуя умереть в ее «сталактитовых пещерах» и «смертельном объятии», вернулся возрожденным, исцелившимся, к дневному свету сознания. Метнер оперировал философскими понятиями, но основная идея была той же, да и подтекст время от времени явно соотносился с психоанализом.

К своему удовлетворению, Метнер обнаружил в книге «Либидо, его метаморфозы и символы» ссылки на русского символиста Дмитрия Мережковского. Юнг подтвердил, что часто мысленно обращался к Мережковскому, особенно когда обдумывал первую часть книги[9]. «Я был приятно удивлен, — вспоминал Метнер позднее, — обнаружив у Юнга не только сходные размышления о символе, выраженные научным, психологическим языком и, когда нужно, понятиями, принятыми в терапевтическом обиходе, но и родственное символическое течение мысли»[10]. Юнговское толкование символов имело много общего с толкованиями Белого и Иванова, который в «Трудах и днях» за 1912 г. определял символ как «непонятное расшире-

ние нашего личного состава и эмпирически ограниченного самосознания»[11].

По сути своей Юнг подходил Метнеру гораздо больше, нежели Фрейд. Он не был евреем, как Фрейд (и Адлер), но, напротив, был даже склонен к антисемитизму: как не преминул отметить Фрейд, этот факт сыграл в их ссоре определенную роль[12]. Буря, вызванная произошедшим между ними разрывом, только усилила со стороны Юнга подобное отношение. Он, как и Метнер, испытывал роковое влечение к еврейкам. Его запутанная любовная связь с русской еврейкой Сабиной Шпильрейн, пациенткой, ставшей впоследствии его коллегой, оборвалась незадолго перед тем, как он встретился с Метнером. Юнг и Шпильрейн разделяли общий интерес к Вагнеру, она даже была одержима идеей подарить ему сына-героя по имени Зигфрид — символ их психоаналитического интеллектуального союза и ее желания с помощью Юнга преодолеть свое еврейское происхождение[14]. Таким образом, становится понятным, что Метнер просто не мог не упомянуть естественное возникновение «расового вопроса» во время их занятий психоанализом[15].

Если Фрейд ставил во главу угла отцовскую травму, то Юнг сосредоточивал внимание на «таинстве матери». Это расхождение интересов, конечно же, восходило к их личному детскому опыту. Как вспоминает Юнг, его собственные проблемы были обусловлены отношениями с холодной неотзывчивой матерью; отсутствие материнской душевности наложило свой отпечаток на важный период его детства. «Заболевание» Метнера тоже восходило к отношениям с матерью[16]. Юнг и Метнер вскоре обнаружили, что обоих с ранних лет пленило классическое исследование швейцарского историка права Иоганна Якоба Бахофена «Материнское право» («Das Mutterrecht»), рассматривающее первобытный матриархат как детский период культуры[17]. Метнер также привлек внимание Юнга к роману Райдера Хаггарда «Она», прочитанному им в юности; в нем развертывается описание всепоглощающей африканской богини-матери. Этот роман, вероятно благодаря Метнеру, сыграл в работах Юнга заметную роль[19]. В отличие от Фрейда, Юнг стремился создать психологию сознания, делая акцент не на нисхождении в ночной мрак бессознательного, но на восхождении к дневному свету сознания, на интеграции бессознательных психических пластов в сознательную жизнь. Следовательно, в отличие от Фрейда, он в основном обращал взоры не назад, к детским травмам, а, напротив, старался отталкиваться от действительных конфликтов сегодняшнего дня. Это было

близко метнеровскому толкованию Гете как «солярной» личности. Полемизируя со Штейнером, который, по мнению Метнера, не понял писателя и сфокусировал внимание на его ночной стороне, Метнер подчеркивал в своей книге гетевский опыт ясности и остроту его видения в свете сознания, аполлоническое расширение его личности в свете солнца. Психология сознания Юнга и его более широкое понимание фрейдовского либидо, включавшее в себя не только сексуальные инстинкты, но и жизненную энергию в целом, были гораздо более приемлемы для Метнера, нежели теории Фрейда (см. комментарий Метнера по поводу Фрейда в его длинном письме Ильину в июне 1914 г.).

Пять раз в неделю Метнер входил в кабинет Юнга, расположенный у него дома в Кюзнахте недалеко от Цюриха. Через несколько недель занятий психоанализом, в начале октября, его чувство отчаяния стало постепенно отступать. Он ощущал, что они с Юнгом стали участниками совместного исследовательского проекта, и это чувство только усиливалось благодаря тому, что Юнг, в отличие от Фрейда, хотел установить неавторитарные, взаимообогащающие отношения между врачом и пациентом. Русский опыт Метнера послужил значительным вкладом в их отношения. Юнг объяснил Метнеру, что тот страдает от интеллектуальной гипертрофии и убеждал Метнера в том, что его воинствующее кантианство следует рассматривать как невротические «фортификации» интроверта[20]. «Интроверсия» и «экстраверсия» были главными понятиями в теории психологических типов и их установок, разрабатываемой в этот период Юнгом. Он обрисовал основные черты этой типологии на Психоаналитическом конгрессе в Мюнхене в 1913 году. Создавая эту типологию, он, очевидно, стремился понять причину увеличивавшегося раскола между ним самим, интровертом, и экстравертными чертами Фрейда (бывшего также интровертом), проявлением которых и была его сексуальная теория. В психике Метнера он выделял в высшей степени интровертную «мыслительную функцию», находившуюся в жесточайшем конфликте с бессознательно экстравертной «сенсорной функцией». Приводя в качестве примера свой опыт с американскими пациентами, он предлагал в этом контексте рассматривать и истолкование метнеровского конфликта, относящегося к проблеме национальности: подобно потомкам англичан на американском континенте, Метнер был исключительно «хтоничен», поскольку его немецкие корни мешали ему в достаточной степени упрочить свое русское происхождение[21].

Вскоре Юнг заметил, что Метнер совершал «перенос» на его психоаналитический метод, который по сути дела был переносом на самого Юнга[22]. Метнер явно проецировал черты Гете-«целителя» на своего врача, ставшего теперь новым средоточием его жизни. Этому благоприятствовал тот факт, что Юнг тоже отождествлял себя с Гете — как через чтение «Фауста», так и благодаря семейному преданию, согласно которому его дед был незаконнорожденным сыном поэта. В своей переписке с Фрейдом Юнг шутливо называл Гете «Господином пра-прадедушкой»[23]. Метнер склонен был считать своего врача спасителем, живым идеалом, воплощением поддержки и силы, совершенным и щедро одаренным художником, который стремился к тому, для чего был предназначен и Белый; подобно Гете, он преодолевал свой возрастной кризис, придавая своей работе и жизни облик единого целого. Метнер, очевидно, установил отношения с Юнгом в двух временных планах, так, что их общение воспринималось как общение между «Господином пра-прадедушкой» и пра-прадедушкой самого Метнера, переписывавшимся с Гете. Кроме того, в этой ситуации он более, чем когда-либо, вошел в роль больного Ницше; тут сказывалось в особенности то обстоятельство, что связь философа со Швейцарией была еще более тесной, чем у Гете: книга «Так говорил Заратустра» родилась из швейцарского альпийского пейзажа, а душевная болезнь настигла философа в Базеле. Юнг тоже находился под глубоким впечатлением от образов Ницше и Заратустры и рано начал размышлять над противоположностью Гете и Ницше. Таким образом, занятия психоанализом могли напоминать Метнеру ситуацию, в которой Гете исцелял Ницше.

В «Воспоминаниях, сновидениях, размышлениях» Юнг возвращается к своему захватывающему отроческому опыту первого чтения «Фауста». Он отреагировал на него очень лично, поскольку раздвоение на Фауста и Мефистофеля существовало и внутри него самого. Гете начертал «основные контуры и схему моих собственных конфликтов и кризисов»[24]. Его поразило, что смысловой центр, равно как и центр притяжения произведения, был заложен в Мефистофеле; кроме того, он ощущал связь между ним и «таинством матери». Великое посвящение Фауста в конце произведения стало, по словам Метнера, «прекрасным и таинственным переживанием на краю моего сознательного мира»[25]. Он чувствовал, что раздвоен на «№ 1» и «№ 2» — на «я», привязанное к реальности, и на другое «я», спрятанное в глубине, всеобъемлющее и вневременное. Характер Фауста представлялся ему «живым эквивалентом» его собственной скрытой

коллективной самости. Это давало Юнгу утешение и поддержку: «Моим крестным отцом и авторитетом был сам великий Гете»[26].

Книга «Так говорил Заратустра» также стала для молодого Юнга чем-то очень личным, затронув самые глубины его души. «Заратустра был Фаустом Ницше», — отмечал он; «№ 2» самого Юнга соотносился, таким образом, с героем Ницше. Ощущая болезненность Заратустры, он опасался, что в нем самом было что-то нездоровое. Он вывел заключение, что гимнические периоды и богатейшие метафоры, свойственные стилю Ницше, возникли из трудностей, с которыми тот столкнулся, когда стремился поведать о своем «№ 2» «миру, продавшему свою душу за кучу разрозненных фактов». Он «не понимал себя, когда очертя голову упал в невыразимую тайну»[27]. Таким образом, истолкования трагедии Ницше, почти одновременно предложенные Юнгом и Рудольфом Штейнером, были схожи между собой в определенных аспектах.

Метнер, безжалостно отрезанный войной от Анны и Николая, сообщал о своих встречах с Юнгом в письмах Анне в Москву. Он дал ей ясно понять, что, если бы не Юнг, он разделил бы участь Ницше и «сошел бы с ума»[28]. Он цитировал предсказания Ницше о тотальной войне, ставшей теперь для него как внешней, так и внутренней реальностью[29]. Юнг раз и навсегда заставил его осознать: «Эрда — это моя проблема, от которой я могу сойти с ума»[30]. Вопрос был настолько взрывоопасен, что Метнер был не в силах изложить его Анне на словах. Вместо этого он прямо отсылал ее к своим комментариям по поводу Эрды в «Размышлениях о Гете» как к автобиографическому документу. Мельком он упоминал, что весь этот комплекс связан с женственным «призраком на подоконнике», преследующим его в ночных кошмарах[31]. Он ощущал родство и с Гельдерлином, чье сошествие во внутренний мрак занимало столь заметное место в «Либидо, его метаморфозах и символах». Надежда, которую вселил в него Юнг, состояла в том, что исцеление, грядущее возрождение, придет через общую травму — его и Европы[32].

Итак, уже в названии статьи Метнер изображает их встречу как взаимное «узнавание себя»; в этом отношении она напоминала начало общения с Белым двенадцать лет назад. Для Юнга, который был в это время одинок и даже частично лишен общения с семьей, Метнер, по-видимому, явился замечательным подтверждением его собственного кризиса и одновременно тех теорий, которые он из него выводил. Следовательно, Метнер должен был помочь Юнгу постичь самого себя. Обоим, ценой внутренней драмы, пришлось уйти с ве-

дущих позиций на своих поприщах, в психоанализе и в русском символизме; основные коллизии драмы выстраивались вокруг личных привязанностей соответственно к Фрейду и к Белому. Ссылаясь на переживание Метнером тождества между внешней и внутренней реальностью, Юнг объявлял его «самым современным человеком», какого когда-либо встречал[33]. Согласно версии событий, изложенной впоследствии Метнером, Юнг увидел в нем «все возрастающее напряжение между рациональными и иррациональными силами, типичное для современной культурной личности»[34]. Юнг говорил ему: «У Вас психология немца восемнадцатого столетия сочетается с современной и все же архаичной психологией русского»[35]. В особенности его привлекало, конечно же, «мифическое мышление», «сверхличное» и «медиумическое» свойство его души[36]. Из воспоминаний Юнга становится ясно, что в первые месяцы войны он пребывал в уверенности, что он сам и его бурлящий внутренний мир нахлынувших образов принадлежат всему человечеству, что его личные переживания выражают универсальный опыт. Еще в детстве он ощущал в себе коллективный дух, который затем стал ассоциировать с Гете и «Фаустом»[37]. Теперь он верил, что страшные видения, преследовавшие его на протяжении предшествовавшего войне года, предвосхитили и передали предчувствие всеуничтожающего мирового пожара. Точно таким же образом он интерпретировал похожие — и совпадавшие по времени с его собственными — сны Метнера. Разумеется, Метнер давно уже вынашивал идею «коллективной памяти» личности, она отразилась еще в симфонии Белого «Возврат». Он подчеркивал «коллективную сторону» в Гете, элемент сверхличного в нем. Эти концепции поразительно совпадали с юнговскими. Юнг интерпретировал войну как результат бессознательных импульсов в народах Европы, предвосхищенных редкими натурами, такими, как он сам и Метнер, которые находятся в особом интуитивном контакте с коллективным бессознательным. Как впоследствии отмечал Метнер, во время сеансов психотерапии его сны служили почвой для обсуждения «проблемы психологической подготовки» к глобальным драматическим событиям, таким, как война[39].

Метнер с его жаждой власти пытался «покорить» людей, заставляя их влюбляться в себя. Теперь он сообщал Анне, что Юнг тоже покорен:

«Юнг мне нравится; это — подлинный европеец, один из самых образованных и культурных людей, каких я знаю, и при этом весьма симпатичный; он бы и Коле и Вам очень понравился; но никакой

Uebertragung*, у меня на него нет; - - - У меня скорее могла бы быть Uebertragung на Фройда, хотя он и еврей, т.к. Фройд гораздо старше меня и совершенно противоположная мне, но весьма крупная натура. — Но Юнг юбертрагнул на меня в такой степени, что я иногда думаю, что слышу Ильина или Нилендера или еще кого н.<ибудь> из в меня влюбленных; особенно часто напоминает он, своими комплиментами мне, — Ильина. Он считает меня verkümmertes Genie** и беспрестанно изумляется силе моего мышления, причем он тут часто говорит похоже на то, как меня характеризует Мариэтта. Кроме того, в моей личности он видит нечто особенное провиденциальное и этою стороною своего психоанализа напоминает мне то, что говорили обо мне Минцлова, Маргарита Васильевна (Сабашникова — М. Ю.), Бугаев и даже Штейнер. Я, конечно, все это рассовываю по соответственным карманам и только удивляюсь, что в каком то швейцарском докторе соединились мнения антиподов: Бугаева и Ильина; Мариэтты и Маргариты В<асильевн>ы; Штейнера и Нилендера и т. д.»[40].

Юнг, по словам Метнера, отмечал родство между характерными особенностями его натуры — силой взгляда, южными чертами внешнего облика — и фигурами итальянского Ренессанса на картинах Андреа Мантеньи. Он также усмотрел сходство между Метнером и начальником германского штаба Паулем фон Гинденбургом, чьи военные победы на первых порах, конечно же, произвели изрядное впечатление на русского восторженного поклонника Наполеона[41].

Шагинян, как выяснилось, последовала за Метнером не только в Германию, но и в Цюрих. Из-за начавшейся войны она тоже была арестована и депортирована из Германии. Она решила поехать в Швейцарию, поскольку там были ее сестра и тетка. Внезапно Метнер почувствовал, что больше не в силах ее выносить. Его отношения с ней строились прежде всего вокруг его работы над книгой, и когда она была завершена, чары ее привлекательности соответственно рассеялись. Уже весной он определенно начинал ощущать неловкость из-за ее энергичного желания во что бы то ни стало «спасти» его. По-видимому, Юнг тоже одобрил его стремление держать ее на расстоянии. Метнер писал Анне, что ему было стыдно за шумное поведение Шагинян (следствие ухудшения слуха) на улицах Цюриха; он отказался видеться с ней чаще, чем раз в неделю[42]. После су-

---

* Перенос (*нем.*) психоаналитический термин.

** Зачахший гений (*нем.*).

дебного процесса Анна и Метнер находились, наконец-то, в формальном разводе, однако Анна и Николай не торопились со свадьбой ввиду того, что отношения между ними троими были как всегда неясными. Анна ревниво следила, как бы Метнер, свободный и психологически отдалившийся от нее, серьезно не увлекся своими — бывшими до того неопределенными — планами женитьбы. Но он развеял ее страх, поскольку анализ требовал того, чтобы на ближайшее обозримое будущее он остался один. Стало быть, ни Шагинян, ни Фридрих больше не могли считаться серьезными соперницами. Последняя (посетившая Цюрих с матерью в августе) действительно пребывала на «периферии» его духовных интересов[43]. Для Шагинян это было очень мучительное время. Она работала над книгой эссе о своих поездках по Германии накануне войны; то была и своеобразная форма терапии, коль скоро их незримым протагонистом был Метнер.

Работа в «Мусагете» остановилась; однако, несмотря на зловещую тень войны, в Москве все же вышли «Размышления о Гете». В тот момент метнеровская проповедь гетеанства не могла не звучать для русского слуха достаточно сомнительно, если не сказать больше. Одновременно был напечатан столь же запоздавший памфлет Эллиса «Vigilemus!». Он не был столь агрессивным, как того боялся Белый, хотя идеологически, конечно же, отвечал установкам Метнера. Эллис предостерегал, что европейская культура утрачивает религиозные корни и обвинял антропософский монизм, основывавшийся в своих научных притязаниях на позитивизме и эволюционизме, в активном тому содействии. Он подчеркивал огромное символическое значение вагнеровского «Парсифаля», недоступное оккультной магии, и, совершенно в духе Метнера, намекал на сходство Штейнера и Клингзора[44]. Эллис сблизился с Иоганной Польман-Мой, голландской оккультисткой, с которой встретился в штейнеровской колонии. Они вместе ездили в Италию, в Ассизи, центр розенкрейцерства, о котором говорила Минцлова. Растущая тяга к средневековому мистицизму побудила их отвергнуть антропософию. В их глазах, Штейнер предал свой розенкрейцерский опыт [45]. В качестве «медиума» Польман-Мой (которую Эллис явно считал как бы новой и лучше подготовленной Минцловой) закладывала фундамент собственной эзотерической доктрины, названной ею «космософией» и базировавшейся до некоторой степени на астрологии. Ранее в том же году, под псевдонимом «Intermediarius», она опубликовала в Штутгарте трактат, озаглавленный ею «Христианская теология и космософия

под знаком Святого Грааля» («Christliche Theologie und Cosmosophie nach dem Zeichen des Heiligen Graal»). На трактат оказал влияние русский опыт Эллиса, и уже весной Эллис перевел его на русский язык с целью публикации в «Мусагете»[46].

Николая война тоже привела в состояние оцепенения, усугубленного разлукой с Метнером, что лишало его возможности сочинять музыку. По его словам, он чувствовал себя так, словно у него были подрезаны крылья[47]. Анна писала, что он спит в постели брата, а читать усаживается в его кресло, потому что это создает у него чувство присутствия Метнера, возможности даже установить с ним телепатический контакт[48]. Анна опасалась за его рассудок; заходила даже речь о попытке Ильина применить к нему психоанализ. Ильин, репатриированный в Россию сразу после начала войны, почти ежедневно общался с ними. В отсутствие Метнера, больше не стоявшего у них на пути, между Николаем, Анной, Рахманиновым и его женой также завязалась тесная дружба.

19 октября Религиозно-философское общество устроило у Морозовой вечер докладов на тему «Россия и война». В нем приняли участие Вячеслав Иванов, Григорий Рачинский, Владимир Эрн, Семен Франк, Сергей Булгаков и Евгений Трубецкой. Тон всех выступлений был откровенно антигерманским, воинственно патриотическим и даже в известном смысле шовинистическим, а образ врага представал в них облаченным в покровы символистской фразеологии, восходящей главным образом к Гете и Вагнеру. Подразумевая эпилог «Фауста», Иванов заявлял, что «германство» презрело Землю и Вечную Женственность — иными словами, что оно по-мефистофельски противостоит мечте Фауста о великом синтезе[49]. Рачинский говорил, что Германия наконец-то сорвала свою идеалистическую маску и открыла свой истинный «звериный лик»[50]. Эрн устанавливал прямую связь между Кантом и Круппом («От Канта к Круппу» — таково было название его речи), доказывая, что пушки Круппа логически вытекали из кантовского постулата о недоступности объективного мира[51]. Булгаков усмотрел гнома Миме в Джаггернауте «пангерманизма» и в сильных софиологических выражениях характеризовал Россию как «лоно будущего»[52]. Князь Трубецкой, профессор философии Московского университета (у которого была любовная связь с Морозовой), уподоблял Германию дракону Фафнеру и подчеркивал освободительную миссию России[53]. Элемент русского мессианства, таким образом, преобладал безраздельно, а Германия во всех отношениях представала в демоническом обличьи. Выступав-

шие однозначно рассматривали войну как посягательство материалистического немецкого рационализма на русскую душу.

Анна, присутствовавшая на собрании вместе с Николаем, в письме к Метнеру весьма осторожно отзывалась о докладах, прекрасно отдавая себе отчет, что их идеология была для него неприемлема, попросту невыносима и угрожала его душевному равновесию. Однако, вместе с сообщением о демонизации Германии в книжечке патриотических стихов Сергея Соловьева[54], даже этих скудных замечаний оказалось достаточно, чтобы он понял, что он может потерять некоторых друзей и знакомых. Что и произошло, в частности, с Рачинским, который, несмотря на всю свою близость к немецкой культуре, впал в тот же «антигерманизм», что и все остальные. В меньшей степени это касалось Ильина, три недели спустя прочитавшего у Морозовой свой доклад «Духовный смысл войны», в котором рассматривал военные действия как возрождение, крещение огнем, как акт очищения. Он описывал защиту отечества как святой долг, а смерть на поле битвы — как выполнение высшей миссии. В письме к Метнеру Анна воспроизвела весь доклад, кроме четырех коротких отрывков[55].

Стоит отметить, что Белый находился в каком-нибудь часе езды от Метнера, в Дорнахе. Для него события внутреннего и внешнего мира тоже как бы слились воедино. Его мучили навязчивые мысли о том, что это впрямую его война, что он сам является ее причиной. Он чувствовал себя живым трупом[56]. Чтобы как-то совладать с собой, он начал вести дневник. Весной из него возник этюд «Кризис жизни», первый из цикла, посвященного кризису европейской культуры, цикла, на который оказали влияние афористический стиль Ницше и его личная трагедия, разразившаяся в Базеле, всего в нескольких километрах от Дорнаха. Юнг в своем психоанализе личности Метнера, уделял Белому, само собой разумеется, значительное внимание. В октябре Юнг прочел немецкий перевод «Серебряного голубя» и, по сообщению Метнера, отозвался о его авторе как о значительном художнике, но скорее как «Dynamik», нежели личности: он крайне нуждался в том, чтобы «пить» из метнеровских глубин[57]. Мучительное недопонимание в собственных отношениях с Фрейдом сделало Юнга особенно чутким к обертонам конфликта Метнера и Белого. Он объяснял, что когда экстраверт и интроверт (здесь Юнг, судя по всему, отводил Белому до некоторой степени роль Фрейда) вовлекаются в полемику, то они не в состоянии понять друг друга на более глубоком уровне[58]. Он убедил Метнера, что единственный путь к освобождению лежит для него через примирение с Белым и Штейнером[59].

РАЗРЫВ С БЕЛЫМ

К исходу ноября Шагинян и ее сестра покинули Цюрих и перебрались в Италию. Оттуда они наконец отправились на юг России. На следующий день после отъезда Шагинян в Цюрихе, откликнувшись на письмо Метнера, объявилась Наталья Поццо. Он интересовался ею с 1909 г., когда у Белого завязались отношения с ее сестрой Асей. Наталья Поццо была близка к Минцловой, и Метнер уловил сходные, подлинно оккультные черты в ее характере. Еще в 1912 г., перед тем как присоединиться к своей сестре в роли последовательницы Штейнера, она призналась, что чувствует в Метнере духовного вождя[1]. Теперь же — когда Белый попал под ее обаяние — она разразилась бурными слезами и объявила, что любит Метнера. Это выглядело так, словно она пришла заменить Шагинян, которая уже отыграла свою роль в его жизни. Поццо держала Метнера в курсе всех дел Белого, снабжая его исключительно полной информацией о нем, и она же взяла на себя задачу их примирения. Уже спустя несколько дней Метнер и Белый встретились в Дорнахе, где объединились антропософы, дабы совместными усилиями возвести так называемое Иоанново здание — сочетание духовного университета, мистериальной сцены и ложи[2]. Метнер сообщил Белому о публикации своего критического экскурса о гетеанстве Штейнера. В ответ Белый заявил, что готов напечатать ответ на эту работу, если сочтет таковой необходимым, но что сама по себе такая идеологическая полемика не внесет разлада в их частично восстановившиеся личные взаимоотношения[3].

Юнг считал дружбу Метнера с Поццо конструктивной в нескольких отношениях[4]. Различные образы женщин, хранившиеся в памяти Метнера — от Анны (и ее сестры Марьи) до Морозовой, Фридрих, Сабашниковой, Шагинян, и, наконец, Поццо — анализировались в его «лаборатории», как сообщал Метнер в письме к Анне[5].

Чтобы умерить ее ревность и растущее отвращение к Поццо, равно как и к дорнахской колонии, он добавлял, что раздвоение между «верхом» и «низом» в его личности совершенно естественным образом сопровождалось тенденцией к полигамии[6]. Творческий коллектив, окружавший Белого, притягивал его к себе все больше и больше. Он уже полностью следовал правилам вегетарианской диеты. «Это бессознательное играет в анахорете» — комментировал Юнг[7]. Поццо пыталась лечить его от хронического несварения желудка антропософским чаем. Подобно Минцловой, она знала, как играть на его потребности в оккультном. В письмах к Анне он вскоре начал отмечать некоторую схожесть психоанализа и науки о духе и в шутливом подстрекательском тоне спрашивал ее, не стать ли и ему, в конце концов, антропософом.

В декабре Метнер дважды посетил Дорнах. Теперь у Белого имелась на руках его книга, и, как он утверждает в интимных биографических записках, его поразил ее «желчный, злой, нападательный» тон. Первая в России работа о Штейнере давала о нем «ужасную, искаженную» картину. Белый понял, что он обязан ответить. Но, к сожалению, он никогда не читал трудов Гете по естествознанию и, в отличие от Метнера, вообще не был специалистом по Гете. И он взялся за чтение этих трудов — и всего того, что Штейнер написал о Гете. Метнер заявил, что Белый волен отвергать его трактовки антропософии, если только он не будет покушаться на его истолкование Гете. Постепенно Белый пришел к выводу, что Метнер был знаком только с четырьмя работами Штейнера о Гете, и построил свою полемику вокруг нападок на книгу «Мировоззрение Гете» («Goethes Weltanschauung»), представлявшую собой, на его взгляд, не более чем набросок, лишь очерчивающий контуры темы. В течение ряда недель погрузившись с головой в научные изыскания Гете, Белый осознал, насколько антропософия базировалась на этих «миром еще не понятых» работах. Его воодушевила «правота» занятой Штейнером гносеологической позиции. На какое-то время для него, захваченного задачей определения собственной позиции относительно антропософии, полемика с Метнером отошла на задний план. Тем не менее он отдавал себе отчет в том, что его становившееся все более основательным знание науки о духе послужит страшным оружием против Метнера, который вряд ли мог даже подозревать, какие силы пробудила в Белом его книга[8].

В интимных автобиографических записках Белый утверждает, что в Дорнахе Метнер открыто поддерживал Фрейда и Юнга и объяв-

лял, что психоанализ стал неотъемлемой частью его самого[9]. Это укрепило негативное отношение Белого к глубинной психологии; в том же году антропософы уже были шокированы одной попыткой увязать идеи Штейнера с идеями Фрейда[10]. Однако Белый достоверно не знал, проходил ли Метнер курс психотерапии. Его интересовали «внутренние знания» Метнера и то, насколько это соотносится с теми прозрениями, которых он сам достиг посредством медитации. Метнер намекал, что и у него «есть нечто, вполне соответствующее медитации», но Белый не был уверен, что понимает суть этих намеков[11]. Начиная подозревать в своем друге «подглядывателя», в особенности при виде его все более теплых отношений с Поццо, Белый предался темным мукам ревности[12].

Метнер не знал, что мучительные переживания Белого, равно как и возникшие проблемы с Тургеневой, мешали ему приспособиться к жизни в сообществе оккультистов. Белый был отрезан от Штейнера и страдал от «придворной атмосферы», которую Мария фон Сиверс, ставшая женой Штейнера, насаждала вокруг него. Он перечитал статью Ницше «Вагнер в Байрейте» и заимствовал из него аргументы автора против его утраченного друга, перенеся их целиком на Сиверс[13]. Парадокс заключался теперь в том, что антропософ Белый втайне страстно стремился прочь из Дорнаха, тогда как Метнера, заклятого врага Штейнера, чуть ли не магнитом тянуло туда.

Во время второго приезда Метнера, под Рождество, Белый провел его по коммуне и по сооружениям Иоаннова здания в том виде, в котором оно проступало из лесов, — грандиозный символ, объединяющий идею и практику, дух и материю. Метнер воспринимал себя как Данте, ведомого Вергилием через ад и чистилище к небесам. С полей сражений во Франции доносились звуки далекой артиллерийской канонады. Внезапно на лесах они столкнулись со Штейнером. Чуть позже к ним присоединились Сабашникова, Петровский и Михаил Сизов, еще один друг из круга «Мусагета». Метнер отметил, что русские антропософы превращались перед «Учителем» в «аффектированных гимназистов», а Белый словно впадал в истерику. Простая манера держаться выделяла Штейнера из всей группы. Разглядывая его, — а Штейнер с вниманием встретил его взгляд, — Метнер вспомнил свой сон о двух змеях, приснившийся ему в начале века. Он мгновенно узнал глаза побежденной черной змеи в пристальном взгляде Штейнера. Так его «черная змея» приняла человеческий облик, но поскольку Штейнер более уже не был вселяющей страх фигурой, то и сон утратил свой гнетущий смысл[14]. Во время второго

сеанса с Юнгом Метнер был наконец способен рассказать целиком весь сон, о котором ранее он мог говорить только намеками. Обратившись к своим старым записям, Юнг показал, что на пороге нового столетия он и сам видел пророческий страшный сон того же содержания, но с иным окончанием. Черная змея появлялась также и в его сновидениях в декабре 1913 г.; в «Либидо, его метаморфозах и символах» он писал о центральном символическом значении змеи в мифе. Метнер вспоминал:

«Мы много говорили об этом отличии в сновидении, которое явно обладало сверхличным, объективно-коллективным значением, и мы объяснили его как вытекающее из различных индивидуальностей двух сновидцев. Мы выступали здесь как медиумы, но лишь до финального решающего момента, когда индивидуальная точка зрения взяла верх».

Этот «великий» сон сблизил их еще больше, указав, однако, и точку, в которой их пути расходились[15].

Метнеру было даровано право присутствовать на рождественских уроках Штейнера. Воспользовавшись случаем, он посмотрел и на упражнения в эвритмическом танце, который начали разрабатывать антропософы. Он нашел их любительскими и несостоятельными даже в сравнении с программами Далькроза или Айседоры Дункан. Как оратор Штейнер произвел на него более благоприятное впечатление, нежели в Берлине шесть лет тому назад. Метнера поразила его «медиумичность»: «не умея вовсе... мыслить», лишенный «поэтического» и «риторического таланта», он наиболее интересен не тогда, когда «выкрикивает» сам свое «послание», но когда, закатив глаза и размахивая руками, служит инструментом для кого-то другого[16]. После урока Метнер подошел к Штейнеру и поблагодарил его. В «Воспоминаниях о Штейнере» Белый пишет, что «злейший враг Доктора» казался в этот момент превратившимся в краснеющего от смущения и невнятно бормочущего юного поклонника[17]. Штейнер сразу же пригласил Метнера прослушать еще две лекции, причем одна из них была закрытой для публики. В рассуждениях Штейнера о Вильгельме Мейстере на этом «эзотерическом» уроке Метнер ощутил обращенное к нему зашифрованное послание. Для Метнера не составляло труда провести параллель между «обществом башни» в «Годах учения Вильгельма Мейстера» и антропософской коммуной. Гете принадлежал к подобным орденам вольных каменщиков. Созревание Мейстера следует за франкмасонским процессом инициации, и все произведение знаменует хвалу искусному мастер-

ству; дорнахские посвященные, разделенные на группы, выполнявшие различные специальные задания, собственными руками воздвигали духовный храм прямо у него на глазах. Именно в «обществе башни» Мейстер встречает Натали, ту, которую после множества женщин бывших в его жизни, он наконец полюбил; Наталья Поццо, прекрасно осведомленная о том, что Метнер отождествлял себя с Мейстером, охотно заостряла внимание на том, что носит то же самое имя[18].

В то же время Метнер еще раз встретился с Сабашниковой, отношения с которой все еще теплились. Поскольку она, как и Тургенева, была художницей, ей оказалось легче, чем Белому, найти себе занятие при строительстве Иоаннова здания[19]. Она познакомила Метнера с одним из двух главных архитекторов, швейцарцем Йозефом Энглертом, с которым в это время была особенно близка. Он объединил вокруг себя группу изучавших астрономию и астрологию, в которую входила Сабашникова. Он был глубоко сведущ как в инженерном искусстве, так и в магии; интересовался также и физиогномикой. Как и Юнг, он наряду с германскими характерными особенностями распознал в лице Метнера латинские ренессансные черты. Метнера, утверждавшего, что его предками по отцовской линии были испанцы, это порадовало. Возможно, в этом заключался и ответ на ироническое замечание Метнера, что в предыдущем своем воплощении он был итальянским военачальником Бартоломео Коллеони[20]. (Незадолго до приезда Метнера в Дорнах, Адольф Келлер, пастор и друг Юнга, и тоже терапевт, обнаружил в почерке Метнера льстящий его самолюбию след Коллеони[21]).

Лекции Штейнера задержали Метнера, и он был вынужден телеграфировать Юнгу просьбу отложить их очередной сеанс. Поццо уже начала подозревать, что происходит что-то не то. Дабы успокоить ее, он сказал, что регулярно встречается со швейцарским другом для чтения «Золотого Осла» («Asinus aureus») Апулея[22]. В этом была доля правды. Метнер и Юнг были очарованы этим романом, видя в нем «одно и то же смутное содержание»[23]. Книга эта, с ее мифом об Амуре и Психее, фигурировала в сне Метнера, всплывшем на поверхность в процессе анализа, сне, который он видел в юности[24]. Юнг несколько раз ссылается на «Золотого Осла» в «Либидо, его метаморфозах и символах»; он даже начал изучать классические языки ради того, чтобы прочесть его в оригинале.

Примерно в то же время из Москвы пришло письмо. Оно было от молодого поэта и философа Бориса Пастернака, члена кружка

«Молодой Мусагет», которому Метнер послал свою книгу. По словам Метнера, Пастернак восхищался «Рассуждениями о Гете», восхваляя «юношеский пыл и диавольское хладнокровие» автора[25]. Метнеру не оставалось ничего другого, как только провести параллель между тем, что Юнг, Келлер, Энглерт и Пастернак говорили о нем и его способностях. В похвале он нуждался безотлагательно. В конце года Юнг уехал на несколько месяцев на юг Швейцарии для службы военным врачом. На это время он рекомендовал Метнеру продолжать анализ с одной из своих ассистенток, Марией Мольтцер из Голландии. Разлуку Метнер переносил с большим трудом. Именно Юнг помог ему стряхнуть оцепенение, победить паралич и, быть может, даже спас его рассудок. Только Юнг мог заполнить вакуум, оставшийся после Белого, — тот самый Юнг, который возвратил надежду на примирение с его утраченным другом.

2 января 1915 г. Метнер послал Анне свои горькие размышления, подводившие, судя по всему, итог его психоаналитическому опыту, приобретенному на протяжении осени. Он прямо обвинял Анну и Николая в том, что он в их жизни — «ничто», что они способствовали образованию той пустыни, в которую он превратил свою жизнь. Его деятельность в качестве музыкального обозревателя в Германии, его изыскания в Берлинском университете, его поездки в Пильниц, «Мусагет», два его полемических сочинения — все было бессмыслицей и ошибкой. Юнг, говорил он, готов был рассматривать Анну и Николая, не способных в действительности ему помочь, как «душевнобольных» и составную часть его травмы. Никто, утверждал он, не ценил его так высоко, как Юнг: ни Белый, ни Эллис, ни Морозова, ни Анна и Николай. Юнг считал всю его жизнь медленным самоубийством. Он не брал на себя смелость решать, предназначено ли было Метнеру судьбой стать «музыкантом», но он объяснил, что в любом случае сфера деятельности, по праву ему принадлежащая, относится к той области, где его заратустрианское чувство телесного пульса и ритма — как, например, в роли дирижера — могло бы творчески содействовать его «духовной работе»[26].

Прощаясь с Метнером, Юнг пригласил его встретить Новый год вместе с его семьей в Кастаньоле близ Лугано. Однако Метнера задержала простуда, и когда он приехал, Юнга там уже не было. Из Кастаньолы он послал Анне новую, еще более печальную литанию. Он полагал, что искусство Юнга «разбилось вдребезги». Сейчас для него был самый подходящий момент уверить себя в том, что даже психоанализ не в силах разрешить его конфликт. Он проклинал му-

зыку, одновременно прекрасно отдавая себе отчет, что вне музыки для него не было никакой жизни. За что он был так жестоко наказан? Эти излияния Анне (очень похожие на те, которыми он делился в своем дневнике с Шагинян в предыдущем году) можно рассматривать как подмену тех укоров, которые он никогда не мог прямо предъявить истинному источнику своей «болезни», а именно своей матери — объекту неразрешимой инцестуозной привязанности, несомненно открытой им благодаря Юнгу. Ближе к концу письма он заговаривал о странной отчужденности между собой и матерью, обвиняя ее в том, что она погубила его своим по существу лишенным любви «лжевоспитанием»[27].

Не только Белый жил неподалеку от него — Эллис, после того, как был депортирован из Германии, также обосновался в Базеле. Незадолго до того он вместе с Иоганной Польман-Мой пригласил Метнера посетить их, и теперь Метнер воспользовался этой возможностью, завернув к ним по пути из Лугано. Их отношения — чисто духовные — исключали физическую близость. Независимая в финансовом отношении Польман-Мой проявляла материнскую заботу о непрактичном и беспомощном Эллисе. Редкое сочетание в ней острого ума и внутренней глубины импонировало Метнеру, и, по-видимому, в ее двойной роли покровительницы и медиума он различал своеобразный синтез Морозовой и Минцловой. Он спрашивал себя, не было ли у нее еврейских предков[28]. Несмотря на свое увлечение эзотерикой, она во многом выражала себя на языке самого Метнера, который могла перенять от Эллиса. Она заявляла, что немецкая культура (которую считала своей) и русская культура «"кармически" связаны» друг с другом. Она предостерегала также против свойственной русским мужчинам женственности, таившей в себе, в силу своей близости к хаосу, антигерманское начало, каковое должно быть преодолено[29]. Эллис, со своей стороны, видел в антропософской коммуне рассадник отвратительного русского феминизма. В своем подстрекательском экстремизме он доходил до сожалений о том, что женщин вообще выпустили из их средневековых клеток[30]. Его шутовской талант до этого уже в значительной степени повлиял на сатирический подход к оккультизму в «Петербурге» Белого[31], а на этот раз он высмеивал вселенские претензии Штейнера и разоблачал его в роли «Учителя». В один голос с Польман-Мой он утверждал, что и Штейнер, и Белый находились под каблуком своих жадных до власти русских жен.

Метнер также усмотрел сходство между «космософией» Польман-

Мой и психоанализом. Она считала, что многие сны обладают как объективным, так и субъективным содержанием: объективно они ставят сновидца лицом к лицу с будущей задачей, тогда как субъективно они указывают на события, случившиеся в прошлом, возможно даже в предыдущих воплощениях. Несколькими неделями ранее Юнг высказал почти ту же мысль во время сеанса с Метнером: «Бессознательное рисует нам в символах то из прошлого, что полезно для будущего, то, из чего построится будущее». Метнер еще не «познакомил» Польман-Мой с Юнгом, однако последний уже заинтересовался Эллисом благодаря сну Метнера, в котором тот играл одну из ключевых ролей. На основе того, что рассказал ему Метнер, Юнг сделал вывод, что Эллис «человечнее», чем Белый[32].

В другой раз Метнер приехал в Дорнах из Базеля по случаю русского Рождества. Его отношения с Белым, хотя он и не хотел этого осознавать, были уже безнадежно подорваны. Он сообщал Анне, что их спор по поводу его книги закончился «криками» и словесными «кулаками», но истолковывал это в том смысле, что Белый был доведен до отчаяния собственным бессилием, тогда как на самом деле Белый готовился нанести ему решающий удар[33]. Белый прямо спросил у него, почему он не прочитал большинства работ Штейнера о Гете. Метнер ответил, что упущение это было умышленным. Такое признание значительно ожесточало позицию Белого. Теперь он обнаружил слабые места в познаниях самого Метнера: на его взгляд, Метнер неверно понял «идею» Гете, грубо перепутав перворастение и протофеномен. Белый чувствовал себя обязанным не только защитить штейнеровское толкование Гете, но и «уничтожить» толкование Метнера. Он понимал, что Метнер никогда ему этого не простит. Метнер предупредил его, что, если он осмелится напасть на его святая святых, в его защиту выступит Ильин. Это лишь подхлестнуло Белого в решимости разрушить самый фундамент мировоззрения Метнера. Белый явно использовал этот «узаконенный» спор, чтобы до некоторой степени облегчить постоянно ощущаемое им давление, исходившее от Штейнера и от всей царившей в Дорнахе атмосферы[34].

В октябре Метнер натолкнулся на одну из статей Чемберлена о войне, «Немецкая любовь к миру» («Deutsche Friedensliebe»), в которой объявлялось, что Германия стала жертвой уникального для истории заговора лжи, во главе которого стояла наемная британская пресса[35]. В действительности же, по его убеждению, Германия служила гарантом мира в Европе. Он утверждал, что может заявлять об

этом совершенно беспристрастно, поскольку смотрит на Германию извне, глазами не немца, а иностранца. Отличительной чертой немцев было отсутствие неприязни к другим народам. Единственным спасением для Европы в этот момент была германо-австрийская победа, которая даровала бы истерзанной войной Европе сотни лет мира. Высказанное с близкой позиции «добровольной самоизоляции», это декларирование «объективной любви» к немецкой культуре иностранца Чемберлена было просто обязано растрогать Метнера[36]. Он тотчас же написал Анне, что страдания Чемберлена были его собственными страданиями, и продолжил тем, что охарактеризовал его как «самого дорогого, самого милого и самого близкого человека из посторонних» ему людей[37]. Он был готов подписаться под каждым словом в его статье. В январе 1915 г. он прочел только что вышедший сборник статей Чемберлена, «Статьи о войне» («Kriegsaufsatze»), который открывала «Немецкая любовь к миру». Он поведал Анне, что читать эти заметки ему было немного неловко, потому как они почти дословно, «не только в мыслях, но в пафосе, в жесте», совпадали с его собственным отношением к войне[38]. Он с удовлетворением отметил, что Юнг тоже читал Чемберлена; в «Либидо, его метаморфозах и символах» имеются ссылки на «Die Grundlagen des XIX. Jahrhunderts».

Чемберлен представлял собой действенный противовес воинствующему патриотизму московских друзей Метнера. К этому времени все зашло настолько далеко, что Морозова, к которой Метнер по-прежнему относился с уважением, выражала недовольство тем, что Николай пренебрегает исполнением своего патриотического долга, уклоняясь от военной службы. Анна и Николай ощущали вокруг себя все нарастающую изоляцию. Как они убедились несколько месяцев спустя, когда у них дома был произведен обыск, существовала известная опасность в обладании немецкой фамилией. В Религиозно-философском обществе Владимир Эрн до того увлекся развитием выдвинутого им тезиса о содействии гносеологии Канта оружейным заводам Круппа, что Ильин счел себя обязанным ответить и, несмотря на свои расхождения с Метнером, подчеркнуть, что без немцев вообще не существовало бы никакой европейской философии[40].

В конце концов Метнер все же начал занятия психоанализом с Марией Мольтцер, одной из тех последовательниц Юнга (и в прошлом его пациенток), которые в предвоенные годы соперничали, добиваясь его благосклонности. Во время тяжких испытаний, связанных с кризисом в его жизни, она стала особенно близка ему и он

выбрал именно ее для того, чтобы она проводила с ним занятия психоанализом[41]. Метнер упоминает ее как «свою» голландку, в противоположность голландке Эллиса[42]. Он описывал ее как проницательную, деловую и сухую женщину. Воспринимая ее в качестве заместителя, он продолжал переписываться с Юнгом. С одной стороны, он заявлял в своих письмах Анне, что Юнг, подобно многим другим, «подпадает» под его «обаяние» — даже если Юнг и понимал, что его харизма происходит из тюремной изоляции его непорочного либидо, — и подчеркивал сходство их идей[43]. С другой стороны, его восхищение своим врачом сдерживалось возникшей агрессивностью, поскольку Юнг, хотя он и позволил себе быть очарованным Метнером, распознал непродуктивный самоанализ своего пациента и начал опасный процесс разоблачения его житейской лжи. К тому же, он предал его, покинув Цюрих. В марте Метнер в письме к Анне заметил, что пришел к выводу, что Юнг «преувеличивает точно, как Фрейд, только в противоположную сторону»[44]. В апреле он написал, что оба, Юнг и Мольтцер, становятся «наивными, схематичными и неглубокими», когда дело касается наиболее важных вещей; как, например, в том случае, когда они отказались признать, как неописуемо был унижен Метнер, согласившись с тем, что его жизнь потерпела крах[45].

В начале года фиксация Белого на своей золовке стала просто «чудовищной»[46]. Метнер в это же время сетовал на то, что Поццо вошла в его жизнь слишком поздно. Ему хотелось бы думать, что, случись это шестью годами ранее, она была бы в состоянии спасти его, приведя к чему-то иному, нежели «Мусагет». В точности как ее сестра в отношении Белого, она предлагала ему сейчас страстные отношения за пределами пола, как она сама выразилась. Метнер до такой степени находился под ее влиянием, что порой их свидания оборачивались «оккультными спектаклями»; подобно антропософу, он воображал, что может видеть ее «эфирные тела»[47]. Она информировала Метнера о ходе работы Белого над опровержением его труда. Во время своего пребывания в Дорнахе в феврале, Метнер прослушал выдержки из его первых глав. Он воспринял их легкомысленно, даже нашел, что они талантливо написаны[48]. Но он и не предполагал, что Белый готовил лобовую атаку в совершенно ином тоне, а показал ему лишь несколько осторожных сатирических тирад на начальных страницах[49].

Поццо побуждала Метнера к тому, чтобы он переехал в Дорнах. Он тешил себя этой мыслью, явно не подозревая о взрывоопасном

личном и идеологическом конфликте, назревавшем между ним и Белым. Неожиданно в Цюрихе объявился Михаил Сизов, сообщивший, что он прочитал главу рукописи Белого, в которой Метнер подвергался свирепым нападкам. Метнер незамедлительно отправился в Дорнах. Белый прочитал ему отрывки, которые были более или менее приемлемыми. Он высказал надежду на публикацию работы в «Мусагете», и эта реплика внезапно повлекла за собой спор о том, кто из них двоих несет ответственность за раскол в издательстве. Активно поддерживаемый Тургеневой, Белый настаивал на том, что вина лежит на Метнере. Метнер чрезвычайно расстроился, и не в последнюю очередь из-за неуступчивой позиции Тургеневой, которая, по его мнению, полностью подтверждала справедливость обличительных речей Эллиса в адрес антропософского феминизма. В глазах Метнера, Белый и Тургенева слились в одно андрогинное, с кошачьими повадками, существо, которому он дал прозвище «Борась», составив его из их имен: Борис и Ася. Он выпалил это имя им в лицо и ушел не попрощавшись, унося с собой свою злобу[50]. Белый вскоре написал Метнеру, что тому следует держаться от них подальше до тех пор, пока он не сможет гарантировать, что подобные «вспышки» больше не повторятся[51]. Метнер ответил, что случившееся — это знак «непримиримых духовных и душевных расхождений» между ними[52].

Метнер получил копию осеннего доклада Ильина, в котором обсуждался внутренний катарсис, долженствующий предшествовать акту познания. Если не проработать от начала и до конца «тайные влечения и желания», гнездящиеся в бессознательном, и травмы, наложившиеся на «каждого из нас» в детстве, то в юности они приведут «многих» к неврастении и болезненным психическим уродствам и могут помешать философскому процессу, перекрыв доступ к «предметному опыту»[53]. Ильин обрушивался и на науку о духе, настаивая на том, что антропософский «маг» стремится на самом деле не к знанию, а к власти над своей душой, не ведая, что наука, то есть психоанализ, уже знает его «тайну»[54]. В этом, по-видимому, сказалось влияние Адлера на Ильина[55].

После визита Метнера Белый страдал от бессонницы и ночных кошмаров. Тон его опровержения сделался еще более резким. В мае и июне он, охваченный исключительной жаждой противоречия, приступил к решающей переработке текста[56]. Название, «Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности», демонстративно ставило имя Штейнера перед именем Гете. По своему объему текст был

сопоставим с метнеровским. Белый тоже приложил усилия к тому, чтобы придать своему произведению научный вид, разделив главы на части и «придав научную силу» тексту с помощью огромного количества примечаний. В процессе работы над книгой Белый обращался к Штейнеру за советом и помощью, и Сиверс перевела для своего мужа отрывки из нее[57]. Метнер страдал не меньше Белого от бессонницы и ночных кошмаров. Ужесточилась его ипохондрия, так что он начал жаловаться на каждый звук, раздававшийся в комнате, которую он снимал. Он ощущал «страшную тоску»[58].

В письме к Анне Метнер использовал свой психоаналитический опыт, чтобы пересмотреть свои бурные отношения с женщинами. После недавнего разрыва с Белым его интерес к Поццо поостыл. С Шагинян он уже был разлучен, а его связь с Фридрих приближалась к развязке. Шагинян, заявлял он, повторила ошибку Сабашниковой: она была слишком нетерпелива и слишком требовательна. Разница между двумя женщинами состояла в степени их преданности; в конце концов, Сабашникова принадлежала исключительно своему искусству и своему богемному кругу. Психоанализ показал, что Шагинян была крайне неврастенична. Ее глухота была актом протеста — она подавляла свою гомосексуальность вплоть до того, что буквальным образом отказывалась прислушаться к своему бессознательному. Ее бисексуальность проявилась в отношениях с Зинаидой Гиппиус. А теперь она заразила Метнера своим заболеванием уха и обострила сходные инстинкты (то есть латентную гомосексуальность) в нем самом[59]. И Юнг, и Мольтцер, независимо друг от друга, оба пришли к этому выводу[60]. Они дали ему понять, что если он будет продолжать общение с Шагинян, она «выпьет из него все жизненные соки», ибо она пыталась использовать его для восстановления собственного здоровья, проявляя в своих отношениях с ним все четыре психических «установки», которые выделял Юнг в разрабатываемой им типологии: в данном случае была сознательная экстраверсия и (стремящаяся вперед) «проспекция», с одной стороны, и бессознательная интроверсия и (обращенная назад) «регрессия», с другой.

Даже если психоанализ и оказался не в состоянии его излечить, продолжает Метнер, все равно это — одно из величайших когда-либо совершенных открытий. Он обнаружил в произведениях Гете предсказания этого открытия, сделанные на языке, который почти дословно совпадает с терминологией Юнга и звучит как «психическое лечение, в котором безумие допускается, дабы исцелить безумие»[61]. «Гете обладал всем», — утверждает он, и ему удалось ото всего осво-

бодиться, потому что он все допускал. Гете говорил, что даже в том, что кажется неестественным, есть что-то естественное, а это по существу и есть фундаментальная идея глубинной психологии. Нежелание Шагинян пройти курс лечения — Метнер дал ей, по меньшей мере, некоторую предварительную информацию о психоанализе — вырастало из страха, обязанного своим происхождением ее подавленному бессознательному и сопутствующему чувству вины. Приближавшийся разрыв Метнера и Фридрих явился в конечном счете результатом проведенного ею года занятий психоанализом. Фридрих, подробно описавшая ему недавно открывшиеся ей фрейдистские истины, безусловно поняла, что она видела в Метнере отражение своего чувства крушения и что ею двигало сострадание к нему даже тогда, когда его «эрос» был разоблачен как «демонизм». И все же она была привязана к нему как никогда[62].

Из писем Метнера становится ясно, что, вопреки всему происшедшему, он по-прежнему лелеял отчаянную надежду на будущую жизнь со своей бывшей женой. Он признавался, что порой страстно желает вернуться в Нижний Новгород, который он однажды назвал своей «тюрьмой». Он вспомнил мистическое слияние, которое они пережили в юности, когда читали Лермонтова, в частности, известные строки «Демона», в которых описывается роковая любовь между проклятым духом и княжной Тамарой. Теперь Анна шептала ему эти строки в его сновидениях[63].

Карл Метнер,
отец Эмилия Метнера

Александра Метнер,
мать Эмилия Метнера, 1910-е гг.

Эмилий Метнер, 1890 г.

Артур Никиш, 1895 г.

Анна Метнер с Николаем (слева) и Эмилием.
Нижний Новгород, ок. 1904 г.

Анна Метнер, ок. 1900 г.

Маргарита Морозова

Хедвиг Фридрих

Маргарита Сабашникова, автопортрет

Наталья Тургенева
(в замужестве Поццо), ок. 1909 г.

Анна Минцлова

Мариэтта Шагинян, 1911 г.

Сергей Рахманинов, 1910-е гг.

Андрей Белый, 1916 г.

Рудольф Штейнер, 1916 г.

Йозеф Энглерт, ок. 1915 г.

Иоанново здание / Гетеанум (уничтожено пожаром в 1922 г.)

Тони Вольф

Мария Мольтцер

Рахиль Рабинович, ок. 1915 г.

Эдит Маккормик, урожд. Рокфеллер.
Портрет работы Ф. А. фон Каульбаха, 1908 г.

Иван Ильин. Фрагмент картины М. Нестерова,
1921—1922 гг.

Психологический клуб на выезде (Zuoz). Новый, 1920—1921 год.
Первый ряд, слева: Рудольф Песталоцци, Генрих Штейгер.
Средний ряд: неизвестная, Сузи Трюб, Карл Густав Юнг, Эмилий Метнер. Последний ряд: Ганс Трюб, Эмма Юнг, неизвестная

Катания на санях (Zuoz). Новый, 1920—1921 год. Первый ряд, слева: Ганс Трюб, Сузи Трюб, Карл Густав Юнг, Франц Юнг, Рудольф Хомбергер, Ганс Хомбергер, Эмилий Метнер. Последний ряд: Алекс Хомбергер, Эмма Юнг, Дорис Хомбергер, Маргрет Хомбергер (урожд. Раушенбах, сестра Эммы Юнг), Марианна Юнг, Генрих Штейгер

Маскарад в Психологическом клубе, 1925 г.
Слева направо: Тони Вольф, ее подруга миссис Грифф, Эмилий Метнер в костюме Мефистофеля, Гарольд Маккормик и Эмма Юнг

Карл Густав Юнг на маскараде, 1925 г.

Хедвиг Фридрих, 1934 г.

Эмилий Метнер, 1934 г.

Эмилий Метнер, 1920-е гг.

МЕТНЕР НА «ГОРЕ ИСТИНЫ»

Вскоре Юнг возвратился с военной службы, однако он не видел причин прерывать курс терапии Метнера у Мольтцер. Дважды в месяц у себя на дому он стал устраивать приемы для близких друзей и последователей. Форму «психоаналитической секты», которую приобретали эти собрания, Метнер считал гораздо более «приемлемой», нежели форму секты антропософской, представшую его глазам в Дорнахе. Здесь он встретился с молодым психоаналитиком, прекрасно знавшим русскую литературу и знакомым с произведениями Белого[1]. По всей видимости, то был Ганс Трюб, который тоже проходил курс психотерапии у Юнга. Он был моложе Метнера на целых семнадцать лет, но это обстоятельство не помешало постепенному возникновению между ними подлинной дружбы. Метнер встретился также с Эдит Маккормик, дочерью Джона Рокфеллера-старшего, знавшей Юнга уже довольно давно и тоже лечившейся у него[2]. Благодаря этим новым знакомствам Метнеру до известной степени удалось вырваться из той изоляции, в которой он оказался в Цюрихе, когда отношения с дорнахским сообществом были уже невозможны на прежних условиях.

Кроме того, через колонку частных объявлений в газете Метнер сошелся с Рахиль Рабинович, русско-польской еврейкой, изучавшей в Цюрихе медицину. Поначалу он не сказал ей, что он русский, говорил только на немецком и просил называть его «Вольфингом». С самого начала их переписки он не скрывал своего критического отношения к евреям, и ее не покоробило, когда, в связи со своей идеей о принадлежности «еврейской расы» к изжившему себя прошлому, он обратился к ней как к «Plusquamperfectum» («Стародавней»). Его неостывающее увлечение ею питалось главным образом ее сходством с Анной. Вскоре они втянулись в оживленную дискуссию о сущности «немецкого», «русского», «еврейского». Любопытно, что она (как и Блок) полагала, что уловила в лице Метнера нечто семитское. Ее

окружали эмигранты-социалисты еврейского происхождения из Восточной Европы, но она не имела с ними ничего общего. По словам Метнера, она соглашалась с ним, что их социализм был продуктом освободительных и гегемонистских амбиций[3].

В попытке вырваться из повседневности, Метнер снял в июле другую комнату, поселившись вместе с преклонного возраста дамой, состоявшей в так называемой маздазнанской секте, европейский центр которой находился в окрестностях Цюриха. Вскоре она познакомила его с доктриной секты, сформулированной в начале века Отто Ганишем. Синкретическая, как и теософия, она была ориентирована прежде всего на древнеперсидского пророка Зороастра, который послужил моделью для ницшевского Заратустры. Доктрина утверждала избранность «арийской расы», чистота которой является предварительным условием установления универсального тысячелетнего царства под верховенством «тевтонского рода». Очищение тела считалось неотделимым от очищения души, и труды Ганиша, соответственно, содержали в себе специальные указания по диете и промыванию кишечника, равно как и по поддержанию собственно расовой чистоты. Эти идеи пришлись Метнеру как нельзя более кстати. Он только что отправил матери письмо с признаниями в том, что был парализован, как «испуганная ящерица», с семнадцати лет (со времени конфликта с Павликовским в гимназии)[4]. Подобно танцующему Заратустре, он жаждал не одного лишь физического освобождения. Психоанализ, в конце концов, раскрыл, что его жизненная миссия лежала в той области, где тело и душа обретали свободу через взаимодействие. Его самоидентификация с Заратустрой и Ницше, таким образом, усилилась благодаря интересу к маздазнанской секте, что стало еще одним противовесом антропософии. Закончив за пару недель курс психотерапии с Мольтцер, он начал четырехдневный курс с Вильгельмом Варшаткой, уроженцем Чехии, представителем Ганиша в Цюрихе. Любопытно, что Варшатка жил в одном доме с Мольтцер и был с ней шапочно знаком. В письмах к Анне Метнер восторженно отзывался о нем одновременно как об оккультисте, специалисте по гигиене, учителе гимнастики и диетологе. Варшатка утверждал, что на основе физической конституции Метнера, лицевых линий и черепа он сможет дать анализ его характера. Так Метнер обрел «эксперта» в вопросах физиогномики, френологии и краниологии. Варшатка критически оценил его телодвижения, пищеварение и мускульное напряжение и предписал ритмическую гимнастику, массаж, горячие ванны и компрессы на заднюю часть шеи,

чтобы облегчить нервные боли и внутреннюю рассогласованность. Особенно же Метнера тронуло то, что Варшатка обратил внимание на его неистощимую энергию, «магнетическую» индивидуальность и «полководческую» линию[5].

За отсутствием положительных откликов на «Размышления о Гете», Метнер заказал Шагинян рецензию на книгу. Рецензия появилась в газете «Баку», где Шагинян вела теперь колонку, и была переслана через Анну в Цюрих. Шагинян провозглашала книгу эпохальной, сопоставимой с «Критикой чистого разума» Канта по своей крайней сложности, не доступной для усвоения при однократном прочтении. Она утверждала, что книга оказывает честь «нашему беспристрастию, нашему вкусу и нашему гению». В данный момент обстоятельства сложились не в ее пользу, но когда-нибудь ее признают классической, внесшей свой вклад в развитие культуры. Это «самое гениальное из нами продуманного и созданного» после «ухода» Толстого. Если даже ненавидящие англичан немцы выставляют напоказ свою любовь к Шекспиру, то «мы» можем гордиться чем-то еще более великим: в эпоху, когда немцы бесстыдно низвели сияющий образ Гете до служения целям современных «газетных идеологий», «мы очистили, вознесли и возвратили этот великий образ не только немцам, но и всей Европе»[6]. Примечательно, что Шагинян постоянно говорит от первого лица во множественном числе, как бы от имени Метнера и России. Метнеру рецензия не понравилась. Он полагал, что, ослепленная своей влюбленностью, Шагинян зашла слишком далеко в своем панегирике, так что цель осталась не достигнутой. Он, в частности, напрочь отвергал патриотический пыл, которым был пропитан текст Шагинян, равно как и ее беззастенчивую критику немцев за их эксплуатацию Гете[7].

Метнер, окрепший после курса с Варшаткой, отправился в Дорнах. Там он встретился с Поццо, чья попытка помирить его с Белым ни к чему не привела. Теперь его в первую очередь занимал Йозеф Энглерт, составивший его гороскоп на основе даты рождения, присланной матерью Метнера из Москвы. Энглерт имел доступ и к гороскопу Гете. Из первых строк «Поэзии и правды» Метнер знал, что Гете, как и он сам, родился в полдень, когда солнце стояло в самой высокой точке неба. Это объясняло любовь, которую оба они испытывали к солнцу, объединявшее их «особенно личное отношение к Солнцу (и к Аполлону)»[8]. Энглерт сообщил ему, что соприкосновение с оккультным было в его случае неизбежно ввиду важной связи с Ураном, сыном земной богини Геи (или, на языке Метнера, Эрды).

Энглерт предостерегал, что его личности грозит гибель, если ему не представится возможность подлинного самовыражения. Таким образом, в словах Энглерта и Варшатки Метнер мог видеть именно то, что ему нужно было видеть[9].

Метнер старался избежать встречи с Белым, который по завершении своей книги все глубже и глубже погружался в мучительные видения. Как пишет Белый в своих интимных биографических записках, граница между внутренним и внешним мирами казалась ему полностью стертой. В известной степени то было результатом психологического эксперимента, который он был вынужден проводить над собой из-за той тяжелой ситуации, в которой он оказался: охлаждение к Тургеневой, разрыв с Метнером, трудности общения со Штейнером, война, конфликты, вспыхивавшие в многонациональной колонии Дорнаха. У него было ощущение, что им управляют темные силы, посылающие ему знаки и тайные призывы к бунту, поджогу и насилию. В какой-то мере это походило на то, как если бы он принимал участие в сюжете своего «Петербурга». Подобно Александру Дудкину, он чувствовал, что революционная организация приказала ему бросить бомбу, и одновременно его не отпускало подозрение, что тем самым он превратился в игрушку в руках дьявола. Пик кризиса наступил в августе: он пишет, что это было «острием моей жизни»[10]. В видениях, отражавших, вероятно, ницшевские обертона совершаемого Дудкиным убийства Липпанченко, он убивал «дракона войны», зло, которое стремилось его себе подчинить[11]. В результате его больше всего пугало то, что, подобно больному Дудкину, он не был уверен в точности, что именно он совершил и правильно ли истолковал свою «миссию»[12]. Он начал ассоциировать свою внутреннюю борьбу с борьбой Фауста. В это время в Дорнахе под руководством Штейнера была поставлена заключительная сцена «Фауста». В сцене космической инициации Тургенева и Поццо играли ангелов, которые, как выразился Белый, «вырвав Фауста из когтей смерти, принесли его в небо»[13]. Белому казалось, что он встретился с Матерями, к которым нисходит Фауст и которых Метнер в своей книге уподоблял Эрде; они напоминали эриний, вырвавшихся из чрева земли. Постановка «Фауста» словно бы дала Белому шифр, к которому он должен был подобрать ключ, ради спасения мира и себя.

В одном из снов Белого книга Метнера стала предметом горячего спора в доме Метнера в Москве. Белому удалось опровергнуть доводы своего оппонента. Метнер залился краской смущения перед

своим отцом, в точности как перед Штейнером за несколько месяцев до этого (как описывает это Белый). Затем Метнер-старший пристально посмотрел на Белого своими лучащимися глазами и вдруг, как если бы Гете сошел с портрета на стене, принял облик Гете. Вряд ли мы ошибемся, высказав догадку, что он имел некоторое сходство и со Штейнером. Белый вскоре сообщил о своем сне «Учителю», видимо, в надежде, что тот его объяснит[14].

Метнер, конечно, ровным счетом ничего не знал о внутреннем смятении Белого. Даже Поццо не подозревала, насколько в этот момент она была значима для Белого, который связывал ее с навязчивыми мыслями об изнасиловании и шабаше ведьм[15]. По возвращении Метнера в Цюрих Юнг пригласил его на дополнительный сеанс психотерапии. Метнер писал Анне:

«Какой это замечательный человек! И как он уютно-глубок, юмористически-мистичен, по-медвежьи мужественен, чем напоминает Калю (кот.<орый> был бы от него наверно в восторге)[16] и вообще симпатично-неуклюжую ловкость, свойственную представителям преступного народа[17]. — Беседа наша была очень плодотворна с чисто духовной стороны, так ли это и для здоровья — сомнительно; Юнг сам признает теперь, что мой Fall* — крайне труден ввиду grosser Ueberlegenheit des Geistes und bis ins Tiefste sich verästelnden Machtproblems**; он говорит, что я справедлив ко всем, чересчур справедлив, чересчур беспристрастен, но зато совершенно несправедлив к себе и в особенности к Конраду; под Конрадом Юнг разумеет внешнего человека, Person в отличие от Individualität; ужасно смешно и уютно, когда он говорит о Конраде, как он с ним спорит, т. е. с своим Конрадом, запрашивает его, уступает ему, няньчится с ним. Я хохотал страшно и просил его, почему же это — Конрад непременно, а он покуривая трубочку на своем милом швейцарском schwützerdutsch — Ja! Konrad das ischt halt mal so ein Menschenkindli![18] — (тире Метнера, — *М. Ю.*) Ваше положение очень трудно, сказал он мне; я бы не выдержал его и я удивляюсь на Ваши силы»[19].

Метнер рассказал о составленном для него Энглертом гороскопе; Юнг подтвердил, что и он воспринимает астрологию серьезно. Метнер упомянул также Рахиль Рабинович. Юнг, по-видимому, был поражен сходством между увлечением Метнера Рабинович и своей

---

* Случай (*нем.*).

** Большого превосходства духа и до самых глубин пронизывающей проблемы власти (*нем.*).

собственной любовной связью с Сабиной Шпильрейн, сначала его пациенткой, а впоследствии студенткой медицинского факультета в Цюрихе. В любом случае ее нервная организация представлялась интересным предметом исследования, и он порекомендовал Метнеру попробовать провести с ней занятия психоанализом; Юнг поощрял своих пациентов к проведению самостоятельной психотерапии. Он также посоветовал Метнеру написать автобиографию. (Вскоре Метнер последовал этому совету, после того как перечитывание «Критики чистого разума» Канта всколыхнуло в нем очень ранние детские воспоминания[20]). После посещения «лаборатории» Юнга у Метнера возникло чувство, что по окончании «мирового конфликта» можно ожидать грандиозного синтеза наук. Сольются различные «системы»: психоанализ, графология, краниология, френология, этнология, социология. Исследования Юнга велись в подобном направлении, и не был чужд некоторым воззрениям Варшатки. Юнг проявлял известный интерес к физиогномике (начало которой было положено в свое время в том же Цюрихе Лафатером)[21]. Его диссертация «О психологии и патологии так называемых оккультных явлений», написанная в 1902 г., исследовала оккультный опыт спиритов. Метнер прочел эту книгу. Он писал Анне, что хотел бы участвовать в осуществлении синтеза, что впоследствии ему и удалось сделать в качестве философа[22].

В августе Метнер совершил паломничество, одно из нескольких в том году, в Айнзиделын на юге Цюрихского озера, где какое-то время провел Гете. Он посетил место рождения Парацельса, физика, натурфилософа и розенкрейцера, которого он считал человеком, предвосхитившим систематику Юнга. Он последовал, в частности, совету Юнга и посетил монастырь Марии Айнзидельнской, основанный, по преданию, св. Мейнрадом и знаменитый своей усыпальницей, воздвигнутой в честь «Пресвятой Девы отшельников». Монашеская жизнь втайне привлекала его еще с начала столетия, когда под влиянием Белого он был пленен благочестием и аскетизмом канонизированного старца Серафима. Мейнрада же он, по-видимому, рассматривал как своего рода германского Серафима. В 800-х годах отшельник Мейнрад жил, подобно Заратустре, в пещере поблизости от горы Этцель в обществе двух воронов. То, что он не оказал сопротивления, смиренно позволив убить себя, еще больше натолкнуло Метнера на размышления о его сходстве с Вотаном[23]. Метнер описывал его в письмах Анне как «Вотана Мейнрада», ищущего свою мать, свою богиню Эрду. Он задавался вопросом, достиг ли отшель-

ник той стадии мудрости, которая позволила ему покорно снести «удары» нападавших, или же он просто решил принести в жертву себя и свой боевой дух— с целью, быть может, воскреснуть в новой жизни[24]. Метнер дословно цитировал свои же слова из опубликованной им в 1912-м году статьи в «Трудах и днях», как и тогда с помощью символики Вотана говоря о своем собственном психическом состоянии.

Метнер продолжил свой путь по стопам Гете и Юнга, посетив знаменитые рейнские водопады у Шаффхаузена. Их описал Гете, а Юнг провел первые годы жизни, слушая их рокот. Метнер считал, что находясь там, он платит дань «мифической личности бога Рейна»[25].

В письмах к нему Ильин интересовался, как обстоят дела с психоанализом; он просил Метнера сопоставить метод Юнга с методом Фрейда по некоторым важным аспектам. В своем подробном ответе Метнер объявлял, что уничтожение нездоровой составляющей его личности «безжалостно» низошло к «архаическим пластам и инфантильнейшим мифам». Юнг считал, что с интровертом нет смысла заниматься дальше; только экстраверт нуждается в том, чтобы анализу подвергалась «каждая анальная подробность». На протяжении всего этого времени Ильин серьезно воспринимал фантазии Метнера о профессии дирижера, и теперь в своем письме он выражал надежду на то, что процесс сублимации у Метнера будет продвигаться столь же успешно, сколь и у него самого после курса интенсивной психотерапии, проведенного Фрейдом, и что Метнер запишется на дирижерские курсы. Метнер попытался защититься уловкой: «реальный символизм» в «мировом катаклизме» явился препятствием для сублимации, поскольку катастрофа эта произвела в нем «проспективный шок». Юнг, продолжает он, расчищает путь для трансформации либидо, но он воздерживается от того, чтобы направлять его на какую-то конкретную цель. Он не в состоянии сделать что-либо еще, когда, как в случае Метнера, «das Machtproblem» («проблема власти») столь подавляющим образом доминирует над «das Liebesproblem» («проблемой любви»). Метнер признается, что живет в постоянном страхе вновь заболеть болезнью Меньера. В течение двух лет, с тех самых пор, как в Пильнице он подвергся нападению «чертиков», он не мог переносить вида фортепьяно в непосредственной близости от себя. Напряженность между необходимостью избрать определенную стезю и его вечным дилетантизмом вновь обострилась. Иногда он просыпался ночью в ледяном поту от страха и

начинал считать годы, которые отняла у него «жертва "Мусагету"». Занимаясь психоанализом, он чувствовал себя все более тупым и бестолковым, и его начинала подводить память. Юнг и Мольтцер пытались убедить его в том, что его умственные способности и должны притупиться, если ему суждено созреть духовно и вновь обрести эти способности, но уже без самоистязающего жала его внутренней «змеи». Юнг и Мольтцер предпочли бы, чтобы он забыл свое прошлое настолько, чтобы уже не оглядываться постоянно назад и смотреть только вперед. Когда это произойдет, к нему возвратится и его память[26].

В середине сентября Метнер отправился в новое и более продолжительное путешествие, чтобы отдохнуть от занятий психоанализом и побыть какое-то время наедине с собой. Прежде всего, он искал Ницше и солнце. Он начал с восхождения в Альпы к северу от Озера Четырех Кантонов. На закате он совершил символическое восхождение на гору Пилат и в предрассветных сумерках был на Риги Кульм (где в молодости Юнг пережил важнейший опыт инициации)[27]. Также он посетил виллу Трибшен у подножия Пилата под Люцерном, где Вагнер трудился над «Зигфридом» и «Гибелью богов» и где его часто навещал Ницше. Метнер колебался, продолжить ли ему путь в южном направлении к Сильс-Мария в Верхнем Энгадине, где альпийский ландшафт вдохновил Ницше на «Так говорил Заратустра», или двинуться к Асконе на Лаго Маджоре, где зороастрийцы рекомендовали ему посетить «вегетарианский пансион» на Монте Верита (Гора Истины).

В конечном итоге он выбрал Монте Верита; одним из решающих факторов было то, что Ницше тоже пересекал эту область и описывал Лаго Маджоре осенью. В течение шести недель Метнер оставался там; это была своего рода колония свободных мыслителей, которая в чем-то могла послужить моделью для Дорнаха. В самом начале века бельгиец Генри Оденковен пытался практиковать здесь альтернативный образ жизни совместно со своей спутницей Идой Гофман. Гофман разделяла его радикальные взгляды на общество, разрабатывала собственные диетологические идеи, а позднее заинтересовалась Толстым и Штейнером. В их колонии собрались идеалисты и утописты всех мастей: энтузиасты жизни на открытом воздухе, гомеопаты, вегетарианцы, теософы, пацифисты, анархисты, пропагандисты свободного танца. Взаимодействию тела и души, столь волновавшему Метнера, отводилось здесь видное место. Не последним важным фактором, объединявшим обитателей колонии, было ихсолн-

цепоклонничество. Они старались жить в одном ритме с солнцем, вставая на ранней заре и ложась спать на закате[28].

«Гора Истины» дала новую пищу слабой надежде Метнера на излечение и возрождение. Он заявлял, что должен «умереть в смысле Stirb und Werde», то есть уже в этой жизни родиться заново[29]. По сути дела, это была та же необходимость, которую внушала ему Шагинян весной 1914 г. и которую убежденно подтвердил Юнг. Бывали моменты, когда Метнер смиренно задавал себе вопрос, не следовало ли ему остаться с Фрейдом, который сразу же определил его главную проблему как «родовые боли». В то же время, однако, он склонялся к тому, чтобы критиковать Фрейда (а вместе с ним и Ильина) за односторонность, поскольку, в отличие от Юнга, Фрейд не хотел понять, что психоанализ должен помочь лечению не только души, но и тела. В творении Ницше «Человеческое, слишком человеческое» Метнер увидел предвосхищение психоанализа в афоризмах, в которых, в частности, выдвигалось настоятельное требование более глубокого самонаблюдения и самопознания[30]. Ницше, сообщал он Анне после своего посещения Юнга в августе, потерял рассудок потому, что он лишь овладел эзотерическим знанием, но так и не ввел учение Заратустры «в кровь и в мускулы»[31]. Как раз тогда он прочел статью памяти Ницше, написанную его бывшим студентом, который со своей позиции истолковывал головные боли и бессонницу философа. В этой связи Метнер вспомнил, что сказал ему однажды Петер Гаст о физических недугах Ницше, которые были в точности такими же, как у самого Метнера. Ницше писал Гасту в тяжелом состоянии, жалуясь на свое бедствие и говоря, что он являет собой тип человека, находящегося под угрозой взрыва[32]. С психоаналитической точки зрения ясно, добавлял теперь Метнер, что проекции Ницше и были причиной его конфликта с Вагнером. Метнер подолгу гулял, размышляя о трагическом одиночестве Ницше и о своем собственном. Белый, по его утверждению, никогда не мог проникнуть в мысль Ницше, а лишь приспосабливал его к собственным нуждам[33].

Среди колонистов на Монте Верита Метнер встретил Фердинанда фон Врангеля, русского барона балтийско-немецкого происхождения, которому исполнился семьдесят один год. У него было яркое прошлое высокопоставленного морского офицера, метеоролога и сочинителя комедий. В своем добровольном изгнании он интересовался, главным образом, пацифизмом в сочетании с теософией[34]. Метнер почувствовал к нему особую близость, поскольку тот был

выходцем из той же балтийской среды, что и отец Метнера, и был всего лишь на два года старше последнего. В словах, которые вполне могли принадлежать и самому Метнеру, Врангель подчеркнул, что человек должен быть «русским немцем» — тем, что он называл «Russländer», — чтобы быть в состоянии судить о войне одновременно и объективно, и сочувственно. Он и Метнер понимали друг друга с полуслова, говорил он, потому что у них была одна и та же «рана»[35]. Позднее выяснилось, что Врангель состоял в переписке еще с одним «объективным» комментатором военных действий: а именно, с Чемберленом. По-видимому, от Врангеля же Метнер узнал, что война послужила причиной ухудшения здоровья Чемберлена, факт, еще более усиливший его самоидентификацию с ним. Врангель предложил ему также завязать переписку с Чемберленом[36].

К концу пребывания на «Горе Истины» Метнер начал длинное письмо к отцу, которое он закончил только тогда, когда вернулся домой в Цюрих и которое затем потерялось по дороге в Россию. Несколькими днями ранее он написал более короткое «предварительное письмо», которое дошло до адресата. В нем он проводил параллели между психоанализом и уроком искусства жить, который он только что извлек из книги, рекомендованной ему отцом. То было собрание очерков американского писателя девятнадцатого века Прентиса Мулфорда о «силе мысли» и «силе чувств», названное в немецком переводе «Der Unfug des Sterbens» («Ущерб умирания»)[37]. Метнер писал, что Мулфорд и Юнг преследовали одну цель, причем пользовались сходными средствами; в этом письме Метнер также проводил параллели с «мудростью Заратустры» и тем, что он почерпнул из маздазнанской секты[38]. Он стремился склонить отца на сторону психоанализа. В написанном им за год до этого, и всего лишь через два месяца после проведенной терапии письме он указывал, к досаде своей матери, на сходство между своим и отцовским подавлением эмоций и всепоглощающим чувством брошенности[39]. Можно предположить, что пространное утраченное письмо заполняли мысли, подобные этим.

В Цюрих Метнер вернулся через Базель и Дорнах[40]. В антропософской коммуне он узнал —от Поццо и от Сабашниковой, — что Белый начал писать ту самую книгу, которую Метнеру не удалось написать этой осенью, несмотря на все его старания на Монте Верита, а именно автобиографию, начинавшуюся с самых ранних детских переживаний. В этом, в поиске своих корней — заключается характерная черта современности, — писал Метнер Анне; здесь опре-

деленно сказалось влияние психоанализа. Но Белый не мог владеть даже малейшим знанием нового терапевтического метода — продолжал Метнер — в противном случае он бы не раскрыл свои комплексы в «Петербурге» «так глупо-массивно»[41]. Здесь Метнер ошибался. К тому времени Белый по меньшей мере поверхностно был знаком с глубинной психологией, не в последнюю очередь благодаря лекциям Штейнера в августе 1915 г., в которых тот яростно обличал проникновение фрейдизма в антропософию[42]. Более того, согласно вышеприведенной версии Белого, Метнер сам ссылался на Фрейда и Юнга во время своего первого визита к антропософам. Возможно, Белый и не читал ни одного текста в оригинале. Хотя он и поддерживал штейнеровскую критику психоанализа, он, однако, не смог полностью избежать влияния Фрейда в позднейшей работе. Метнер отмечал далее, что географически их пути с Белым пересеклись осенью, так как, когда он отсутствовал в Цюрихе, Белый ненадолго приехал туда поработать в тишине и покое. Однако Метнер не знал, что до того Белый отправился в южные швейцарские Альпы писать вполне заратустрианское предисловие к автобиографическому роману.

Этот роман Белого, вышедший под заглавием «Котик Летаев», основывался на метнеровской идее родовой «памяти» и ее роли в развитии индивидуума. В романе данная концепция проводится более последовательно, нежели в третьей симфонии «Возврат». Через особые личные воспоминания, которые передаются лирической, музыкальной и насыщенной лейтмотивами прозой, Котик, ребенок, томимый кошмарами, переживает предысторию вселенной и ранние периоды культуры человечества в соответствии с космогонией Штейнера. Встреча личного и сверхличного поразительно напоминает юнговскую идею коллективной памяти, живущей в индивидууме. Пытаясь убедить Метнера написать автобиографию в августе 1915 г., Юнг подчеркивал, что его пациент остается личностью в теоретических исследованиях и поднимается до сверхличного уровня, когда пишет о себе[43]. Это и была та самая автобиографически мифологическая перспектива, которую Белый осуществил в своем романе. Глубокое переживание мира своего детства оказалось возможным для него благодаря «возрождению» под водительством Штейнера. Фактически «Котик Летаев» начинается там, где заканчивается «Петербург», — в конвульсиях рождения, и на той же основе — на основе перевернувшего сознание Белого опыта, пережитого им в октябре 1913 г. в Бергене. В дорнахской коммуне он прошел через второе дет-

ство со Штейнером в роли отца и Тургеневой и Сиверс в роли «двойной» матери. То была ситуация, во многом выстроенная по формуле Заратустры, отраженной в романе, в соответствии с которой ребенок является носителем высочайшей духовной мудрости.

В декабре 1915 г. Шагинян переехала в Москву к Николаю и Анне. В течение года она жила в Ростове, где начала писать свой первый роман, под знаменательным заглавием «Своя судьба». В этом отчасти отразились ее попытки превозмочь себя; она хотела стать свободной, порвав с тем, что называла «дружбой-самоотдачей» с Метнером, «демонически» вошедшим в ее жизнь[44]. Впервые за полтора года она увиделась с Рахманиновым — на концерте, состоявшем из сочинений Скрябина, внезапно умершего той весной, и посвященном его памяти. Она рассказала о встрече Метнеру, с которым по-прежнему поддерживала связь. Учитывая, что, сообщая Анне о смерти Скрябина он определил его как «люциферианина, да еще экстатического»[45], единственной возможной реакцией Метнера на слова Шагинян могло быть только раздражение. Он прекрасно знал, что Рахманинов и Кусевицкий вместе готовили программу концертов памяти Скрябина. Кусевицкий протянул руку и Николаю, возобновившему осенью свою преподавательскую деятельность в качестве профессора Московской консерватории и теперь регулярно выступавшему с концертами[46]. Анна в подробностях сообщала Метнеру о московской музыкальной жизни, к которой теперь имела возможность присоединиться и Шагинян.

Тем временем Метнер возобновил курс занятий психоанализом с Юнгом, посещая два «сеанса» в неделю. Начало новой фазы лечения совпало с продолжительным пребыванием Фридрих со своей матерью в Цюрихе. Тогда же Фридрих консультировалась у Юнга и у Мольтцер, предполагая начать с ними курс психотерапии. По словам Метнера, Юнг счел ее инфантильную инкапсуляцию почти неизлечимой[47]. Метнер также писал Анне (для которой всегда было трудно примириться со своей немецкой соперницей), что Юнг жаловался на то, что он так искренне и откровенно рассказывал Фридрих о себе; ему следовало бы обманывать ее как ребенка[48].

Метнер все больше узнавал о типологии Юнга, которая к тому времени приобрела гораздо более четкие контуры. Правда, терапия уже не вызывала в нем былого энтузиазма, и он перестал сообщать Анне о ее ходе. Юнг все еще питал надежду на разрешение его конфликта, однако Метнер сказал в феврале 1916 г., что сам он сдается. Он всегда предпочитал настоящему прошлое: заявил, что его труд-

ный период, сопровождавшийся болезнью Меньера в Москве в 1913—1914 гг. все-таки оставался «золотым веком» по сравнению с апатией и пустотой, ставшими характерными чертами его сегодняшней жизни. Осенью 1915 г. Николай осмелился высказать ему ту же идею, к которой Метнер пришел сам с помощью психоанализа: Николай призывал его принять себя «таким, какой ты есть»[49]. Единственным ответом со стороны Метнера были лишь воинственные угрозы. Он обвинял Николая в том, что тот способствовал его несчастьям, не потрудившись уделить его упражнениям на фортепьяно должного внимания. Он заверял, что Николай потерял его «навсегда» (трижды подчеркнуто) как «музыкального друга и как "музыкальный критерий"», и намекал на крайне негативные последствия, которые еще скажутся на его творчестве. Он «почти совсем погиб» во внутренней битве[50]. Анне, надеявшейся что в конце концов он вернется в Россию, он ответил, что эта мысль связана для него со страхом смерти и предчувствием окончательной гибели. Его деструктивные комплексы в отношении матери стали неотделимы и от России. В «Либидо, его метаморфозах и символах» Юнг говорит о возвращении к матери как о «ночном путешествии по морю»[51]. Смертельный страх Метнера быть задушенным Россией-матерью был тесно связан с (единственно возможным тогда) путешествием домой по водному пути, каковое, по его убеждению, спровоцирует симптомы «морской болезни» Меньера[52].

МЕТНЕР И ЮНГ

Психологический клуб (Psychologischer Club), основанный по инициативе бывшей пациентки Юнга Антонии (Тони) Вольф, которая стала и его близкой подругой и коллегой, и финансово поддерживаемый Эдит Маккормик, был задуман специально для того, чтобы с помощью лекций и публичных дискуссий пропагандировать зарождавшуюся юнговскую «аналитическую психологию». Метнер присутствовал на торжественной встрече, ознаменовавшей открытие клуба, которая состоялась в Цюрихе 26 февраля 1916 г. и на которой жена Юнга Эмма была избрана председателем. Между Юнгом и окружающим его коллективом сложилась, таким образом, сложная система взаимоотношений, которая могла напомнить Метнеру подобную же систему, возникшую в свое время между Белым с его творческим гением и аргонавтами[1]. Позже весной того же года, когда его интерес к маздазнанской секте иссяк, он покинул свою домовладелицу-«зороастрийку» и перебрался в помещение клуба, на время решив свою хроническую проблему с жильем.

Параллельно со своей дружбой с Рабинович, Метнер завязал отношения и с Маккормик, о стремлении покровительствовать искусствам и огромном наследстве которой он был прекрасно осведомлен. Ее вдохновлял пример отца, оказывавшего такое покровительство в мировом масштабе и учредившего тремя годами ранее Рокфеллеровский фонд; Метнер видел в ней новую и даже еще более богатую Морозову[2]. Подобно Морозовой, Маккормик выросла в атмосфере музыки, с той лишь разницей, что она занималась виолончелью, а не фортепьяно[3]. Она была пациенткой Юнга и капризным и «трудным ребенком» в семье Рокфеллеров. Метнер, по-видимому, с самого начала положил глаз на ее богатство; он уговаривал ее вложить деньги в «Мусагет» и поддержать Николая, и вообще вел себя так, словно пытался воссоздать в Цюрихе утраченную им Мос-

кву. И не только Маккормик сподобилась послужить субститутом Морозовой, но в какой-то мере и Рабинович заняла место Анны, а Юнг выступил в роли Белого.

В июле Метнер побывал в Женеве, где посетил только что открытый музыкально-педагогический институт Далькроза, который из-за войны вынужден был переехать туда из Хеллерау[4]. В конце месяца, он, Маккормик, Юнг с женой и Тони Вольф отправились в Альпы совершить десятидневное восхождение в юго-восточном швейцарском кантоне Граубюнден. То была богатая событиями прогулка. Они спали в амбарах и простеньких альпийских хижинах; Метнер, Юнг и Вольф поднялись на ледник и провели там целую ночь. Конечным пунктом их путешествия была ницшевская Сильс-Мария, до которой Метнер, таким образом, добрался на год позже, чем планировал. В письмах Анне он уделял особое внимание заботливости Юнга и его уникальной способности разнообразить и чередовать легкомысленные и ученые беседы: «И все его образование, все его знания, почти энциклопедические, особенно ценишь во время путешествий. - - - Очень целительно, что Юнг такой веселый при всей своей страшной углубленности и сложности»[5]. В этих обстоятельствах Метнер еще больше ощущал единение с Ницше, тогда как Юнгу отводилась роль Гете-«утешителя». В конце концов он решил остаться в Сильс-Мария и в одиночестве еще дней на десять, недалеко от дома, где Ницше работал над «Так говорил Заратустра».

Шагинян тем временем на своем «родном» Кавказе работала над литературным изложением своих отношений с Метнером. Действие «Своей судьбы» происходит в санатории для душевнобольных, возглавляемом доктором Карлом Ферстером. Его пациенты — «переодетые» русские символисты, вовлекающиеся в бесконечные споры о душе, духе, характере и судьбе. В своих записках доктор отмечает, что все они «имеют способность страшно любить свою болезнь»[6]. Его задача состоит в том, чтобы в корне изменить такое отношение, научив их ответственности и приучив к систематическому производительному труду. Позднее Шагинян утверждала, что «основная тема <романа> — борьба против Фрейда и фрейдизма»[7]. Как уже упоминалось, Метнер хотел, чтобы она прошла курс психоанализа, на что она упрямо отвечала отказом. Не зная деталей метнеровского лечения, она, тем не менее, могла воочию убедиться, что занятия психоанализом никоим образом не уменьшили его самокопания и фиксации на неудавшейся жизни. Доктор Ферстер запрещает споры на абстрактные темы. Шагинян и сама подобным же образом стреми-

лась к конкретности и практической деятельности в своих попытках порвать с зависимостью от Метнера и символистской среды. Ее роман стал также своего рода объяснением с Рахманиновым и его затянувшейся старой песней насчет своей «болезни». Той же весной она навестила его в санатории в Ессентуках. Глядя на нее безжизненными глазами на болезненно бледном лице, Рахманинов изливал ей свои непереносимые страхи, свое чувство отрешенности от жизни, свое убеждение в том, что его музыкальная карьера была задушена в самом начале реакцией на его Первую симфонию, он говорил ей о своей «отвратительной» зависти к внутреннему самообладанию Николая и его творческой собранности[8]. Этими излияниями он больше, чем когда-либо, должен был напомнить ей Метнера. Она привезла с собой образцы символистской поэзии, которые можно было переложить на музыку, и в течение последующих месяцев Рахманинов занимался этим, выбрав несколько стихотворений. Когда в ноябре Нина Кошиц и сам Рахманинов исполняли эти романсы (некоторые из них на стихи Белого) в Москве, среди восторженной публики были Николай и Анна[9]. Однако Шагинян не присутствовала там, поскольку, как сама она указывает в мемуарном эссе о Рахманинове, закончив свой роман, она уже почти освободилась от своей привязанности к композитору.

По договоренности с Метнером весной 1915 г. руководство «Мусагетом» взял на себя Викентий Пашуканис, принявший полномочия на продолжение издательской деятельности. Так, весной 1916 г. появился сборник статей Вячеслава Иванова «Борозды и межи»[10], а в октябре вышел восьмой выпуск «Трудов и дней», содержавший в основном то, что еще оставалось в редакционном портфеле[11]. Разнородные материалы включали в себя выполненный Эллисом перевод «астрософского» очерка о Данте Иоганны Польман-Мой (вернувшей себе девичью фамилию Ван дер Мойлен) и критическое изыскание Николая Бердяева об антропософии. Гносеология науки о духе, согласно Бердяеву, расплывчата и относительна, ей недостает надежного фундамента. Она настоятельно нуждается в активно мужском, творческом начале. На деле Штейнер низводит индивидуальность к роли инструмента неумолимой космической эволюции. Бердяев воспринимает антропософию вполне серьезно, но в главном он все-таки соглашается с Метнером[12].

Осенью Сабашникова и Поццо посетили Метнера в Цюрихе. С Сабашниковой, прибывшей в город, чтобы послушать Штейнера, Метнер вконец поссорился; на взгляд Метнера, она, как никогда, вся

предалась «доктору». Наталии Поццо, прибывшей в сопровождении Тургеневой, удалось помирить свою спутницу с Метнером — возможно, в связи с тем, что Белый был в августе призван на военную службу и вернулся в Россию. Метнер знал, что отповедь Белого печаталась в небольшом антропософском издательстве в Москве, и его очень беспокоило ее предполагаемое содержание, ведь он помнил ядовитый тон тех отрывков, с которыми был знаком[13].

Книга Белого, «Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности. Ответ Эмилию Метнеру на его первый том "Размышлений о Гете"», появилась в конце ноября 1916 г. (на титуле — 1917 г.). Грубые обвинения против Метнера выдвигались уже в предисловии, которое, несомненно, было переписано в более резком тоне уже после того, как Метнер прослушал отрывки из него. «Размышления о Гете» Метнера подавались как предпринятая автором попытка в зародыше убить первые зеленеющие всходы «новой мысли», выставив их на посмешище, и «присвоить культуру себе». Белый сетует, что люди не хотели слушать его, когда он пытался дать бой лживым слухам, распространявшимся об антропософии в Москве. Зато эти же люди были уверены, что он заживо погребен в Дорнахе (таково действительно было его переживание на протяжении первой военной осени), и полностью отрезали его от движения, которому он по-прежнему предан — то есть, от русского символизма. Настало время ответить на поверхностную «салонную словесность», мишенью которой Метнер избрал духовную науку[14].

Вряд ли можно отнести опровержение Белого к самым значительным его достижениям. В виде преамбулы он заявляет, что ему трудно говорить о Штейнере и излагать учение антропософии. Это, по его убеждению, означало бы прочесть лекцию о глобальной катастрофе постигшей современность, поскольку теория Штейнера как раз и демонстрирует, как разгорался мировой пожар, и является лучшей от него защитой. Несмотря на потуги придать полемике научный вид, текст Белого по своей природе ассоциативен и импрессионистичен. Время от времени художник берет в нем верх, порождая блистательные сатирические метафоры и импровизации. В основополагающих аспектах книга производит впечатление не столько ответа Метнеру, сколько описания личного антропософского опыта, пережитого Белым.

Споря с Метнером, Белый часто использует его же собственные методы, обращая обвинения, выдвинутые тем против Штейнера, против самого Метнера. С полной уверенностью можно сказать, что

словесная агрессия у Белого менее замаскирована, чем у его оппонента. Метнеру вменяются в вину неправильные толкования и противоречия. Он — жертва своих предвзятых мнений. Он «шумит» и «гремит», изрыгает из пулемета залпы огня, и все мимо цели[15]. Сей «высокоталантливый автор» выказывает себя не более чем философом-любителем[16]. Он даже не потрудился прочитать все, что Штейнер написал о Гете. Он проигнорировал штейнеровское исследование об эпистемологии Гете («Основы теории познания мировоззрения Гете» — «Grundlinien einer Erkenntnistheorie der Goetheschen Weltanschauung», 1886 г.), которое представляет собой обязательную для прочтения работу, предваряющую «Goethes Weltanschauung»; не были учтены и комментарии Штейнера к естественнонаучным трудам Гете. Невозможно судить о гетеанских воззрениях Штейнера на основе одной-единственной книги, да еще брошюры. Когда Метнер пытается это сделать, он раздувает частности, упуская из виду целое. Прекрасно отдавая себе отчет, что он бросает своему бывшему другу в лицо страшное оскорбление, Белый приходит к заключению, что эти и другие очевидные факты свидетельствуют о том, что Метнер недостаточно понимает Гете.

Ясновидение Гете, по убеждению Белого, гениально, но фрагментарно. Только наука о духе может это ясновидение контекстуализировать и систематизировать. Программа медитаций Штейнера, основанная на идеях Гете, очищает мысль через самосозерцание, придавая тем самым динамику миру феноменов и уничтожая конфликт между идеей и опытом. Скованный догматическим кантианством, Метнер не в состоянии понять этого. Его критическая философия превращается в кносский лабиринт, в конце которого прячется чудовищный минотавр. Штейнер указал на определенные слабые места у Канта, но он также считал, что Гете немыслим без прозрений Канта. Идеализм Канта еще наивен, и его эпистемология должна быть разработана далее и уточнена. В «Эмблематике смысла» Белый и сам работал в этом направлении, учитывая проводимое Кантом различие между теоретическим и практическим разумом. К своему удовлетворению, он обнаружил, что Штейнер движется в том же направлении. Метнер же, напротив, умудряется постоянно путать мысли Канта и Гете.

Антропософия, подчеркивает Белый, родилась из опыта двухлетнего изучения Штейнером естественнонаучных трудов Гете. Штейнер — первый, кто обессмертил Гете, и именно благодаря его достижениям мы можем в полной мере восхищаться теорией света Гете,

которую Метнер вообще отбрасывает. Штейнер постулирует три фазы в стремлении оккультного искателя к высшему сознанию через медитацию: медитирующий постигает идею in concreto тогда, когда он встречается лицом к лицу с перворастением, являющимся «духовному оку» в качестве воплощенного образа сформированной и выношенной идеи. Метнер отказывается это понимать. Он не может отличить перворастение от протофеномена, соотносящегося с идеей лишь по аналогии. В интуитивной фазе медитирующий обретает «духовное я». Это окончательный акт свободы со стороны самосозерцающей мысли. «Я» оккультиста обнажено, что позволяет индивидууму слиться с Христом и исполниться космическим светом.

Не составляет большого труда понять, что в своем изложении революционной новизны штейнеровского истолкования Гете Белый вновь возвращается к тому ощущению внутренней преисполненности светом, которое он пережил на могиле Ницше в декабре 1913 г. Это переживание, таким образом, было окрашено в цвета не только Ницше, но и Гете. Белый чувствовал, что его словно заполнил «белый» свет Преображения Христова на горе Фавор[17]. Он утвердил космическую внеисторическую личность в солнечном ясновидении[18]. По сути дела, этот опыт был кульминационной точкой его восемнадцатимесячной медитации в то время, как он писал свой роман.

По странному совпадению, в то самое время, когда вышла книга Белого, Метнер случайно столкнулся со Штейнером. В поезде, шедшем в Базель, где Метнер собирался посетить неделю концертов под управлением Никиша, он встретил самого Никиша, и они обратились к старым московским и лейпцигским воспоминаниям. На одном из концертов Метнер случайно оказался сидящим рядом со Штейнером и во время раздавшихся по окончании исполнения аплодисментов пытался спровоцировать Штейнера, восхваляя уникальное величие Никиша (подразумевая, что Никиш играл в его жизни ту же роль, что Штейнер в жизни русских антропософов)[19]. Почти одновременно в Москве произошло другое столкновение, на сей раз у Морозовой, между Николаем и Белым. Николай, хотя и не читал книги, к которой не хотел даже прикасаться, испытывал неодолимое отвращение к Белому и обошелся с ним соответственно[20].

Отход Николая от Белого мотивировался не в последнюю очередь тем, что он услышал от Ильина, который даже еще до того, как книга увидела свет, был полон решимости задать Белому публичную трепку. Ильин был настроен против модернизма как никогда воинственно и смотрел на Белого, Иванова, Эллиса и Шагинян с

одинаковой неприязнью. Книга явилась подтверждением его худших опасений, предоставив отличную возможность дать выход его страшному гневу, с которым фрейдистскому анализу не удалось справиться.

В течение осени Метнер уговаривал Маккормик финансировать переводы и издание собрания сочинений Юнга на русском языке в «Мусагете». В это время она занялась, и здесь, очевидно, активно поддержанная Метнером, учреждением фонда для художников, испытывавших материальные трудности из-за войны. Метнер считал самоочевидным, что юнгианская психология должна стать новой идеологической опорой «Мусагета»: именно так, через Юнга, он мог даровать «больной» России гетеанское исцеление. Вскоре он совместно с Рабинович занялся переводом на русский главного труда Юнга, «Либидо, его метаморфозы и символы». Более того, благодаря связям Рабинович, он организовал целый «кагал» (слово, употребленное им в письме к Анне) русских евреев-эмигрантов в Цюрихе, засадив их за перевод остальных произведений Юнга[21]. Особенно активное участие в этом принимали Александр Мартынов и Семен Семковский, два видных меньшевика, проживавшие ранее в Вене, где они могли познакомиться с психоанализом через жену Альфреда Адлера, уроженку России с меньшевистскими связями[22]. Таким образом, деньги компании Рокфеллера «Standard Oil» направлялись аполитичным Метнером фактически на поддержание русских революционеров.

На Рождество 1916 г. в Психологическом клубе был устроен праздничный вечер, на котором гости анонимно дарили друг другу скромные подарки с забавным подтекстом. Метнеру были преподнесены деревянный меч и моток ниток со стихотворением, сочиненным, как он полагал, Юнгом. Стихотворение сравнивает его как с Зигфридом, так и с Тесеем, и желает победы в сражении с «драконом»:

Der Gang zur Unterwelt war stets gefährlich
Drum ist ein gutes Schwert dem Helden unentbehrlich;
Und weiter für den Fall der Not
Steht ihm die Tarnkapp' zu Gebot;
Endlich, hat er genug von all dem Graus,
Fuhrt der Ariadnefaden sicher ihn hinaus.
Drum Mut! Glaub mir, bewehrt mit diesen Sachen
Nimmst du es siegreich auf mit jedem Drachen![23]

(Входить в преисподнюю всегда было опасно,
Поэтому герою нужен хороший меч;

А также, на случай опасности,
Ему необходим плащ-невидимка;
Наконец, когда он пройдет все ужасы,
Нить Ариадны выведет его благополучно наружу.
Наберись мужества! Верь мне, вооруженный всем этим,
Ты победишь любого дракона!)

Видимо, мысль о Метнере не оставляла Юнга все то время, пока он работал над завершением первого изложения своей новой психологии в «Психологии бессознательных процессов» («Der Psychologie der unbewussten Prozesse»), опубликованной год спустя. На самом деле Юнг только тогда стал приходить в себя после четырехлетней изнурительной борьбы со своим бессознательным, сопровождавшейся почти полной невозможностью писать о психоанализе. В 1916 г. он испытал целый ряд необычных, почти мистических переживаний[24]. В его «сошествии в царство теней» ему существенно помогала Тони Вольф, игравшая освобождающую роль его «анимы», или женской проекции бессознательного. Фактически он был двоеженцем, и его внутренние переживания в значительной степени определяли то место, которое его психология отводит важному интрапсихическому взаимодействию между женской «анимой» и мужским «анимусом». Подводя итог в «Воспоминаниях, сновидениях, размышлениях», Юнг пишет:

«Годы, когда я занимался своими внутренними образами, были самыми важными в моей жизни — в них решилось все самое главное. Все началось именно тогда; привнесенные позднее детали — это лишь дополнения и прояснения того материала, что вырвался из бессознательного и поначалу поглотил меня»[25].

Чтобы пояснить отличие своей теории от теории Фрейда, Юнг в «Психологии бессознательных процессов» обращается к примеру Ницше. Жизнь Ницше, отмечает он, подтвердила пророческие слова Заратустры о канатоходце, низвергающемся в бездну. При помощи строгого соблюдения диеты и сильных доз спотворного Ницше пытался жить в героически возвышенном мире, «по ту сторону инстинктов», пока его мозг не разрушило напряжение, которого он не вынес. Он хотел говорить «да», но «жил отрицанием». Был ли то просто случай отрицания своего природного инстинкта? Нет, отвечает Юнг на свой же вопрос, потому что личность содержит в себе два инстинкта: инстинкт сохранения рода и инстинкт само-сохранения. Именно последний и культивировал Ницше, и именно его он имеет в

виду, когда говорит о «воли к власти». Психолог, занимающийся сексуальными проблемами, мог бы с легкостью доказать, что накал страстей в мировоззрении Ницше восходит к подавлению основного инстинкта. Однако если мы подобным образом редуцируем смысл ницшевского стремления к власти, то разделим участь самого Ницше, отвергающего своего антипода Вагнера как насквозь фальшивого лицедея. Почему Ницше судит Вагнера столь сурово? Потому что Вагнер представлял другой основной человеческий инстинкт — тот, которого не заметил Ницше и на котором воздвиг всю свою психологию Фрейд. В реальности человеческая природа является ареной мучительной борьбы между принципом «я» и аморфным сексуальным инстинктом. Как раз это и иллюстрирует фаустовский конфликт: в первой части «Фауста» Гете демонстрирует принятие сексуального инстинкта, тогда как во второй части он показывает интеграцию «я» и бессознательного мира. Ницше, противостоящий Вагнеру, по убеждению Юнга, являет собой исключительно яркий пример конфликта между этими двумя влечениями. Ницше носил Вагнера «внутри себя самого» как символ своей подавленной анимальности. Находясь в этом состоянии внутреннего раскола, он сам пригвоздил себя к кресту и, таким образом, в болезни он буквально претерпел свое распятие, свое «ecce homo»[26].

Создается впечатление, продолжает Юнг, что сама судьба распорядилась, чтобы именно один из старейших учеников Фрейда, Адлер, уделил серьезное внимание принципу власти в противоположность сексуальной догме. При более же близком рассмотрении и фрейдовская, и адлеровская теории невроза оказываются односторонними: одна из них — это психология экстравертная, другая — психология интровертная. Та же оппозиция справедлива и в отношении Вагнера и Ницше. Недопонимание между двумя людьми проистекает в конечном счете из конфликта между их типологическими «установками»: то, что одному виделось как высшая ценность, для другого было всего-навсего лицедейством. Сексуальная теория подходит экстраверту, но оскорбляет психологию интроверта, тогда как с властью происходит в точности наоборот. Следовательно, необходима всеобъемлющая теория, воздающая по заслугам как Фрейду, так и Адлеру, — именно такую задачу и поставил перед собой Юнг. «Основной функцией» экстраверта является чувство, тогда как у интроверта это мышление. «Новый подход», контуры которого он набрасывает, проводит различие между двумя преобладающими типами и их преобладающими функциями; невротический конфликт ис-

толковывается как борьба внутри личности между хорошо приспособленной основной функцией и недифференцированной вторичной функцией, берущей свое начало по преимуществу в бессознательном. Стало быть, у экстраверта в конфликте друг с другом находятся чувство и бессознательное мышление, тогда как у интроверта — мышление и бессознательное чувство. Терапия призвана заново установить интрапсихическое равновесие, высвободив энергию с помощью дальнейшего развития бессознательных вторичных функций. Результатом этого будет то, что Юнг, пользуясь шопенгауэровским термином Ницше, вскоре назовет «индивидуацией», то есть самореализация, преодолевающая разрыв между сознательным и бессознательным. Когда это происходит, бессознательное перестает держать личность под контролем, и власть сознания возрастает[27]. Процесс, возникающий при взаимодополнении и совершенствовании преобладающих типов, Юнг называет «трансцендентной функцией». Победа героя над чудовищем в мифе и сновидениях описывает путь этой «трансцендентной функции» в коллективной душе: герой рождается заново посредством столкновения лицом к лицу со своим бессознательным[28].

Коллективная душа обладает теми же характеристиками, что и душа индивидуума. Она тоже подпадает под действие психологического закона, открытого в самоанализе Гераклитом, а именно «энантиодромии», или трансформации крайности в свою противоположность. Так, рациональное отношение к культуре может внезапно стать иррациональным разрушением культуры. Это и происходило во время войны, каковая была прежде всего «эпидемическим безумием», в котором воюющие стороны проецировали демонов коллективного бессознательного друг на друга[29]. Лишь те личности, которые могут отделить себя от своего бессознательного, признавая его открыто, а не подавляя, в состоянии избежать жестокого принципа энантиодромии.

Юнговский Ницше — ключевая фигура в этих рассуждениях — несомненно вызывает ассоциации с Метнером, поскольку сообщаемое Юнгом о Ницше в огромной степени приложимо к Метнеру (Вагнеру, видимо, частично отводится роль Белого). Более того, Метнер и Белый в своих символистских произведениях предвосхитили некоторые из юнговских интуиций. Метнер давно уже осознал, что Вагнер был как бы частью внутренней «раздвоенности» самого Ницше. В «Размышлениях о Гете» Метнер показал, что там, где Ницше сбился с пути, Гете приобрел углубленное знание себя, достигнув «инди-

видуации» благодаря установлению равновесия между аполлоническим и дионисийским, с главенством первого начала[30]. Впрочем, Юнг не мог заимствовать этот термин у Метнера, поскольку на его использование у Ницше он ссылался уже в своей предварительной лекции о типологии личностных установок в 1913 году[31]. Петербург Белого — это город, но также и личность, находящаяся на грани раздвоения; Нева отделяет «аполлонического» Аблеухова от «дионисийского» Дудкина. Кроме того, в «Круговом движении» Белый критически отозвался о танце на канате, натянутом над внутренней бездной, в которую в конце концов низвергается Ницше-Заратустра, о его гибельном раздвоении и распятии себя в «Ecce homo». В цикле очерков, над которым работал Белый, война истолковывалась как результат ницшевского конфликта сознания; его статья из этого цикла в «Биржевых ведомостях», вышедшая в марте 1916 г., трактовала войну как «коллективное безумие»[32].

Представляется очевидным, что сеансы терапии и общение с Метнером в Психологическом клубе и во время их совместного альпийского «ницшеанского» восхождения должны были в значительной степени помочь Юнгу выпестовать эту «совершенно новую теорию психогенных расстройств» с ее активной апелляцией к личностям и творчеству Гете и Ницше[33]. Бесспорно, на психологию Юнга оказали влияние прежние его пациенты, такие, как соотечественница Метнера Сабина Шпильрейн и австрийский психиатр Отто Гросс. Например, Гросс, по-видимому, подал ему идею его типологии[34]. Следует подчеркнуть, что эти наиболее значимые годы его биографии загадочны и не документированы, и единственное, что проливает на них некоторый свет, это его собственные признания в «Воспоминаниях, сновидениях, размышлениях».

В феврале 1917 г. Ильин начал наступление на Белого в Москве, обратившись к нему с открытым письмом, в котором выразил свое отвращение в связи с «пасквилем», направленным против его друга. Это произведение, по словам Ильина, насквозь пропитано злобой, особенно странной, если учесть то, что Белый похваляется своим штейнерианским внутренним катарсисом. Ильин требовал по меньшей мере принесения публичного извинения[35]. Белый не сразу получил письмо, поскольку находился тогда в Петрограде, к тому же друзья старались уберечь его от содержавшихся в письме агрессивных обвинений. Вернувшись в Москву сразу же после Февральской революции, он отправил письмо назад нераспечатанным. В начале апреля верный союзник Морозовой князь Евгений Трубецкой обратился

к Ильину с открытым ответом, в котором объяснял резкий тон книги Белого полемической запальчивостью. Ильин ответил через несколько дней; он подчеркивал умысел в стремлении Белого опорочить Метнера, характеризуя его книгу как зловещий симптом внутреннего разложения интеллигенции, претендующей на роль духовного лидера России. В этой связи становится еще более очевидным, что Ильин на деле намеревался изобличить все символистское движение[36]. Белый продолжал хранить молчание, не предпринимая никаких ответных шагов, хотя много позже и изобразил Ильина «клиническим типом», нуждающимся в профессиональном психиатрическом лечении[37]. По-видимому, он знал о приверженности Ильина фрейдизму, и это безусловно, способствовало тому, что его враждебность к психоанализу только усилилась. В статье, появившейся в конце 1917 г. вместе с «Котиком Летаевым» в литературном альманахе «Скифы», он упоминал Фрейда как косного позитивиста, приписывающего невинным детям преступные намерения[38].

Метнер завершил занятия психоанализом приблизительно ко времени Февральской революции, таким образом, эти занятия, как он сам отмечает, оказались заключены в рамку двух глобальных событий[39]. Он все еще не видел книги Белого, поскольку Анна и Николай еще не выслали причитавшийся ему экземпляр. По существу ничего не изменилось, его травма не была излечена. Правда, теперь он лучше знал самого себя и отмечал, что Юнг, настроенный скептически, благодаря своему большому опыту, никогда не притязал на то, что сможет превратить «больного дьявола в здорового ангела»[40]. Метнер почти излечился от болезни Меньера, теперь ее симптомы ощущались только тогда, когда он входил в концертный зал. В конце марта он подводил итог тому, чему научил его анализ в письме к Анне: «Мне остается одно: отойти от музыки (и особенно от Колиной музыки) вовсе; иначе я сойду с ума». Он осознал, что должен расстаться с Анной и Николаем и что Россия закрыта для него так же, как и музыка. Он намекал, что, возможно, отправится в Соединенные Штаты вместе с Маккормик; судя по всему, он обдумывал предложение стать ее секретарем. Такая работа обеспечила бы ему средства к существованию ценой его независимости. В отдаленном будущем это подразумевало брак (муж Маккормик значил в ее жизни все меньше и меньше), который, разумеется, и привлекал его неограниченными денежными ресурсами, и страшил. В любом случае ему хотелось верить, что Маккормик будет теперь финансировать «Мусагет», ибо она уже «влюблена в Россию» (читай: в него самого)[41].

Весной работа над переводом сочинений Юнга продолжалась, хотя и не так интенсивно, как прежде. Семковский и Мартынов готовились к возвращению в революционную Россию. Семковский был председателем исполнительного совета специального эмигрантского комитета, организовывающего переезд. Он, и в еще большей степени Мартынов, враждовали с Владимиром Лениным, выступавшим против совместного путешествия большевиков и меньшевиков. В конце концов они уступили, и Ленин с группой большевиков отправился в так называемом пломбированном вагоне через Германию. Меньшевики последовали за ними на следующем поезде через несколько недель. Семковский и Мартынов везли с собой переводы Юнга для «Мусагета», дополнение к (всецело положительной) рецензии Эллиса на «Размышления о Гете», которую Метнер послал ранее, и некоторые метнеровские афоризмы в стиле Ницше[42]. К концу года Метнер надеялся напечатать часть этих материалов в девятом выпуске «Трудов и дней».

В мае Шагинян вышла замуж за своего армянского друга. В остальном она также вступала в новую фазу своей жизни. В воспоминаниях она рассказывает о своем тяготении к большевикам, ибо революция заметно политизировала ее. Она утверждает, что в действительности приняла социализм по-большевистски еще в ноябре 1914 г., когда ей посчастливилось присутствовать на эмигрантском митинге, на котором большевики, ссылаясь на Ленина, выступали за пораженческую тактику в отношении России, что пришлось ей по душе[43]. Это, по ее словам, заронило в нее зерно «будущего нового человека» в Цюрихе, месте, где ее терзала «вечная боль моя от разлуки»[44]. Грубо говоря, теперь место Метнера в качестве героя и духовного образца в ее жизни занял Ленин[45]. Большевизм удовлетворял потребность участия в общественном процессе и в прагматическом действии, о чем она писала в «Своей судьбе».

На какое-то время Рабинович решила перебраться в Женеву, где она с Метнером побывала летом. Метнер пробудил в ней интерес к гимнастике Далькроза, и она увлеклась его школой танца[46]. Метнер лишь заметил, что для него это уже ровным счетом ничего не значит, поскольку, как он написал Анне, теперь он «ненавидел» (подчеркнуто три раза) музыку «ото всего сердца»[47].

ПОСЛЕДНИЙ УДАР

Ильин предоставил Метнеру копии всех открытых писем. Метнер ответил, что он знал о низости Белого, но тем не менее, ради сохранения спокойствия собственного духа, он внутренне готов его простить[1]. Но когда он в начале осени наконец прочел книгу Белого, то был потрясен до глубины души. Она разительно отличалась от того, что Белый зачитывал ему в Дорнахе, поскольку, как мы видели выше, тогда Белый сознательно отбирал наиболее умеренные по тону фрагменты. Белый нападал на него с «почти садистским наслаждением»; выставлял его интеллектуальным посмешищем, объявлял несостоятельным и в качестве философа, и в качестве гетеанца[2]. Белый издевался не только над ним, но и над Кантом и Гете. Белый нащупал его уязвимые места, он обвинял анти-модерниста Метнера в том, что тот идет на уступки сегодняшним новомодным взглядам. И Белый имел еще наглость предполагать, что этот пасквиль будет напечатан «Мусагетом»! В статье о Юнге Метнер писал, что чувствовал себя таким потерянным, как возможно, никогда в жизни. Он с таким трудом приспособился наконец к реальности, он выстрадал эту маленькую победу, и вот теперь все опять готово было рухнуть; о шагах по примирению с Белым и антропософией, стоивших ему стольких нервных сил, можно было совсем забыть. Из-за драматических политических событий, происходивших в России, было совершенно неясно, когда у него появится возможность ответить Белому в печати. Кроме того, он все более и более отдалялся от своего прежнего круга знакомых. Той же весной, например, он поссорился с Петровским, с которым дружил на протяжении двадцати трех лет, после того как тот открыто стал на сторону Белого[3]. Он разорвал все связи с Дорнахом, с Поццо и Тургеневой. Только Ильину и Эллису он мог безоговорочно доверять[4].

Юнг в это время служил комендантом лагеря для английских военнопленных, расположенном к востоку от Женевского озера в

Шато д'Э (Chateau d'Oex). Он пригласил Метнера посетить его там и провести за полторы недели курс интенсивной терапии. Позднее Метнер говорил, что это его спасло. Ежедневно он проводил несколько часов в занятиях психоанализом, еще подробнее, чем раньше, пересказывая различные фазы конфликта с Белым. Юнг слушал «с величайшим терпением и искренним состраданием». С одной стороны, «отчасти в шутку, а отчасти всерьез», он напомнил Метнеру об оккультных элементах в его собственном «русском» бессознательном и о его духовном родстве с Белым. С другой, он вновь одобрительно отозвался о серьезном стремлении к знанию в антропософии. (Как явствует из лекций, прочитанных вскоре в Цюрихе, в отношении юнговского психоанализа Штейнер отнюдь не выказывал подобного же великодушия[5]). Уже через несколько дней Юнгу удалось настоять на том, чтобы Метнер собрался с духом и принялся за ответ Белому; то был единственный способ излить переполнявшую его боль и предотвратить разрастание опасного «полипа» в его бессознательном. Эти беседы укрепили их дружбу. В конце концов, всего за один год Метнер «потерял» разом и Николая, и Белого. Сейчас один только Юнг заполнял образовавшийся вакуум. Метнер просто не мог жить без нарциссического объекта страстной влюбленности, «братская дружба» неизменно зиждилась на культе гения. Юнг позволил ему настолько приблизиться, что они даже пользовались фамильярной формой обращения друг к другу; такую интимность Юнг редко допускал вне круга своей семьи. Более чем когда-либо Метнер ощущал, что его миссия — в служении делу Юнга, совсем как прежде он посвящал всего себя делу Белого. В данный момент его девизом, заключал он, могла бы быть фраза: «Мой друг умер, да здравствует мой друг!»[6].

Чуть ли не каждая фаза метнеровского анализа так или иначе требовала обрамления неким глобальным событием, и соответственно месяц спустя в России грянула Октябрьская революция. Помимо всего прочего, это событие, по-видимому, подтвердило его предсказание, сделанное в декабре 1916 г., когда он писал Анне, что «мы стоим перед самими величайшими событиями, от которых содрогнется земля»[7]. Издательство «Мусагет», равно как и вообще возможность печататься в России, были теперь безвозвратно утрачены[8]. Однако Метнер, поддерживаемый Юнгом, продолжал трудиться над своим ответом Белому; эта работа, так и оставшаяся незавершенной, помогла ему справиться с внутренним стрессом[9].

К концу года Сабина Шпильрейн, занимавшаяся теперь психо-

анализом в Лозанне, получила доступ к переводам Юнга, подготовленным под руководством Метнера. Она нашла их неадекватными, особенно в отношении передачи по-русски юнговского понятийного аппарата[10]. Метнер был задет, но в конечном итоге вынужден был согласиться с необходимостью переработки. Вскоре он уже не только отвечал за выполнение этого задания, но и взял на себя заботу о новой библиотеке Психологического клуба. Покидая Цюрих в конце войны, муж Маккормик Гарольд пожертвовал значительную сумму на открытие библиотеки, и его жена регулярно платила Метнеру за заведование библиотекой.

Юнг продолжал время от времени проводить психоаналитические сеансы с Метнером вплоть до 1918 г. Одно время Метнер взялся записывать все свои ночные кошмары и направлял эти записи Юнгу в письмах. У последнего было мало друзей мужчин, и Метнер, по-видимому, был самым близким среди них. Они вместе взбирались по склонам Альп. Они видели друг друга во снах. В толковании одного из сновидений Метнер сравнивал себя с матереубийцей Орестом, преследуемым эриниями, в то время как Юнгу отводилась роль его преданного и верного друга Пилада[11].

Заметное место в их диалоге занимали такие темы как противостояние Востока и Запада и арийцев — неарийцам. К этим темам имели отношение «Упанишады», которыми Юнг восхищался гораздо сильнее, нежели Метнер[12]. Один из снов внушил Метнеру мысль прочитать Гафиза. Теперь, когда занятия психоанализом сделали его более восприимчивым к собственным инстинктам, он явно идентифицировал себя с этим чувственным персидским поэтом средневековья («восточной маской» Гете, вдохновившей того на создание «Западно-Восточного Дивана»)[13].

Весной 1918 г. в Москве скончалась мать Метнера; таким образом узы, связывавшие его с Россией, были символически оборваны. Первый концерт для фортепьяно Николая, его первое крупное произведение, созданное после начала войны, было посвящено ее памяти[14]. На его премьере в Москве оркестром дирижировал Сергей Кусевицкий. Концерт отражал как влияние Рахманинова, так и предельно личную реакцию Николая на трагедию войны.

В том же году новая Советская Россия ввергнулась в пучину гражданской войны. В январе 1919 г. Юнг, к тому времени вновь находившийся в лагере в Шато д'Э, в письме к Метнеру выражал свои сожаления в связи с тем, что семья последнего проживает в стране, ставшей «адом дураков». Также он выражал надежду, что Антанта

раздавит большевизм той же весной[15]. Метнер не имел возможности сообщаться с Россией в течение последующих полутора лет, и ему понадобилось, видимо, довольно много времени, чтобы узнать, что Анна и Николай наконец поженились в июне 1919 г.[16]

Метнер присоединился к новой семье — семье Юнга. Общение с Юнгом было настолько интенсивным, что он сопровождал Юнга даже во время каникул. Подобно тому как он увлекался женщинами своего брата и Белого, пестуемая им дружба с Тони Вольф принимала мало-помалу эротическую окраску; позднее он говорил о ней как о еще одной из своих любовниц[17]. Судя по всему, именно это новое увлечение послужило причиной того, что его интерес к Рабинович и Маккормик постепенно угас.

В июле 1919 г. Юнг посетил Лондон, где выступил с серией лекций, в которых впервые говорил о символопорождающих изначальных образах, так называемых архетипах, в коллективном бессознательном. В Британском обществе психических исследований он прочитал доклад «Психологические основания веры в духов». Вскоре после своего возвращения в Цюрих он произнес его и в Психологическом клубе. Он сказал Метнеру, что неотступно думал о нем все то время, пока писал этот доклад, и что он родился из их бесед в Шато д'Э [18]. В нем он определял «спиритуалистические видения» как проекции «бессознательных автономных комплексов». Метнер чувствовал, что это — прямое обращение к нему, но испытывал в связи с этим определенную неловкость. Мимоходом Юнг затронул проблему «интуиции», ключевое понятие в антропософской гносеологии. В последовавшей дискуссии в Психологическом клубе «некоторые в нашем кругу» были готовы возвести интуицию в ранг особого оккультного органа познания[20]. Опасная болезнь заразила, как видно, и последователей самого Юнга. В этой ситуации Метнер счел себя обязанным прочитать ряд докладов, посвященных чисто эпистемологическому спору об интуиции, которые поставили бы аналитическую психологию на более солидную кантовскую почву. Его выступления, естественно, были обращены в первую очередь к Юнгу, чей интерес к оккультизму некогда помог ему, однако же в новых обстоятельствах представлял в глазах Метнера до известной степени угрозу. Задача заключалась в том, чтобы воспрепятствовать любого рода попыткам сближения между антропософией и юнгианской психологией.

В октябре и ноябре Метнер выступил в Психологическом клубе с тремя лекциями «Zu Thema und Diskussion der Psychologie des

Geisterglaubens — eine formale Auseinandersetzung*»[21]. Они, безусловно, были схожи с его «Размышлениями о Гете», хотя теперь на передний план выдвигалась уже фигура Канта. В какой-то степени в этих докладах заключался и ответ на памфлет Белого.

В первой лекции Метнер сразу же обрушивался на «невероятно самонадеянные» попытки оккультистов убедить философски необразованные «массы» в том, что им преподносится наука, да не какая-нибудь, а единственная и неповторимая «Наука о Духе»[22]. Важная и актуальная задача заключается в том, чтобы свергнуть сей оккультизм с узурпированного им трона и заставить его во всеуслышание отказаться от своего стремления к владычеству. Психология, тоже будучи молодой наукой, вполне способна самостоятельно проникнуть в явления духа. Лишь при помощи изощренного научного аппарата можно подходить к такого рода материям, при условии, что «мы» в полной мере обладаем сознанием, вкусом и чувством чистоты, которые не дадут нам «завязнуть» в трясине «дорнахского танцмейстера»[23].

Нет никаких оснований, продолжает Метнер, привязывать интуицию исключительно к спиритуалистическим проявлениям. В действительности этот термин употребляется в нескольких смыслах. Например, Шиллер в своем письме к Гете проводит различие между интуитивным и спекулятивным типами мышления. Здесь он ссылается, в частности, на Гете и Канта. Согласно Шиллеру, гений интуиции, подобный Гете, и гений спекулятивного мышления, подобный Канту, должны встречаться друг с другом где-то посередине. Непримиримые особенности двух типов отчетливо проявляются только тогда, когда их представители полностью погружены в свой тип. Гений же, наоборот, всегда поднимается над своим типом и дополняет его односторонность односторонностью противоположного типа. Самому себе Шиллер отводил положение посередине между спекулятивным и интуитивным типом. В этом отношении он отнюдь не был уникален; такой его антипод как Ницше тоже представлял собой подобную же смесь типов. В героической борьбе с самим собой Шиллеру удалось сохранить равновесие между двумя сторонами своей интеллектуальной жизни.

Во второй лекции Метнер анализировал идею интуиции более обстоятельно. В ней, по его утверждению, нет ничего, что отдавало бы налетом тайны или магии, он объявлял, что настало время опи-

* «К вопросу о психологии веры в духов — формальное обсуждение» (*пер.*).

сать ее точное содержание, ограничить применение и «выкурить» духов, в нее просочившихся. Ибо подобные духи весьма коварны и могут незаметно проникнуть куда угодно, где только есть какая-нибудь неопределенность. Для этих целей Метнер оговаривал три различных формулировки рассматриваемого понятия: одна — гносеологическая, противопоставляющая «интуитивное» «дискурсивному»; вторая — психологическая, сопоставляющая «интуитивное» с «инстинктивным»; и третья — типологическая, отличающая «интуитивное» от «спекулятивного»[24]. Относительно первого случая Кант показал, что «интуитивные» представления и «дискурсивная» концептуализация, которую производит трансцендентальный субъект, неразрывно связаны между собой и предполагают друг друга. В противоположном, психологическом случае инстинкт сфокусирован на сиюминутной цели, между тем как интуиция видит дальше, хотя и не так ясно и отчетливо. Инстинкт по природе своей психофизиологичен, тогда как интуиция преобладающе психоспиритуальна. В третьем варианте оба интеллектуальных типа сосредоточены на одном и том же, но объекты, на которые они наводят то, что Гете называл духовным оком, различны. Спекулятивные попытки постижения направлены к тому, что лежит главным образом за пределами внешней природы, в то время как интуиция занята именно этой чувственно постигаемой внешней природой. Сбиться с пути легко в обоих случаях. Интуитивист без критической дисциплины будет склонен к тому, чтобы перепутать идею и опыт, как в классическом примере с гетевским понятием перворастения перед его знаменитой беседой с Шиллером.

После этой лекции Юнг внес в дискуссию об интуиции несколько важных замечаний. Он тогда заканчивал свой великий труд «Психологические типы», первый развернутый очерк новой психологии. Интеллектуальная типология Шиллера займет в нем видное место; интерес к ней возник у Метнера, конечно же, из его дискуссий с Юнгом по этому поводу. Юнг объяснил, что ныне он работает над еще одной парой функций (параллельно с мышлением и эмоцией): ощущением и интуицией. Как и первая пара функций, эта пара тоже будет участвовать в диалектической игре противоположностей в психике. Новую пару будет отличать в первую очередь нерациональность и безоценочность, между тем как в случае первой пары все обстоит в точности наоборот. Согласно Юнгу, это означало, что интуиция попросту не могла иметь никакой когнитивной функции. Интуиция предвидит будущее, в то время как ощущение исходит из того, что уже имеется в наличии.

В третьей лекции Метнер обсуждал intellectus archetypus, идею мифического, интуитивного первозданного состояния, лежащего в основе ненаписанной метафизики Канта. В процессе психологической и генетической эволюции человечества это монистическое единство со вселенной было обречено в конечном итоге рухнуть. Так на место Мифа пришел Логос, раздваивающий интеллект. Метнер попытался объяснить, как это произошло исторически, затрагивая борьбу в досократовой философии, которая велась между Гераклитом, с одной стороны, и Парменидом и элеатами, с другой. Гераклит всматривался внутрь, воспринимая во внешней реальности лишь эфемерность и перетекание одного в другое. Критический самоанализ побудил его отделить мышление от чувства, и мир тем самым раздвоился под мечом его интеллекта. Логос — это незыблемая скала, «маяк», о который разбиваются волны становления, вечно эфемерный чувственный мир[25]. Гераклиту противостоял опыт Парменида и элеатов, опыт слияния мышления и бытия. С их точки зрения, единство становится возможным благодаря вмешательству разума, направляющего интеллект в сторону идеи. Битва между Гераклитом и элеатами продолжалась на протяжении тысячелетий; даже Платон и Аристотель не смогли привести ее к какому-либо определенному результату. Разрешить конфликт было суждено Канту, величайшему из всех философов. Именно он указал на относительность обоих противоположных тезисов и выделил присущие разуму антиномии.

В заключение Метнер в качестве моста, ведущего к изначальной целостности, преподнес символизм. Он привел гетевское определение символа: «живое сиюминутное откровение непостижимого» — как наилучшее и наиболее точное толкование, когда-либо данное на сей счет[26]. К символистскому миропониманию Гете пришел через соприкосновение с кантианцем Шиллером. Гете довел свое мировоззрение до предела, утверждая, что все преходящее — только метафора («подобие»). Стал бы Кант выступать против гетевского «романтизма», подобно тому, как он выступил против Сведенборга?[27]. Метнер склонялся к отрицательному ответу на этот вопрос. Гете никоим образом не был иллюзионистом, пытающимся разорвать феноменальный мир на части, он лишь стремился разрешить противоречие между реальностью и идеальностью. Гетевские определения символа являются по сути дела гениальным резюме, подводящим итог взглядам Канта: особенно важно здесь замечание Канта о том, что символическое — не антипод интуитивного, а тип интуиции. Наивысшее единство для Канта было недостижимым идеалом, который

нельзя ни доказать, ни опровергнуть. Соответственно, те, кто думают овладеть intellectus archetypus, используя интуицию как единственный инструмент, как нельзя более далеки от Канта.

Среди внимательных слушателей Метнера была Маккормик, разделявшая с Морозовой дилетантский интерес к философии. Видимо, она с самого начала предложила финансировать публикацию лекций отдельной книгой. Однако Метнер, настроенный самокритически, считал работу слишком фрагментарной и плохо оформленной, чтобы в таком виде отдавать ее в печать. После прочитанной им заключительной лекции Маккормик сделала предложение, которое показалось ему приемлемым, а именно — опубликовать текст ограниченным тиражом для членов Психологического клуба[28]. По странному совпадению, на той самой неделе, когда Метнер начал читать свои лекции, Маккормик, поддавшись капризу, официально прекратила ежемесячные выплаты в поддержку другого нуждающегося писателя-изгнанника, жившего в Цюрихе, Джеймса Джойса, работавшего в то время над «Улиссом»[29].

Закончив в общих чертах «Психологические типы» и ощутив потребность на какое-то время уехать из Цюриха, Юнг предпринял весной 1920 г. длительную поездку по Северной Африке. Из Сусса в Тунисе он писал Метнеру о своих ярких впечатлениях от встречи Восточной и Западной культур, которую ему там довелось наблюдать. Он говорил, что к поездке его подтолкнула «внутренняя необходимость»; она давно уже назревала в его бессознательном и была «символическим действием»[30]. Знаменательно, что он испытал потребность сообщить о своей первой встрече лицом к лицу с восточными реалиями именно Метнеру. Наверняка это напомнило Метнеру отбытие Белого в том же направлении девять лет назад.

Примерно в это же время Метнер посетил Эллиса и Иоганну Ван дер Мойлен в Локарно, куда они перебрались, чтобы быть ближе к итальянской средневековой культуре[31]. Ван дер Мойлен уже опубликовала продолжение своего трактата под прежним псевдонимом «Intermediarius»[32]. На сей раз Метнер нашел их эзотеризм, вдохновленный католицизмом, куда менее приемлемым, и на этом их дружба, не выдержав нагрузки, оборвалась[33].

В 1921 г. Герман Гессе прошел несколько коротких курсов психоанализа у Юнга. Гессе также выступал с чтением своих произведений в Психологическом клубе. Когда той же весной вышли «Психологические типы» Юнга, именно Метнер приветствовал их появление в двух полных энтузиазма статьях, помещенных в «Neue Zürcher

Zeitung». Метнеру казалось самоочевидным, что именно ему следует откликнуться рецензией на труд, постепенное вызревание которого он наблюдал на столь близком расстоянии. Гессе по окончании занятий психоанализом тоже написал короткий отзыв[34].

Свое исследование Юнг начинает с изложения типологических представлений Шиллера. Он отмечает, что первая современная типология была развита поэтом в его письмах к герцогу Гольштейн-Аугустенбургскому, собранных в статье 1795 г. «Об эстетическом воспитании человека». В сущности, продолжает Юнг, Шиллер говорил в них о своих собственных проблемах, что является типичным конфликтом интровертного мыслительного типа. Две функции в его душе были резко отделены друг от друга, и все же благодаря терпеливой борьбе с самим собой Шиллеру удавалось достичь равновесия и регулировать свои мышление и чувства. Встреча с экстравертом Гете имела в этом отношении большое значение. Как отмечает Юнг в следующей главе, новое и оригинальное решение шиллеровской проблемы предлагает Ницше. В «Рождении трагедии» он подходит к ней с очень личной точки зрения, стараясь найти формулу для разрешения конфликта между аполлоническим интровертом и дионисийским экстравертом, — конфликта, который он на самом деле переживал внутри себя. Он в высшей степени интуитивен, когда его не влечет в интровертную сторону. Интуитивист Ницше предвосхищает современную эпоху; в «Так говорил Заратустра» он выносит на свет коллективное бессознательное нашего времени. Дальнейшее изложение новой психологии Юнга, основные черты которой проступили еще в 1917 г. в его «Психологии бессознательных процессов», снабжено обстоятельным приложением, в котором даются терминологические определения для его нового концептуального аппарата.

Здесь Метнер мог узнать себя как в Шиллере, так и в Ницше. В конце концов задача, которую он поставил перед собой в отношении Юнга, походила на задачу Шиллера в его разговорах с Гете, а именно — поделиться со своим другом доктринами Канта. Он подчеркивает в своей рецензии, что аналитическая психология «прилагает свою уверенную руку к проблеме, которая давно и совершенно по-особому занимала художников и эстетиков». Он обязан признать, что статья, дающая определение символу, стоит в ряду «лучших, когда-либо написанных по этому предмету» — и стало быть, не уступает Гете — а также, что рассуждение о «трансцендентальной функции», столь тесно связанной с символизмом, «приоткрывает глуби-

ны», совершенно недоступные иначе как посредством аналитической психологии[35].

Юнговское определение символа поразительно похоже на определение Белого. Хотя Метнер и не мог сказать об этом открыто, из-за объема и задач рецензии, «Психологические типы» должны были напомнить ему «Символизм» Белого. Юнг описывает символ как разрешение противоположностей, раскалывающих личность надвое. Воздействуя и на мышление, и на чувство, он не рационален и не иррационален, но обращен лицом в обе стороны разом. Юнг уделяет значительное внимание «индивидуации», трансформации личности, каковую впоследствии будет считать «центральным понятием» своей психологии[36]. В процессе индивидуации осуществляется «Самость», ядро и целокупность души. В своих основополагающих аспектах эта «Самость» выглядит соответствующим «мировому "Я"» Белого. В статье «Круговое движение» (1912 г.) Белый по существу описал космическую самость как «вы Сами». В это время он работал над «Записками чудака», романом, задуманным как пролог к длинному автобиографическому эпическому повествованию, под заглавием «Я», которое должно было начинаться с его «космического возрождения» осенью 1913 года. Среди новых понятий, введенных Юнгом, было еще одно, заставляющее вспомнить Белого, — это «Тень», обозначавшая скрытую, подавленную, по большей части неполноценную и отягченную виной сторону личности. Как мы видели, Метнер еще в 1904 г. разъяснял Белому его собственные проблемы, ссылаясь на борьбу Гете со своей мефистофелевской тенью. Сражение со скрытой тенью станет позднее периодически возвращающимся мотивом в произведениях Белого, достигнув кульминации в той сцене «Петербурга», где Дудкин убивает Липпанченко[39]. Очевидно, «Фауст» также послужил первичным источником юнговского понятия «тени», которую «Самость» должна инкорпорировать, чтобы достичь психического равновесия.

Метнер подчеркивает в своей рецензии, что прямая аналогия революционной типологии Юнга содержится в идее Гете о ритмах сердца как универсальной формуле жизни (на нее ссылается и сам Юнг). Чередование сердечных ритмов между систолой и диастолой соответствует тому же принципу, что и взаимодействие интроверсии и экстраверсии в юнговской концепции личности. В то же время Метнер явно пытается поставить новую теоретическую доктрину на кантианскую почву, объявляя, что психологический «критицизм» в форме юнговской аналитической психологии должен непременно следо-

вать за фрейдовской экстравертной и адлеровской интровертной доктринами, доводя их до логического конца. Он видит в этом «великий критический поворотный пункт», свидетельствующий о том, что психология сформировалась в независимую и центральную научную дисциплину[40]. Выражения, используемые им применительно к этому событию, звучат почти как заклинания.

Юнг все более и более интересовался гностицизмом, религиозная типология которого в известной степени повлияла на его собственную, что отчасти и объясняло его примиренческую позицию в отношении антропософии. Метнер в это время испытывал отвращение к каким бы то ни было формам гностицизма (под которым понимал любой набор верований тех, кто домогается объективного знания о потустороннем). Несмотря на весь свой энтузиазм, его рецензия выражает растущую тревогу в связи с гностическими упражнениями Юнга, которые Метнер мог расценивать лишь как уступку оккультизму.

В то самое время, когда Юнг выпустил свой объемный труд, Метнер издал (в том же цюрихском издательстве Рашера) скромную брошюру, озаглавленную «Meister Nikisch» («Мастер Никиш»). То было лишь коротенькое эссе, которое воздавало Никишу, в связи с его шестидесятипятилетием, хвалу как «самому гениальному дирижеру» и акцентировало начало освобождающего «эроса», содержащееся в его динамичном стиле[41]. Заглавие отсылало к «Вильгельму Мейстеру», а стало быть, негативно, и к дорнахскому Meister'у, выродившемуся в Tanzmeister'а.

Метнер принадлежал теперь, по его собственным словам, к «секстету», состоящему из четы Юнгов, Тони Вольф, Ганса и Сузи Трюб и его самого[42]. Он увлекся женой Трюба, которая оказалась сестрой «анимы» Юнга Тони Вольф. По-видимому, он проецировал на нее черты Натальи Поццо (сестры «анимы» Белого), а в конечном счете, возможно, заодно и черты Марьи Братенши (сестры Анны, «анимы» Николая)[43]. В то же время эта влюбленность основывалась на тесной дружбе и интеллектуальном общении, которым он наслаждался с Трюбом. Он верил, что полная жизни Сузи Трюб, которая была на двадцать лет моложе его и крайне нуждалась в духовном наставнике, призвана стать его избавительницей; и волей-неволей она постепенно вошла в эту роль. В июне 1921 г. он с четой Юнгов посетил снятый Трюбами альпийский летний дом в Тоггенбурге в восточной Швейцарии. Все теснее и теснее сближался Метнер с женой своего друга.

В сентябре Маккормик вернулась домой в Чикаго[44]. Два месяца спустя в Берлин приехали Николай и Анна. Они надеялись привезти с собой впавшего в тяжелую депрессию Метнера-старшего для консультации с Юнгом, но он заболел и умер прежде, чем они успели это сделать[45]. В письме к Метнеру Николай пояснял, что они решили покинуть Россию «из-за тебя»[46]. Метнера, со своей стороны, смущала перспектива постоянно видеть их рядом с собой, и он не поддержал их намерения обосноваться в Швейцарии. Более чем через семь лет разлуки, в декабре, трио вновь встретилось в Берлине. Там они случайно пересеклись с Никишем, который решил включить в свой новый репертуар фортепьянный концерт Николая. (Однако внезапная смерть Никиша три недели спустя помешала этому). Метнеру оставалось только сожалеть, что Николай прибыл слишком поздно, чтобы встретиться с Маккормик, поскольку теперь возможность ее финансовой поддержки была упущена.

Весной 1922 г. Николай и Анна посетили Метнера в Цюрихе, где были представлены Юнгу. Вскоре после этого они встретили в Дрездене Рахманинова, который ходатайствовал за Николая перед Маккормик в Соединенных Штатах[47]. Свою карьеру на Западе Николай начал с концертов в Берлине, где они с Анной временно остановились.

Метнер в то время чурался как русских, так и русской музыки. Он говорил, что «вырвал» все русское из своей души[48]. Он полагал, что русские должны винить самих себя за те несчастья, которые им принес их «азиатский» — еврейский — социализм[49]. Своему «адвокату» Ильину Метнер, видимо, стыдился признаться в окончательном профессиональном крахе, к которому привела психотерапия[50]. То было одной из причин, почему он даже не попытался возобновить с ним контакт.

В августе 1922 г. швейцарский «секстет» разбил лагерь под открытым небом на любимом Юнгом необитаемом острове на Цюрихском озере. В сентябре они посетили деревню Скарль в Нижнем Энгадине и поднялись в Альпы. Но даже и это сообщество начинало распадаться. Соперничество между Метнером и Трюбом готово было прорваться наружу, а в Скарле возник и первый конфликт между Юнгом и антигностически настроенным Метнером. Еще более решительно за восставшим Метнером последовал Трюб, обвинивший Юнга в «психологизме», под которым имел в виду нежелание последнего более последовательно распахнуть терапию навстречу внешней, экзистенциальной реальности[51]. Их пути разошлись. Поскольку

доктор Трюб был председателем Психологического клуба, Юнг и Тони Вольф той же осенью вышли из этой организации, считавшейся платформой юнговских идей, и не возвращались в нее до тех пор, пока Трюб, полтора года спустя, не сложил с себя председательские полномочия. Дальнейшее охлаждение отношений между Метнером и Юнгом было неизбежным.

В октябре 1922 г., перед самым выходом в свет лекций об интуиции, Метнер начал писать раздел об определениях, который вдруг, под воздействием конфликта в Скарле, неудержимо вырос до размеров развернутого предостережения Юнгу. Имелось некоторое сходство между этим последним добавлением и приложением к его избранным статьям десятилетней давности в «Модернизме и музыке». Как и тогда, он в «подтексте» изливал свою личную агрессию и давал полную волю юдофобии. Из штудий, сосредоточенных главным образом вокруг понятия «Логос» — этого «меча интеллекта», раздваивающего мир сначала устами Гераклита, а затем Словом Христа, — родилась статья об истории гностического синкретизма и его корнях в еврейской магии. Метнер истолковывал борьбу между Логосом и сохранившимися магическими представлениями как конфликт между христианско-арийским началом и демоническим иудейским началом, который в конце концов вылился в столкновение аналитической психологии и антропософии. Конечно, уже десять лет назад он был склонен «иудаизировать» Штейнера, и вот теперь он делал следующий шаг в том же направлении. Оккультизм, настаивает он, может быть понят исключительно в связи с его семитским происхождением.

Наиболее характерные черты гностицизма, по убеждению Метнера, — это дуализм и внутренняя антиномичность. Гностицизм разделяет это «двоеверие» с иудаизмом. Помимо закона Моисея, официально объявленного единственно истинным вероисповеданием, с самого начала среди евреев процветала народная политеистическая контррелигия, которая, вопреки предостережениям и осуждениям пророков, стремилась к уравнению в правах с религией официальной. Закон был строг и отмечен тщательно разработанными разграничениями, все дальше и дальше уводившими его от примитивного «пандемониума»[52]. Этот мир злых духов, однако же, успешно просочился в культ, который трансформировался тем самым в сублимированную магию. Обращение еврейской души внутрь, к монотеизму, строго придерживающемуся практики отлучения неверных, и вовне, к гностически окрашенному оппортунизму «культурного маклер-

ства», имеет свою аналогию в интроверсии и экстраверсии личности, как их описывает аналитическая психология[53]. Трудно установить, где тут низшая, то есть недифференцированная, функция, разве что именно эта функция, через коллективную самодисциплину евреев, и заняла место высшей, дифференцированной функции. Таким образом, Метнер смотрит на иудаизм как на некое единое невротическое существо, вынося ему диагноз, как будто это — напоминающий его самого пациент, твердый интроверт с подавленными экстравертными чертами. Метнер подчеркивает также, что еврейская религиозность характеризуется врожденной жаждой власти, и приводит в пример марксизм и фрейдизм как типичные манифестации еврейского гностицизма. Под абстрактно схематичным внешним обликом марксизм таит опасную магию, каковая «никогда не упустит возможности оказать свое тлетворное влияние»[54]. «Доктрина сублимации» Фрейда родилась из специфически еврейских потребностей[55]. Увиденная в этом свете, антропософия Штейнера, с ее смесью точной науки и суеверия, предстает псевдосемитским шаманством. Ведущие древние мыслители-гностики сходным образом оказываются «духовно иудаизированы» даже тогда, когда в их венах нет еврейской крови[56]. Христос, как божественное Слово, должен был прийти, по убеждению Метнера, чтобы освободить мир от владычества «пандемониума». Не случайно перипетия «Фауста» построена на освобождении героя от магии. И не случайно Кант решил посвятить последние страницы своего самого гениального труда, «Критики чистого разума», «абсурдности», под которой он имел в виду современные ему оккультные гностические доктрины[57]. Однако лишь с приходом аналитической психологии стало возможным добиться окончательной победы над оккультизмом. Заключая свое «эссе» обращением к Юнгу, Метнер замечает, что эта победа состоится, однако, при одном непременном условии — если «аналитическая психология не покинет сторожевую башню науки, что высится над внутренней природой»[58].

В то время, когда Метнер писал это приложение, Трюб, переживая личный кризис, ездил с женой в Берлин. Там они посетили Анну и Николая (с которыми встретились в Цюрихе той же весной) и были представлены ими Ильину, который, вместе с целым рядом видных философов-идеалистов и культурных деятелей, был только что выслан из России большевиками. Спустя несколько месяцев, все в том же Берлине, Трюб встретился с Мартином Бубером, чья книга «Я и Ты» тогда только что появилась. В практическом мистицизме Бубе-

ра он обнаружил то, что было, на его взгляд, упущено Юнгом, а именно — способ «обращения к миру»[59]. Трюб стал ближайшим другом и учеником Бубера. По иронии судьбы, именно Метнер косвенным образом привел Трюба к его новому, хасидско-еврейскому авторитету[60]. Трюб пригласил Бубера и Ильина выступить с лекциями в Психологическом клубе. Вскоре Ильин занял в жизни Трюба опустевшее место Метнера: в какой-то мере это было, вероятно, проявлением потребности Трюба в реванше над своим соперником.

В сентябре, когда Ильин читал три лекции в Психологическом клубе,[61] Метнер прибыл в Соединенные Штаты, где сходу оказался вовлеченным в очередной тройственный союз. Его пригласила в Чикаго Эдит Маккормик, которая после развода была «скована» с Эдвином Кренном, молодым архитектором, который сопровождал ее из Цюриха и получил должность секретаря, предназначавшуюся некогда для Метнера[62]. Кренн вынашивал некие грандиозные и совершенно нереальные проекты, для которых ему нужны были деньги Маккормик. У Метнера не было никаких сомнений, что этот малый — авантюрист, и тем не менее в письмах к Анне он не скрывал свои «эгоистические цели», которые когда-то лелеял — и все еще продолжал лелеять — относительно Маккормик. Наблюдая за интригами и подобострастием Кренна, Метнер, таким образом, в каком-то смысле видел свою же собственную карикатуру. И задумывался порой, правильно ли он поступил, отказавшись от приглашения Маккормик отправиться вместе с ней в Соединенные Штаты[63].

ИЗМЕНЕНИЯ В ЛИЧНОСТИ

Будущее, как писал Метнер Анне из Соединенных Штатов, принесет с собой либо гибель, либо гегемонию Муссолини. С нескрываемым антипарламентаристским презрением, которое явно усилилось благодаря чтению Чемберлена, он заявлял, что Муссолини относится к тем «благородным диктаторам», в которых Германия и Россия нуждаются как никогда[1]. До сих пор Метнер был подчеркнуто равнодушен к социальным вопросам. Однако вызванный психоанализом легкий сдвиг в сторону более экстравертной личности и тот факт, что политика в репрезентации итальянского фашизма воспринималась как некое подобие искусства — все это в совокупности и породило его интерес к политике. Метнер расценивал фашизм как единственную защиту от парламентаризма и большевизма, отвергавшихся им под общей формулой «политического модернизма»[2].

По дороге домой, прожив в Чикаго около трех месяцев, он встретился в Нью-Йорке с Рахманиновым. Композитор жаловался на ощущение преждевременно наступившей старости (под которой подразумевал и творческое бесплодие), чувство, конечно же, хорошо знакомое Метнеру, который был почти его ровесником. Рахманинов по-прежнему поддерживал связь с Шагинян и поведал, что она несчастна, потому что не получила от Метнера за все это время ни словечка[3]. Через несколько лет вынужденной задержки, вызванной цензурой военного времени и революцией, она опубликовала наконец «Путешествие в Веймар» и «Свою судьбу». Оба произведения фактически были сосредоточены на Метнере, причем первое открыто посвящалось «дорогому другу неизменно-любимому Эмилию Карловичу Метнеру»[4].

Замечания Метнера о том, что Германии нужен диктатор, были сделаны за три недели до того, как тяжело парализованного Чемберлена посетил в Байрейте его «ученик» Адольф Гитлер, которого «учитель» незамедлительно провозгласил спасителем грядущей Гер-

мании[5]. Примерно в это же время, за несколько месяцев до того, как Гитлер начал писать «Mein Kampf», были опубликованы под длинным названием «Über die sog. "Intuition", die ihr angrenzenden Begriffe und die an sie anknüpfenden Probleme» («О так называемой "интуиции", пограничных с нею понятиях и связанных с нею проблемах») лекции Метнера об интуиции с обширным антиеврейским приложением. Как уже отмечалось выше, тираж этого издания был ограничен и предназначался только для членов Психологического клуба, однако оно, тем не менее, имело горделивую издательскую марку «Musagetes: Moskau und Zürich». В предисловии Метнер выражал надежду, что это издание вдохнет в «Мусагет» новую жизнь[6].

В мае 1924 г. Метнер читал книги Эмиля Людвига о Наполеоне и Георга Брандеса о Цезаре. Он писал Николаю, что европейцы «с ума сошли от жажды и тоски по Диктаторе»[7]. Николай и Анна разделяли его политические симпатии. Той же осенью они совершили путешествие в Соединенные Штаты, куда Николай отправился с длительным концертным турне, исполнив среди прочих своих сочинений Первый фортепьянный концерт в Филадельфии с Леопольдом Стоковским во главе симфонического оркестра и в Карнеги-Холл под управлением того же дирижера. Он играл и на вилле Маккормик в Чикаго, совсем как когда-то в салоне Морозовой в Москве. По возвращении в Европу весной 1925 г., он с Анной обосновался в Фонтэн-д'Иветт под Парижем.

В 1925 г. запутанные отношения Метнера с Сюзи Трюб мучительно завершились. Теперь он писал предисловие к русскому изданию собрания сочинений Юнга, перевод которых все еще не был закончен. Он также взял на себя контроль за переводами Юнга на французский язык. Все больше и больше он хотел развязаться с психологией, и в этом был один из факторов, побудивших его проецировать свой личностный идеал на Муссолини. Друг Юнга пастор Адольф Келлер имел аудиенцию у Дуче и получил глубокое впечатление от его харизмы. Он характеризовал диктатора как чуть ли не застенчивого интроверта, совсем непохожего на того экстраверта-оратора, каким он представал на публичных выступлениях[8]. Метнер предпринял детальное исследование лица Муссолини по портретам и был поражен его сходством с Наполеоном. У обоих вождей, как указывал он Николаю и Анне ближе к концу года, одинаковый своеобразный холодный огонь и внутреннее напряжение. Муссолини, конечно, не аристократ — его рот крупнее, чем у Наполеона, и вообще его физиономия имеет характерные крестьянские черты, — «но

властности хоть отбавляй»[9]. Семь лет назад, припомнит он, Келлер уловил в Метнере нечто от итальянского военачальника Коллеони, а френологический анализ Варшатки указывал не только на его «воинское выражение лица», но и на родство с самим Наполеоном в линиях лба[10]. Вскоре Метнер уже заявлял Николаю и Анне, что Наполеон значит для него столько же, сколько и Гете[11]. Подобно тому как ранее он ассоциировал Гете с Юнгом, теперь он мысленно сочетал Наполеона с Муссолини. Судя по всему, психологический авторитет был перенесен в известной степени на новую, политическую фигуру, поскольку, говоря о диктаторе, он начал прибегать к некоторым эпитетам, ранее относимым к Юнгу. Именно Муссолини вдруг оказался «великим психологом»[12].

Метнер стремился и дальше развивать свою экстраверсию. Вместе с Флоренс Хопкинс, молодой учительницей английского языка, не принадлежавшей к юнговскому кругу, он ходил на лыжах, занимался верховой ездой и покорением горных вершин, однако возникли осложнения, когда она с ним слишком сблизилась. Он присутствовал на множестве маскарадов, типичных для цюрихской жизни той поры, часто являясь в обличьи Мефистофеля; впервые надеть такой наряд ему довелось на бал, организованный в Психологическом клубе. В то же самое время и в тех же самых местах другой бывший пациент Юнга, Герман Гессе, пытаясь реализовать свою экстраверсию, собирал материал для романа «Степной волк» (отрывки из которого он прочтет в Психологическом клубе в год его выхода — в 1927-м)[13].

В 1926 г. Белый опубликовал свой двухтомный роман «Москва»[14]. Придерживаясь давней, еще «пре-юнгианской» идеи Метнера о наследственной памяти, он в своем произведении освещал одну эпоху через другую, обрисовывая город накануне Первой мировой войны как подобие первобытного пейзажа. В центре романа — напоминающий самого Белого герой, которого его призрачный двойник доводит до раздвоения личности. Здесь таким образом, налицо еще одна из множества ницшеанских ипостасей Белого[15]. Неизвестно, читал ли Метнер этот роман. Во всяком случае о существовании России и Советского Союза ему реально напомнило турне Николая, предпринятое в эту страну в феврале и марте. Николай впервые исполнил в Москве свой Второй концерт для фортепьяно, навеянный Рахманиновым и посвященный ему[16]. Кроме того, в 1925 г. Метнер возобновил контакт с Вячеславом Ивановым, через год после эмиграции поэта в Италию.

Вскоре Маккормик стала выплачивать Метнеру его жалование с нерегулярными интервалами, и с ухудшением его материального положения еще более явным стало его амбивалентное отношение к ней. Временами он по-прежнему сожалел, что не женился на ней (и на миллионах Рокфеллера), а иногда в жестоких тирадах, предназначавшихся Анне, писал о том, что «баба взбесилась», и разоблачал ее как холодное и невосприимчивое материнское подобие, которое надо «сечь»[17]. Постепенно стало ясно, что Маккормик больше не собирается платить ему за переводческий проект, выбившийся из всякого графика. (Теперь другая русско-еврейская эмигрантка, София Лорие, несла за него ответственность). В 1927 г. Метнер отказался контролировать переводы произведений Юнга на французский язык. Юнг пытался хлопотать за него, но безрезультатно. Юнг писал ему, что за всем происходящим, конечно, стоит, как он выразился, «свинья Крени»[18]. Правда на самом деле заключалась в том, что в своем великодушии Маккормик была столь же капризна, как и в случае с Джойсом несколько лет тому назад.

Метнер и Юнг мало-помалу возобновляли свои отношения. Юнг уже помирился с Трюбом, и Метнер вновь стал активно участвовать в деятельности Психологического клуба. В мае 1927 г. он прочитал двухчастный доклад под заглавием «Betrachtungen uber das Formprinzip in der Kunst» («О принципах формы в искусстве»), в котором исходил из гетевского определения стиля как «Софрозины», или дисциплины, — соотнося его с музыкой Баха и Бетховена[19]. В ноябре он был вновь приглашен к Юнгам в связи с визитом в Цюрих графа Германа фон Кайзерлинга. Кайзерлиинг в своих объемистых сочинениях и в практической деятельности, связанной с основанной им в Дармштадте «Школой Мудрости», стремился к синтезу Восточной и Западной мысли. Под рубрикой «Психика и почва» («Der Erdbedingtheit der Psyche») Юнг прочитал в этой школе несколько лекций об американской культурной самости, и незадолго до того они были включены в составленную Кайзерлингом антологию, озаглавленную «Mensch und Erde» («Человек и почва»)[20]. Будучи потомком балтийских немцев (и в какой-то степени русских), Кайзерлинг происходил из тех же краев, что и отец Метнера. У него были общие точки соприкосновения с бароном фон Врангелем. В начале века он был близким другом Чемберлена, вокруг которого возвел нечто вроде культа[21]. Юнг находил его высокомерным, аристократичным и сухим. Метнер, по его мнению, был бы неплохим посредником между ними[22].

При отсутствии субсидий от Маккормик от переводческого проекта пришлось отказаться в начале 1928 г. — в год, когда были напечатаны такие новые и значительные работы Юнга как «Отношения между Я и бессознательным» и «Об энергетике души». По словам самого Юнга, он последовательно переработал прежний материал, который возникал в течение тех лет, когда его захлестнул внутренний лавинообразный поток образов. Метнер, следовательно, был уже знаком с этим материалом; впоследствии он указывал, что обнаружил почти дословные отрывки из их терапевтических диалогов в позднейших исследованиях Юнга[23]. Теперь Метнер получал лишь скромное жалованье как библиотекарь в Психологическом клубе и был вынужден переехать в небольшую меблированную комнату в Цюрихе.

В марте 1928 г. Метнера выдвинули на пост председателя Психологического клуба. Он отклонил это предложение в пользу Тони Вольф, однако принял место в совете. Основная причина отказа заключалась в том, что он хотел выбраться из унизительной ситуации, в которой оказался в Цюрихе[24]. Юнг пытался облегчить его бедственное положение. К концу года он пригласил Метнера посетить свою башню в Боллингене, на северном берегу Цюрихского озера. Он построил ее своими руками и часто удалялся туда в сопровождении Вольф, чтобы поразмышлять «вблизи св. Мейнрада»[25]. Юнг выказывал дружественность и любезность; он определенно хотел восстановить их отношения[26].

В мае 1929 г. Метнер писал Николаю о своем убеждении в том, что в Германии скрыто возникает «мифическое миропонимание». Важным знаком этого было пробуждение интереса к Гельдерлину и восторженные отзывы о нем — «герое» юнговской книги «Либидо, его метаморфозы и символы»[27]. Ницшевский «трагически-героический» миф тоже проявлялся со всей силой. Для Ницше, подчеркивал Метнер, жизнь была «Wille zur Macht» («Воля к власти»), и в той мере, в какой жизнь была сведена до «Wille ums Dasein» («Воля к бытию»), смерть была ее плодотворным коррелятом[28].

Осень 1929 г. Метнер провел в доме Николая и Анны в Монморанси под Парижем, в то время как Николай находился на длительных концертных гастролях в Канаде и Соединенных Штатах. Метнер был рад ненадолго выбраться из Цюриха. В августе, по дороге в Париж (где он встретился с Натальей Поццо,[29] Николаем Бердяевым и Сергеем Булгаковым), он посетил в Давосе Вячеслава Иванова. Они провели целый день в разговорах о Белом и России, Юнге и симво-

лизме. Метнер рассказывал Иванову о своей жизни, и тот, как прежде Юнг, настаивал на том, что Метнер должен написать мемуары. За время своего пребывания в Париже он опубликовал под маркой «Мусагета» в Берлине перевод главного труда Юнга — «Психологические типы», — выполненный Софией Лорие. В предисловии он подчеркивал сходство между юнговскими рассуждениями о символе и первоначальной программой «Мусагета». Он добавлял, что прием, какой окажут этому первому изданию Юнга на русском языке, определит, смогут ли быть выпущены другие три тома, все еще незавершенные из-за приостановки переводческого проекта. Эпиграф к предисловию был взят из книги Иванова «Дионис и прадионисийство» (1923 г.) и указывал на аполлоническое начало как первоисток медицинской профессии.

В апреле 1930 г. Метнер прочел посмертно опубликованные письма Чемберлена в двух томах, в том числе и вдохновенную хвалу, которую автор адресовал Гитлеру после их встречи в 1923 г.[30]. Метнер писал Николаю, что Чемберлен производит здесь впечатление человека, котрый «более влюблен в Германию, чем мы когда-либо»[31]. Вскоре он побывал на Вагнеровском концерте в Цюрихе, отметив в письме к своему брату все возрастающую актуальность Вагнера, его уникальную непосредственную связь с природой и с «мифическими моментами, общими всей Европе»[32].

В конце ноября Метнер написал рецензию на немецкое издание отдельной брошюрой статьи Иванова «Русская идея» (1909 г.), в которой шла речь о религиозных устремлениях и дионисийстве русской души[33]. Рецензия представляла собой юнгианскую интерпретацию ивановской концепции России, фокусирующей внимание на темных, хтонических элементах и врожденном инстинкте самоубийства в народной душе, с одной стороны, и на ее страстной тоске по единству и целостности, с другой[34]. В виде ответной благодарности Иванов посвятил Метнеру «психоаналитическое» стихотворение «Порог сознания» (1916 г.).

Примерно через месяц Метнер послал Николаю письмо с истолкованием сна о России, который видел его брат. В этом сновидении фигурировали Александр Третий и Владимир Ленин; они появлялись в разгар свирепствующей эпидемии, напоминавшей апокалипсическую чуму из маленькой трагедии Пушкина «Пир во время чумы». Метнер не видел ничего удивительного в том, что царь, правивший Россией, когда Николай был ребенком, появляется в том же контексте, что и Ленин. Александр III и Ленин, писал он, были двумя полю-

сами, предполагавшими друг друга. Первый говорил из сознания Николая, а последний — из его бессознательного. «Антицарь» Ленин должен быть с необходимостью инкорпорирован в сознание Николая, поскольку он представляет собой не только разрушительные силы, но и латентную творческую энергию революции. Фашизм способен эффективно реализовать и использовать творческий потенциал восстания. Именно так и произошло — гениально-индивидуальным путем, — когда король Виктор Эммануил договорился с Муссолини, мятежником, отдавшим приказ своей армии идти на Рим. Фашизм, отмечал Метнер, — это социальное сбрасывание кожи, творческое возрождение. Николай должен позволить двум крайностям быть принятыми на тех же условиях своим Я. Это позволит Я утилизовать их энергии, чтобы породить новый символ, который устранит двух самодовлеющих царей — белого и красного — в его психике. Сходным образом Муссолини сотворил новый и мощный символ государства из монархии и фашистского мятежа. Учредительному Собранию в России не удалось стать посредником между двумя этими крайностями, потому что оно было парламентским и, следовательно, бессильным. Из него только и могли последовать ленинская односторонняя деструктивная победа и символическое распространение чумы на всю русскую нацию[35]. Это толкование сновидения показывает, насколько Метнер был склонен сливать воедино фашизм Муссолини и психологию Юнга. На взгляд Метнера, фашизм стал социальным эквивалентом возрождения через психотерапию личности, как оно описывалось в «Либидо, его метаморфозах и символах» и в «Психологических типах».

Метнер увидел в кино обращенное к миру новогоднее поздравление Муссолини, и описал Николаю его «государственное искусство». Как опытный физиогномист, он «прочитал» лицо диктатора, обнаружив в конфигурации утонченных и плебейских черт «вечномужественную» красоту, остроту ума, прямолинейность, а в подбородке — силу воли. Особое внимание он уделил выразительным глазам Муссолини, подобно физиогномисту Чемберлену, в свое время подробно изучавшему глаза Гитлера[36].

В январе 1931 г. Психологический клуб принимал Кайзерлинга. За обедом в доме у Юнгов они с Метнером много говорили о России, преимущественно по-немецки, но немного и по-русски. Кайзерлинг был склонен проводить параллели между большевистской Россией и Соединенными Штатами, и эта идея заинтересовала Метнера[38]. В феврале и марте Метнер работал над двумя лекциями для выступле-

ния в клубе на тему «Der geschichtliche Aufbau des Russentums in psychologischer/seelischer Beleuchtung» («Историческое созидание русского начала в психологическом/духовном освещении»), рассматривая, таким образом, «русскую цивилизацию» в исторической перспективе. Он подчеркивал дуализм и игру противоположностей в русском обществе и отражение этого дуализма в русской душе, каковой «усилился, чтобы стать национальным неврозом»,[39] и давал понять, что фиксация аналитической психологии на полярности делает ее особенно релевантной для России.

Примерно в это же время Метнер заново открыл для себя Серена Кьеркегора, чьи письма к Регине Ольсен когда-то, в Нижнем Новгороде, уже принесли ему утешение. Он был очарован «изяществом его личности и мысли» и смотрел на датского философа как на «молодого Вотана, который усвоил Христа с совершенной германской фундаментальностью и глубиной»[40]. Описывая Юнга, Метнер говорит об их периодически вспыхивавших дискуссиях о Кьеркегоре, однако отмечает, что спорили они на разных уровнях. Как психолог, Юнг не мог принять постулата «или-или», и в то же время, как «эмпирик внутренней природы», он был не в состоянии понять онтологию Кьеркегора иначе, как онтологию, пребывающую «в аниме»[41]. Здесь сказывался неутихавший и все разраставшийся конфликт между Метнером и Юнгом.

Вскоре Маккормик стала причиной новых проблем. Выплаты Метнеру за руководство библиотекой были нерегулярны, и он был вынужден последовать совету Юнга за скромную плату самому заняться терапией. Он принимал пациентов как мужского, так и женского пола. Юнг хвалил его аналитический талант и убедил его увеличить число клиентов. Среди них был и Адольф Вайцзекер, молодой немецкий последователь Юнга, получивший докторскую степень по философии в Марбургском университете. Метнер и Вайцзекер не только имели общие интеллектуальные интересы, но и придерживались сходных политических взглядов по основным вопросам, что облегчало положение Метнера, который против собственной воли оказался вовлечен в психоаналитическую практику. Он чувствовал, что затянувшийся переводческий проект отнял время от его настоящей миссии, равно как и привел его к материальному краху. Он писал Анне о своем растущем соперничестве с Юнгом, которого в апреле навестил в Боллингене. По словам Метнера Юнг питал к нему, неудачнику, любовь-ненависть, чувство, сходное с завистью Рахманинова к Николаю[42]. Теперь, когда он наконец получил гражданство

в Цюрихе, Метнер мечтал об отъезде из города[43]. В конце концов, Иванов настаивал, чтобы он писал от собственного имени. Метнер убеждал себя, что этому мешали узы, связывающие его с Юнгом, и те часы, что он проводил, занимаясь лечением других, лишь усиливали его зависимость. Он отмечал, что поразивший мир экономический кризис представляет собой ухудшенную аналогию его собственного кризиса. В письме к Николаю (выражавшему в это время свои предчувствия гибели в «Грозовой сонате»[44]) Метнер замечал, что «мир сходит с ума — все опаснее газы на воздухе за каждый день»[45].

В июне 1931 г. Метнер вновь был приглашен в дом Юнга по случаю лекции о йоге, с которой в Психологическом клубе выступал немецкий индолог и историк религии Вильгельм Хауэр. Хауэр, который был гетеанцем и автором работы, критиковавшей Штейнера и антропософию, высоко оценил метнеровское понимание Гете, и Метнер почувствовал к нему большую близость, чем к Юнгу[47].

В августе Рахманинов пригласил Метнера посетить его только что построенный дом в Гертенштейне под Люцерном, неподалеку от вагнеровской виллы Трибшен. Метнер нашел хозяина дома в лучшей форме, чем когда-либо прежде. Рахманинов убеждал его оказать давление на свою эксцентричную покровительницу и, если понадобится, пригрозить ей «револьвером»[48]. Он также просил прислать ему экземпляр «Модернизма и музыки», книги, которую, по-видимому, готов был теперь оценить иначе. Позднее он написал Метнеру, что, перечитывая ее, удивился, насколько она совпадает с нынешними взглядами Николая. Он с сожалением отмечал, что труд этот стал такой же библиографической редкостью, как и «Протоколы сионских мудрецов», и, после этого сопоставления, осторожно интересовался, не будет ли Метнер возражать против публикации нового издания[49]. Рахманинов сам не был свободен от предрассудков антисемитизма, тем не менее и он был шокирован расистской злобностью Метнера.

В начале 1932 г., почти одновременно с получением письма от Рахманинова, Метнер посетил Николая и Анну в Монморанси. Во время пребывания там он узнал о самоубийстве Хетти Хейман, молодой голландской еврейки из Берлина, поселившейся в пансионе в Цюрихе примерно год назад. Страдая глубокой депрессией, Хейман приехала в Швейцарию, чтобы проконсультироваться с врачом-юнгианцем. Ее саморазрушительные тенденции — именно в Берлине и именно в это самое время — кажутся жутко пророческими. Несмотря на предостережения Тони Вольф, Метнер завязал с ней отноше-

ния. Он находил в ней, как некогда и в Рахили Рабинович, сходство с Анной как во внешнем облике, так и в увлеченности музыкой[50]. Он писал Анне, что Юнг, которого, как мы знаем, тоже привлекали еврейки и у которого был развит сходный с метнеровским комплекс Дон Жуана, состязался с ним, добиваясь ее расположения, несмотря на все колкости и упреки со стороны Вольф[51]. Когда Хейман покончила с собой, Метнер не мог избавиться от постоянно возвращающихся мыслей о самоубийстве и воспринял эту самую последнюю по времени анима-проекцию как свою трагическую судьбу[52].

Примерно в это же время Метнер заинтересовался и Адольфом Гитлером, чья национал-социалистическая партия вышла на авансцену немецкой политики. Накануне президентских выборов 13 марта 1932 г., где основными претендентами были Гитлер и исполняющий обязанности президента Пауль фон Гинденбург, старый военный герой Метнера, он послал Юнгу фотографию Гитлера с просьбой «прочитать» ее. За день до выборов Юнг ответил:

«Твоя фотография меня заинтересовала. Слишком интенсивная сфера бессознательного как pendant к словно бы перекрытой сфере сознания — из-за этого слишком велика дистанция между сознательным и бессознательным. Вверху слишком много опрятной интеллектуальности, внизу слишком силен дух джунглей. Что-то от русской души довоенного времени. Там, где находится главная точка [О!!], там он слабее всего, то есть разделен на пары противоположностей, отсюда напряженность и спазм, отсутствие спокойствия и склонность к одержимости. Засвидетельствовано: опорожнение бессознательного в фантастических формах с последующими попытками понимания. Несокрушимый могильный камень в сознании должен быть взорван»[53].

Итак, Юнг не скрывал своей завороженности. Интересно, что он обнаружил в Гитлере элементы довоенной взрывчатой русской души. Возможно, он приписывает ему здесь и нечто от Метнера, подобно тому, как и сам Метнер склонен был проецировать Юнга на Муссолини. В день выборов, по получении этого физиогномического комментария Юнга, он написал Анне и Николаю письмо, в котором выразил свой скептицизм относительно Гитлера. Его любимцем попрежнему оставался Гинденбург, которого он описывал как «величайшего кантианца», воплощение категорического императива, «одно из прекраснейших созданий германской расы»[54].

Примерно через неделю после выборов (Гинденбург выиграл первый тур, однако для Гитлера это все же был успех), 22 марта в

Психологическом клубе докладами Метнера и Тони Вольф отмечалось столетие со дня смерти Гете. Метнеровский типологический портрет Гете основывался скорее всего на его пространных дискуссиях на эту тему с Юнгом. Он описывал Гете как прежде всего величайшего самоисповедника в своей поэзии — наиболее объективного тогда, когда он был субъективен и искренен с самим собой. Гете принадлежал к экстравертному чувствующему типу. Его мышление было укоренено в бессознательном, где оно выполняло самую неполноценную функцию и принадлежало тем самым «его второму, более низкому пласту»[55]. Неизбежным следствием этого было развитие его мысли в космическом направлении. Поскольку ее отношение к экстравертному сознанию было компенсаторным и, таким образом, интровертным, она обращалась внутрь, то есть к субъекту. Возникшее субъектное начало, однако, воплощало не сознающую личность Гете, а его космический ум, изначальное вместилище всех идей. Гений Гете позволил ему перенести это «космически бессознательное интровертное мышление» на его сознание, преобразовав таким образом самую неполноценную функцию в наивысшее из возможных достижений.

В творчестве Гете, продолжал Метнер, есть лишь три абсолютно индивидуальных образа: сам поэт, Мефистофель и Миньона. Двое последних кажутся поначалу не более чем призраками, и тем не менее они более живы, чем любые другие его герои; в действительности они — «эстетически наиболее совершенные его творения»[56]. Лишь аналитическая психология может объяснить этот секрет: Мефистофель — это тень Гете, а Миньона — его анима. Эти потусторонние в какой-то мере существа представляют собой изначальные образы своего создателя.

Мефистофель, подчеркивает Метнер, постоянно присутствует в жизни Гете. Он фигурирует в его сочинениях, письмах, беседах. Он «самый очаровательный дьявол в мировой литературе»[57]. Лишь «демон» Лермонтова выдерживает сравнение с ним, но гетевский дьявольский образ оригинальнее и богаче. Мефистофель демонстрирует все оттенки юмора, к тому же он более тонкий психолог, чем Фауст. На самом деле он совершенно безвреден; Люцифер куда более сатанинская фигура, ибо его восстание против Бога достигает самых небес, тогда как Мефистофель в конечном итоге творит добро. Он является сочетанием неприкрытой чувственности и холодного ума (и, соответственно, агрессивной воли). Тень Гете, хотя бы отчасти, является воплощением такого самодовлеющего интровертного мышления.

В заключение Метнер высказывает ряд суждений о фундаментальном значении Гете для аналитической психологии, выражая надежду, что гетеанство и юнгианство и впредь будут пересекаться, оплодотворяя друг друга: Гете, более чем какой-либо другой художник, несет в себе вызов европейской психологии. В то же время Метнер не забывает опровергнуть «оккультных учителей», пытавшихся обосновать свои доктрины с помощью «негетевских» аспектов Гете[58].

Видимо, здесь Метнер идентифицировал себя самого с Мефистофелем, а свою аниму — с Миньоной[59]. Он заимствовал эту интуицию у Юнга, который задолго до того видел в Мефистофеле «центр притяжения» в «Фаусте», что соответствовало юношеской самоидентификации Метнера с лермонтовским демоном. «Интеллект без любви» и холодное язвительное остроумие равным образом отличали и его самого, ведь сарказм Метнера был наиболее едким тогда, когда сам он пребывал в наимрачнейшем и самом мизантропическом расположении духа. Возможно, он ощущал себя мефистофелевской тенью Юнга-Фауста; а может быть, хотел убедить себя, что действительно является более чутким психологом, чем его учитель, с которым он не переставал состязаться.

Метнер надеялся расширить свою и без того обширную лекцию до размеров новой книги на русском языке, но из этой идеи ничего не вышло. У него почти не было пациентов, а поскольку от Маккормик ничего не поступало, он был вынужден жить на свои сбережения. Он признавался Анне, что Достоевский в конце в концов был прав: жизнь — это «дьяволов водевиль»[60]. Он никогда (подчеркнуто дважды) не примет ни мира, ни своей судьбы, даже если это окажется «бунтом»[61]. Здесь он апеллирует и к словам самоубийцы Кириллова в «Бесах», и к беседе Ивана Карамазова с Алешей[62]. Возможно, именно с этими героями и их протестом против жизни он вообще ощущал наиболее глубокое духовное родство. Роль Вотана, которую он когда-то примерил на себя, сближалась в конечном счете с ролью Люцифера, какою она изображалась в его лекции, — с бунтом против божественного порядка.

Вскоре Метнер отправил Рахманинову большое письмо в ответ на его замечания по поводу «Модернизма и музыки». В нем он объявлял, что «Вольфинг» — на самом деле коллективный псевдоним; более того, в течение двадцати лет после выхода книги он вынужден был отказываться от искусства, и Николай стал в большей мере «Вольфингом», нежели он. По его словам, брат потеснил его, созрев как теоретик, тогда как он замолчал. Если переиздавать книгу, то из

нее надо удалить некоторые злободневные полемические частности, но по существу в его взглядах на (еврейский) модернизм ничего не изменилось. Самым же неотложным делом сейчас было напечатать размышления о музыке Николая, которого Рахманинов должен поддержать[63]. Рахманинов откликнулся новым приглашением посетить его в Гертенштейне. Метнер был поражен закоренело бессознательной установкой, какую Рахманинов проявлял в отношении творческого процесса, защищая Штрауса от клейма модерниста и заявляя, что его покоробили взгляды братьев Метнеров на Листа. Но стоило им лишь коснуться экономической депрессии, как они обнаружили, что испытывают одинаковое чувство трагического изгнания и глубокого пессимизма. «Наша жизнь — есть чаша зла», — говорил Рахманинов[64].

В течение лета Метнер готовился к тому, чтобы предъявить Маккормик ультиматум. Он писал Анне, что положительные ценности в его жизни — дружба, любовь, семья — рано или поздно, но всегда оборачивались для него адом[65]. Метнера поддерживал Юнг, пригласивший его в башню и несколько цинично воодушевлявший его словами о том, что по прошествии определенного срока экономический кризис должен привести к радикальному увеличению числа пациентов, что благотворно скажется и на метнеровском достатке[66]. Некоторое время спустя умерла Маккормик. Ее несметное богатство было фактически разбазарено, так что всякая надежда на помощь оттуда угасла[67].

В октябре Метнер присутствовал на обеде в доме у Юнга, устроенном в честь гостей Психологического клуба, Вильгельма Хауэра и его соотечественника и коллеги Генриха Циммера. Хауэр говорил о сознании «абсолютного духа» и высказывал замечания по поводу юнговского психологизма, которые разделял и Метнер[68].

КУЛЬТ ГИТЛЕРА

Германская национал-социалистическая партия становилась все сильнее и сильнее. Нацисты закрепили свой успех в восхождении к власти, свой Machtübernahme, 31 января 1933 г., когда президент Гинденбург назначил Гитлера рейхсканцлером. На следующий день Юнг послал Метнеру письмо в Монморанси, в котором упомянул, что читает «Contra Celsum» отца церкви Оригена, опровержение антихристианского памфлета философа-платоника Цельса. Он добавил, что проводит «психологические параллели через Плотина и Прокла к Гегелю и, last <but> not least, Карлу Марксу, где как раз и берет начало та энантиодромия, от которой еще изрядно достанется и нашему, и нескольким последующим поколениям»[1]. По-видимому, занятия Юнга были связаны с событиями, происходившими в Германии накануне. Захват Гитлером власти изображался нацистами как ответ на еврейско-большевистскую угрозу, нависшую над немецкой нацией. Юнговская параллель, заканчивающаяся на Гегеле и Марксе, которые прямо или косвенно находились под влиянием диалектики Прокла, перекликалась с приложением к метнеровской лекции об интуиции, где Ориген и Цельс (основывавшиеся на магии) были включены в рассмотрение исторической борьбы между арийским христианством и еврейским «пандемониумом». Метнер попытался показать, как семитская магия достигла своей кульминации в доктрине Маркса, безжалостно «эксплуатировавшей», в свою очередь, гегелевские идеи. Создается впечатление, будто бы Юнг использовал построения Метнера для того, чтобы объяснить восхождение Гитлера как реакцию на большевистскую «энантиодромию», которая происходила в конечном итоге из цельсиевой критики христианства.

Пятого марта, признав победу нацистов на парламентских выборах, немецкий Рейхстаг даровал Гитлеру диктаторские полномо-

чия. Теперь он мог приступить к осуществлению своих планов по преобразованию всего общества в целом. Йозеф Геббельс был назначен главой только что учрежденного Министерства Пропаганды, и кампания по борьбе со всем «негерманским» не заставила себя ждать. Метнер с воодушевлением приветствовал распространение культа вождя и агрессивно разраставшуюся мистику крови и расы. В середине марта он писал Анне, что Гитлер «примыкает отчасти к вагнеризму, отчасти к фашизму». Он еще не приравнивал гений Гитлера к гению Муссолини, а, напротив, — что знаменательно — считал, что он «демоничен», а «власть его над толпой огромная»[2]. Несколько дней спустя он подчеркивал, что проводимая «революция» была еще одним доказательством «несоизмеримости и самобытности немецкого народа»[3]. Он полностью поддерживал чистку, проводимую в культурной жизни. По поводу смещения еврея Бруно Вальтера с должности художественного директора концертов в лейпцигском Гевандхаусе (которыми на протяжении десятилетий руководил Никиш) он торжествующе заявил: «Чистка идет решительная!»[4]. Эти акции против «дегенеративных» и «чуждых» влияний на германский дух, в сущности, были именно тем, что он двадцать пять лет назад рекомендовал, когда бил тревогу в своих статьях в «Золотом руне». Когда Рахманинов выступил в защиту Вальтера, он рассердился и обвинил композитора, несмотря на его демонстративный антимодернизм, в «подлизывании» к иудаизму[5]. В одном из писем Метнер цитировал Гинденбурга, который в 1918 году сравнивал «засаду», устроенную немецкой армии социал-демократами, с убийством Зигфрида злобным Хагеном. Сейчас наконец пришло время отомстить за позорное поражение. Имея в виду арест коммунистов и социалистов, он говорил: до тех пор, пока международный иудаизм (в заговоре с франкмасонами) «будет командовать т. н. общественным мнением цивилизованного мира, большевизм будет продолжать жить»[6].

Метнер все больше и больше заимствовал лексикон нацистов вообще и Гитлера в частности. Он детально анализировал многие речи фюрера и посылал Анне и Николаю копии тех, которые находил наиболее впечатляющими. Анна, которая столь радикально отказалась от своего еврейства, что переняла даже антисемитизм Метнера, выражала раздражение либеральными «куриными мозгами» тех, кто сопротивлялся фашизму[7]. Николай признавался в том, что у него перехватило дыхание от волнения перед «героическим risoluto в стремлении к «Regeneration»»[8]. После сожжения книг 10 мая Нико-

лай начал переводить свои антимодернистские заметки в книжную форму. С огромным воодушевлением он воспринял переданное ему Метнером радостное известие о том, что Гитлер выгнал наконец Арнольда Шенберга — этого «неистового рекламиста» — из Музыкальной академии в Берлине, где тот был профессором в течение тридцати лет[10]. Метнер с волнением «прочитывал» теперь лицо Гитлера: «Совершенно иррациональное; все нутром и сердцем — Он подлинно героичен и связан мистически с народом, без всякой мысли о самоуслаждении. При этом он глубоко религиозен»[11].

В начале апреля Эрнст Кречмер ушел в отставку с поста президента Всеобщего медицинского общества психотерапии, которое контролировалось Германией и объединяло национальные организации психиатров Германии, Швейцарии, Голландии, Англии, Дании и Швеции. Кречмер протестовал против исключения психиатров-евреев из немецкой секции. 21 июня его заменил Юнг, прибывший в Берлин для проведения семинара о сновидениях с местной группой врачей-юнгианцев. Вскоре после этой отставки Метнер посетил Юнга, проведя почти неделю в башне в Боллингене. Нетрудно представить себе темы их разговоров. Юнг тоже был в восхищении от «революции» с ее воскрешением древнегерманских мифов и поклонением вождю. В его презрении к демократическим институтам было много общего с метнеровским: он тоже находил их косными и беспочвенными, не связанными с уникальными культурными манифестациями психики[12].

26 июня Юнг дал интервью берлинскому радио. Его интервьюировал бывший пациент Метнера Адольф Вайцзекер, ныне активный нацист и психолог-юнгианец в столичной клинике имени ее руководителя М. Х. Геринга, двоюродного брата прусского премьер-министра. Предваряя беседу, Вайцзекер начал с противопоставления психологии Юнга психологии (евреев) Фрейда и Адлера, подчеркнув ее родство с германским духом в воззрении на «творческие элементы» души[13]. Юнг обратил внимание на готовность, с какой немецкое общество претерпевало реконструкцию: «Ветры перемен дуют повсюду». Далее принялся развивать расплывчатые тезисы Вайцзекера, указывая на фрагментарность и преобладание жизнеотрицающих аспектов в учениях Фрейда (чьи книги были только что публично сожжены) и Адлера. Западная Европа, говорил он, оказалась неспособна понять психическую ситуацию немецкой нации. Именно страстная тоска по целостности породила нового вождя, который, как господствующая фигура любого массового движения, был «вопло-

щением и рупором национальной души»[14]. Его слова, видимо, отражавшие реальную надежду на упрочение положения аналитической психологии в новом обществе, поразительно напоминают высказывания Метнера в его письмах к Николаю и Анне. Несколько недель спустя друг Юнга Вильгельм Хауэр основал так называемый «Deutsche Glaubensbewegung» («Немецкое движение веры»), организацию из небольшого числа юнгианцев, пытавшихся собрать воедино «арийские» верования; существующие христианские убеждения уже не могли удовлетворить их. В своей книге «Немецкое Боговидение» («Deutsche Gottschau») Хауэр также резко противопоставлял арийское индогерманское религиозное наследие «семитско-христианской» традиции[15].

Вновь почувствовав притягательность Германии, Метнер внезапно возобновил тесные отношения с Хедвиг Фридрих, по-прежнему жившей со своей матерью в Пильнице. В начале сентября он отправился к ней, как делал это в былые времена, оставался там почти два месяца и вернулся домой через Берлин. В нем пробудилась старая мысль о жизни в Германии. Он полагал, что, возможно, смог бы обеспечить себя, подобно Вайцзекеру, работая аналитиком. Его средства в Цюрихе были крайне ограниченны, он боролся с бессонницей, возвратилась болезнь Меньера. С новой высоты, как писал он Анне, все стало видно «гораздо лучше», — по сравнению со Швейцарией или Францией. Только в Германии открывается возможность по достоинству оценить очищенную атмосферу, гармонию и радость, переполняющую все стороны жизни[16].

С этого момента Метнер словно слился с Гитлером. Он попытался описать, как фюрер, которого он увидел в кино, заворожил стотысячную толпу своим поразительным «обаянием» (то же слово ранее он использовал применительно к себе)[17]. То был, казалось ему, новый Перикл, своим блистательным ораторским даром организовывавший и формировавший массы: гений, являвшийся воплощением грандиозных метнеровских фантазий. Гитлер был человеком, «кот[орому] все удастся», тевтонским «дирижером» общества, которым Метнер в глубине души сам мечтал быть — возможно, своего рода Никишем от политики[18]. Он не пропускал ни одного выступления Гитлера по радио. Когда в октябре 1933 г. Германия вышла из Лиги Наций, его энтузиазм возрос еще больше. Подразумевая «Протоколы сионских мудрецов» (издававшиеся теперь массовыми тиражами), он писал Анне, что Гитлер правильно решил разделаться с этим предательским масонским храмом, «за которым стоит Синедрион»,

то есть высший еврейский суд[19]. Европейская пресса куплена, поэтому так трудно за пределами Германии получить беспристрастную картину отважных действий Гитлера: «Никто не понимает, что Германия встала как один человек, чтобы поставить вопрос о бытии Европы, где нет более места тому, что ровно сто лет подтачивает ее цивилизацию и культуру». Мы живем, добавлял он, «в век неожиданностей и совершенно фантастических карьер», и самое замечательное во всем этом то, что именно «некарьеристы» выступили сейчас на сцену (и вытеснили жадных до власти евреев). Гитлер был шекспировским героем, Кориоланом. Его речи, подобно лавинам, устремлялись в восторженное человеческое море. До него лишь один человек вызывал в массах такой душевный подъем: Мартин Лютер[20].

Если Метнер превозносил Гитлера, то Шагинян обожала Сталина[21]. Она приняла весьма активное участие в строительстве социализма в Советском Союзе, опубликовав в 1931 году производственный роман «Гидроцентраль», пользовавшийся большим успехом. Однако осенью 1933 г., разбитая и страдавшая от бессонницы, она в надежде на излечение отправилась на запад. Некоторое время она лечилась у Людвига Бинсвангера, бывшего партнера Фрейда и Юнга, пошедшего собственным путем. Возможно, в этом с опозданием сказалось давление, оказанное на нее в свое время Метнером. Она находилась в клинике Бинсвангера в Кройцлингене, не очень далеко от Цюриха, но Метнер явно не знал об этом[22].

Как председатель Всеобщего медицинского общества, Юнг стал и редактором его бюллетеня, «Zentralblatt für Psychotherapie und ihre Grenzgebiete». Первый номер под его руководством, вышедший в 1933 г., содержал редакторский комментарий, в котором объявлялось, что «...различия, которые, действительно, существуют между немецкой и еврейской психологией и которые давно уже известны каждому осведомленному человеку, впредь затушевываться не будут, что пойдет только на пользу науке»[23].

В том же номере доктор Геринг указывал, что немецкие врачи обязаны принять «Mein Kampf» за основу своей профессиональной деятельности.

В конце февраля 1934 г. Юнгу воздал по заслугам его коллега и соотечественник Густав Балли. Статья Балли в «Neue Zürcher Zeitung» сосредоточивала внимание главным образом на инструкциях Геринга, помещенных в журнале Юнга; автор требовал, чтобы редактор более точно и подробно определил свою точку зрения на роковое различие между немецкой и еврейской терапией[24]. В своем ответе Юнг

попытался защититься от подозрений в безусловном приятии «арийского» терапевтического метода Геринга. Он утверждал, что его действия в медицинском обществе определялись коллегиальными решениями и что его положение в нем позволит еще и помочь еврейским коллегам в их беде[25]. Статья Балли, видимо, убедила Метнера в том, что «Neue Zürcher Zeitung» контролируется международным иудаизмом[26]. Он с Юнгом наверняка обсуждал эту тему, когда в апреле в очередной раз посетил башню в Боллингене, проведя там несколько дней.

Вскоре Юнг развил свои идеи об арийской и семитской психике в статье, помещенной в его журнале и озаглавленной «О сегодняшнем состоянии психотерапии». В арийском бессознательном он обнаруживал «взрывные силы и семена будущего, которому еще только предстоит родиться». Средний же еврей, напротив, «чересчур сознателен и дифференцирован, чтобы вынашивать в себе напряжения нерожденного будущего». Психотерапия, следовательно, совершила серьезную ошибку, приложив еврейские категории к христианам, германцам и славянам. Она отвергла «самую драгоценную тайну германского народа — творческую и интуитивную глубину его души» как «болото банального инфантилизма». Фрейд «понимает в германской душе не больше, чем его немецкие последователи». Юнг не мог сдержать своего удивления: «Неужели мощное явление национал-социализма, на которое весь мир смотрит изумленными глазами, ничему их не научило?»[27].

Представления Юнга о «еврейской душе» в том виде, в каком они отразились в этой статье, вполне метнеровские. Евреи не способны к творчеству и лишь пользуются сотворенным другими. Их одностороннее формирование основывается на сексуальном инстинкте и отсутствии духовности. Они принадлежат прошлому, тогда как будущее принадлежит нереализованному потенциалу «немецкой молодежи». Большинство данных свидетельствует в пользу того, что Метнер усилил теоретические предпосылки юнговского антисемитизма, во многом так же, как некогда он стимулировал антисемитизм Белого. Отношения с Фрейдом закончились для Юнга болезненно, и агрессивность его расизма, вероятно, можно понять лишь с учетом той горечи, которую вызвала в нем эта травма. Фрейдизм для него был тем же, что «семитское» штейнерианство для Метнера.

Метнер отправился в Германию уже в начале июля, прибыв в Пильниц через несколько дней после резни, которую устроил Гитлер штурмовикам СА, представлявшим радикальное крыло партии.

Он слушал выступление Гитлера по радио в связи с этим событием и снова был глубоко взволнован услышанным[28]. Второго августа умер президент Гинденбург, и нацисты превратили его похороны в грандиозный вагнерианский ритуал у монумента в честь немецкой победы 1914 г. над русскими под Танненбергом. Метнер был до глубины потрясен «трагически-героической» атмосферой спектакля. Он писал Анне, что Гинденбург стал мифом: «...веет Нибелунгами; памятник на месте танненбергской битвы точно Валгалла. Надгробная речь Хитлера тоже грандиозна и носит совсем германски-языческий характер». Наконец немцы обрели себя, заключал он, но они «устали... от ненависти мира»[29]. Гитлер никого не назначил преемником Гинденбурга и принял на себя командование армией. С этого момента он стал единовластным «фюрером» нации. Метнер, видимо, еще больше, чем прежде, склонялся к тому, чтобы интерпретировать Германию как арену вагнерианской драмы; его воля к смерти и поклонение Гитлеру стали нераздельны.

В октябре 1934 г. Метнер покинул Пильниц раньше, чем планировал, в связи с работой, ожидавшей его в Цюрихе. По инициативе Вольф, он согласился стать вместе с ней и Линдой Фирц редактором Festschrift'a, посвященного предстоящему в следующем году шестидесятилетию Юнга. То была скорее почетная работа, но она позволила Вольф спасти Метнера от экономического краха, путем выплаты части денег, которые задолжало ему юнгианское движение. Ему весьма щедро заплатили за редактуру тома и помещенную там его собственную поздравительную статью. Для участия в издании были приглашены друзья и коллеги Юнга по самым разнообразным дисциплинам, включая индологов Хауэра и Циммера, французского социолога Люсьена Леви-Брюля, русского философа-эмигранта Бориса Вышеславцева (московского знакомого Метнера, соприкоснувшегося позднее с юнгианской психологией) и Ганса Трюба.

По дороге домой в Цюрих, за чтением романа «Цезарь» Мирко Елушича, австрийца, симпатизировавшего нацистам, Метнера осенило, что Николаю пришло время сочинить «симфоническую поэму» в честь Цезаря. Цезарь в данный момент еще более актуален, чем Наполеон, писал он Николаю, и если тот последует его совету, «все фашисты - - - затрезвонили бы»[30]. По прибытии домой, он признался, что скучает по Гитлеру, особенно в связи с высокой квартирной платой в Швейцарии. Чтобы избавиться как от капиталистической спекуляции, так и от социализма, необходим был «кулак» диктатора. В снимаемой им маленькой комнате он очутился лицом к лицу с

«пустой дырой», каковую являла его жизнь[31]. Николай, впавший в хроническую депрессию[32], отвечал, что он и сам находится в такой же «дыре»[33]. Закончив свой антимодернистский памфлет, Николай послал его Рахманинову. С явной аллюзией на «Модернизм и музыку» он назвал его «Муза и мода» и снабдил подзаголовком «Защита основ музыкального искусства». В форме афористичного ницшевского эссе он изображал разрекламированные «измы» того времени как многочисленные «чертовы хвостики», и сравнивал «диссонирующих» композиторов с Бекмессером[34]. Рахманинов, который остался весьма доволен текстом, напечатал его в своем парижском издательстве в следующем году.

В ноябре Метнер прослушал в Психологическом клубе две лекции Юнга под названием «Архетипы коллективного бессознательного», представлявшие собой расширенную версию доклада, прочитанного им в августе на ежегодном семинаре в «Эраносе» в Асконе (неподалеку от Монте Верита); в нем юнгианские положения были включены в более широкую культурную дискуссию — прежде всего на тему отношений Востока и Запада[35]. Лекции произвели на него глубокое впечатление. Юнг достиг демонических высот в ораторском искусстве, и это заставило Метнера задуматься о промежуточном положении психологии между природой и судьбой, биологией и биографией, всеобщим и индивидуальным[36]. Реакция Метнера на выступление была явно связана с только что начатой им работой над юбилейной статьей в жанре своего рода косвенных воспоминаний (единственном, в котором он мог писать), рассказывающих о том, как они с Юнгом узнали себя друг в друге. Метнер рисовал Юнга как целостную гетеанскую личность, разнообразные грани которой находились в непрерывном творческом взаимодействии. Он показывал, как юнговская «комплексная психология» (так она теперь называлась в целях размежевания с Фрейдом и Адлером) естественным путем возникла из психики своего создателя. Юнг напоминает здесь Штейнера, каким его изобразил Белый в «Воспоминаниях о Штейнере» (написанных в конце 1920-х годов, но опубликованных лишь через полвека): идеальная личность, в которой жизнь и учение слились воедино. Метнер акцентировал «конкретную» связь Юнга с объектом познания и его кантовское уважение в равной степени как к внутренней, так и к внешней природе[37]. Цитируя манифесты Белого и Иванова из первых номеров «Трудов и дней», он демонстрировал духовное родство Юнга с символизмом[38]. Из статьи Белого он выбрал тот отрывок, который увязывал русский символизм с «гер-

манской расой»[39]. Далее он подчеркивал, что позиция Юнга в современном «расовом вопросе» знакома ему по их беседам на сеансах терапии, проходивших во время войны[40]. Он умолчал о своих разногласиях с Юнгом; различало их главным образом то, что Юнг считал дух частью «Самости», тогда как для Метнера дело обстояло как раз наоборот; и то, что Юнг отдавал предпочтение второй части «Фауста», а он — первой.

В середине января 1935 г. Метнер вновь встретился с Юнгом в Боллингене. То был неудачный визит. Он писал Николаю, что Юнг утомил его, вдаваясь в тонкости средневековой алхимии и не замечая его равнодушия к этому предмету[41]. Юнг даже спросил его, не заинтересовался бы он составлением международной библиографии на эту тему. Учитывая враждебность Метнера ко всем формам гностицизма, такое предложение могло показаться провокационным, хотя и не вызывало сомнений, что Юнг обращается к нему как к знатоку Гете. В «Воспоминаниях, сновидениях, размышлениях» Юнг комментирует свой интерес к алхимии, активизировавшийся с середины 1930-х годов:

«Я рассматриваю свою работу над алхимией как знак моей внутренней связи с Гете. Тайна Гете в том, что он был захвачен тем процессом трансформации архетипов, что продолжался веками. Он рассматривал своего «Фауста» как opus magnum или divinum. Он называл его своим «главным делом», и вся его жизнь разыгралась в рамках этой драмы»[42].

Подобно «Так говорил Заратустра», продолжает он, вторая часть «Фауста» устремляется за открытиями, как и алхимия, «к другому полюсу мира»[43]. Метнер, очевидно, почувствовал, что он так же безвозвратно теряет Юнга, как однажды уже потерял Белого. Именно через понимание алхимического символизма Юнг проник в смысл «индивидуации», а вместе с ней и в суть своего внутреннего конфликта военных лет, бывшего отправной точкой для всей его психологии. Позднейшие работы, которые принесли ему растущее международное признание, такие, как фундаментальные исследования «Психология и алхимия» (1944) и «Mysterium Coniunctionis» (1955—1957), несли на себе печать глубокого влияния гетеанского гностицизма. Ученым, игравшим в жизни Юнга все большую роль, был Парацельс (прототип гетевского Фауста), преодолевший разрыв между психологией, религией и эзотеризмом розенкрейцеров. По сути дела, Метнер и сам когда-то считал Парацельса предтечей Юнга.

Свою статью Метнер писал в состоянии заметного стресса, ему

понадобились большие усилия, чтобы не выдать своего противоречивого отношения к Юнгу. «Festschrift» вскоре опротивел ему, и теперь он уже открыто выразил свою неприязнь к своему аналитику[44]. Он чувствовал себя таким же одиноким в мире, как гитлеровская Германия, преследуемая другими нациями, «как дикий зверь»[45]. Внезапно Юнг предстал в том же свете, что и Белый двумя десятилетиями ранее. Метнер писал Анне, что вина за его неудачу лежала на юнговской психологии. Его опять использовали, и опять он принес себя в жертву другому (то есть заместителю брата); все, что было «моим», потеряно навсегда. Он был в «полном бешенстве», готов был к «нервному удару со злости»[46]. Неспроста о своем затруднительном положении в эти годы он говорил теми же словами, которые употреблял, когда порывал с Белым в 1913—1914-х годах. Он страдал от бессонницы и от приступов болезни Меньера. В глубине души он чувствовал себя «гадко» (одно из излюбленных слов Достоевского), его обволакивал «туман», он ненавидел жизнь и подумывал о самоубийстве. У него возникали прежние апокалипсические предчувствия: он уже предвидел новую мировую войну между Германией и русско-еврейским большевизмом[47].

Метнера постоянно приглашал к себе Рахманинов, кроме того, его естественно было бы ожидать 26 июля 1935 г. на приеме в честь шестидесятилетия Юнга. Но теперь он не мог выносить зрелища преуспевающих людей, и менее всего Юнга: он «не сберег меня от разрухи»[48]. По его словам, единственным человеком, который его понимал, была Фридрих, тоже пребывавшая в психологически подавленном состоянии. Он еще раз, через Францию, прибегнул к ней и к Германии. Лишь с ней, равнодушной ко всему, кроме национал-социализма и Ницше, он мог обрести покой[49]. Он писал Анне из Пильница, что страдает тем же склерозом, который шесть месяцев назад убил Белого[50]. (Незадолго до смерти Белый дал развернутый портрет Метнера в своих воспоминаниях; если Метнер их прочел, возможно, это в некоторой степени смягчило его горечь[51]).

По возвращении в Цюрих поздней осенью 1935 г., Метнер послал Николаю письмо на тридцати восьми страницах, в котором вновь оплакивал двадцать впустую истраченных лет своей жизни и заявлял, что теперь ему осталось только умереть[52]. Правда же заключалась в том, что утрата Юнга лишила его жизнь всякого смысла. В позднейшем письме он говорил, что хочет быть кремирован: «я ничего общего с этой планетой не хочу иметь больше»[53].

Когда в марте 1936 г. гитлеровские войска оккупировали деми-

литаризованную Рейнскую область, что было встречено резкими протестами во Франции, Метнера опять переполнила «горячая ненависть» к французской культуре[54]. Он разглядел черты большевистских евреев в «рожах» французских политиканов[55]. Он дал понять Анне и Николаю, убежавшим в Лондон годом ранее[56], что им повезло, и цитировал отпущенное в связи с проведенной акцией замечание Гитлера: «Молю Бога, чтобы он послал мне смерть, если я не прав»[57]. Он словно видел себя и Гитлера — двух Вотанов, загнанных на край смерти враждебными им жизненными условиями. Через несколько дней Юнг опубликовал статью под названием «Вотан», в которой проводил явные параллели между Гитлером и владыкой Валгаллы. Юнг полагал, что Вотан возник как живой архетип из германского коллективного сознания и что посеянный им бурный ветер превратился сейчас в ураган. Он видел Вотана в солнечном культе немецкой молодежи, в дионисийской одержимости нации, в магической функции Гитлера. Наверняка ему приходила в голову мысль о Метнере, когда он писал эту статью[58].

В апреле, как бы прощаясь, Метнер посетил в Лондоне Николая и Анну. В июне он последовал совету своего врача и отправился в Богемию на воды в Теплиц-Шёнау, которые некогда посещали Гете и Вагнер. Проведя там несколько недель, он поехал в Пильниц, где в начале июля серьезно заболел; болезнь сопровождалась острыми приступами головокружения. Его поместили в местную психиатрическую клинику. Судя по всему, постоянно угрожавшее ему раздвоение психики теперь и впрямь настигло его. В состоянии полного регресса, бессвязно говоря исключительно о прошлом и будучи явно не в состоянии воспринимать настоящее, он умер ранним утром 11 июля 1936 г.[59].

ЭПИЛОГ

Спустя три года после смерти Метнера Психологический клуб издал трехтомник русских переводов сочинений Юнга, написанных по 1928 год включительно, под заглавием «Избранные труды по аналитической психологии». Каждый том содержал пояснительные введения, взятые из предисловия Метнера, написанного в 1920-х годах. Окончательную редактуру осуществил Борис Вышеславцев[1].

В июле 1938 г., всего лишь через несколько месяцев после того, как нацисты вынудили Фрейда искать прибежища в Лондоне, Юнг председательствовал на десятом Международном конгрессе Всеобщего медицинского общества психотерапии под Оксфордом. Во время этого конгресса он ни словом ни обмолвился о положении своего бывшего учителя[2]. А несколько месяцев спустя он дал интервью американскому журналу «Hearst's International Cosmopolitan», в котором развивал свою точку зрения на диктаторов. Хотя он и заявлял во всеуслышание, что поддерживает демократию, Гитлер явно занимал его более, чем когда-либо. Он сказал, что в связи с посещением своих последователей в Берлине в 1937 году имел возможность наблюдать первую встречу Гитлера и Муссолини с расстояния всего лишь нескольких метров. Он описывал Гитлера как потенциального пациента и вновь проводил параллель с Вотаном[3]. Гитлер, по его словам, — величайший пророк со времен Мухаммеда. Все немецкое бессознательное говорит его устами. Он «своего рода духовный сосуд, полубожество или, еще лучше, миф»[4]. Юнг предлагал ему взяться за оружие, повернув его против России, что было бы «логичным лечением» для Гитлера и для его нации. Если изящество, оригинальность, теплота и человеческая телесная эластичность Муссолини вызывали у Юнга симпатию, то неистовая коллективная самость Гитлера внушала ему в равной мере уважение и благоговейный страх[5].

Перед самым началом войны, в сентябре 1939 г., Юнг видел сон, в котором Гитлер походил на Антихриста, но был, несмотря на это, орудием Бога. Этот сон, по-видимому, следует связать с его интересом к Мефистофелю и опытом переживания «темной стороны Бога»[6]. (Годом ранее он совершил наконец путешествие в Индию, где неотступно предавался размышлениям о «психологической природе зла»[7]). То была высшая точка его заинтересованности Гитлером.

* * *

В своих воспоминаниях Белый дает понять, что его произведения были результатом коллективного творчества, в котором свою роль сыграл и Метнер[8]. Юнг, который, вероятно, мог бы сказать нечто похожее, так ни слова и не написал о своем друге, правда, он и не написал автобиографии в общепринятом смысле этого слова. В «Воспоминаниях, сновидениях, размышлениях» он не удостоил слова благодарности даже свою ближайшую коллегу и «спасительницу» Тони Вольф.

Судьба Метнера заключалась в том, чтобы быть «использованным» двумя величайшими и деятельнейшими представителями европейской культуры двадцатого столетия, в равной мере ставших сегодня объектами неослабевающего международного интереса. Его посредничество демонстрирует глубокое родство между этими двумя людьми, каждый из которых, на свой собственный лад и своими собственными средствами, осветил кризис сознания современного человека. Парадокс же заключается в том, что Метнер, стремившийся вдохнуть в Россию немецкий дух, в конечном итоге внес нечто специфически русское в немецкую культуру.

ПРИМЕЧАНИЯ

Список сокращений:

ETH, Hs = ETH-Bibliothek, Handschriften (Рукописи, Архив Юнга), Цюрих.
БК, МБ = Библиотека Конгресса, Музыкальная Библиотека, Вашингтон.
СП = Семейный архив Понсовых, Москва.
РГАЛИ = Российский государственный архив литературы и искусства, Москва.
РГБ = Российская государственная библиотека, Москва.
РНБ = Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург.

ВВЕДЕНИЕ

1. См.: *И. А. Фрумкина, Л. С. Флейшман.* А. А. Блок между «Мусагетом» и «Сирином» (Письма к Э. К. Метнеру) // Блоковский сборник 2. Тарту, 1972; *Georges Nivat.* Histoire d'une «tćratogenèse» biélyenne, Les rapports entre Emilij Medtner et Andrei Belyj // Cahiers du Monde Russe et Soviétique. 1977. № 1—2.

2. Избранные письма Николая Метнера к брату напечатаны в кн: *Н. К. Метнер.* Письма / Публ. З. А. Апетян. М., 1973.

3. *Андрей Белый.* Эмилий Метнер // Андрей Белый. Начало века. М., 1990 (М.; Л., 1933). См. также главы: «Старый друг» в том же томе, «Метнер и я» в: *Андрей Белый.* Между двух революций. М., 1990 (Л., 1934); и «Московские культуртрегеры» в: *Андрей Белый.* Воспоминания об А. А. Блоке (München, 1969; первоначально в: Эпопея. № I—IV. Берлин, 1922—1923).

4. *C. G. Jung.* Memories, Dreams, Reflections / Recorded and edited by A. Jaffe, trans. R. and C. Winston. New York, 1965. P. 199.

5. *Jung.* Memories. P. 199.

6. *Barbara Hannah.* Jung: His Life and Work. London, 1977. P. 31. Курсив мой.

7. Единственное упоминание в: *Hannah.* Jung. P. 232. Здесь Метнер перечислен среди редакторов Festschrift'a по случаю шестидесятилетия Юнга.

«ЖИТЕЙСКАЯ ЛОЖЬ» МЕТНЕРА

1. Семейное преданне Метнеров гласит, что Геднке на самом деле прибыли из Швеции, однако это выглядит маловероятным. См. также письмо Метнера от 27 сентября 1921 г. П. Д. Эттингеру, в: *Н. К. Метнер.* Воспомнинания. Статьи. Матерналы / Публ. З. А. Апетян. М., 1981 — где он дает пояснения к своей генеалогии (с. 299—300).

2. Метнеровское краткое изложение своего дневника за 1901—1906 годы от 29 августа 1908. С. 3—4 (СП).

3. *Emil Medtner.* Bildnis der Persunlichkeit im Ramen des gegenseitigen Sich Kennenlernens // Die kulturelle Bedeutung der komplexen Psychologie. Berlin, 1935. S. 588.

4. Изложение дневника Метнера за 1897—1899 годы, непронумерованный л. (СП).

5. Они станут его opus'ом 1.

6. *Medtner.* Bildnis. S. 560.

7. Ср.: *Medtner.* Bildnis. S. 569.

8. Изложение дневника Метнера за 1901—1906 годы. С. 2.

9. *Medtner.* Bildnis. S. 559, 567.

10. Он получил золотую медаль на последнем экзамене, и тем же летом вместе с двоюродным братом Александром Гедике принял участие в международном конкурсе пианистов в Вене.

11. Он, кажется, даже посетил однажды Гете в Веймаре (или в Йене).

12. Есть множество оснований полагать, что Метнер смотрел на Гете как на своего рода немецкого Пушкина, в духе Достоевского, истолковавшего в своей знаменитой Пушкинской речи 1880 г. русского национального поэта как «всечеловека». Примечательно, что 150-летний юбилей со дня рождения Гете и 100-летний юбилей Пушкина совпали именно в 1899 году.

13. Изложение дневника Метнера за 1901—1906 годы. С. 1.

14. См.: *Андрей Белый.* Начало века. С. 93.

ВСТРЕЧА С БЕЛЫМ

1. *Андрей Белый.* Начало века. С. 89—90.

2. *Андрей Белый.* Начало века. С. 92.

3. *Андрей Белый.* Начало века. С. 93.

4. *Андрей Белый.* Начало века. С. 87.

5. Николай и Белый родились с разницей в девять месяцев, соответственно в январе и октябре 1880 г.

6. См. мою диссертацию «The Dream of Rebirth. A Study of Andrej Belyj's Novel *Petersburg*» («Мечта о возрождении. Исследование романа Андрея Белого "Петербург"») (Stockholm, 1982), с. 19—20). Псевдоним Белого отсылает к «белому» Христу Апокалипсиса.

7. *Андрей Белый.* Материал к биографии (интимный), предназначенный для изучения только после смерти автора (1923) (РГАЛИ, ф. 53, оп. 2, ед. хр. 3, л. 17). Далее ссылки на него в тексте приводятся как на «интимные автобиографические записки» Белого.

8. *Андрей Белый.* Начало века. С. 93.

9. Метнер также отмечает сходство между ними в своем дневнике (29 сентября 1902 г.): «Начиная с общих вопросов и кончая интимнейшими настроениями, убеждениями, созерцаниями — у нас одинаково» (цит. по: *А. В. Лавров.* Примечания // Андрей Белый. Стихотворения. М., 1988. С. 550.)

10. *Андрей Белый.* Начало века. С. 88.

11. Дневник Метнера, 29 сентября 1902 г. (цит. по: *А. В. Лавров.* Примечания // Андрей Белый. Начало века. С. 584—585).

12. *Андрей Белый.* Воспоминания о Блоке. С. 25. Эта соната стала его opus'ом 5.

13. Из дневниковой записи Метнера от 29 сентября 1902 г. (*А. В. Лавров.* Примечания // Андрей Белый. Начало века. С. 585—586) явствует, как сильно Белый отреагировал на соответствующий мотив в сонате Николая — он словно бы увидел своего «двойника».

14. *Андрей Белый.* Материал, л. 45.

15. *Андрей Белый.* Начало века. С. 98.

16. *Андрей Белый.* Начало века. С. 99.

17. Белый (Материал, л. 31) упоминает «внутренние беседы», которые он вел теперь с Метнером.

18. Письмо от 13—15 февраля 1903 г. (Блок в неизданной переписке и дневниках современников // Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 3. М., 1982. С. 195).

19. См., например, письмо Метнера от 9 мая 1903 г. к Петровскому (Блок в неизданной переписке. С. 198).

20. См. письмо Белого от 8 апреля 1903 г. Метнеру, отрывки из которого приведены в: *А. В. Лавров.* Мифотворчество «аргонавтов» // Миф—фольклор—литература. Л., 1978. С. 141—142, и в: *Nivat.* Histoire d'une «tératogenèse». P. 98.

21. Стихотворение было напечатано в первом сборнике Белого «Золото в лазури» (М., 1904).

22. Новый путь, 1903. №9. В своем письме Метнеру от 30 ноября 1902 г. Белый заявлял, что «совершенно влюблен» в Stimmungsbilder (примечания в кн: *Н. К. Метнер.* Письма. С. 42).

23. Стихотворение «Золотое руно» было напечатано в сборнике «Золото в лазури».

24. См. приводимые Лавровым отрывки вышеупомянутого письма Белого Метнеру от 8 апреля 1903 г.

25. *Э<миль Метнер>.* Симфонии Андрея Белого // Приднепровский край, 15/28 и 16/29 декабря 1903 г. Здесь Метнер особо акцентирует духовную близость между симфонией Белого и сонатой Николая.

26. Эти песни позже войдут в его opus 6.

27. Цитируется по изложению дневника Метнера за 1901—1906 годы. С. 4.

28. Изложение дневника Метнера за 1901—1906 годы. С. 5.

29. *Medtner.* Bildnis. S. 565.

30. Последняя версия не появлялась вплоть до 1906 г. Нет никаких оснований предполагать, что Метнер был знаком с «Протоколами» на этой ранней стадии.

31. Сообщено Верой Тарасовой, дочерью Карла Метнера-младшего, февраль 1983 г.

32. Во время этого посещения Анна явно решила всерьез поговорить с ним о своем новом интимном сближении с Николаем.

33. Метнер основывался на гетевском определении классицизма как «здорового» и романтизма как «больного» в разговоре с Эккерманом 2 апреля 1829 г. См.:

Johann Peter Eckermann. Gespräche mit Goethe in den letzten Jahren seines Lebens // Goethe. Sämtliche Werke nach Epochen seines Schaffens / Ed. Karl Richter a.o. Bd. 19. München, 1986. S. 300.

34. ***Андрей Белый.*** Начало века. С. 336—339. Ницше, по-видимому, не был центральным предметом этих дискуссий. Позднее в том же году, однако, Метнер почувствовал необходимость охарактеризовать Белому отношение Ницше к романтикам и отмежевать его от них. Результатом этого явилась статья «Романтизм и Ницше» (Приднепровский край. 12/25 октября, 1904 г.).

35. ***Андрей Белый.*** Материал, л. 18.

36. Белый сильно отреагировал на гастрольное выступление Никиша, на котором он присутствовал по возвращении в Москву, описав свои переживания в цикле стихотворений в прозе «Маска», появившихся в июньском номере «Весов». Никиш изображается в них как чародей, ведущий лирическое «я» к новой заре жизни через детские ночные кошмары, в которых происходят сражения с преследующими его врагами. Написанный Белым портрет дирижера, в котором подчеркивается его пристальный взгляд, отмечен метиеровскими представлениями о нем в сочетании с некоторыми характерными чертами самого Метнера. (Связь Белого с Петровской вовлекла его в этом году в мучительный любовный треугольник с Валерием Брюсовым; события достигли своей кульминации осенью в форме поэтической дуэли. В одном стихотворении, по контрасту отсылающем к стихотворению к Метнеру, Белый обращается к своему грозному сопернику как раз как к «старинному врагу»).

37. Изложение дневника Метнера за 1901—1906 гг. С. 5.

38. Письмо от 2 января 1905 г. к Николаю (СП).

39. Письмо от 2 января 1905 г.

40. Das Leben Friedrich Nietzsches. Leipzig, 1895—1904.

41. Он также имел долгий разговор с Гуго фон Гофмансталем; но лишь позднее осознал, с кем он говорил.

42. Письмо к матери от 18 мая 1905 г.; отрывки см. в примечаниях к: *Н. К. Метнер.* Письма. С. 75.

43. Письмо от 17 августа 1906 г. (СП).

44. Sören Kierkegaard und sein Verhältnis zu «ihr». Aus den nachgelassenen Papieren. Stuttgart, 1905.

45. Эта двойственная идентификация была облегчена его заверениями в том, что его семья по отцовской линии происходила из Дании (из Шлезвиг-Гольштейна).

46. Письмо от 14 февраля 1906 г. (СП).

47. Письмо от 16 февраля 1906 г. (СП). Вскоре эти письма стали невыносимым чтением, и он не возвращался к Кьеркегору в течение 25 лет. Он пишет, что после того, как имел «несчастье» познакомиться с Кьеркегором через его письма к Регине Ольсен, он отверг его как «самоистязающий психологический штопор» (*Medtner.* Bildnis. S. 559).

48. Изложение дневника Метнера за 1901—1906 годы. С. 7.

49. Письмо Николая от 6 марта 1906 г. (*Н. К. Метнер.* Письма. С. 75).

НОВАЯ СТЕЗЯ

1. *Андрей Белый.* Начало века. С. 94.

2. Письмо к Рахманинову от 30 апреля 1932 г. (БК, МБ 30.55).

3. *Вольфинг.* «Скупой рыцарь» и «Франческа да Римини» (Оперы Рахманинова на сцене Большого театра) // Золотое руно. 1906. № 1. С. 122.

4. См. ответ Скрябина от 15 февраля в: *А. Н. Скрябин.* Письма / Публ. А. В. Кашперова. М., 1965. С. 407.

5. *Андрей Белый.* Николай Метнер // Золотое руно. 1906. № 4. С. 105.

6. Письмо от 4 сентября 1906 г. (СП).

7. См. письмо Белого от января 1907 г. (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 1, ед. хр. 51).

8. *Андрей Белый.* Между двух революций. С. 125.

9. *В. К<аратыгин>.* М. Регер // Золотое руно. 1906. № 2.

10. *Вольфинг.* Sixtus Beckmesser redivivus // Золотое руно. 1907. № 2. С. 65.

11. *Вольфинг.* Калиостро в музыке // Золотое руно. 1907. №4. С. 69—70. В качестве противовеса Штраусу и Регеру, братья Метнеры вскоре связались с Эдвардом Григом, который дирижировал в Германии той весной, чтобы пригласить его в Россию. Однако Григ отклонил предложение по причине нездоровья и, действительно, умер через несколько месяцев.

12. Нападки Белого на Блока достигли пика в рецензии на его лирические драмы («Обломки миров». Весы. 1908. № 5). В ней он играет на сходстве имени Тик и русского уменьшительного окончання «чик» в пьесе «Балаганчик», представлявшей собой карикатуру на мистические грезы начала века и изображавшей треугольник Блок—Любовь Дмитриевна—Белый в формах комедни дель арте. В 1904 году в Нижнем Новгороде Метиер предостерегал Белого от увлечения Людвигом Тиком и йенским романтизмом.

13. *Вольфинг.* Борис Бугаев против музыки // Золотое руно. 1907. № 5.

14. Письмо Белого редактору было опубликовано в журиале «Перевал» (1907, № 10). Более подробиое изложение этого конфликта см.: *А. В. Лавров.* «Золотое руно» // Русская литература и журналистика начала XX века. 1905—1917. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984.

15. *Андрей Белый.* Между двух революций. С. 125—126.

16. *Андрей Белый.* Кубок метелей. Четвертая симфония. М., 1908. С. 3

17. См. его письмо к Анне от 7 марта 1915 г. с пересказом этого (СП).

18. *Вольфинг.* Вагиеровские фестшпили 1907 года в Мюнхене // Золотое руно. 1907. № 7—9, 10. 1908. № 1, 2, 3—4. В подзаголовке он называл себя «иевагнерианцем», что должно было выражать его протест против институциализованного и излишне коммерциализованного культа Вагнера в Байрейте.

19. Они стали его opus'ом 15.

20. Николай использовал иемецкий перевод стихотворения, сделанный для него отцом. Он соединил эту композицию Белого и свою пушкинскую композицию, создав свой opus 13.

21. См. обзор этих рецензий З. А. Апетян в: *Н. К. Метнер.* Письма. С. 114.

22. *Вольфинг.* Модернизм и музыка // Золотое руно. 1908. № 5. С. 62—64.

23. Белый выступал в Политехническом музее 1 января 1908 г. См.: *Андрей Белый.* Фридрих Ницше // Весы. 1908. № 7, 8, 9.

24. *Вольфинг.* Рахманинов как исполнитель // Золотое руно. 1908. № 2. С. 76.

25. Мемуары Морозовой «Метнер» рисуют нежную картину всех трех как неразделимого «целого», но главным образом посвящены Эмилию (Наше наследие. 1991. № 6. С. 104).

26. *Андрей Белый.* Воспоминания о Блоке. С. 555.

27. *Андрей Белый.* Воспоминания о Блоке. С. 561—563. Белый подчеркивает, что у него никогда не было более одухотворенного собеседника и что ничто из написанного Метнером не передает его утонченного мастерства вести беседу.

28. *Андрей Белый.* Воспоминания о Блоке. С. 567.

29. Метнер позднее суммировал свои впечатления Эллису в письме от 8 сентября 1909 г.: «Это какой-то теософский пастор, выкрикивающий «глубокие» пошлости. Гете, наверное, не захотел бы знакомиться с ним» (цит. по: *Н. А. Фрумкина и Л. С. Флейшман.* А. А. Блок. С. 387).

30. *Андрей Белый.* Начало века. С. 88.

31. Любопытно, что ее тоже звали Анной (Хорст). См.: *Geoffrey G. Field.* Evangelist of Race. The Germanic Vision of Houston Stewart Chamberlain. New York, 1981. P. 331.

32. См. далее: *Field.* Evangelist of Race. P. 326—332.

33. *Вольфинг.* Эстрада // Золотое руно. 1909. № 2—3, 5.

34. Его отец родился в 1846 г. в Пярну (ныне Эстония).

35. *Андрей Белый.* Урна. М., 1909. С. 128.

36. Возможно, к этому времени он уже перевел на русский исследование доктора Пауля Юлиуса Мебиуса «Über das Pathologische bei Nietzsche» (1902), и оно могло помочь ему уяснить сложность психики Ницше. Рукопись законченного перевода — «О патологическом у Ницше» — с его предисловием находится в РГБ, ф. 167, оп. 4, карт. 18, ед. хр. 8.

37. *Эмилий Метнер.* Ницше и Вагнер. (Комментарий к четвертому «Несвоевременному размышлению») // Фридрих Ницше. Полное собрание сочинений. Т. II. Несвоевременные размышления. М., 1909. С. 417—418, 420.

38. Здесь Метнер написал новую статью, «О музыкальной критике», которая была опубликована в трех частях в «Золотом руне» в том же году (№ 6, 7—9, 10).

39. *Андрей Белый.* Между двух революций. С. 310—311.

40. Явно стараясь привязать к себе Скрябина, Метнер осенью выдвинул предложение по их совместному сотрудничеству в составлении антологии статей о композиторе, которую напечатает новое издательство. Однако оно опять не было принято. См. ответ Скрябина от 6 декабря 1909 г. в: *Скрябин.* Письма. С. 342—343.

41. *Андрей Белый.* Между двух революций. С. 319.

42. Как утверждает Белый, в Матрене запечатлены некоторые черты новой семейной прислуги Метнеров Поли. Именно Метнер обратил внимание Белого на этот факт, после чего Белый внимательно изучал ее в ходе дальнейшей работы над романом. См.: *Андрей Белый.* Начало века. Т. III. (Неопубликованная первоначальная версия мемуаров). С. 80. (РНБ, ф. 60, ед. хр. 14, л. 80). Согласно позднейшему рассказу Белого, Метнер в эти годы, по следам петербургской катастрофы, советовал ему жениться на горничной (*Нина Берберова.* Курсив мой. München, 1971. С. 462).

43. Новые композиции Николая были позднее включены в его opus 18 (с произведениями Гете) и opus 19 (с произведениями Ницше).

44. *Андрей Белый.* Штемпелеванная культура // Золотое руно. 1909. № 9. С. 75. См.: *М. В. Безродный.* Андрей Белый на службе у черной сотни // Alma Mater (Тарту). 1992. № 2.

«МУСАГЕТ»

1. Метнер остановился в Веймаре на более длительный срок, чем планировал, с целью прочитать недоступные в России сочинения Чемберлена.

2. *Андрей Белый.* Начало века. С. 99.

3. Его жена была из богатой семьи Мамонтовых, из которой происходила Морозова.

4. *Андрей Белый.* Между двух революций. С. 308.

5. *Андрей Белый.* Между двух революций. С. 307.

6. *Андрей Белый.* Начало века. С. 93, 96.

7. *Андрей Белый.* Начало века. С. 90; *Вольфинг.* Дом песни // Золотое руно. 1909. № 11—12. С. 78—79.

8. *Вольфинг.* Эстрада // Золотое руно. 1909. № 2—3. С. 107.

9. *Андрей Белый.* Между двух революций. С. 306; Начало века. С. 93. Метнер ассоциировал Тургеневу с анемичной «королевной» из первой симфонии Белого (Северная симфония (1-ая, героическая). М., 1903), противопоставляя ей «Сказку» (прообраз — Морозова) из второй.

10. *Вольфинг.* Дом песни. С. 76, 79.

11. По иронии Шмидтом он назван в честь Анны Шмидт, умершей четырьмя годами ранее. Анна Шмидт вновь попала в поле внимания Белого в этом году, когда Мельников послал Метнеру ее рукописи. Посоветовавшись с Белым, Метнер передал их Морозовой, которая предоставила их Сергею Булгакову. Булгаков крайне серьезно воспринял ее мистические трактаты. Спустя несколько лет он вместе с Павлом Флоренским опубликовал выборки из ее наследия (Из рукописей Анны Николаевны Шмидт. М., 1916) под маркой издательства Морозовой «Путь», сопроводив их биографическим очерком, основанным частично на воспоминаниях Метнера.

12. Письмо от 26 августа 1909 г., выборочно цитируется в: *Н. А. Фруменко и Л. С. Флейшман.* А. А. Блок. С. 387.

13. «Религия страдающего бога» объявлялась как готовящаяся к публикации «Мусагетом» на протяжении нескольких лет, но издание так и не было осуществлено.

14. *Margarita Woloschin.* Die grüne Schlange. Lebenserinnerungen. Stuttgart, 1956. S. 226.

15. *Margarita Woloschin.* Die grüne Schlange. Lebenserinnerungen. Stuttgart, 1956. S. 227.

16. Среди изданий «Мусагета» этого года: «Собрание стихов» Зинаиды Гиппиус, новый сборник Сергея Соловьева «Апрель» и перевод книги средневекового голландского теолога Яна ван Рюйсбрука «Одеяние духовного брака» («Cierheit der gheestcliker brulocht»), выполненный Михаилом Сизовым.

17. Штейнер, рассмотрев фотопортрет Метнера, заметил: «Здесь все податливо, но еще многое может развиться». О его почерке он сказал: «Он лишен покоя; он должен обрести его с нами; он слишком устремлен из центра к периферии». Когда Сабашникова объяснила, что Метнер настроен против теософии, он шутливо ответил, что немного насилия не повредит, если вести его в правильном направлении, поскольку он все еще «ребенок». (Письмо Метнера к Анне от 27 октября 1910 г.; СП).

18. В 1906 году Иванов прочел с Сабашниковой стихотворения св. Франциска в оригинале по-итальянски. Его интерес к святому был, по-видимому, в значительной степени стимулирован Минцловой. Метнер и Сабашникова, увидевшие знаменитые фрески в церкви св. Франциска в Ассизи, обнаружили в самой архитектуре здания то, что сочли символом розенкрейцеров (Письмо Метнера Анне из Рима от 6 ноября 1910 г.; СП).

19. Письмо Метнера от 6 ноября.

20. Письмо от 28 августа 1910 г., выборочно цитируется в: *Nivat.* Histoire d'une «tératogenèse». P. 112.

21. В 1911 году к редакционному комитету присоединился Борис Яковенко.

22. Переводы Сабашниковой из Экхарта были опубликованы в 1912 году под заглавием «Проповеди и рассуждения».

23. *Андрей Белый.* Между двух революций. С. 340.

24. *Андрей Белый.* Между двух революций. С. 358—362.

25. Письмо от 21 июля 1911 г. (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 2, ед. хр. 45).

26. *Андрей Белый.* Трагедия творчества. Достоевский и Толстой. М., 1911. С. 23—26.

27. *Андрей Белый.* Трагедия творчества. С. 13.

КОНФЛИКТ С БЕЛЫМ

1. *Андрей Белый.* Путевые заметки. Т. 1. Сицилия и Тунис. Берлин, 1922.

2. Письмо от 12 февраля 1911 г. См.: *Н. В. Котрелев.* Путешествие на Восток. Письма Андрея Белого // Восток и Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М., 1988. С. 156.

3. Письмо от 16 января 1911 г., выборочно цитируется в: *Nivat.* Histoire d'une «tératogenèse». P. 114. Здесь он утверждает, что все «не-евреи» должны объединиться в целях самозащиты. Подоплека этого — реакция Николая на невежливое с ним обхождение на репетиции со стороны приглашенного голландского дирижера Виллема Менгельберга; Николай тотчас же прекратил с ним сотрудничество; его поддержали почти все в московском музыкальном сообществе. См.: *К. Постоутенко.* Н. К. и Э. К. Метнеры: парадокс национальной самоидентификации. (К публикации известного письма А. Белого) // Опыты. 1994. № 1.

4. Статья не печаталась до 1990 г. Впервые опубликована в № 3 «Советской музыки» за этот год.

5. *Андрей Белый.* Египет // Современник. 1912. № 6. С. 271.

6. Пасхальное письмо 1911 г., цитируется в: *Л. К. Долгополов.* Творческая история и историко-литературное значение романа А. Белого «Петербург» // Андрей Белый. Петербург. Л., 1981. С. 595.

7. *Андрей Белый.* Между двух революций. С. 411—412.

8. *Андрей Белый.* Между двух революций. С. 419.

9. *Андрей Белый.* Между двух революций. С. 419.

10. Письмо от 30 июня 1911 г. (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 2, ед. хр. 43).

11. Письмо от 21 июля 1911 г. (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 2, ед. хр. 45).

12. Две из этих статей могли казаться обращенными прямо к Метнеру: «Нечто о музыке», с ее критическим взглядом на свой предмет, и «О двойной истине», в которой беседа между «музыкантом»-антитеософом и художником, интересующимся оккультизмом, отражает собственную двойственность Белого. Статьи, последняя — за подписью «Cunctator», появились в «Трудах и днях», 1912, кн. 2.

13. Письмо к Блоку от 12 октября 1911 г. (Александр Блок и Андрей Белый. Переписка. М., 1940. С. 265).

14. Белый наиболее откровенен на этот счет в черновиках ко второй части «Между двух революций» (Воспоминания, т. III, ч. II — РНБ, ф. 60, ед. хр. 15, л. 176—178), где он говорит, что их общение было полностью нарушено.

15. *Вольфинг.* Дом песни // Модернизм и музыка М., 1912. С. 169.

16. *Вольфинг.* Иудаизм (Приложения) // Модернизм и музыка. С. 384, 388.

17. *Вольфинг.* Иудаизм. С. 391, сноска.

18. *Андрей Белый.* Начало века. С. 88.

19. *Вольфинг.* Иудаизм. С. 391.

20. *Вольфинг.* Иудаизм. С. 392.

21. *Вольфинг.* Иудаизм. С. 395, 401—402.

22. *Вольфинг.* Приложения. С. 321.

23. *Вольфинг.* Лист // Труды и дни. 1912. Кн. 1. С. 37.

24. *Вольфинг.* Лист. С. 38, сноска.

25. *Вольфинг.* Лист. С. 42.

26. *Эмилий Метнер.* «Мусагет». Вступительное слово редактора // Труды и дни. 1912. Кн. 1. С. 55—56.

27. Письмо от 25 ноября 1911 г. (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 5, ед. хр. 26).

28. Фатально неправильные ударения, которые ставит Лихутина в именах «Дункан» и «Никиш» вызывают игривость со стороны «музыкальных критиков» (*Андрей Белый.* Петербург. С. 62). Тургенева могла делать сходные ошибки. По-видимому, она страдала алексией, и согласно черновикам Белого ко второй части «Между двух революций» («Воспоминания», т. III, ч. II., л. 149) ее культурный уровень был на удивление поверхностным.

29. *Андрей Белый.* Петербург. С. 38.

30. Надо отметить, что и сам «незнакомец» — ницшеанец с определенными метнеровскими чертами. Например, он говорит о массах, как о фортепьяно, на котором можно играть. Похоже, что Белый-художник признавал духовное родство Метнера с его врагами.

31. Письмо от 2 ноября 1911 г. (*Александр Блок и Андрей Белый.* Переписка. С. 269).

32. *Алексей Шмаков.* Евреи и свобода. М., 1906.

33. Аблеухов во многом является карикатурой отца Белого. В своей парадоксальной роли неловкого, доброжелательного главы семейства он имеет и некоторые

черты сходства с Метнером-старшим. Как и того, его зовут в доме исключительно «папаша».

34. Более того, Белый вырос здесь, в нескольких кварталах от «Мусагета».

35. См.: *Андрей Белый.* Начало века. С. 100.

36. *Friedrich Nietzsche.* Ecce Homo // Nietzsche. Werke. Kritische Gesamtausgabe / Ed. H. Colli and M. Montinari. Sektion 6. Bd. 3. Berlin, 1969. S. 363.

37. То была вторая книга Белого, вышедшая под маркой «Мусагета» в этом году; первая — «Арабески», собрание литературных и полемических статей. Другие издания этого года — первый том трехтомного «Собрания стихотворений» Блока и его «четвертая книга стихов» «Ночные часы», книга стихотворений Эллиса «Stigmata», «Фрагменты» Гераклита в переводе Нилендера, «Стихотворения в прозе» Шарля Бодлера в переводе Эллиса и «Веданта и Платон в свете кантовской философии» Пауля Дейссена в переводе Михаила Сизова.

38. *Андрей Белый.* О символизме // Труды и дни. Кн. 2 (1912). С. 6.

39. *Вячеслав Иванов.* Мысли о символизме // Труды и дни. Кн. 1 (1912). С. 7, 10.

40. *Андрей Белый.* Начало века. Т. III. С. 100.

41. *Андрей Белый.* Почему я стал символистом и почему я не перестал им быть во всех фазах моего идейного и художественного развития // Андрей Белый. Символизм как миропонимание / Сост. Л. А. Сугай. М., 1994. С. 460.

42. См.: *Мариэтта Шагинян.* Человек и время. История человеческого становления // М. Шагиняи. Собр. соч.: В 9 томах. Т. 1. М.. 1986. С. 301—322.

43. *Шагинян.* Человек и время. С. 110—111.

44. Рахманинова лечил тот же Николай Даль, что лечил и Метнера — и примерно в то же самое время.

45. *Мариэтта Шагинян.* Воспоминания о Сергее Васильевиче Рахманинове // М. Шагинян. Собр. соч.: В 9 томах. Т. 7. М., 1988. С. 379.

ВСТРЕЧА БЕЛОГО СО ШТЕЙНЕРОМ

1. Петровский сообщил Белому, что Штейнер только что появился в Гельсингфорсе. По случаю русской Пасхи он выступил там со специальной речью к своим русским последователям, в которой подчеркивал, что будущее принадлежит русской душе, и настаивал на необходимости оккультного обучения.

2. См. отчет Белого в письме Блоку от 14 мая 1912 г. (Переписка. С. 293—301).

3. *Андрей Белый.* Из воспоминаний // Беседа. 1923. № 2. С. 122.

4. Кроме уже упоминавшихся выше статей, помещенных в «Золотом руне», «Модернизм и музыка» содержал также написанное осенью 1909 г. эссе о неокантианской эстетике Христиансена («Эстетические воззрения Бродера Христиансена»). Среди изданий «Мусагета» этого года — два тома «Собрания стихотворений» Блока, «Наполеон Бонапарт» Ипполита Тэна из его «Les Origines de la France contemporaine». «Lucinde» Фридриха Шлегеля и «Parzifal» Вагнера в переводах, соответственно, Степуна и Эллиса были анонсированы, но так и не появились.

5. *Вольфинг.* Маленький юбилей одной странной книги. 1902—1912 // Труды и дни. 1912. Кн. 2. С. 29.

6. Письмо от 10 мая 1912 г. (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 2, ед. хр. 60). Он открыто заявлял, что его приход к Штейнеру «бессознательно» был следствием обвинений Метнера.

7. *Rudolf Steiner.* Grundlinien einer Erkenntnistheorie der Goetheschen Weltanschauung mit besonderer Rücksicht auf Schiller, zugleich eine Zugabe zu Goethes naturwissenschaftlichen Schriften in Kürschners Deutscher Nationalliteratur. Berlin; Stuttgart, 1886.

8. См.: Goethes naturwissenschaftliche Schriften von Rudolf Steiner mit Einleitungen, Fussnoten und Erläuterungen im Text herausgegeben. Berlin: Stuttgart, 1884—1897.

9. *Андрей Белый.* Между двух революций. С. 334—335.

10. Напряженное состояние Белого еще более обострялось благодаря тому, что он чувствовал на себе давление со стороны Морозовой и ее «путейского» круга. У него имелись определенные основания думать, что он изменник, коль скоро до сих пор он заявлял Метнеру, что его ничто не связывает с теософией.

11. *Андрей Белый.* Петербург. С. 236.

12. Здесь Метнер впервые назвал Белого неврастеником. См. ответ Белого от 5 июня 1912 г. (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 2, ед. хр. 63).

13. См. его письмо от 30 июня, цитируемое в: *Фрумкина и Флейшман.* А. А. Блок. С. 386—387.

14. См. адресованное Петровскому письмо от 7 октября 1912 г. (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 2, ед. хр. 71).

15. *Шагинян.* Человек и время. С. 525.

16. См. в особенности ранний мемуарный очерк Шагинян «Мировоззрение и мастерство», в котором, с очевидной отсылкой к «Вильгельму Мейстеру», она описывает этот период как свои «Lehrjahre» и утверждает, что стала приверженцем Гете на всю жизнь (Собр. соч.: В 9 томах. Т. 1. М., 1971. С. 44). См. также «Воспоминания о Рахманинове». С. 380—381. Свой взгляд на Гете она суммирует в кн. «Гете» (М., 1950).

17. Метнер сам комментирует это в своем эпистолярном дневнике, обращенном к Шагинян, за май-сентябрь 1913 г., 1 июня (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 25, ед. хр. 26).

18. *Шагинян.* Человек и время. С. 539.

19. *Шагинян.* Воспоминания о Рахманинове. С. 370.

20. Письмо от 21 мая 1912 г. (*Сергей Рахманинов.* Литературное наследие в трех томах / Сост. З. А. Апетян. М., 1980. Т. 2. С. 48).

21. *Маризетта Шагинян.* С. В. Рахманинов. (Музыкально-психологический этюд) // Труды и дни. 1912. Кн. 4—5. С. 102, 104.

22. *Шагинян.* С. В. Рахманинов. С. 104.

23. *Шагинян.* С. В. Рахманинов. С. 114.

24. *Эмилий Метнер.* Наброски к комментарию (Wagneriana) // Труды и дни. 1912. Кн. 6. С. 37.

25. Процитированный отрывок из путеводителя по Вагнеру был напечатан под собственным именем Метнера в «Трудах и днях». 1912. Кн. 4—5, 6.

26. *Андрей Белый.* Круговое движение. (Сорок две арабески) // Труды и дни. 1912. Кн. 4—5. С. 51.

27. *Андрей Белый.* Круговое движение. С. 64—66.

28. *Андрей Белый.* Круговое движение. С. 59.

29. *Вольфинг.* Инвективы на музыкальную современность // Труды и дни. 1912. Кн. 3. С. 39.

30. *Андрей Белый.* Петербург. С. 259—260.

31. *Эллис.* Мюнхенские письма. I. Умер ли символизм? // Труды и дни. 1912. Кн. 4—5. С. 47.

32. См. письмо Рахманинова к Шагинян от 25 ноября 1912 г. (*Рахманинов.* Литературное наследие. Т. 2. С. 57). В нем он пишет, что Метнер пытается интеллектуально самоутвердиться за счет музыки.

33. *Шагинян.* Человек и время. С. 526; Воспоминания о Рахманинове. С. 406.

34. Свояченица Рахманинова Софья Сатина сказала Анне в 1916 году, что Рахманинов всегда принимал Метнера чрезвычайно серьезно как критика и, по сути, был «влюблен» в него (письмо Анны Метнеру от 22 января 1916 г.; БК, МБ 31.43).

35. Попытка Шагинян не принесла результатов. Рахманинов «боязливо» отступил от «того», как он иногда называл Метнера. См. его письмо к Шагинян от 29 июля 1913 г. (*Рахманинов.* Литературное наследие. Т. 2. С. 61).

36. *Шагинян.* Воспоминания о Рахманинове. С. 384. Через год Шагинян решительно выступила против антисемитского процесса над Бейлисом. Ее вклад в дискуссию носил красноречивое название «Арийское изуверство» и был напечатан в «Приазовском крае», 3/16 ноября 1913 г. Статья была, конечно же, обращена к Метнеру — и направлена против него. Шагинян продолжала обсуждать расовые и национальные проблемы в ряде статей, публиковавшихся во время войны, и в своем сборнике рассказов «Семь разговоров» (М., 1916).

37. Письмо от 25 декабря 1912 г. (*В. И. Иванов и Э. К. Метнер.* Переписка из двух миров / Публ. В. Сапова // Вопросы литературы. 1994. № 3. С. 294).

38. *Андрей Белый.* Начало века. Т. III. С. 181.

39. Письмо от 26 декабря 1912 г. (Из писем А. Белого // *Андрей Белый.* Петербург. С. 512—515.)

40. Розенкрейцерская тема часто всплывала в лекциях Штейнера в этот период.

41. Письмо от 18 января 1913 г. (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 3, ед. хр. 1).

42. Соловьева лечил доктор Юрий Каннабих под наблюдением возглавлявшего клинику доктора Николая Вырубова. Оба они сыграли видную роль в деле ознакомления русской публики с психоанализом.

43. Письмо от 12 февраля 1913 г. (РГБ, ф. 167, оп. 2, карт. 13, ед. хр. 7).

44. Метнер говорил об этом в вышеупомянутом письме Сабашниковой. После встречи он послал Блоку письмо, в котором вновь подчеркивал духовное родство Блока с Гете в некоторых его стихотворениях (цитируется в: *Фрумкина и Флейшман.* А. А. Блок. С. 386).

45. Здесь Метнер также упоминал об эволюции Скрябина и его синкретических экспериментах в «поэме огня» «Прометей» и сообщал Блоку о «цветовом органе», сконструированном Скрябиным.

46. *Александр Блок.* Дневник 1913 г. // А. Блок. Собр. соч.: В 8 томах. Т. 7. М.; Л., 1963. С. 209. Уже после своей первой встречи с Метнером Блок писал Белому, признаваясь в «тайной нежности», которую чувствовал к Метнеру (письмо от 19 июня 1911 г., Переписка. С. 261).

47. За день до подписания контракта Белый отправил Блоку 28-страничное письмо, в котором пытался доказать одностороннюю ответственность Метнера за их конфликт (Переписка. С. 322).

48. *Александр Блок и Андрей Белый.* Переписка. С. 324.

49. *Эмилий Метнер.* Размышления о Гете. Разбор взглядов Р. Штейнера в связи с вопросами критицизма, символизма и оккультизма. М., 1914. С. 11.

50. *Метнер.* Размышления о Гете. С. 17.

ВСТРЕЧА МЕТНЕРА С ПСИХОАНАЛИЗОМ

1. Ильина притягивали еврейские авторитеты. Возможно, здесь сказывалось то, что у него был своего рода «второй дом» в Петербурге у известного педагога-еврея Якова Гуревича, женатого на его тетке. Очевидно, однако, что его не оскорблял расизм Метнера.

2. Дневниковая запись от 24 апреля 1913 г. (РГБ, ф. 167, оп. 4, карт. 22, ед. хр. 19).

3. Эпистолярный дневник, обращенный к Шагинян, за май-сентябрь 1913 г., 9 мая.

4. *Эмилий Метнер.* «Внбелунги» Вагнера // Рихард Вагнер. Внбелунги. Всемирная история на основании сказаний М., 1913.

5. Эпистолярный дневник, 27 мая 1913 г.

6. Эпистолярный дневник за май-сентябрь 1913 г.

7. Надо отметить, что Николай, возможно, соревнуясь с Рахманиновым, посвятил ей *свою* музыку к пушкинской «Музе».

8. См. в особенности эпистолярный дневник, 1 июня 1913 г. Иногда он прямо и называл ее «Миньоной».

9. Эпистолярный дневник, 16 июня 1913 г.

10. Эпистолярный дневник, 7 июня 1913 г.

11. *Эмилий Метнер.* Введение (Goetheana) // Труды и дни. 1913. Кн. 1/2. С. 3.

12. *Метнер.* Введение. С. 4.

13. *Метнер.* Введение. С. 6.

14. *Метнер.* Введение. С. 6.

15. *Метнер.* Введение. С. 4. Между прочим, именно Гете вдохновил Фрейда на избрание естественнонаучного поприща.

16. Таким образом, здесь он отсылал к речи, с которой выступал на ту же тему в том же месте немногим более года тому назад.

17. *Андрей Белый.* Петербург. С. 381—383.

18. С идеями Далькроза познакомил русскую публику Сергей Волконский.

19. Письмо от 6 июля 1913 г. (РГБ, ф. 167, оп. 2, карт. 13, ед. хр. 6).

20. Письмо от 15 июля 1913 г. (РГБ, ф. 167, оп. 3, карт. 16, ед. хр. 14).

21. «Сестры» (СП).

22. *Алексей Топорков.* «Лесной царь» (Goetheana) // Труды и дни. 1913. Кн. 1/2. С. 15.

23. *Эллис.* «Парсифаль» Вагнера (Wagneriana) // Труды и дни. 1913. Кн. 1/2.

24. Письмо от 25 августа 1913 (СП).

25. В отрывках «Материала к биографии», опубликованных в: *Джон Мальмстад.* Андрей Белый и антропософия // Минувшее. Исторический альманах. Т. 6. Paris, 1988. С. 354, Белый говорит о «смягчающем» воздействии ее присутствия на их отношения.

26. Письмо от 7 сентября 1913 г. (СП).

27. *Sigmund Freud.* On Narcissism: An Introduction // The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud, edited and translated by J. Strachey. Vol. 14. London, 1986. (Первоначально опубликовано в: Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen. Bd. 6. Leipzig—Wien, 1914.)

28. Письмо Метнера к Анне от 23 июля 1915 г. (СП).

29. Метнер, вероятно, рассказал Фрейду свой сон о двух сестрах.

30. *Medtner.* Bildnis. S. 558.

31. Он отмечал, что посредством своих атональных экспериментов (этих вопиющих проявлений еврейской бесформенности в его глазах) Арнольд Шенберг добился победы в венской музыкальной жизни. В декабре 1912 года Шенберг дирижировал своими пьесами в Петербурге и был очень тепло принят Каратыгиным.

32. Андрей Белый, мемуарный фрагмент без заглавия (*А. В. Лавров.* Рукописный архив Андрея Белого в Пушкинском Доме // Ежегоднк Рукописного Отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980. С. 59).

33. *Андрей Белый.* Воспоминания о Штейнере / Публ. Ф. Козлика. Paris, 1982. С. 310—337. См. также мою интерпретацию этих опытов в «The Dream of Rebirth», p. 116—117.

34. Ср. письмо Белого на следующий день, 22 октября 1913 г. (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 3, ед. хр. 18).

35. Эпистолярный дневник за октябрь 1913—январь 1914 г., 27 октября (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 25, ед. хр. 27).

36. *Маркитта Шагинян.* Воля к власти (Goetheana) // Труды и дни. 1914. Кн. 7. С. 22.

37. *Шагинян.* Воля к власти. С. 23—24.

38. *Шагинян.* Воля к властн. С. 29—30.

39. *Шагинян.* Воля к властн. С. 30—32.

40. Ср.: Эпистолярный дневник, 4 ноября 1913 г.

41. Эпистолярный дневник, 14—22 ноября 1913 г.

42. *Андрей Белый.* Материал к биографии. В: *Джон Мальмстад.* Андрей Белый и антропософия // Минувшее. Т. 6. С. 360.

43. Начиная с 1914 г. «Логос» печатался издательством М. О. Вольфа в Петербурге. Редакторы чувствовали, что потеряли поддержку Метнера после лобовой атаки Белого.

44. Эпистолярный дневник, 28—30 октября 1913 г.

45. Эпистолярный дневник, 30 ноября 1913 г.

46. *Houston Stewart Chamberlain.* Goethe. München, 1912. В своем предисловии Метнер сожалел, что познакомился с этим трудом слишком поздно, чтобы воспользоваться им в своей собственной книге.

47. «Арийское мировоззрение» («Arische Weltanschauung») было переведено старым другом Метнера Ольгой Синцовой. Издания «Мусагета» в том же году — сборник стихов Сергея Соловьева «Цветник Царевны», русскую версию биографии «Henri Cornélis Agrippa, sa vie et son oeuvre d'après sa correspondance» («Агриппа Неттесгеймский») Жозефа Орсье, опубликованная Валерием Брюсовым, и стихи св. Франциска «Fioretti» («Цветочки»), переведенные Александром Печковским, с предисловием Сергея Дурылина (Раевского). Дурылин напечатал также книжку «Рихард Вагнер в России. О Вагнере и будущих путях искусства», в которой — под явным влиянием Метнера — доказывал, что мифическое мышление Вагнера вскоре переживет ренессанс именно в России.

48. Метнер явно планировал три тома.

49. Это «контр-досье» находится в РГБ (ф. 167, оп. 1, карт. 9, ед. хр. 11).

50. *Шагинян.* Воспоминания о Рахманинове. С. 396.

51. Метнер в начале века был затронут за живое театром Ибсена— в особенности его «драмой житейской лжи» «Дикая утка».

52. *Мальмстад.* Андрей Белый и антропософия. Минувшее. Т. 6. С. 363—367.

53. См.: *Мальмстад.* Андрей Белый и антропософия. Минувшее. Т. 6. С. 368; и автобиографический роман Белого «Записки чудака» (Берлин—Москва, 1922), т. 1, с. 61.

54. *Шагинян.* Воспоминания о Рахманинове. С. 397.

55. Эпистолярный дневник, 23 февраля 1914 г., выборочно цитируется в: *Шагинян.* Воспоминания о Рахманинове. С. 398.

56. Эпистолярный дневник, 24 февраля 1914 г., выборочно цитируется в: *Шагинян.* Воспоминания о Рахманинове. С. 399.

57. Недатированный фрагмент письма к Анне (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 25, ед. хр. 16).

58. Эпистолярный дневник за январь-июнь 1914 г., 14 марта (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 25, ед. хр. 28). *Vornehmheit* было одним из ключевых слов Ницше.

59. Недатированный фрагмент письма (см. прим. 57 выше).

КНИГА О ГЕТЕ

1. *Метнер.* Размышления. С. 40.

2. *Метнер.* Размышления. С. 48—49.

3. *Метнер.* Размышления. С. 207. См. рецензию Гете на первую часть «Psychologie zur Erklärung der Seelenerscheinungen» (1824) Эрнста Штиденрота в: Goethes Werke. Sektion 2, Bd. 11 (Weimar, 1893), S. 75.

4. *Метнер.* Размышления. С. 285. См. разговор Гете с Ф. В. Риммером 5 августа 1810 г. в: *Johann Wolfgang Goethe.* Gespräche in vier Bänden / Ed. W. Herwig. Bd. 2. Zürich—Stuttgart, 1969. S. 551.

5. *Метнер.* Размышления. С. 318.

6. *Метнер.* Размышления. С. 319.

7. *Friedrich Nietzsche.* Die Geburt der Tragödie // F. Nietzsche. Werke. Sektion 3. Bd. 1. Berlin—New York, 1972. S. 36.

8. *Метнер.* Размышления. С. 321.

9. *Метнер.* Размышления. С. 48—49.

10. *Метнер.* Размышления. С. 405, 410.

11. Кстати, понятие «сверхчеловек» было измышлено Гете в «Ur-Faust'e».

12. *Метнер.* Размышления. С. 387.

13. *Метнер.* Размышления. С. 390.

14. Эпистолярный дневник, 21—23 марта 1914 г.

15. Эпистолярный дневник, 26—31 марта 1914 г.

16. Эпистолярный дневник, 6 апреля 1914 г.

17. Это письмо от апреля 1914 г. цитируется в: *А. С. Мясников.* У истоков формальной школы // Литературно-эстетические концепции в России конца XIX—начала XX в. М., 1975. С. 309.

18. Эпистолярный дневник, 17—23 апреля 1914 г.

19. Лихутин был настолько похожей карикатурой на Метнера, что даже страдал, кажется, как и последний, геморроем.

20. Эпистолярный дневник, 25—29 апреля 1914 г.

21. *Мариэтта Шагинян.* О «конце» и «окончании». Несколько мыслей по поводу трилогии Вагнера (Wagneriana) // Труды и дни. 1914. Кн. 7. С. 54.

22. *Шагинян.* О «конце». С. 55.

23. *Шагинян.* О «конце». С. 55.

24. *Шагинян.* О «конце». С. 56.

25. *Шагинян.* О «конце». С. 56.

26. Издательство «Лирика» было основано в начале 1913 г. Сергеем Бобровым и его друзьями из «Молодого Мусагета». На первых порах у него был строго германский профиль; он издавал такие вещи как « Часослов» («Das Stundenbuch») Рильке в переводе Юлиана Анисимова, переводы еще одного тома Рильке и романа Новалиса «Генрих фон Офтердинген» («Heinrich von Ofterdingen») планировались, но так и не появились. В альманахе «Лирика» напечатал свои первые стихи Борис Пастернак, вернувшийся недавно из Марбурга. Издательство раскололось, как и «Мусагет», из-за конфликтов, связанных с антропософией. «Футуристы» Бобров и Пастернак — с которыми Метнер состоял в добрых отношениях, поскольку они отвергали антропософию, — основали свое собственное издательство в начале 1914 г. Бобров также часто печатался в «Трудах и днях».

27. Под рубрикой «Goetheana» была помещена также статья Алексея Топоркова о Гете и Фихте; «Wagneriana» содержала статью Артура Лютера о «Парсифале» в средневековье, а новый раздел «Danteana» — эссе Эллиса «Учитель веры».

28. Эпистолярный дневник, 5 июня 1914 г.

29. Открытка, датированная 28 мая 1914 г. (РГБ, ф. 167, оп. 3, карт. 16, ед. хр. 14).

30. Письмо от 2 июня 1914 г. (СП).

31. Эпистолярный дневник, 1—3 июня 1914 г.

32. Телеграмма от 22 июня 1914 г. (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 5, ед. хр. 34).

33. Цитируется в: *Мальмстад.* Белый и антропософия // Минувшее. Т 6. С. 351, 380.

34. *Мальмстад.* Белый и антропософия // Минувшее. Т. 6. С. 381, 383.

35. Письмо от 12 июня 1914 (РГБ, ф. 167, оп. 4, карт. 24, ед. хр. 12).

36. Эпистолярный дневник, 13—23 июня 1914 г.

37. Задерживалась также публикация «Проблемы формы в изобразительном искусстве» («Das Problem der Form in der bildenden Kunst») Адольфа Гильдебранда в переводе Н. Розенфельда и Владимира Фаворского. Среди не осуществленных планов — сборник статей Эллиса «Религия и Россия. Фрагменты ненаписанной книги» и «De l'amour» Стендаля и «Wilhelm Meisters theatralische Sendung» Гете (рукопись «Ur-Wilhelm Meister», обнаруженная в Цюрихе за четыре года до этого) в переводах Николая Киселева.

38. См. мою статью «The Psychoanalytic Breakthrough in Russia on the Eve of the First World War» (Russian Literature and Psychoanalysis / Ed. D. Rancour-Laferriere. Amsterdam—Philadelphia, 1989) и, в более широком контексте: *А. М. Эткинд.* Эрос невозможного. История психоанализа в России. СПб.. 1993.

39. Маргерета Штегман была первой женой Арнольда Георга Штегмана, одного из первых немецких врачей, практиковавших психоанализ. Она и сама незадолго до того стала аналитиком.

40. *Мариэтта Шагинян.* Путешествие в Веймар. (Отрывки из книги) // М. Шагинян. Собр. соч.: В 9 томах. Т. 1. М., 1971. С. 643.

41. *Шагинян.* Путешествие. С. 642.

42. *Шагинян.* Путешествие. С. 669.

43. *Шагинян.* Путешествие. С. 681.

44. *Шагинян.* Путешествие. С. 683.

НАЧАЛО ВОЙНЫ И ВСТРЕЧА С ЮНГОМ

1. *Medtner.* Bildnis. S. 558. Согласно его письму к Анне от 8 августа 1914 г., он был захвачен предчувствием катастрофы с самого начала (СП).

2. Письмо к Анне от 2 августа 1914 г., цит. по: *Н. К. Метнер.* Письма. С. 159. В цитируемом выше письме от 8 августа Метнер говорит о своей уверенности, что это будет «величайшая из всех войн».

3. Письмо к Анне от 27 сентября 1914 г. (СП).

4. См. письмо Метнера Ильину от 4 сентября 1915 г. (СП).

5. Нейтральная Швейцария была единственным возможным для него пристанищем, отделенным как от Германии, так и от России. Здесь он звал себя Эмилем Метнером.

6. *C. G. Jung.* Wandlungen und Symbole der Libido. Beiträge zur Entwicklungsgeschichte des Denkens. Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen. Bd. 4. Leipzig—Wien, 1912; в особенности, S. 386.

7. *Jung.* Memories. P. 176—77.

8. *Medtner.* Bildnis. S. 575.

9. *Medtner.* Bildnis. S. 569—70.

10. *Medtner.* Bildnis. S. 574.

11. *Иванов.* Мысли о символизме. С. 6.

12. См.. например: *Sigmund Freud.* The History of the Psycho-Analytic Movement // S. Freud. Complete Psychological Works. Vol. 14. London, 1986. P. 43.

13. Ср. признание Юнга своему шведскому коллеге Полю Бьерре после окончательного разрыва: «До сих пор я не был антисемитом, но теперь, думаю, им становлюсь» (письмо от 10 ноября 1913 г., цит. по: *Jan Bärmark, Ingemar Nilsson.* Poul Bjerre. «Människosonen». Stockholm, 1983. P. 633).

14. См.: Tagebuch einer heimlichen Symmetrie. Sabina Spielrein zwischen Jung und Freud / Ed. A. Carotenuto. Freiburg i. Br., 1986.

15. *Medtner.* Bildnis. S. 565.

16. У обоих были слабовольные отцы, которые не могли отвечать их ожиданиям.

17. *Medtner.* Bildnis. S. 570.

18. *Medtner.* Bildnis. S. 571.

19. См., например: *C. G. Jung.* The Relations between the Ego and the Unconscious // C. G. Jung. Collected Works. Vol. 7. Princeton, 1977. P. 189, 191, 227.

20. *Medtner.* Bildnis. S. 573.

21. *Medtner.* Bildnis. S. 566.

22. *Medtner.* Bildnis. S. 575.

23. См., например, письмо Юнга от 18 ноября 1911 г., (*S. Freud und C. G. Jung.* Briefwechsel / Ed. W. McGuire. Frankfurt a. M., 1974. S. 425). См.: также *Jung.* Memories. P. 87, 234.

24. *Jung.* Memories. P. 235.

25. *Jung.* Memories. P. 60.

26. *Jung.* Memories. P. 87.

27. *Jung.* Memories. P. 103

28. Письмо от 6 ноября 1914 г. (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 24, ед. хр. 41).

29. Письмо от 17 ноября 1914 г. (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 24, ед. хр. 39). См.: *Ф. Ницше.* Ecce Homo // Ф. Ницше. Соб. соч. Т. 2. М., 1990. С. 763.

30. Письмо от 1 декабря 1914 г. (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 24, ед. хр. 43).

31. Фрагмент письма от 19 января 1915 г. (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 24, ед. хр. 49).

32. Письмо к Анне от 23 декабря 1914 г. (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 24, ед. хр. 44).

33. Вышеприведенное письмо к Анне от 6 ноября 1914 г. Метнер возвратился к этому описанию гораздо позднее в своем письме Анне от 6 декабря 1930 г. (БК, МБ 34.43).

34. *Medtner.* Bildnis. S. 572.

35. *Medtner.* Bildnis. S. 566.

36. Смотри, например, его письмо Аине от 23 июля 1915 г. (СП).

37. *Jung.* Memories. P. 86—91.

38. *Jung.* Memories. P. 183.

39. *Medtner.* Bildnis. S. 569.

40. Письмо от 5 ноября 1914 г. (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 24, ед. хр. 41).

41. Письмо от 20 декабря 1914 г. Анне (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 24, ед. хр. 45).

42. Письмо от 15 ноября 1914 г. (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 24, ед. хр. 41).

43. Датируется 7 октября в письме от 5 октября 1914 г. (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 24, ед. хр. 39).

44. *Эллис.* Vigilemus! Трактат. М., 1914.

45. Зерно этого подозрения явно заронила Минцлова.

46. Рукопись этой русской версии — «Христианская теология и космософия под знаком святого Грааля»: РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 11, ед. хр. 1—2.

47. Письмо Анны Метнеру от 8 января 1915 г. (БК, МБ 31.43).

48. Письмо от 7 октября 1914 г. (БК, МБ 31.43).

49. *Вячеслав Иванов.* Вселенское дело // Русская мысль. 1914. № 12 . С. 100—101.

50. *Григорий Рачинский.* Братство и свобода // Русская мысль. 1914. № 12 . С. 85.

51. *Владимир Эрн.* От Канта к Круппу // Русская мысль. 1914. № 12 . С. 120—122.

52. *Сергей Булгаков.* Русские думы // Русская мысль. 1914. № 12 . С. 109, 115.

53. *Кн. Евгений Трубецкой.* Война и мировая задача России // Русская мысль. 1914. № 12 . С. 92—93.

54. *Сергей Соловьев.* К войне с Германией. М., 1914. В письме от 19 августа 1911 г. к Блоку Соловьев объявлял, что он «влюблен» в Гете (*Н. В. Котрелев, А. В. Лавров.* Переписка Блока с С. Соловьевым // Литературное наследство. Т. 92. Кн. 1. М., 1980. С. 403). Однако два года спустя, пройдя терапию и утвердившись в православии, он отвергал писателя как безбожного эпикурейца, который своим высокомерием привел Ницше к безумию (лекция «Эллинизм и церковь», опубликованная в: *Сергей Соловьев.* Богословские и критические очерки. Собрание статей и публичных лекций. М., 1916). В 1913 году он все же издал свой новый поэтический сборник в «Мусагете». Его отношения с тем, что еще осталось от издательства в этот момент обострились.

55. «Духовный смысл войны» появился в 1915 году с посвящением Николаю Метнеру.

56. См.: *Андрей Белый.* Записки чудака. Т. 1. С. 177—183.

57. Письмо к Анне от 20 октября 1914 г. (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 24, ед. хр. 52).

58. Письмо к Анне от 4 апреля 1915 г. (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 24, ед. хр. 52).

59. Письмо к Анне от 11 января 1915 г. (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 24, ед. хр. 48).

РАЗРЫВ С БЕЛЫМ

1. Письмо к Анне от 4 декабря 1914 г. (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 24, ед. хр. 44).

2. Белый обнял его со слезами на глазах. См. письмо Метнера к матери от 20 декабря 1914 г. (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 16, ед. хр. 2).

3. *Андрей Белый.* Материал к биографии; в: *Джон Мальмстад.* Андрей Белый и антропософия // Минувшее. Т. 8. Paris, 1989. С. 412.

4. Вышеприведенное письмо от 11 января 1915 г. к Анне. Юнг анализировал письма Поццо и детские сны, которые она пересказывала Метнеру в письмах. Она показалась ему более глубокой, чем ее сестра, которая всего-навсего старалась «подражать» ей. Он чувствовал, что Поццо может бросить антропософию (в любом случае бывшую компромиссом в ее жизни) и освободить Метнера от его «ослиной» роли в отношениях с женщинами.

5. Вышеприведенное письмо от 4 декабря 1914 г.

6. Письмо от 4 декабря 1914 г.

7. Датировано 20 ноября в письме Анне от 15 ноября 1914 г. (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 24, ед. хр. 41).

8. *Мальмстад.* Андрей Белый и антропософия // Минувшее. Т. 8. С. 413—414.

9. *Мальмстад.* Андрей Белый и антропософия // Минувшее. Т. 8. С. 416.

10. Конфликт был вызван книгой Эрнста Болдта «Sexualprobleme im Lichte der Natur- und Geisteswissenschaft» (München, 1912), ставшей объектом жарких дебатов в январе 1914 г. на втором пленарном заседании Антропософского общества в Берлине.

11. *Мальмстад.* Андрей Белый и антропософия // Минувшее. Т. 8. С. 416—417. Здесь Белый неверно ассоциировал «прозрения» Метнера с тем, что позднее слышал о близости своего друга к «персидским оккультистам» в Цюрихе (то есть, к маздазнанской секте). (Курсив Белого в рукописи — РГБ, ф. 53, оп. 2, ед. хр. 3, л. 103 — не вполне верно передан в печатной версии).

12. *Мальмстад.* Андрей Белый и антропософия // Минувшее. Т. 8. С. 417. В «Воспоминаниях о Блоке» (с. 564) Белый более открыто заявляет, что интерес Метнера к психоанализу превратил его в *«подглядывателя»*.

13. *Мальмстад.* Андрей Белый и антропософия // Минувшее. Т. 8. С. 420.

14. Вышеприведенное письмо от 11 января 1915 г. к Анне.

15. *Medtner.* Bildnis. S. 569. «Змеиный сон» Метнера мог восходить к ницшевскому образу пастыря, который по приказу Заратустры откусывает голову тонкой черной змеи (см.: *Friedrich Nietzsche.* Also sprach Zarathustra // F. Nietzsche. Werke. Sektion 6. Vol. 1. Berlin, 1966. S. 197—198).

16. Датируется 22 января в указанном выше письме к Анне от 11 января 1915 г.

17. *Андрей Белый.* Воспоминания о Штейнере. С. 96. (См. также: *Мальмстад.* Андрей Белый и антропософия // Минувшее. Т. 8. С. 423, — где Метнер на встрече описывается как «побежденный доктором».

18. Датируется 22 января в указанном выше письме Анне от 11 января 1915 г.

19. Формальный муж Сабашниковой Максимилиан Волошин, еще один соперник Метнера и ранний последователь Штейнера (через Минцлову), временно обосновался в Дорнахе после начала войны. Метнер, видимо, решил держаться от него на некотором расстоянии, и тем не менее он смог сообщить Анне о не вполне удачных попытках Волошина прижиться в оккультной колонии и стать вегетарианцем.

20. Датируется 22 января в указанном выше письме к Анне от 11 января 1915 г.

21. Вышеприведенное письмо к Анне от 20 декабря 1914 г.

22. Датируется 21 января в письме Анне от 15 января 1915 г. (СП).

23. *Medtner.* Bildnis. S. 570—571.

24. Явно именно в этой связи Юнг и говорил о его добровольно принятой на себя «ослиной» роли.

25. Письмо к Анне от 31 декабря 1914 г. (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 24, ед. хр. 46). Смотри мою статью «Emilij Medtner och Pasternak» (Boris Pasternak och hans tid / Ed. P. Alberg Jensen. P. A. Bodin and N. E. Nilsson. Stockholm, 1992).

26. Письмо от 2 января 1915 г. (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 24, ед. хр. 45).

27. Датируется 6-м января в письме от 8 января 1915 г. (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 24, ед. хр. 47).

28. Датируется 22 января в указанном выше письме от 11 января 1915 г.

29. Датируется 23 января в письме к Анне от 21 января 1915 г. (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 24, ед. хр. 49).

30. Датируется 5 апреля в указанном выше письме от 4 апреля 1915 г. и в письме к Анне от 18 июля 1915 г. (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 25, ед. хр. 6). Надо отметить, что в то же самое время он считал Дорнах приютом оппортунисток и «жидков».

31. Смотри мою работу «Dream of Rebirth», особенно p. 64, 95.

32. Датируется 21 января в указанном выше письме от 11 января 1915 г.

33. Датируется 22 января в указанном выше письме от 11 января 1915 г.

34. *Мальмстад.* Андрей Белый и антропософия // Минувшее. Т. 8. С. 415—416.

35. Internationale Monatsschrift für Wissenschaft, Kunst, und Technik, 1 October 1914.

36. См: *Houston Stewart Chamberlain.* Kriegsaufsätze. München, 1914. S. 11.

37. Датируется 16 ноября в письме от 15 ноября 1914 г.

38. Датируется 24 января в указанном выше письме от 21 января 1915 г.

39. Одна из недавно написанных Николаем сонат была конфискована. За период с 10 по 13 июня фабрики, магазины и дома, принадлежавшие людям с немецкими фамилиями, были сожжены.

40. Письма Анны Метнеру от 11 и 16 февраля 1915 г. (БК, МБ 31.43). (Лекция Эрна «Сущность немецкого феноменализма» была прочитана 5 февраля.)

41. См.: *Linda Donn.* Freud and Jung. Years of Friendship, Years of Loss. New York, 1988. P. 157—158.

42. Кстати, в их биографиях есть поразительные совпадения. Обе они родились в один и тот же год (1874) одна в Амстердаме, а другая неподалеку от него. Обе знали множество языков и происходили из богатых семей. Обе были склонны к аскетизму. Мольтцер, дочь главы ликерной компании «Bols», противодействовала злоупотреблению алкоголем и сначала обучилась на медицинскую сестру. Польман-Мой была спиритkой, астрологом, а затем теософкой и последовательницей Анни Безант. Примерно одновременно обе они стали любимыми ученицами соответственно Юнга и Штейнера. Штейнер поручил Польман-Мой «позаботиться» об Эллисе, тогда как Юиг доверил Метнера Мольтцер.

43. Письмо от 25 февраля 1915 г. (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 24, ед. хр. 49).

44. Письмо от 18 марта 1915 г. (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 24, ед. хр. 51).

45. Вышеуказанное письмо от 4 апреля 1915 г.

46. *Мальмстад.* Андрей Белый и антропософия // Минувшее. Т. 8. С. 427.

47. Письмо от 16 мая 1915 Анне (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 25, ед. хр. 1).

48. Письмо от 22 апреля 1917 г. Петровскому (РГБ, ф. 167, оп. 2, карт. 13, ед. хр. 14).

49. *Мальмстад.* Андрей Белый и антропософия // Минувшее. Т. 8. С. 429.

50. Письмо от 11 апреля 1915 г. Анне (СП).

51. *Мальмстад.* Андрей Белый и антропософия // Минувшее. Т. 8. С. 434.

52. Смотри его письмо Анне от 16 мая 1915 г. (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 25, ед. хр. 1).

53. *Иван Ильин.* Философия как духовное делание // Русская мысль. 1915. № 3. С. 126.

54. *Ильин.* Философия как духовное делание. С. 125—126.

55. Позднее той же весной Сергей Булгаков послал Метнеру свои статьи о войне, включая и доклад «Русские думы» из «Русской мысли». Ранее Булгаков уже посылал ему свои дружеские замечания по поводу «Размышлений о Гете». Метнер реагировал на упнвление спокойно на вагнерианское истолкование Булгаковым «пангерманизма» (пнсьмо к Анне от 5 мая 1915 г.; РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 24, ед. хр. 55).

56. *Мальмстад.* Андрей Белый и антропософия // Минувшее. Т. 8. С. 453.

57. *Мальмстад.* Андрей Белый и антропософия // Минувшее. Т. 8. С. 432; Минувшее. Т. 9. Paris, 1990. С. 426—427.

58. Указанное выше письмо к Анне от 11 апреля 1915 г..

59. Разумеется, Метнер осознавал наличие глубинного гомосексуального элемента в его фиксации на Николае. По-виднмому, на самом деле еврейки и армянки привлекали его не в последнюю очередь потому, что они были более эмансипированнымн н «мужественными» в своих манерах, нежели другие женщины.

60. Согласно Метнеру, даже Фрейд говорил, что Шагинян можно вылечить (письмо Метнера к Анне от 9 июля 1915 года; РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 25, ед. хр. 6); Метнер считал: она «заразила меня болезнью меньеровой, а не я ее» (письмо к Вере Тарасовой от 17 января 1924 г.; СП).

61. См. письмо Гете графу К. Ф. М. Брюлю от 1 октября 1818 г.(*Johann Wolfgang Goethe*. Werke. Sektion 4. Bd. 29. Weimar, 1904. S. 299).

62. Указанное выше письмо от 16 мая 1915 г.

63. Письмо к Анне от 8 февраля 1915 г. (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 24, ед. хр. 49). Строки эти в частности были «Будь к земному без участья / И беспечна, как они!» (звезды и облака) из пятнадцатой песни первой части поэмы. В своем письме к Анне от 2 декабря 1915 г. Метнер говорил на юнгианском языке о «тайне» Лермонтова, которая заключалась в том, что в его индивидуальности друг с другом «крестообразно преломлены» природа и дух (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 15, ед. хр. 25).

МЕТНЕР НА «ГОРЕ ИСТИНЫ»

1. Письмо к Анне от 28 июня 1915 г. (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 25, ед. хр. 4).

2. Она была женой Гарольда Маккормика, наследника состояния «International Harvester». В 1913 году, после того как Юиг был срочно вызван в Чикаго для консультации, она сама стала лечиться у него.

3. Пнсьмо к Анне от 29 июня (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 15, ед. хр. 5). В связи со своими диспутами с Ильиным о русской и немецкой сущности, весной 1913 г. Метнер заявил Анне, что русских н евреев отличает «демоническая гордость». Лишь эти два народа нмели дерзость назвать себя «святыми» н богоизбранными (недатированный фрагмент письма; РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 25, ед. хр. 16). Теперь он вернулся к этим аргументам. Рабинович ответила, что в любом случае у русскнх «сострадательное сердце» — Толстой н Достоевский показали это, — тогда как у немцев — холодное (указанное выше письмо к Анне от 29 июня 1915 года).

4. Датнруется 4 июля в письме от 2 июля 1915 г. (РГБ, ф. 167, оп. 3, карт. 16, ед. хр. 2).

5. Письмо от 25 июля 1915 г. (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 25, ед. хр. 7).

6. *Мариэтта Шагинян.* «Размышления о Гете» (Книга Э. Метнера) // Баку. 14 июля 1915 г. Шагинян написала еще одну рецензию на книгу Метнера для журнала «Северные записки», но она была отвергнута как чересчур прогерманская.

7. Датируется 9 августа в письме Анне от 7 августа 1915 г. (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 25, ед. хр. 8).

8. Указанное выше письмо от 28 июня 1915 г.

9. Указанное выше письмо к Анне от 7 августа 1915 г..

10. *Мальмстад.* Андрей Белый и антропософия // Минувшее. Т. 9. С. 409.

11. *Мальмстад.* Андрей Белый и антропософия // Минувшее. Т. 9. С. 410.

12. *Мальмстад.* Андрей Белый и антропософия // Минувшее. Т. 9. С. 410.

13. *Мальмстад.* Андрей Белый и антропософия // Минувшее. Т. 9. С. 412.

14. *Мальмстад.* Андрей Белый и антропософия // Минувшее. Т. 9. С. 427.

15. *Мальмстад.* Андрей Белый и антропософия // Минувшее. Т. 8. С. 419—450. В подтексте рассказа Белого об этих «эротических кошмарах» (стр. 427) безошибочно угадывается гоголевская повесть «Вий», в которой ведьма участвует в ночных эксцессах с Хомой Брутом. Метнер тоже изображал себя Хомой Брутом, когда Поццо смущала его своим «оккультным спектаклем» (письмо к Анне от 16 мая 1915 г.; РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 25, ед. хр. 1).

16. Каля — брат Метнера Карл.

17. «Преступный народ» — иронический эпитет Метнера применительно к немцам (в глазах русских).

18. Юнг заимствовал имя «Коирад» из романа Карла Шпиттелера «Имаго» (1906), в котором герой употребляет его в отношении своего тела.

19. Датируется 8 августа в указанном выше письме от 7 августа 1915 г.

20. Как и Метнер, Юнг находился под глубоким впечатлением от «Критики чистого разума» (см. Memories. P. 70).

21. По случаю сорокалетия Юнга с его лица был сделан гипсовый слепок.

22. Датируется 8 августа в указанном выше письме от 7 августа 1915 г.

23. Серафим жил отшельником тысячу дней и ночей; на него напали и жестоко избили разбойники.

24. Это письмо, написанное в начале сентября 1915 г., так и не дошло до Аины. Часть его находится в СП.

25. Фрагмент письма в прим. 24.

26. Письмо от 4 сентября 1915 г. (СП). Кстати, Метнер здесь пользуется той же забавной русификацией имени Юнга, что и Сабина Шпильрейн до него: «юнга».

27. См.: *Jung.* Memories. P. 77—78.

28. Датируется 2 ноября в письме к Анне от 28 октября (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 25, ед. хр. 13).

29. Письмо к Анне от 2 октября 1915 г. (СП).

30. *Friedrich Nietzsche.* Menschliches. Allzumenschliches // F. Nietzsche. Werke. Sektion 4. Bd. 2. Berlin, 1967. S. 239—240.

31. Датируется 8 августа в указанном выше письме от 7 августа 1915 г.

32. Письмо к Анне от 14 ноября 1915 г. (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 25, ед. хр. 14). В письме Гасту от 14 августа 1881 г. Ницше говорил о том, что он — «машина, которая может взлететь на воздух» (*Friedrich Nietzsche.* Briefwechsel. Kritische Gesamtausgabe.

Sektion 3. Bd. 1. Berlin, 1981. S. 112).

33. Датируется 4 ноября в указанном выше письме к Ание от 28 октября 1915 г.

34. Он напечатал брошюру, озаглавленную «Wissenschaft und Theosophie», которую Штейнер благосклонно упомнпал в лекциях той осени и которая всплыла в беседе между Штейнером и Белым примерно тогда же (в октябре), когда Метнер начинал лучше узнавать Врангеля. (См.: *Andrei Belyi.* Brief an Mischa (Сизов. — *М. Ю.*) // Andrej Belyj und Rudolf Steiner. Briefe und Dokumente. Beiträge zur Rudolf Steiner GA 89—90 / Ed. V. Fedjushin. Dornach, 1985).

35. Пнсьмо к Ание от 26 ноября 1915 г. (СП).

36. Письмо к Аиие от 2 декабря 1915 г. (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 25, ед. хр. 15).

37. Перевод, опубликованный в Мюнхене в 1909 году, дошел до его отца на самом деле через страдавшую эмоцнональным расстройством венскую подругу Метнеров.

38. Пнсьма к Метнеру-старшему от 8 ноября 1915 г. и 28 февраля 1916 г. (РГБ, ф. 167, оп. 3, карт. 16, ед. хр. 5).

39. Фрагмент письма от 12 ноября 1914 г. (РГБ, ф. 167, оп. 3, карт. 16, ед. хр. 5).

40. По возвращенни в Цюрих Метнер побывал на лекции Михаэля Бауера, одного из ближайших сподаижннков Штейнера. Лектор произвел на Метнера впечатленне; он говорил о культурной миссии Штейнера в свободной и естественной манере, «без эффектничанья» (датируется 13 декабря в письме к Анне от 12 декабря 1915 г.; РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 15, ед. хр. 25).

41. Письмо от 26 ноября 1915 г. (СП).

42. После обвинення, выдвинутого философом и архнтектором Генрихом Гешем, членом дорнахской колонии, которого прнвлекал социально-бунтарский фрейдизм Отто Гросса, Штейнер попытался управлять своими ученнками. В своей лекцин 13 сентября 1915 г. Штейнер заявлял, что фрейдизм «одиа из велнчайших ошибок, - - - одна нз худших материалистических теорий иашего времени» (*Rudolf Steiner.* Probleme des Zusammenlebens in der Anthroposophischen Gesellschaft. Zur Dornacher Krise vom Jahre 1915. GA 253. Dornach, 1989. S. 79).

43. Указанное выше письмо к Анне от 26 ноября 1915 г.

44. *Шагинян.* Человек и время. С. 554.

45. Указанное выше письмо от 16 мая 1915 г. В своем пнсьме к Анне от 17 февраля 1915 г. он назвал Скрябина «наглым болваном» (СП); это было по получении известия от Николая, что Скрябин приветствовал войну как апокалипсическое очищение. Метиер не написал ни одной статьи о Скрябине, и его отношение к нему всегда было крайне амбивалентиым. Его и привлекали, и отталкивали эксперименты Скрябина.

46. Когда Анна поведала ему об исключительно положительной реакции Николая на исполнение Кусевицкнм Пятой симфонии Бетховена этой весной, он ответил, что испытывает «глубокие уколы в сердце», видя как «шелопай» (Кусевицкнй) «достнг того, что мне не было дано» (указанное выше письмо от 28 июня 1915 г.).

47. Указанное выше письмо от 16 мая 1915 г.

48. Письмо от 19 яиваря 1916 г. (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 25, ед. хр. 17). Юнг говорил о Фрндрих как о «бабенке, которую нужно сломить» (датируется 20 декабря в письме к Анне от 12 декабря; РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 15, ед. хр. 25).

49. Датируется 23 ноября в письме от 9 ноября 1915 г. (*Н. К. Метнер.* Письма. С. 165).

50. Письмо от 26 февраля 1916 г. (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 25, ед. хр. 18). В письме от 17 февраля 1915 г. к своему брату Карлу Метнер говорил о своей внутренней «бнтве» (РГБ, ф. 167, оп. 3, карт. 16, ед. хр. 4).

51. Со ссылкой на немецкого этнолога Лео Фробениуса. См.: *Jung.* Wandlungen und Symbole der Libido. S. 254.

52. Письмо к Ание от 6 марта 1916 г. (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 25, ед. хр. 19) и фрагмент письма от 20 (?) июля 1917 г. (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 25, ед. хр. 22).

МЕТНЕР И ЮНГ

1. *Medtner.* Bildnis. S. 586.

2. В конечном итоге он звал ее также «моя цюрихская Марго» (Марго он звал Морозову) (письмо к Ание от 22 сентября 1921 г.; БК, МБ 31.43). Знаменательно, что он снабжал ее открытками с репродукциями работ русских художников из коллекции Морозовой.

3. Она была частой посетительницей Чикагской оперы, которую субсидировал ее муж (тоже покровитель искусств, мало чем отличавшийся от мужа Морозовой).

4. Он отправился в Женеву, чтобы получить врачебное свидетельство от друга Юнга Анри Флурноа (сына Теодора Флуриуа), которое освободнло бы его от только что полученной призывной повестки.

5. Письмо от 2 августа 1916 г. из Месокко (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 25, ед. хр. 16).

6. *Мариэтта Шагинян.* Своя судьба. Л., 1928. С. 71.

7. *Мариэтта Шагинян.* Автобиография // М. Шагинян. Семья Ульяновых. М., 1959. С. 659.

8. *Шагинян.* Воспоминания о Рахманнове. С. 425.

9. Метнер мог ответить на исполненный энтузиазма отчет Анны лишь едкостями и изумлением: в конце концов, как он часто говорил, Рахманинову недоставало «духа» (см., например, его письмо к Анне от 28 марта 1917 г. (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 25, ед. хр. 21).

10. Драмы Блока теперь появились в сборнике «Театр» и в течение весны и лета в еще одном трехтомном издании его поэзии: «Стихотворения».

11. *А. В. Лавров.* «Труды и дни» // Русская литература и журналистика начала XX века. 1905—1917. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984. С. 211.

12. *Николай Бердяев.* Гносеологическое размышление об оккультизме // Труды и дни. 1916. Кн. 8.

13. Письма от 22 сентября и 3 ноября Ание (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 25, ед. хр. 20).

14. *Андрей Белый.* Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности. Ответ Эмилию Метнеру на его первый том «Размышлений о Гете». М., 1917. С. V—VI.

15. *Андрей Белый.* Рудольф Штейнер и Гете. С. 4, 17.

16. *Андрей Белый.* Рудольф Штейнер и Гете. С. 4.

17. См. рассказ Белого об этом опыте в его длинном автобиографическом письме Иванову-Разумнику от 1 марта 1927 г. (*Georges Nivat.* Lettre autobiographique à Ivanov-Razumnik // Cahiers du Monde Russe et Soviétique. 1974. № 1/2. С. 71).

18. См.: *Андрей Белый.* Записки чудака. Т. 1. С. 61.

19. Письмо к Ание от 4 декабря 1916 г. (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 25, ед. хр. 20).

20. Письмо от Анны от 30 ноября 1916 г. (БК, МБ 31.43).

21. Указанное выше письмо от 28 марта 1917 г.

22. Мартынов (Пиккер) был редактором «Искры», а Семковский (Бронштейн) входил в редакторский совет «Правды» Троцкого, причем обе газеты печатались в Вене.

23. Письмо Метнера к Анне от 31 декабря 1916 г. (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 25, ед. хр. 20).

24. См.: *Jung.* Memories. P. 190—192.

25. *Jung.* Memories. P. 199. Стоит заметить, что последующие сочинения Белого тоже питались *его* нисхождением во внутренний мир образов, сконцентрированных на войне. Это началось в 1912 г., как раз в году, указанном Юнгом, и достигло кульминации в 1915 году.

26. *C. G. Jung.* Die Psychologie der unbewussten Prozesse. Ein Überblick über die moderne Theorie und Methode der analytischen Psychologie. Zürich, 1917. S. 48.

27. *Jung.* Die Psychologie. C. 58—82.

28. *Jung.* Die Psychologie. C. 92—93.

29. *Jung.* Die Psychologie. C. 92—93.

30. Метнер здесь прямо ссылается на русский перевод «Рождения трагедии» («Размышления о Гете». С. 319). Впрочем, уже в своем комментарии к Вотану он говорил об «индивидуации» (*Метнер.* Наброски к комментарию // Труды и дни. 1912. Кн. 6. С. 41).

31. *C. G. Jung.* A Contribution to the Study of Psychological Types (1913) // *C. G.* Jung. Collected Works. Vol. 6 (Appendix). Princeton, 1989. P. 507. (Первоначально опубликовано в «Archives de Psychologie», vol. 52, 1913).

32. *Андрей Белый.* Горизонт сознания // Биржевые ведомости, 17/30 марта 1916 г.

33. *Jung.* Die Psychologie. S. 77.

34. См.: *Emanuel Hurwitz.* Otto Gross. «Paradies»-Sucher zwischen Freud und Jung. Zürich—Frankfurt, 1979.

35. Письмо, копии которого были разосланы заинтересованным лицам, датируется 19 февраля 1917 г. (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 14, ед. хр. 16).

36. Это письмо, копии которого также распространялись, датируется апрелем 1917 г. (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 14, ед. хр. 65).

37. *Андрей Белый.* Между двух революций. С. 279.

38. *Андрей Белый.* Песнь солнценосца // Скифы. Сб. 2. М., 1918. С. 6—7. Бок о бок со своим великодушным признанием, что Метнер был «гениальным» собеседником, Белый подчеркивал, что «никогда не простит» ему его увлечение психоанализом («Воспоминания о Блоке». С. 564).

39. *Medtner.* Bildnis. S. 586.

40. *Medtner.* Bildnis. S. 585. Тем не менее знаменателен его вывод, что назрело

время, чтобы швейцарский скульптор Эдуард Бик сделал бронзовую скульптуру его головы.

41. Указанное выше письмо от 28 марта 1917 г.

42. Метнер послал статью Эллиса («Теософия перед судом культуры» за подписью Sagittarius) секретарю «Мусагета» Николаю Киселеву еще в июне 1915 г. (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 10, ед. хр. 31). Идея состояла в том, что Шагинян по своему усмотрению добавит к ней сатирические пассажи из замечаний Эллиса к «Размышлениям о Гете», которые Метнер цитировал в письмах к Анне весной 1915 г.

43. *Шагинян.* Человек и время. С. 406. Примечательно, что это произошло за несколько дней до ее отъезда из Цюриха.

44. *Шагинян.* Человек и время. С. 582.

45. Примечательно, что Шагинян позднее отмечала, что хорошо организованная домашняя атмосфера семьи Ульяновых (которую она изучала для своего биографического произведения «Семья Ульяновых») более всего напоминала ей «творческий быт» метнеровской семьи («Воспоминания о Рахманинове». С. 381).

46. Метнер вновь консультировался у доктора Флурноя, на сей раз во Фрибурге, относительно призывной повестки. Между тем, в Женеве он воспользовался возможностью нанести еще один визит Далькрозу.

47. Письмо от 30 июня 1917 г. (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 25, ед. хр. 21).

ПОСЛЕДНИЙ УДАР

1. Письмо к Ильину от 17 апреля 1917 г. (РГБ, ф. 167, оп. 2, карт. 13, ед. хр. 9).

2. *Medtner.* Bildnis. S. 588.

3. Тогда же Метнер порвал все отношения с Николаем Киселевым, который не был антропософом, но резко отреагировал на письмо Ильина. В прощальном октябрьском письме Киселеву, Метнер характеризовал Белого: это «даже не человек, а просто чудовище» (РГБ, ф. 167, оп. 2, карт. 13, ед. хр. 10).

4. 7 апреля Эллис послал письмо, обращенное ко всей редакции «Мусагета», в котором солидаризировался с Ильиным. Десять дней спустя он обратился прямо к Ильину, который, однако, не захотел иметь с ним никакого дела. (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 14, ед. хр. 69 и 67 соответственно).

5. Штейнер выступал на тему антропософии и академической науки. После лекций Метнер сообщал Анне 16 ноября (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 25, ед. хр. 22) о своем сожалении, что не присутствовал там, чтобы его опровергнуть. Штейнер, кстати, возобновил свою критику Юнга (в особенности «Психологии бессознательных процессов») в берлинских лекциях в январе и марте 1918 г.

6. Метнер: Bildnis. S. 587—588.

7. Письмо от 31 декабря 1916 г. (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 25, ед. хр. 20).

8. Еще ранее он потерял предпринимчивого Викентия Пашуканиса, основавшего свое собственное издательство и купившего право на издание произведений Белого. Его деятельность, однако, была остановлена Октябрьской революцией.

9. Сохранилась объемистая рукопись «Ответ Андрею Белому на его книгу «Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности». Москва 1917» (РГБ, ф. 167,

оп. 1, карт. 12, ед. хр. 1—6). В недатированном письме 1918 г. к отцу он писал, что «обязан раздавить эту гадину или погибнуть» (СП). Андрей Белый, похоже, начал напоминать его «черную змею».

10. См. письмо Сабины Шефтель (Шпильрейн) Юнгу от 4 декабря 1917 г. (Tagebuch einer heimlichen Symmetrie. S. 148).

11. Письмо от 29 января 1918 г. (ETH, Hs 1056:29, 821; см. наст. изд., Приложение, №. 3).

12. См. письма Юнга от 20 февраля и Метнера от 8 марта 1918 (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 14, ед. хр. 62; ETH, Hs 1056:29, 822; см. наст. изд., Прнложение, № 6 и 4).

13. Указанное выше письмо от 29 января 1918 г.

14. Это стало его opus'ом 33.

15. Письмо от 19 января 1919 г. (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 14, ед. хр. 62; см. наст. изд., Приложенне, № 9).

16. Он также узнал, что его брат Александр был назначен главным дирижером оркестра Камерного театра Александра Таирова в Москве. Александр давно уже выбрал себе это поприще, но не мог найти постоянный контракт и поэтому был вынужден работать учителем в московской Народной консерваторни. Метнер выказывал поразительное равнодушие к дирижерской карьере своего брата.

17. Письмо к Анне от января 1923 г. (БК, МБ 31.43).

18. В письме к Анне от 16 октября 1926 г. Метнер заключал, что эта лекция (русский перевод прилагался) была написана «под моим влиянием» (БК, МБ 31.43).

19. *C. G. Jung.* The Psychological Foundations of Belief in Spirits // C. G. Jung. Collected Works. Vol. 8. Princeton, 1978. P. 309.

20. *Medtner.* Bildnis. S. 579.

21. Доклады были прочитаны 18 и 25 сентября и 1 ноября 1919 г.

22. *Emil Medtner.* Über die sog. «Intuition», die ihr angrenzenden Begriffe und die an sie anknüpfenden Probleme. Vorgetragen im Psychologischen Klub, Zürich MDCCCCXIX. Moskau—Zürich, 1923. S. 11.

23. *Medtner.* Über die sog. «Intuition». S. 15. Метнер заимствовал это выражение у Эллиса, глумившегося над тем, что «Мастер» свелся к «Танцмейстеру», создателю эврнтмии. (См. письмо Метнера к Анне от 11 января 1915 г. (датировано 21 января).)

24. *Medtner.* Über die sog. «Intuition». S. 31.

25. *Medtner.* Über die sog. «Intuition». S. 52.

26. *Medtner.* Über die sog. «Intuition». S. 61. См.: *Johann Wolfgang Goethe.* Maximen und Reflexionen. Weimar, 1907. S. 59 (No. 314). Курснв Метнера.

27. *Medtner.* Über die sog. «Intuition». S. 61.

28. *Medtner.* Über die sog. «Intuition». S. VII.

29. Смотри ее письмо к Джойсу от 10 октября 1919 г.. Джойс немедленно послал ей копию рукописи «Улисса», чтобы убедить ее изменить решение, однако в другом письме от 13 октября она окончательно разорвала контракт (Letters of James Joyce / Ed. R. Ellmann. Vol. 2. London, 1966. P. 453—454.)

30. Письмо от марта 1920 г. из Сусса (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 14, ед. хр. 62; см. наст. изд.: Приложение, № 12).

31. Эллис и Ван дер Мойлен остановились в непосредственной близости от францисканского монастыря Мадонны дель Сассо. Возможно, их вдохновил на это Мет-

нер, посетивший монастырь по дороге в Монте Верита в 1915 году.

32. *Intermediarius.* Homo Coelestis. Das Urbild der Menschheit. Basel, 1918.

33. Эллис полностью, как и Метнер, забросил круг своих русских друзей. Одновременно он продолжал по-своему работать в том же духе синтеза Запада и Востока. Он начал переводить русскую литературу и религиозную философию, знакомя с ней немецкоязычную публику и уделяя при этом особое внимание униатским идеям Владимира Соловьева. В 1929 году он опубликовал книгу о новосозданных четырех трактатах Ван дер Мойлен/Intermediarius, в которой также соотносил их с русской традицией (*Dr. L. Kobilinski-Ellis.* Christliche Weisheit. Basel, 1929). Вскоре он приобщился к униатской церкви (к которой уже принадлежал в Советском Союзе в качестве священника его старый друг Сергей Соловьев).

34. *Emil Medtner.* Jungs «Psychologische Typen» // Neue Zürcher Zeitung, (1) 16 и (2) 17 июня 1921 г. Более краткая рецензия Гессе появилась в берлинской «Vossische Zeitung», 28 августа 1921 г.

35. *Emil Medtner.* Jungs «Psychologische Typen» (1).

36. *Jung.* Memories. P. 209.

37. *Андрей Белый.* Дневник писателя // Записки мечтателей. № 1. Пг., 1919. С. 123.

38. *Андрей Белый.* Круговое движение. С. 59. В этом контексте Белый часто ссылался на Послание Галатам (2: 20) ап. Павла: «...и уже не я живу, но живет во мне Христос». Позднее этот отрывок использовал также Юнг с целью проиллюстрировать смысл Самости.

39. Эллис особенно повлиял на введение этой темы в произведения Белого. Белый трактовал это так: «хозяин» тени рискует оказаться сведением к ее придатку, совсем как в сказке Х. К. Андерсена «Тень» (см.: Начало века. С. 59). Находился ли Эллис в свою очередь под влиянием Метнера, неизвестно. В духовной науке Штейнера Белый нашел объяснение тени в идее накопленной индивидуальной кармы, «стража порога», который является оккультисту в ясновидении медитации. «Страж порога» Штейнера и «тень» Юнга имеют явные общие точки соприкосновения (см.:*Gerhard Wehr.* C. G. Jung und Rudolf Steiner. Stuttgart, 1972. S. 226—232).

40. *Medtner.* Jungs «Psychologische Typen» (2).

41. *Emil Medtner.* Meister Nikisch. Zürich, 1921. S. 5, 11.

42. Письмо к Анне от 17 декабря 1921 г. (БК, МБ 31.43).

43. Примечательно, что он часто употреблял для них один и тот же эпитет. Во всех трех случаях имелись три сестры, и всех их он знал.

44. На самом деле она уехала домой по требованию своего отца, который чувствовал, что ее увлечение Юнгом заставляет ее пренебрегать заботой о детях (см.: *Allan Nevins.* Study in Power. John D. Rockefeller, Industrialist and Philanthrophist. Vol. 2. New York—London, 1953. P. 446n.).

45. Метнер-старший умер в психиатрической больнице.

46. Письмо от 15 сентября 1921 г. (*Н. К. Метнер.* Письма. С. 202—203).

47. См. письмо Рахманинова к Маккормик от 15 февраля 1922 г. (*Рахманинов.* Литературное наследие. Т. 2. С. 119—120, и комментарий на стр. 424).

48. Письмо к Николаю от 24 сентября 1921 г. (БК, МБ 31.43).

49. Письмо от 5 ноября 1921 г. к Анне и Николаю (БК, МБ 31.43).

50. В 1918 году Ильин получил докторскую степень за диссертацию о Гегеле и был назначен профессором. В 1921 году он помог основать психоаналитическое общество в Москве при новом режиме. Именно благодаря этому обществу — посвятившему себя на первых порах «исследованию художественного творчества» — развивался короткий по своей истории, но яркий советский психоанализ двадцатых годов.

51. См.: *Hans Trüb.* Individuation, Schuld und Entscheidung. Über die Grenzen der Psychologie // Die kulturelle Bedeutung der komplexen Psychologie. Berlin, 1935. S. 523.

52. *Medtner.* Über die sog. «Intuition». S. 153 (приложение).

53. *Medtner.* Über die sog. «Intuition». S. 157.

54. *Medtner.* Über die sog. «Intuition». S. 157, прим.

55. *Medtner.* Über die sog. «Intuition». S. 156, прим.

56. *Medtner.* Über die sog. «Intuition». S. 165.

57. *Medtner.* Über die sog. «Intuition». S. 177.

58. *Medtner.* Über die sog. «Intuition». S. 177.

59. Посмертная публикация — почти три десятилетия спустя — «Heilung aus der Begegnung. Eine Auseinandersetzung mit der Psychologie C. G. Jungs» (Stuttgart, 1951) Трюба, с предисловием Бубера, способствовала развязыванию ожесточенной полемики между Бубером и Юнгом, в которой Бубер следовал в фарватере критики Трюбом юнговского «гностицизма».

60. О дружбе Трюба и Бубера см.: *Maurice Friedman.* Encounter on a Narrow Ridge. A Life of Martin Buber. New York, 1991.

61. Одна из лекций Ильина (19 сентября) основывалась на его впечатлениях от «русской революции». Несмотря ни на что, он помог Метнеру выверить завершенные русские переводы сочинений Юнга.

62. Письмо к Анне от 7 июня 1923 г. (БК, МБ 31.43).

63. Письмо к Анне от 5 июля 1923 г. (БК, МБ 31.43).

ИЗМЕНЕНИЯ В ЛИЧНОСТИ

1. Письмо от 16 сентября 1923 г. (БК, МБ 31.43). В нем, возможно, по аналогии с Эдит Маккормик, Россия объявлялась «больной женщиной», о которой нужно «заботиться».

2. См. письмо от 28 апреля 1925 г. к Анне и Николаю (БК, МБ 31.43).

3. Письмо Метнера к Анне от ноября 1923 г. из Цюрнха (БК, МБ 31.43).

4. *Мариэтта Шагинян.* Путешествие в Веймар. М., 1923.

5. См. письмо Чемберлена Гитлеру от 7 октября 1923 г. (*Houston Stewart Chamberlain.* Briefe 1882—1924 und Briefwechsel mit Kaiser Wilhelm II. Vol. 2 .München, 1928. S. 124—126). Подобно Метнеру, Гитлер был антисемитом с детства. Но и в его случае сочинения Чемберлена — которые он читал в Вене в 1907—1913 гг. (то есть примерно одновременно с Метнером, читавшим их в Граце в 1906 году, а потом в Веймаре) — помогли придать форму его ненависти к евреям.

6. *Medtner.* Über die sog. «Intuition». S. VII.

7. Письмо от 15 мая 1924 г. (БК, МБ 31.43).

8. Ретроспективный комментарий в письме от 13 января 1931 г. к Николаю (БК, МБ 31.43).

9. Письмо от 5 декабря 1925 г. (БК, МБ 31.43).

10. Письмо от 25 июля 1915 г. к Анне (СП).

11. В кратких автобиографических набросках конца 1920-х годов Метнер утверждает, что Наполеон был его идолом с детства, еще до Гете («Б. и б. м. ж.», РГБ, ф. 167, оп. 3, карт. 15, ед. хр. 1).

12. Письмо от 28 апреля 1926 г. (БК, МБ 31.43). Еще в письме к Анне от ноября 1914 г. Метнер замечал, что у Юнга «настоящее южно-германское (или северно-итальянское) лицо» (СП).

13. В биографии Гессе и Метнера было нечто общее. Отец Гессе вырос русским подданным в Прибалтике (Рнга). Гессе встретился с бароном фон Врангелем на Монте Верита еще в 1907 году. Он увлекся психоанализом в 1913—1914 гг., а в разгар серьезного кризиса в 1916 г. прошел курс юнгианской терапии с доктором Лангом. По-видимому, в это время он вступил и в личный контакт с Юнгом. Кажется, он с давних пор был знаком с Йозефом Энглертом и узнал его лучше в Тессине в 1919 году, когда Энглерт прочел его гороскоп, подобно тому, как он прочел гороскоп Метнера четырьмя годами ранее. Цюрихский врач и любитель музыки Ганс Бодмер, которого посещал и Метнер, стал позднее его важнейшим покровителем. Юнг оказывал устойчивое влияние на творчество Гессе.

14. *Андрей Белый.* Московский чудак. М., 1926. *Андрей Белый.* Москва под ударом. М., 1926.

15. «Тень» героя, дьявольский Мандро, имеет определенное сходство с Метнером. Его обиталище, доисторическая пещера в Москве, предвосхищает описание Белым Метнера как «доисторического немца в пещере» и бродяги по лесным трущобам Европы 400-х гг. в «Начале века» (с. 90). Расизм точно так же очевиден в этом романе, где монголы «Петербурга» были попросту заменены на иегов.

16. Второй фортепьянный концерт стал его opus'ом 50.

17. Письмо к Анне от 11 декабря (БК, МБ 31.43). В своих письмах Метнер приберегал эту рекомендацию для женщин и евреев.

18. Недатированное письмо, почтовый штемпель: 17 августа 1927 г. (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 14, ед. хр. 62; см. наст. изд., Приложение № 19).

19. Лекция была прочитана 7 и 21 мая 1927 г.

20. *Hermann Graf Keyserling.* Mensch und Erde. Darmstadt, 1927.

21. Чемберлен умер членом национал-социалистической партии в январе 1927 г.

22. Ретроспективный комментарий в письме к Николаю от 13 января 1931 г. (датируется 16 января).

23. *Medtner.* Bildnis. S. 613.

24. Письмо от 25 марта 1928 г. к Анне и Николаю (БК, МБ 31.43).

25. См.: *Jung.* Memories. P. 223.

26. Письмо Метнера к Анне от 3 декабря 1928 г. (БК, МБ 31.43).

27. В «Bildnis» Метнер (с. 579) называет Гельдерлина «героем» книги «Либидо, его метаморфозы и символы».

28. Письмо от 1 мая 1919 г. (БК, МБ 31.43).

29. Через Поццо Метнер возобновил контакт с Тургеневой, которую дважды

посетил в 1930 году в Дорнахе. Он полагал, что она «переросла» Поццо и была теперь свободна от сектантства (письмо к Анне от 27 октября 1930 г.; БК, МБ 31.43).

30. Письмо Чемберлена от 7 октября 1923 г. («Briefe». Bd. 2. S. 124—126).

31. Письмо от 9 апреля 1930 г. (БК, МБ 31.43).

32. Письмо от 5 июня 1930 г. (БК, МБ 31.43).

33. *Emil Medtner.* W. Iwanows Wesensschau des Russentums // Neue Zürcher Zeitung. (1) 28 и (2) 29 ноября 1930 г.

34. *W. Iwanow.* Die russische Idee. Tübingen, 1930.

35. Письмо от 25 декабря 1930 г. (БК, МБ 31.43).

36. Письмо от 13 января 1931 г.

37. Кайзерлинг выступал 15 января на тему «Rationale und emotionale Lebensordnung».

38. Датируется 16 января в указанном выше письме от 13 января 1931 г.

39. *Emil Medtner.* Der geschichtliche Aufbau des Russentums in psychologischer Beleuchtung. S. 1 (СП). Метнер выступал 28 февраля и 14 марта 1931 г. Согласно письму Метнера к Анне от 3 марта (БК, МБ 31.43), Юнг похвалил первую лекцию в особенности за ее «*психологическую* разработку материала».

40. Письмо к Анне от 22 марта 1931 г. (БК, МБ 31.43).

41. *Medtner.* Bildnis. S. 597. В это время Метнер имел длинный разговор с Карлом Бартом, посещавшим Цюрих. Мы можем предположить, что их беседа вращалась вокруг Кьеркегора, сильнейшим образом повлиявшего на теологию Барта.

42. Письмо от 12 июня 1929 г. (БК, МБ 31.43).

43. Как и ранее — в 1929 году, — Метнер планировал путешествие в Тунис, но так его и не совершил.

44. Она стала его opus'ом 53.

45. Письмо от 23 октября 1931 г. (БК, МБ 31.43).

46. *J. W. Hauer.* Werden und Wesen der Anthroposophie. Eine Wertung und eine Kritik. Vier Vorträge. Stuttgart, 1922.

47. Письмо к Анне от 16 июня 1931 г. (БК, МБ 31.43).

48. Письмо к Анне от 12 августа 1931 г. (БК, МБ 31.43).

49. См. письмо Рахманинова от 23 января 1932 г. Метнеру (*Рахманинов.* Литературное наследие. Т. 2. С. 322).

50. После разрыва с Белым, в апреле 1916 г., он отправился в южную Швейцарию с Рабинович. В мае 1931 г. он совершил то же путешествие с Хейман и даже остановился на Монте Верита.

51. Письма от 3 марта и 21 апреля 1931 г. Согласно последнему письму, Вольф шутливо изображала поведение Юнга и Метнера в отношении Хейман как «плутовское» (БК, МБ 31.43).

52. Письмо от 21 апреля 1931 г.

53. Письмо Юнга от 12 марта 1932 г. (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 14, ед. хр. 62; см. наст. изд., Приложение. № 20).

54. Узнав о смерти Хейман, Вячеслав Иванов написал небольшое стихотворение, «Мой брат: Одина волк!..», посвященное Метнеру и проникнутое глубоким к нему сочувствием. См. письмо Иванова от 13 марта 1932 г. (*В. И. Иванов и Э. К. Метнер.* Переписка из двух миров // Вопросы литературы. 1994. №3. С. 314).

55. *Emil Medtner.* Ansprache. Goethe-Abend im Psychologischen Club. S. 41 (Archiv des Psychologischen Clubs, Zürich).

56. *Medtner.* Ansprache. S. 37.

57. *Medtner.* Ansprache. S. 54.

58. *Medtner.* Ansprache. S. 57.

59. Анализ Метнера не оставлял места для Миньоны. Он обещал письменное прибавление с трактовкой образа Миньоны, но так его и не осуществил.

60. О том же он упоминал еще в письме к Анне от 1914 г. (9 октября, датировано 7 октября; РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 25, ед. хр. 11).

61. Письмо от 18 апреля 1932 г. (БК, МБ 31.43).

62. *Федор Достоевский.* Бесы // Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч.: В 30 томах. Т. 10. Л., 1974. С. 471, и «Братья Карамазовы» (там же, т. 14, Л., 1974. С. 223).

63. Письмо от 30 апреля 1932 г. См.: *Рахманинов.* Литературное наследие. Т. 2. С. 537. Здесь Метнер перечислял композиторов и сообщал о нынешнем к ним отношении, своем и Николая.

64. Письмо к Анне от 30 мая 1932 г. (БК, МБ 31.43).

65. Письмо от 25 июня 1932 г. (БК, МБ 31.43).

66. Письмо к Анне от 11 мая 1932 г. (БК, МБ 31.43).

67. Метнер писал 30 мая 1932 г., что был прав, предупреждая о Кренне, который откровенно спекулировал наследством Маккормик, окончательно ее разорив на волне биржевого краха 1929 г.

68. Вместе с Циммером с 3 по 8 октября Хауэр провел семинар на тему Кундалини-йоги. На обеде в их честь Метнер сидел за одним столом с бароиессой Алисой фон Моравитц-Кадио. Они согласились, что в Юнге проступает «мужик», как только он «перестает быть психологом» (письмо к Анне от 10 октября 1932 г.; БК, МБ 31.43). Годом ранее Метнер обнаружил те же крестьянские черты у Муссолини.

КУЛЬТ ГИТЛЕРА

1. Письмо от 31 января 1933 г. (РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 14, ед. хр. 62; см. Приложение, № 21).

2. Письмо от 15 марта 1933 г. (БК, МБ 31.43).

3. PS от 27 марта в письме от 15 марта 1933 г.

4. PPS от 27 марта в письме от 15 марта 1933 г.

5. Письмо к Анне от 28 мая 1933 г. (БК, МБ 31.43).

6. Письмо к Анне от 22 апреля 1933 г. (БК, МБ 31.43). Ильин, с которым Метнер теперь совсем не общался, жил в это время в Берлине и все больше и больше приближался к нацизму. Под псевдонимом Julius Schweickert он осенью 1932 г. вместе с Адольфом Эртом опубликовал памфлет «Entfesselung der Unterwelt. Ein Querschnitt durch die Bolschewisierung Deutschlands», в котором подчеркивал, что немецким массам необходимо «гениальное, одаренное руководство», под стать руководству Муссолини (Berlin—Leipzig, 1932; S. 310). В 1935 году он опубликовал под псевдонимом Dr. Alfred Normann еще одну книгу в Берне, озаглавленную «Bolschewistische Machtpolitik. Die Pläne der 3. Internationale zur Revolutionierung der Welt», трактовавшую больше-

визм как, по существу, еврейский заговор. Его напарник Эрт, уроженец России, возглавил «антикоминтерновское» отделение геббельсовского Министерства пропаганды. Впрочем, его собственное непростое отношение к евреям повлекло за собой политические осложнения, и в 1938 году он отправился в изгнание в Цюрих.

7. Письмо к Метнеру от 19 июня 1933 г. (БК, МБ 31.43).

8. Недатированное письмо к Метнеру 1933 г. (БК, МБ 31.43).

9. *Вольфинг.* Приложения // Вольфинг. Модернизм и музыка. С. 353.

10. Письмо от 12 июня 1933 г. к Анне и Николаю (БК, МБ 31.43).

11. Письмо от 12 июня 1933 г.

12. См.: *Geoffrey Cocks.* Psychotherapy in the Third Reich. The Guring Institute. New York—Oxford, 1985. P. 131.

13. См: An Interview with Radio Berlin // C. G. Jung Speaking. Interviews and Encounters / Ed. W. McGuire and R. C. Hull. Princeton, 1977. P. 60.

14. An Interview with Radio Berlin. P. 62, 65.

15. *J. W. Hauer.* Deutsche Gottschau. Grundzüge eines deutschen Glaubens. Stuttgart, 1934.

16. Письма от 12 сентября и 6 октября 1933 г. (БК, МБ 31.43).

17. Письмо от 6 октября 1933 г.

18. Письмо к Анне от 19 октября 1933 г. (БК, МБ 31.43). Как и Метнеру, Гитлеру не удалось осуществить свою мечту стать художником, и, подобно ему, он часто посещал вагнеровские спектакли в Венской опере. Более того, в его самоощущении явно имелось нечто волчье, как и у Метнера. Он тоже использовал «Wolf» как (политическое) кодовое имя, и после нападения на Советский Союз он окрестил две своих ставки «Wolfsschanze» и «Werwolf».

19. Письмо от 25 октября 1933 г. (БК, МБ 31.43).

20. Письма от 25 октября и 29 октября 1933 г. (БК, МБ 31.43).

21. Для Шагинян неоспоримое значение имело то, что Сталин был с Кавказа и что именно он (через Александра Воронского) поведал ей о восхищении Ленина ее произведениями (см.: Человек и время. С. 600.)

22. *Шагинян.* Человек и время. С. 71. Однако, по словам Шагинян, сообщившей это мне в декабре 1977 года, ее пребывание в клинике завершилось «побегом».

23. *C. G. Jung.* Geleitwort // Zentralblatt für Psychotherapie und ihre Grenzgebiete. 1933. № 3 (C. G. Jung. Collected Works. Vol. 10 (Appendix). Princeton, 1978).

24. *Gustav Bally.* Deutschstämmige Therapie // Neue Zürcher Zeitung. 27 января 1934 г.

25. *C. G. Jung.* Erwiederung zu Dr. Bally // Neue Zürcher Zeitung. 13 марта 1934 г.

26. Когда позднее Метнер почувствовал, что «Neue Zürcher Zeitung» нещадно третирует чествовавший Юнга «Festschrift», он написал Анне, что газета «продалась окончательно евреям и Антанте» и поэтому «ненавидит» Юнга (письмо от 1 февраля 1936 г.; БК, МБ 31.43).

27. *C. G. Jung.* Zur gegenwärtige Lage der Psychotherapie // Zentralblatt für Psychotherapie und ihre Grenzgebiete. 1934. № 1—2. Примечательно, что Юнг говорил и о специфически женственных чертах еврейской психики.

28. Письмо от 18 июля 1934 г. к Анне и Николаю из Праги (БК, МБ 31.43). Он находился тогда под сильным впечатлением и от речей Геббельса и Гесса по радио и снабдил Николая и Анну копиями их всех.

29. Письмо от 29 августа 1934 г. (БК, МБ 31.43).

30. Письмо от 24 сентября 1934 г. (БК, МБ 31.43).

31. Письмо к Анне от 1 октября 1934 г. (БК, МБ 31.43).

32. См. письмо Николая Рахманинову от 20 июля 1934 г. (*Н. К. Метнер.* Письма. С. 460).

33. См. ответ Метнера от 10 октября 1934 г. (БК, МБ 31.43). Депрессия Николая вскоре усилилась из-за того, что в ноябре ему отказали в визе для запланированного концертного тура через балтийские государства в Советский Союз.

34. *Н. Метнер.* Муза и мода. Защита основ музыкального искусства. Париж, 1935. С. 136—137.

35. Инициатором и организатором этих семинаров была Ольга Фрёбе-Каптейн, занимавшаяся ранее теософией.

36. *Medtner.* Bildnis. S. 614.

37. *Medtner.* Bildnis. S. 592.

38. Вероятно, на основе этой откровенной параллели и бесед с Метнером, Федор Степун писал в некрологе Иванову, что поэт оказал «решающее влияние - - - на философские построения психоаналитики Юнга, на что интересно указывает Э. К. Медтнер» (*Ф. Степун.* Памяти Вячеслава Иванова // Возрождение. 1949. № 5. С. 163).

39. *Medtner.* Bildnis. S. 574—575.

40. *Medtner.* Bildnis. S. 565.

41. Приписка Метнера в письме от 21 января 1935 г. (БК, МБ 31.43). Юнг представил доклад об алхимии позднее в том же году на семинаре в «Эраносе» («Dream Symbols of the Individuation Process»).

42. *Jung.* Memories. P. 206.

43. *Jung.* Memories. P. 189.

44. Письмо к Анне от 7 мая 1935 г. (БК, МБ 31.43).

45. Письмо к Анне от 14 апреля 1935 г. (БК, МБ 31.43).

46. Письмо от 29 июня 1935 г. (БК, МБ 31.43).

47. Указанное выше письмо от 14 апреля 1935 г.

48. Письмо к Николаю от 9 июня 1935 г. (БК, МБ 31.43).

49. Письмо от 14 июня 1935 г. к Аине и Николаю (БК, МБ 31.43).

50. Письмо от 11 ноября 1935 г. (БК, МБ 31.43).

51. Еще в своих очерках «Ветер с Кавказа. Впечатления» (М., 1928), Белый, хотя и не называя Метнера по имени, сожалел о потере своего друга-врага: «— Поняли вы, что та твердость — не злоба, а принцип, доказанный всей ситуацией жизни моей» (стр. 292). Вряд ли Метнер читал эти строки. Однако в письме от 15 апреля 1934 г. к Вере Тарасовой в Москву он специально просит ее достать ему недавно вышедшие мемуары Белого. В этом же письме он дает юнгианский портрет Белого, представляющий для нас некоторый интерес, поскольку он основывается, видимо, на собственных замечаниях Юнга (ср. указанное выше письмо Метнера от 20 октября 1914 г. в прим. 57 к гл.«Начало войны...»): «А. Белый был вообще не человек, а duvnami», т. е. какая-то стихия, одевшаяся в человека (или обросшая человеческою плотью); полуангел-получерт; с него взятки гладки; er hat gar nicht gelebt, er *wurde* gelebt; это, конечно, страшно — быть оседланным гениальностью и ею zu Schanden geritten; поэтому в его индивидуальном отношении к людям, мировоззрениям, произведениям ис-

кусства или науки, ко всему царил принцип, кот<орый> лучше всего выразился в его же любимом словечке: «покакому-то!» И меня он обожал, но — «покакому-то!» — И меня же предавал — тоже «покакому-то!» — Психологически говоря, все у него было «амбивалентно»; он маячился между противоположностями; его любовь это — Hassliebe; но ненависть тоже: Liebehass. Гениальный путаник русской литературы» (СП).

52. Письмо от 25 ноября 1935 г. (БК, МБ 31.43).

53. Письмо к Анне от 14 декабря 1935 г. (БК, МБ 31.43).

54. Письмо к Анне от 13 марта 1936 г. (БК, МБ 31.43).

55. Письмо к Анне от 15 июня 1936 г. из Теплиц-Шёнау (БК, МБ 31.43). В нем он особо упоминает Троцкого и Литвинова. Тем не менее, иногда он испытывал парадоксальную симпатию к (нееврею) Сталину, «откровенному разбойнику» (письмо к Анне от 1 января 1936 г.; БК, МБ 31.43). Сам за себя говорит тот факт, что он согласился со статьей в «Правде» от 28 января (написанной, возможно, Сталиным), которая ниспровергала модернистский «сумбур» Дмитрия Шостаковича (письмо к Николаю от 7 февраля 1936 г.; БК, МБ 31.43).

56. Николай и Анна обосновались в Лондоне, где Николай и умер в 1951 году. Семь лет спустя Анна решила вернуться в Советский Союз, где умерла в 1965 году.

57. Письмо к Анне от 18 марта 1936 г. (БК, МБ 31.43).

58. *C. G. Jung.* Wotan // Neue Schweizer Rundschau. 1936. № 3.

59. Таким образом, Метнер в каком-то смысле повторил кончину своего отца. Степун, который был в Дрездене, сообщил о его последних днях в письме к Анне и Николаю, в сжатой форме переданном в письме Николая от 16 июля своим брату и сестре — Александру Метнеру и Софье Сабуровой в Москве (*Н. К. Метнер.* Письма. С. 480). На похоронах присутствовала группа друзей из Психологического клуба, в числе которых была, по-видимому, Тони Вольф, но не было Юнга.

ЭПИЛОГ

1. Переводчиками были София Лорие, Ольга Раевская и Б. Рейнус.

2. Формальная приветственная телеграмма Фрейду была послана от имени всего Конгресса.

3. Согласно тому, что С. А. Мейер сказал Линде Донн (Freud and Jung. P. 22), у Юнга имелись причины рассматривать Гитлера как пациента. Как раз тогда М. Г. Геринг должен был договориться с ним о консультации для Гитлера, но этого так и не случилось.

4. Diagnosing the Dictators // C. G. Jung. Speaking. P. 126.

5. Diagnosing the Dictators. P. 132.

6. *Hannah.* Jung. P. 265.

7. *Jung.* Memories. P. 275.

8. *Андрей Белый.* Начало века. С. 35.

ПРИЛОЖЕНИЕ*

ПИСЬМА МЕТНЕРА К ЮНГУ[1]

1.

Цюрих. 28.10.1917 г.

Дорогой Юнг!

Вчера вечером не состоялось мое «явление» в клубе (ибо вещь в себе все равно осталась бы дома), потому что после лечения зуба я почувствовал большую усталость, а потом, около девяти часов, у меня неожиданно начался столь бурный приступ отчаяния, что я едва не завыл, как старая баба (или, вернее, как старая дева в беспощадной новелле Хегелера[2]). Я не спал почти всю ночь. Хотел бы сам (прежде чем, «вероятно», расскажу обо всем Тебе) исследовать причину.

Гете. Аф. 273. Это — истинная символика, где особенное представляет общее, не как сновидение или тень, а как жизненное сиюминутное откровение непостижимого.

Аф. 742. Аллегория превращает явление в понятие, понятие — в образ, однако так, что понятие пусть ограниченное, но все же полное, можно удерживать и иметь в образе и по нему опознавать.

Аф. 743. Символика превращает явление в идею, идею в образ, и так, что идея в образе постоянно остается бесконечно действенной и недостижимой и, даже будучи выражаемой во всех языках, остается невыразимой[3].

Нумерация афоризмов приводится по изданию Хемпеля[4].

---

* Перевод с немецкого Г. В. Снежинской.

Что касается аттрактивного (интро?) и экспансивного (экстра?) типов, то достаточно прочесть страницы 22—25 у Гундольфа. Однако Гете кажется аттрактивным от рождения, только не в таком чистом виде, как Данте, чьею полярной противоположностью представляется Шекспир[5].

Третьего дня мне приснилось, что у меня есть сын, только я не знаю, от какой женщины, и не уверен, что отцом действительно являюсь я. Но кто-то мне говорит, чтобы я посмотрел в глаза этому ребенку, глаза у него такие же, как у меня.

С приветом

Твой Э. Метнер.

[1] Сохранилось всего четыре письма Метнера к Юнгу. Они хранятся в архиве Юнга в Цюрихской библиотеке ETH.

[2] Вильгельм фон Хегелер (Wilhelm von Hegeler, 1870—1943), автор занимательных психологических и натуралистических романов. Метнер имеет в виду его рассказ «Старая дева», вошедший в сборник «Пигмалион» (Berlin, 1898 г.).

[3] Три упомянутых Метнером афоризма входят в «Максимы и размышления» Гете. Юнг, вероятно, спрашивал о них в связи с тем, что Метнер актуализировал их во время терапевтической сессии, касавшейся Белого, антропософии и творчества Гете. Двумя годами позднее Метнер снова обратится к этим афоризмам в лекциях по «психологии веры в духов», читанных им в Психологическом клубе (см.: «Über die sog. «Intuition»», с. 60—61, а также прим. 26 к гл. «Последний удар»).

[4] Goethes Werke. Hrsg. G. Hempel. Berlin, 1879. Bd. 19. Sprüche in Prosa.

[5] Теории Фридриха Гундольфа, несомненно, оказали влияние на труд Юнга «Психологические типы». В работе «Гете» (Berlin, 1916) Гундольф проводит различие между аттрактивным и экспансивным типами творческой личности. Творческие личности первого из упомянутых типов, Данте и Гете, пытаются трансформировать «целый мир в свое эго», тогда как для второго типа (Шекспир) свойственно стремление «излить все свое внутреннее богатство во внешний мир» (с. 23).

2.

Цюрих. 15.11.1917 г.

Дорогой Юнг!

Посылаю Тебе два гороскопа — мой и Хедвиг[1]. Интересно узнать, что Ты скажешь.

После моего приступа отчаяния я не приходил к тебе, потому что

хотел справиться с отчаянием самостоятельно, однако не чувствовал в себе достаточно сил, чтобы при возможной встрече не распространяться об этом состоянии и касаться только объективных тем. С другой стороны, я подумал (не знаю, почему, может быть, это — своего рода идентификация?) не будет ли Тебе скучно вновь и вновь выслушивать все те же жалобы. Как я уже говорил Тебе, этот приступ отчаяния начался совершенно внезапно и без всякой осознаваемой мною причины. Неприятная сцена с Рахилью[2] произошла у меня не до, а после приступа. Тогда мне пришлось прервать работу над книгой о Белом, потому что я почувствовал себя совершенно измученным. И тут все пошло еще хуже. Знаешь ли? Я все больше теряю надежду справиться с самим собой. И потом, я действительно сделался духовным инвалидом. Потому что все мои мысли исчезли, а умений у меня никаких нет. И проблема «музыки», как и прежде, остается не решенной. Как только я соберусь ею заняться, на меня нападает парализующая усталость... По-видимому, я иду к идиотизму. Ничего не понимаю и ничего не могу установить, ясно, четко сформулировать, как бывало раньше (правильно или неправильно — другой вопрос). Это касается и анализа. Все же кое-что я прочитал и услышал от Тебя, но я то и дело ловлю себя на том, что, в сущности, во всем, что касается анализа, я пребываю в диком невежестве. У меня было несколько снов, в том числе и сон, в котором присутствовал Ты. Но я не могу их истолковать. (Сейчас, когда я пишу эти строки, у меня вдруг началось кровотечение из носа.) Еще я видел во сне Мартина Лютера[3]. Рахили приснилось, что я умер и что меня, без гроба, несут к месту последнего упокоения две одетые в белое девицы.

Рахиль переписала мой гороскоп и прислала его мне вместе с письмом, по которому можно представить себе, какой разъяренной она иногда бывает.

Итак, до среды! Как, однако, глупо, что мы так редко видимся. И еще глупее то, что я не нахожусь в полном владении своими духовными силами, чтобы обсудить многое, имеющее объективное значение.

С приветом

Твой Э. Метнер.

[1] Хедвиг Фридрих.

[2] Рахиль Рабинович.

[3] Метнер как раз в это время принимал участие в праздновании 400-летнего юбилея Реформации в Цюрихе. Он видел «грандиозную» постановку пьесы Августа Стриндберга о Лютере «Виттенбергский соловей», которая вошла в программу празднования. В письме к Анне от 11.11.1917 г. он называет Лютера «величайшим героем всей христианской эпохи», который преподал человечеству «внутреннюю свободу» (РГБ, ф. 167, карт. 25. ед. хр. 22).

3.

29.01.1918.

Дорогой друг!

Мой δαιμων требует, чтобы я записывал свои сны и связанные с ними идеи. Итак, начинаю. 16—17. 01. Проснулся с бьющимся сердцем, потому что во сне услышал голос, произнесший назидательным и властным тоном следующее: Акарья (Мастер) (или арзуна-арья (герой арийцев)) не имеют права носить меха. 17—18. 01. Ужасающе страшный сон. Вальпургиева ночь. Хаос стремительных движений, производимых отчасти прелестными, отчасти отвратительными созданиями. У знакомых личностей, которые в этом участвуют, искаженные, неузнаваемые лица. Среди них и Анюта[1]. Всюду вокруг шепчутся, что она некромантка (или одержима некроманией — без «т»). Кто-то, омерзительная долговязая фигура грязного серо-бурого цвета, смеется сардоническим смехом и заявляет, что мясо полуразложившихся покойников сладковато на вкус. Я внимательнее присматриваюсь к Анюте и вижу, что у нее идиотическое лицо, выражающее согласие со сказанным. Я беру ее за руку, но она принимается завывать чужим голосом: «*Чего* я как раз сейчас хочу! *Чего* я как раз сейчас хочу!» 18—19.01. В России, в деревне. Где-то далеко от Москвы. Где-то в окрестностях, видимо, живут мои родители. Я приехал из города, где мне пришлось улаживать какие-то скучные дела. Я хочу отдохнуть и развлечься. Поэтому я собираюсь пойти погулять с Верочкой[2]. Но кто-то меня задерживает разговором, и она уходит гулять одна, из-за чего я прихожу в ярость. Вследствие этого огорчения я забываю вовремя купить билет на «Тристана» Вагнера. Этот спектакль должен состояться в Летнем театре. Я все-таки иду туда, причем вместе с Верочкой. Нас все-таки пускают. Партию Изольды исполняет провинциальная актриса, которую я знал много лет назад

в Нижнем Новгороде (знал и лично). Когда мы с Верочкой едем потом домой, она меня ласкает и дразнит, отчего я впадаю в мазохистское настроение. 20—21.01. или 21—22.01. Под утро в полусне я слышу как бы некий голос, который решительно и строго произносит: «Ты забыл о существовании Гафиза, ты, гетеанец, никогда его не читал...» (В тот день я, гуляя, посмотрел на витрину на Кирхгассе и действительно увидел там *Гафиза*, которого тотчас же и купил и весь вечер потом прилежно читал.)[3] 23—24.01. Снова в России, в деревне. Но зимой. Метель. В большом доме холодно, неуютно, и ветер свистит в окна. Дом принадлежит нашим знакомым, но кому — от меня ускользнуло. Мы в гостях — Коля[4], Анюта, Верочка и я. В доме соблюдается строгий придворный этикет, особенно за столом. Мы снова идем в Летний театр, где дают пьесу, которую играют два вечера подряд. Играют только любители, *среди них Духовецкий*[5] (журналист, которого я часто вижу во сне, последний раз — во сне, о котором я Тебе рассказывал в Лугано и в котором пьяный Д. выкрикивал: «Кант!»[6]) и *солнечная полячка*. То, что и она участвует в спектакле, мне, в сущности, не нравится. (Перерыв, потом сон продолжается.) Придя на второе представление, я обнаруживаю, что забыл свой билет дома. Духовецкий проводит меня в театр через вход за кулисами. (Снова перерыв, но на этот раз я окончательно просыпаюсь, потому что быстрый ход событий вызвал у меня астматическую одышку... Что это были за события, у меня в памяти не удержалось, кроме одного, поскольку оно было очень страшным:) Меня подвергают допросу как преступника, потому что мою знакомую нашли мертвой с распоротым животом; подозревают убийство на сексуальной почве; меня спрашивают о том, в каких отношениях я состоял с этой дамой; неясно, кто она — «Солнечная»[7] или «Plusquamperfectum»[8], или кто-то еще, кто соединяет в себе черты той и другой. (После этой части сна я уже не смог уснуть и стал думать то о предстоящей мне, вероятно, операции[9], то о том, что все-таки допустимо (психологически) жить с таким раздвоением души, когда одна ее часть ничего не знает о другой и, следовательно, такой «двойник» может совершить преступление, при том, что здоровое «я» этого не сознает...Ужасна возможность утратить последовательность сознания...Страх операции («моральный» страх, не страх физической боли, которой к тому же и не будет) еще усилился, когда я прочитал у Фрейда, что корни антисемитизма связаны с комплексом страха кастрации[10]. 24—25.01. Анюта лежит где-то в темном углу на жалкой постели и говорит: «Это все, что у меня осталось в жизни». (Перерыв сна). Я провожаю Колю

и Анюту на вокзал. При этом имеются какие-то сложности в общении и внутренние, душевные, а также и светские условные затруднения. (Перерыв.) Я иду домой с вокзала. И тут я замечаю, что нахожусь в Лугано. Сначала — фуникулер, потом — церковь; но кажется, что церковь — это языческий вавилонский храм. Темно. Потом я замечаю жреца, который выступает мне навстречу. У него жуткий взгляд — жестокий, холодный, кровожадный. Он ударяет в ладоши, будто созывая к себе своих подручных. Тут я осознаю, что он хочет меня схватить и принести в жертву своему богу. Я убегаю прочь, но, споткнувшись...просыпаюсь от страха, при этом я чувствую резкую боль в сильно эррегированном пенисе. — Первая идея: Орест у Ифигении в Тавриде[11].)

В воскресенье 26.01. я вместе с Plusquamperfectum побывал на русском балу в Дольдере[12]. Южноамериканские танцы настроили меня глубоко пессимистически: мне показалось, что арийская культура обречена гибели. Арийская не только в этнографическом смысле, но и в духовном, моральном: так, Plusquamperfectum, еврейка, в большей степени арийка, нежели многие «белокурые бестии». Ночью после бала я спал с Plusquamperfectum. Потом (то есть 26—27.01) мне приснилось следующее. Передо мной висит картина (пастель): горный ландшафт, облака, которые похожи на быков, и коровы, похожие на облака. Иные из них лежат на спине, подняв к небесам ноги, на камне сидит мальчик пастушок. При пробуждении мне пришло на ум стихотворение Тредиаковского, русского поэта 18 века, который писал, вроде как Опиц, бездарные, но по форме совершенные вирши[13]. Это двустишия для календаря:

Зима:
Die Flüsse werden mit Eis bedeckt
Die Menschen legen Pelze um*.

Весна:
Auf der Wiese liegen sieben fetten Kühe
Und recken ihre Beine zum Himmel.**

* Поток покрывается льдом
Люди одевают шубы (*нем.*)

** На лугу лежат семь жирных коров
И вытягивают свои ноги к небу (*нем.*)

Потом вдруг — двустишие Гете:

Von der Gewalt die alle Menschen bindet
Befreit der Mensch sich, der sich überwindet[14]*

В течение недели, когда мне приснились все эти сны, я чувствовал себя то глупым и тупым, то голова была светлой и удивительно восприимчивой. Я то не мог спать вообще, то ощущал сильную сонливость и спал сладко по десять часов.

30.01.1918 г. Только что перечитал то, что записал вчера, и, когда прочел вторую половину сна с 24 на 25 января, расхохотался, потому что мне вдруг явилась остроумная (но все же, по-видимому, абсурдная) мысль: а не есть ли Лугано — Таврида, ты — Пилад, Тони — вавилонский жрец и в то же время Ифигения?.. Над этим я в одиночестве так безумно хохотал, что потом у меня даже возникли опасения, не сочтут ли меня за сумасшедшего госпожа Имбер[15] и другие обитатели дома.

Я думаю, что такие индоарийские указания (как указание о недопустимости ношения мехов), являются попытками отвлечь меня от Гете. В качестве противоположного символа появляется Гафиз, то есть восточная маска Гете. Конечно, Гафиз — великий, конечно, в своей наивности он превосходит Гете величием, но мудрость Гафиза примитивнее, его горизонт значительно уже и его искусство однозвучнее, одномернее, в нем нет мощных подъемов и перспектив.

Однако именно Гафиз не только составляет противоположность акарьи (или арзуна-арьи), но скорее их синтез. Потому что Гафиз — это псевдоним и означает «хранящий», то есть тот, кто знает наизусть Коран. Мохаммед Шемседдин Гафиз стал мастером, дервишем, почти святым; его называли «мистическим языком» и «перелагателем тайн». Гафиз стал шейхом (главой) дервишей...И все же он все променял на любовь. И в грехе он остался святым и стал даже еще святее, чем был ранее. «Не отворачивайся от могилы Гафиза. Даже когда он совершает грех, он уповает на Бога». Книга стихов Гафиза открывается мазохистским стихотворением... Он отважный мазохист:

---

* От власти, сковывающей всех людей,
Освободится тот, кто превозможет самого себя (*нем.*).

у него нет страха перед этим «извращением». Конечно, и любовь его великолепна. Расточительная, но при этом не «романтическая», а реальная, то есть трансцендентальная. —

Anf. Krönt meine Sünde mit Lob und Preis,
Wer so wie Hafis zu sündegen weiss
Zieht einst in Allahs Rosenhain
Begnadet und mit Zimbeln ein*

Du fragst mir, wo mein Glauben ist? Versunken.
Und meine Tugend? Ganz und gar vertrunken.
Das schönste aber ist mir treu geblieben:
Betrunken sein und lieben, lieben, lieben.**

Гафиз, подобно Шиллеру, воспевает радость: «Только благодаря радости ты воссоединишься с Богом». Как и Ницше, он разрешает антитезу добра и зла и «перемещает рай» в сей мир. Только благодаря эросу он обрел свою душу и тайну своей души:

Nimm dir den liebevollen Sinn der Muschel,
Die man aus ihrem Meeresfrieden riss,
Zum Vorbild: — und beschenke den mit Perlen,
Der dich zerschlägt, so dass du sterben musst.***

Таков Гафиз. Но главное все же состоит в том, что он, как мастер, не только является противоположностью акарье, но и носит меха, несмотря на то, что он — мастер. Явление в полусне имени «Гафиз»

---

* Хвалите грех мой,
Тот, кто грешил, как Хафиз,
Войдет, некогда, в розарий Аллаха,
Прощенный, под звуки цимбал (*нем.*).

** Ты спрашиваешь меня, где моя вера? Утонула.
А моя добродетель? Выпита до дна.
Но я остаюсь верен прекраснейшему:
Быть пьяным и любить, любить, любить (*нем.*).

*** Возьми за образец полный любви разум раковины,
Разлученной со своей морской колыбелью.
И одари жемчугом того,
Кто разъял тебя так, что ты должен умереть (*нем.*).

в качестве компенсации (не полярной, а дополняющей противоположности) акарьи имеет еще и то значение,что иранское мне ближе, чем индоарийское. Дочитав Гафиза до конца, я взял книжку «Гете и Лафатер» и в ней сразу нашел очень важное место. А именно, о том, что тот же Гете, дописавший четыре дня тому назад проповедь, которую начал писать Лафатер, и притом завершивший ее так, что, когда Лафатер прочел ее в церкви, община была глубоко растрогана, — тот же самый Гете пишет в стихотворении «В четверг, утром на Цюрихском озере»:

Ohne Wein kan's uns auf Erden
Nimmer wie dreyhundert werden
Ohne Wein und ohne Weiber
Hohl der Teufel unsre Leiber.[16]*

А Лафатер пишет, что его душа жаждет обучаться богословию у доктора права (Гете)[17].

Первый сон (17—18.01. Вальпургиева ночь) оказывает ужасающее действие. Мне становится плохо, когда я о нем думаю. И мне кажется, что он означает что-то очень тяжелое, окончательное. Не то ли, что прошлое вообще, и не только мое личное прошлое, но и все, то есть и занятия с великими мертвыми, надо оставить? Или следует заниматься ими только так, как я на этой неделе занимался Гафизом — бодро, prestissimo, как будто Гафиз при том присутствовал, совсем живой? — Россия для меня только прошлое, потому что новая максималистская Россия — это неизвестная величина, которая к тому же переживает органический распад. Вспоротый живот асоциируется с прооперированным (кастрированным) пенисом. — Последовательность сознания. Plusquamperfectum недовольна тем, что я при коитусе остаюсь в сознании. Гафиз пишет:

Wenn der Verstand es wüste, wie unendlich herrlich
Es sich in Liebeswahnsinn beieinander ruht, —
Ich glaube wohl: wenn das der ärmste wüsste
Verlor er ganz und völlig... den Verstand.**

* Без вина никогда нам не будет триста
Без вина и женщин пуста наша утроба (*нем.*).

** Если бы рассудок знал, как бесконечно величественно
Покоятся вместе в любовном безумии —
Я думаю: если бы это знал наибеднейший
Он совершенно потерял бы... рассудок (*нем.*).

Догадка о Лугано—Тавриде кажется мне сейчас скорее безумной, чем остроумной. Кроме того, она не соотносится с первой частью сна (24—25-го). В этих южноамериканских танцах заключено нечто дьявольское, нечто от Вальпургиевой ночи. Если бы там танцевали негры, то все было бы примитивно-мило. Но эта лишенная страсти непристойность...— И тут Гафиз опять же прав:

Nichtswürdig bist du, wenn gemeiner Sinn
Und Roheit dich beim Sündetun beherrschen,
Doch wenn du lautern Herzens Sünde tust,
So ist die Sünde etwas strahlend schönes,
Und du wirst herzhaft sündigend zum Gott.*

Ну, довольно! Я зафиксировал главное, и, если у Тебя не будет времени на этой неделе, то мы можем подождать следующей.

Твой Э. Метнер.

[1] Анютой в семье называли Анну Метнер.

[2] Вера Метнер, в замужестве Тарасова (1897—1986) дочь Карла Метнера. Э. Метнера с ней связывали дружеские отношения, нередко переходившие в шутливое поддразнивание и флирт.

[3] Hafis. Nachdichtungen der Lieder. (Uebersetzt von H. Bethge) Leipzig, 1917.

[4] Николай Метнер.

[5] Весьма вероятно, что Метнер незадолго до того встречался с Юнгом (и Тони Вольф) в Кастаньоле близ Лугано. По-видимому, Юнг встретил здесь новый 1918 год, как и тремя годами ранее.

[6] Федор Духовецкий, друг юности Метнера, который в 1902 году привлек его к работе в газете «Приднепровский край».

[7] «Солнечная», одно из первых любовных увлечений Метнера. В письмах к Анне он постоянно использует это прозвище.

[8] Прозвище, данное Метнером Рахили Рабиновнч.

[9] Очевидно, Метнер должен был пройти операцию в нижней части брюшной полости.

---

* Ты недостоин, если для тебя важнее всего в грехе
Общепринятое и грубое
Но если ты грешишь с чистым сердцем,
Тогда грех — это нечто сияюще прекрасное,
И ты отважно грешен перед Богом (*нем.*).

[10] Статья Фрейда «Фобия пятилетнего мальчика» (1909) в подстрочном примечании (Complete Psychological Works, vol. 10, London, 1986. P. 36) содержит разъяснение о том, что страх кастрации является основной причиной антисемитизма. В очень раннем возрасте услышав о том, что у евреев производится обрезание, мальчики испытывают к последним презрение. Это рассуждение Фрейда, по-видимому, произвело на Метнера сильное впечатление, ибо в письмах к Анне на протяжении нескольких лет он более или менее эксплицитно указывает на свой страх кастрации.

[11] Ссылка Метнера на древнегреческий миф, несомненно, связана с драмой Гете «Ифигения в Тавриде», сюжет которой восходит к Еврипиду. Преследуемый эринниями матереубийца Орест был схвачен вместе со своим верным другом Пиладом после прибытия в Тавриду, где они надеялись снискать милость Артемиды. Орест осужден и по приговору должен быть принесен в жертву богине. Жрица храма Артемиды оказывается сестрой Ореста, Ифигенией. В финале оиа бежит вместе с братом.

[12] Гостиница в Цюрихе.

[13] Василий Тредиаковский и Мартин Опиц имеют некоторые черты сходства. Однако они не были современниками, годы жизни Опица: 1597—1639, Тредиаковского: 1703—1768.

[14] Стихи 191 и 192 поэмы Гете «Тайны». В первой строке вместо «люди» (Menschen) в оригинале «существа» (Wesen).

[15] По-видимому, хозяйка квартиры на Гемайндештрассе, 4, где Метнер жил в то время.

[16] Из Швейцарского дневника Гете, июль 1775 года. Авторство этих строк подвергалось сомнению.

[17] Goethe und Lavater. Briefe und Tagebücher. Hrsg. H. Funck. Weimar, 1901. S. 4.

4.

Цюрих. 8.03.1918 г.

Дорогой Юнг!

У меня кашель и сильный насморк. Иначе я бы уже давно Тебе телефонировал насчет моего визита. Надеюсь, однако, что все Вы там, на Цюрихском озере, выздоровели?

Пытался читать Упанишады! Да! Моя голова их не воспринимает. Противоречия Дейссена дают мне больше[1]. Для этой древнейшей пищи я слишком испорчен.

Психические, но также и физические последствия аффекта в день 21.02. все еще ощутимы. Я не могу быстро двигаться, не чувствуя

при этом усталости и дрожи в коленях, и не могу предпринять никакого усилия, если занимаюсь умственной работой. И настроение чертовски безнадежное.

Незадолго до наступления аффекта у меня было несколько особенно светлых дней, которые прошли довольно продуктивно. И теперь иногда кажется, что черт (respective чертовка) у меня их безвозвратно похитил.

К разделу о Гафизе. 1) 27.02. я побывал на вечере швейцарских народных песен. Одна песня (превосходная и с чисто музыкальной точки зрения), *Гзетцли*, в последнем куплете имеет гафизовский мотив:

Der Liebgott im Himmel
Und's Schätzli im Arm;
Der Liebgott macht sälig
Und's Schätzli git warm* —

2) И в «Зеленом Генрихе» (*абсолютно великое* произведение, не менее гениальное, чем эпосы Толстого, и намного, намного прекраснее), в т. 1 на с. 219, где добрый Бог выступает как покровитель и защитник художников-пейзажистов, тоже светится гафизовский мотив, тот же, что и в Гзетцли[2]. Это... Упанишады!

Со времени моего последнего письма у меня было огромное количество снов. Записываю здесь только те из них, которые непосредственно связаны с более ранними снами.

31.01. Мы с Тобой едем куда-то, путешествуем, и Ты забываешь мне сказать, что я должен взять с собой какую-то вещь, из-за этого возникает какое-то неудобство или недоразумение. В городе, где мы находимся, я дважды совершаю одну и ту же ошибку: мы живем в пригороде, куда надо ехать трамваем (как в Кастаньолу), но я сажусь в вагон поезда железной дороги (или наоборот).

---

* Добрый Бог на небесах,
А милая в моих объятьях,
Добрый Бог дает блаженство,
Милая дает тепло. (*нем.*).

01—02.02. Сновидение с призраком Вечно-пустого, которое похоже на еврея с уланской каской (ореолом) на голове. Этот сон я Тебе рассказывал[3].

06—07.02. Некий голос говорит мне: Ты должен записать твои магометанские мысли!

10—11.02. Я написал книгу об аскетизме. И Рахиль отдает книгу в переплет и дарит мне ее ко дню рождения (или к Рождеству).

16—17.02. Некий голос говорит мне: Где Кассандра? Всюду, где есть Агамемнон, должна быть и Кассандра. (См. сон с 24 на 25. 01. и догадку от 30.01. Ифигения — дочь, а Орест — сын Агамемнона; род Тантала)[4].

Первая догадка была следующая: вождь с душой пророка.

«Агамемнон ушел с Кассандрой, которую он вырвал из диких объятий Аякса Эвлидского» — Шваб, с. 144—145[5].

Кассандра была жрицей Афины Паллады. — Недавно я где-то прочел глоссу , посвященную мифу о рождении Афины из головы Зевса (или мне только кажется, что я это прочел?) и теперь, после этого сна, я не мог вспомнить эту глоссу.

Пара Агамемнон и Кассандра была убита парой Клитемнестра и Эгисф[6].

17—18.02. Кто-то приехал из Голландии, кто мог бы привести все к примирению и прощению. Догадки: оптимист Гемстергюйс, Летучий Голландец, Гуго Гроций, Международный Гаагский трибунал, Эразм Роттердамский, Рембрандт как воспитатель, а также и амстердамский Зеленый лик[8], и Петр Великий как саардамский плотник, и яванский голландец, который в Ницце дал Ницше сильнодействующее яванское снотворное, которое тот, как говорят, слишком часто принимал перед тем, как с ним случился кризис (вопреки предостережениям голландца); и антропософия, которая желала бы все привести к равновесию и музейному состоянию.

23—24.02. Мы с Тобой где-то бродим, здесь же и Рахманинов. Мы с Тобой должны были пойти еще куда-то, чтобы взять там наши книги и одежду, но мы забываем об этом, и теперь приходится спе-

шить, чтобы не опоздать на поезд. Я куда-то ненадолго отлучаюсь вместе с Рахманиновым. Вернувшись, я вижу, что ты с каким-то неизвестным пьешь ликер из больших пивных кружек . (Этот сон был первым после аффекта, произошедшего 21.02.) — 26—27.02. Мне снилось, что я упал в обморок.

01—02.03.1918 а) Я женюсь на дочери Толстого; б) Я женюсь на дочери Никиша.

Потом я проснулся и больше не мог заснуть, был очень подавлен, и в состоянии полусна мне показалось, что обе женитьбы должны иметь очень большое значение и что случилось что-то, чего уже нельзя ни исправить, ни отменить.

3—4. Коля молодой, как будто мальчик. У него, как это и было действительно в его детстве, золотистые волосы, и он немного похож на девочку. Рахиль смотрит на него и говорит мне: да это же феминизм. Я просыпаюсь, и в полусне в голове у меня проносится следующее, я это записал позже в состоянии полного бодрствования: казалось, будто я даю для кого-то толкование этого сна и предполагаю, что Коля — андрогинное и аполлоническое начало во мне, то есть, сон означает, что у меня творческий подъем; может быть, благодаря высыханию в процессе аффекта всего водянистого, что есть в моей душе; но тот, кому я даю такое толкование сна (он похож на известного маздазданиста[9]) отвечает: «Чушь! Это анальная эротика, и прав маздазнанист; пожалуйста, взгляните на эту реторту». Я заглядываю в реторту и умираю от отвращения, в реторте, погруженное в спирт, движется что-то бесформенное, что-то грязно-желтого цвета, эмбрион или осьминог; однако чем дольше я разглядываю этого урода, тем больше крепнет мое убеждение, что несмотря на свою омерзительность он похож на андрогинное явление Коли; фрейдист-маздазданист видит, что я ошеломлен, и говорит, торжествуя: этот уродец был внутри вас!

04—05.03. Я вижу себя в рыцарских доспехах, которые однако же совсем легкие, как будто сделаны из папье-маше или из алюминия; на груди у меня (на панцире) надпись по-немецки: Никакая вера не может заменить знание (но также и наоборот).

06.07.03. Готфрид Келлер должен сделать что-то, что должен сделать и я; он делает это раньше меня (что — я забыл), я же не могу

этого сделать, или у меня не хватает мужества. Тут появляется мой отец, и я просыпаюсь.

07.08.03. Мы с Тобой вместе где-то. Но мне нужно уходить. Ты заводишь долгий разговор со мной, и теперь уже я не успеваю на утренний поезд; я решаю ехать вечерним поездом, но он не указан в сокращенном расписании движения поездов. Следовательно, я должен заночевать в гостинице. Мой номер меж тем заняли, и мне предоставляется другой, в котором слышен уличный шум, и он находится ближе к строящемуся дому. Одновременно я читаю письмо: один знакомый, который резко настроен против войны, пишет мне: «Ах, закажите, если ничего другого не выйдет, отливку вашей головы в военном департаменте, чтобы голова ваша была из пушечной стали»[10].

07.08.03. (В ту же ночь) Я рассказываю Тебе и Тони Вольф, что Рахиль меня истязает.

Я хочу спросить Тебя (потому что мне это все время приходит на ум!): 1) В каких случаях бывает, что либидо (или нечто посредством либидо) разделяется на пары противоположностей просто так (то есть, не благодаря сознательному подходу); 2) В каком отношении между собой находятся экстаз и хтоническое, и 3) неврастения, невротические фобии и неврозы навязчивых состояний (*юнговские* по терминологии!)

И еще кое-что. Врач Рахили считает, что она не может сама надеть кольцо, и она действительно не могла его надеть.

Когда на следующей неделе Тебе было бы удобно поговорить?

Твой Эмиль Метнер

[1]Пауль Дейссен (1845—1919) — немецкий индолог, автор многочисленных трудов по ведийской философии. Метнер опубликовал одну из его работ в «Мусагете» в 1911 г. (см. выше, прим. 4 к гл. «Встреча Белого со Штейнером»).

[2] В конце первого тома романа Г. Келлера «Зеленый Генрих», прославленного произведения швейцарской литературы, молодой герой говорит, что видит в Боге «друга и покровителя художников-пейзажистов».

[3] «Вечно-пустое» — термин Юнга, обозначающий сущность космического вакуума, который противопоставлен «вечно-женственному». Впервые он употребил этот термин во время терапевтической сессии с Метнером в начале 1915 г.

[4] Агамемнон взошел на престол в Микенах после изгнания Эгисфа. Он был известен своей храбростью, которую проявил в ходе Троянской войны. После падения Трои прорицательница Кассандра, дочь царя Приама, стала его пленницей.

[5] Имеется в виду следующий фрагмент из Густава Шваба («Die schönsten Sagen des klassischen Altertums. Nach seinen Dichtern und Erzählern», Bd. 2:5, Kap. 9): «Ему (Менелаю — *М. Ю.*) на помощь пришел его брат Агамемнон, с высокой Кассандрой, которую он вырвал из неистовых объятий Аякса».

[6] Клитемнестра — супруга Агамемнона, обольщенная Эгисфом в то время, когда Агамемнон был на войне. С Эгисфом вместе они убили Агамемнона и Кассандру, когда те вернулись из Трои. Орест отомстил за смерть отца, убив свою мать.

[7] Франц Гемстергюйс (1721—1790) — голландский философ, идеалист и пантеист.

[8] Роман Густава Мейринка «Зеленый лик» (Лейпциг, 1916) повествует о группе амстердамских мистиков, которые нашли свой путь к древу жизни Каббалы хасидов (Chidher Grün). «Зеленый лик» древа воплощает сущность одухотворенной любви.

[9] Вильгельм Варшатка.

[10] Незадолго до этого Эдуард Бик выполнил бронзовую скульптуру головы Метнера. См. также письмо Юнга Метнеру от 20. 02. 1918 г. (№ 6).

ПИСЬМА ЮНГА И ЭММЫ ЮНГ К МЕТНЕРУ

5.

11.10.1917 г.
Кюснахт, Цюрих,
Зеештрассе, 228

Дорогой Метнер!

Придешь ли Ты к ужину в пятницу, завтра, 12.10 в семь часов? Буду рад с Тобой увидеться.

С дружеским приветом

Твой Юнг.

РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 14, ед. хр. 62.

6.

20. 02. 1918 г.
Кюснахт, Цюрих,
Зеештрассе, 228

Дорогой Метнер!

Очень хотелось бы увидеть Твою бронзовую копию, однако я в любом случае еще довольно долго не смогу выходить. Придется уж Тебе самому как-нибудь прийти ко мне. *К тому же сегодня ночью Ты мне приснился.* Снилось, что Ты хочешь испытать «переживание Индии», как ты сказал, потому что Ты «считаешь, что это необходимо для Твоей работы». С этой целью Ты хочешь посетить *отряд сига-*

лезцев или еще какую-нибудь выставку курьезов, на что я довольно сердито возразил тебе: «Индию переживешь в Упанишадах. Вот туда Тебе и нужно отправиться».

У меня настоящая детская болезнь в самой зрелой форме, приступы кашля, то есть pertussis vulgaris. По временам бывает небольшой жар, посему лежу в постели. Если не боишься инфекции, приходи, я буду рад. Я, правда, иногда хриплю, так что разговаривать смогу только шепотом, приходится беречь горло.

Но я могу много читать про себя. Кое-что написал в те периоды, когда не было жара.

С дружеским приветом

Твой Юнг.

Телефонируй, когда соберешься приехать. Можно в любое время, кроме четверга и второй половины дня и вечера воскресенья.

7.

01. 05. 1918 г
Кюснахт, Цюрих,
Зеештрассе, 228

Дорогой Метнер!

Твое письмо, конечно, осталось без ответа, и, конечно, не по злому умыслу, а потому что я в тот день снова сделал попытку вернуться к работе в полном объеме. Тогда накопилась такая гора корреспонденции, что Твое письмо потонуло в общем половодье. Но едва я снова приступил к работе, как тут же произошел рецидив болезни, а с ним и полная неспособность заниматься чем-либо.

Может быть, приедешь в ближайшую пятницу, 03. 05, к семи часам поужинать? Тогда мы смогли бы все прочее обсудить лично.

С дружеским приветом

Твой Юнг.

8.

16 ноября 1918 г.
Шато д'Э

Дорогой Метнер!

Извини за то, что запоздал с ответом. Дело в том, что я был страшно занят, поскольку большинство моих врачей забрали по мобилизации. К тому же через 10—12 дней прибудет транспорт со всеми интернированными, и из-за этого я завален подготовительной работой, иногда бываю занят до десяти часов вечера. Поэтому не советую Тебе приходить. Лучше отложим все до начала января, когда снова у нас будет сопереживание под солнцем Юга. В остальном я ничего больше от Тебя не получил, и меня просто злит то, что Ты здесь, а у меня нет возможности поговорить с Тобой. Вероятно (?), дней через 12—14 я вернусь.

С дружеским приветом

Твой Юнг.

9.

19. 01. 1919 г.
Кюснахт, Цюрих,
Зеештрассе, 228

Дорогой друг!

Сердечно благодарю Тебя за твое дружеское письмо и поздравление с Новым годом. Да, мир с тех пор еще раз перевернулся. Посредством реализации чувств за ним не поспеть. Мне пришлось отказаться от послечувствования из-за слишком большого «натиска материала». Т. Вольф немного мне рассказала о Тебе. Она самоотверженно ухаживала за мной и моей женой во время гриппа.

Не сможешь ли Ты прийти в Клуб в *ближайший* вторник, в четыре часа, выпить со мной чаю? У меня будет час или два свободного времени. Я еще не вполне способен работать.

Для Тебя, наверное, ужасно сознавать, что Твои близкие пребывают в этом аду дураков. Будем надеяться, что весной большевизм будет раздавлен Антантой.

С дружеским приветом

Твой Юнг.

10.

24. 04. 1919 г
Кюснахт, Цюрих
Зеештрассе, 228

Дорогой Метнер!

Для меня было бы удобнее всего, если бы Ты пришел как-нибудь вечером, часов в восемь. Предлагаю понедельник, 28. 04.

К письму прилагаю билет на премьеру Ильга[1] в Пфауен-театре[2], в субботу 26 апреля. Пьеса называется «Вождь» и должна познакомить публику с сущностью ψα. Автор лично пригласил меня. Но у меня непреодолимое нежелание идти. Тебе же я был бы чрезвычайно признателен, если бы Ты выступил там вместо меня в качестве зрителя. Вместе с тем, я был бы Тебе благодарен, если бы Ты потом рассказал мне о своих впечатлениях.

С дружеским приветом

Твой Юнг.

[1] Пауль Ильг (1875—1957) — швейцарский поэт, прозаик, драматург. Пьеса «Вождь» («Der Führer») относится к его наиболее известным произведениям.

[2] Пфауен-театр — Цюрихский драматический театр.

11.

04.03.1920 г.
Кюснахт, Цюрих
Зеештрассе, 228

Дорогой друг!

Большое спасибо Тебе за перечень трудов. Я, разумеется, сохраню его надежнейшим образом. Статья Бодуэна меня заинтересовала[1]. Моя книга о типах, в сущности, готова, однако я все еще «подчищаю» ее: там были кое-какие ошибки, то есть ошибки, которые я заметил; о тех, которые я не заметил, поневоле приходится умолчать. Все виды созерцания искусства, по-моему, — зло. Допустимы только античность и раннее средневековье, а также древнейшая история. В субботу я уезжаю в Тунис, чтобы увидеть Карфаген и прочее. В начале апреля я вернусь и тогда надеюсь увидеться с Тобой.

С сердечным приветом

Твой Юнг.

[1] Шарль Бодуэн (1893—1963) — французский психолог, впоследствии профессор Института Руссо в Женеве. В 1919 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Внушение и самовнушение», в которой ощутимо влияние женевской школы психоанализа и психологии. В 1922 г. опубликовал «Этюды о психоанализе».

12.

Сус, март 1920 г[1].

Дорогой друг!

Сегодня получил Твое письмо и должен немедленно отреагировать на него, по крайней мере, в согласии с моим чувством. Едва ли мне удастся по-настоящему что-то высказать, потому что предо мной Африка, жестоко-прекрасная, кровожадная* земля, горячая и сухая, с внезапным холодным ветром из скалистых пустынь Атласа, — пыль, в которой Озирис, кроваво-красный, гибнет в багрово-лиловом жертвенном дыме, — чудесное плодородие жирной бурой земли, зеленые нивы, такие зеленые, что даже не верится, — по слепяще белым* дорогам тяжелой* поступью* идут* верблюды*, — уединенные внутренние дворики по ту сторону зелено-синих украшенных майоликой ворот. В воздухе пахнет тонкой, то есть утонченной грубостью и жестокостью, и от этого все вокруг так устрашающе прекрасно. Понимаю Августина и его раздвоенность*, и то, что он благодарил Бога, за то, что Он не призвал его к ответу за его сны*[2]. Понимаю и тонкость в одном сочинении Тертуллиана: De virginibus velandis — здесь так и должно быть[3]. Арабы ведь именно так и поступают. Здесь есть *ужасно* красивые глаза, не печальные, как у животных, глаза дикарей, но глаза живые и еще полные отблесков памяти животного, — страна и люди, которые долго еще не смогут быть христианскими. Все здесь сплавляется в единое целое — народы и культуры. Ты видишь все оттенки кожи, от белого до иссиня-черного. Тут есть рыжеволосые кабилы, которые вполне могли бы происходить из Ломбардии. Ты видишь здесь самых отверженных из людей и видишь самую благородную разновидность средиземноморского человека.

Таинственней всего здесь ночи первой четверти луны, когда она в неописуемой серебряной чистоте плывет по ясно-темному небу Африки. Символ пунических могил в Карфагене ☾*, и самой Астарты, стал мне понятен, когда я впервые увидел, как луна медленно опускается над вершинами пальм. Это настроение с непревзойденной точностью передал Флобер, только он излишне громогласен для нынешней Африки, которая спит и ожидает нового откровения культуры[4]. Все здесь — ожидание, потому что все старое — Карфаген, Рим и ислам — распалось, и все оно еще живо. Женщины еще ходят к источникам со своими античными амфорами, и мавританское средневековье еще не завершилось.

Я прибыл сюда по внутренней необходимости, давно подготовленной моим подсознанием, для грандиозного символического действия, но пока что смысл его темен.

Характер ландшафта и мавританских построек чудовищно интровертный, колоссально импонирующий, но все пока что остается недоступной загадкой. Оно определенно связано с чем-то средним между Востоком и Западом, но размышлять здесь невозможно.

Я вернусь в начале апреля. Зигг[5] передает Тебе дружеские приветы.

Может быть, я отправлюсь еще южнее вглубь континента.

С сердечным приветом

Твой Юнг

* Звездочкой отмечены предположнтельно читаемые неразборчиво написанные слова.

[1] Это письмо явно перекликается с письмом Юнга к жене из Сус от 15.03.1920 г. Отрывки из него опубликованы в Приложении к кн.: *Jung*. Memories, Dreams, Reflections.

[2] См.: Исповедь, 10 кн., параграфы 41—42.

[3] В сочинении Тертуллиана «De virginibus velandis» (написанном в Карфагене в 208—209 гг.), говорится, что все женщины, замужние и незамужние, во время богослужения должны носить чадру.

[4] Роман Густава Флобера «Саламбо».

[5] Герман Зигг (?—1927) — коммерсант из Кюзнахта и член правления Психологического клуба. Как и Метнер, вместе с Юнгом путешествовал в Альпах. Юнг сопровождал его в деловой поездке в Алжир и Тунис.

13.

22.06.1921 г.
Кюснахт

Дорогой друг!

Сердечное спасибо за то, что ты любезно прислал мне свой Separatum[1].

Мне совершенно неизвестно, что был сделан перевод «Tatbestandes». Я тоже считаю это крайне маловероятным.

С наилучшими пожеланиями

Твой Юнг.

[1] По-видимому, экземпляр «Meister Nikisch» Метнера с дарственной надписью Юнгу.

14.

01.09.1925 г.
Кюснахт, Цюрих,
Зеештрассе, 228.

Дорогой Метнер!

Наверное, нужно как-то уладить дело с Le Lay[1]. Во всей этой истории я толком так ничего и не понял. Я завален работой и совсем не в курсе дела. От Европы я спасаюсь у негров, которые не пишут, не читают и тем более не переводят книг[2].

С сердечным приветом

Твой Юнг.

К письму — одно приложение![3]

[1] Ив Ле Лэ (1888—1965) — французский преподаватель философин. Предложил, чтобы «Либидо, его метаморфозы и символы» были изданы во Франции с написанным им введением. Юнг намеревался готов был привлечь к этому проекту Метнера, который через Николая и Анну был связан с Францией. См. также прим. 1 к письму 16.

[2] Юнг предпринял исследовательскую поездку по Восточной Африке в середине октября 1925 г. и вернулся из нее в конце того же года.

[3] Вероятно, письмо от Ле Лэ.

15.

13.11.1926.
Кюснахт, Цюрих,
Зеештрассе, 228.

Дорогой Эмиль!

Карл передает Тебе прилагаемое к сему письмо для ознакомления и просит сказать Тебе, что он готов послать один экземпляр Пайо[1], поскольку, по его мнению, интересы дела требуют согласиться с предложением Пайо.

С дружеским приветом

Эмма Юнг.

Пожалуйста, ответь поскорее.

[1] Густав Пайо (Payot, 1884—1960) — основатель лозаннского издательства Payot—Paris, впервые издавший Юнга во Франции, в переводе, выполненном д-ром Гранжан-Баярдом в 1928 году по исправленному изданию «Психологии бессознательных процессов» 1926 г. и озаглавленном «L'Inconscient dans la vie psychique normale et anormale» («Бессознательное в нормальной и больной жизни души»). Письмо Пайо к Юнгу, содержавшее, очевидно, предложение о работе над книгой, было передано Метнеру.

16.

01. 02. 1927 г.
Кюснахт, Цюрих,
Зеештрассе, 228.

Мой дорогой Метнер!

Прилагаю к письму «Введение»[1] Ле Лэ. Оно превосходно. Несколько мелких пожеланий я сообщил ему лично.

От Тони я узнал, что с г-жой Маккормик снова сложности. Если сочтешь нужным, я охотно окажу на нее влияние. Ее адрес, Lake Shore Drive, 1000, не изменился?

С сердечным приветом

Твой Юнг.

[1] В 1927 году Ле Лэ получил от Метнера разрешение на перевод сочинений Юнга на французский язык. Ряд его переводов был опубликован с 1931 по 1970 гг. В пись-

ме упоминается «Введение» к книге «Либидо, его метаморфозы и символы», которая вышла в Париже в переводе Лун де Воса («Méthamorphoses et symboles de la libido», 1931).

17.

14. 02. 1927 г.
Кюзнахт, Цюрих,
Зеештрассе, 228.

Дорогой Эмиль!

Карл вот уже восемь дней как лежит в постели, у него грипп. Он велел передать Тебе, что вашу беседу по этой причине нужно немного отложить. Надеюсь, что на следующей неделе он полностью поправится, ему уже сейчас лучше, правда, временами все еще повышается температура, и он пока еще чувствует большую слабость.

Запрос полиции до сего дня не поступил.

Сердечный привет от нас обоих

Эмма.

18.

27 июля 1927 г.
Кюзнахт, Цюрих,
Зеештрассе,228.

Мой дорогой Метнер!

Вот Тебе известие из Чикаго! Пожалуйста, напиши свое мнение о нем.

Мой теперешний адрес: Сен-Галлен, Боллинген, д-ру Юнгу.

Сердечные приветы и пожелания успешного лечения на водах

Твой Юнг

19.

(17. 08. 1927)

Дорогой Метнер!

Спасибо тебе за письмо! Я написал г-же Маккормик, что ее план не feasible* и что не Ты concerned** с французским заданием, а Ле Лэ[1]. Прибавлю несколько острых замечаний по этому поводу. Разумеется, за всем этим стоит свинья Кренн[2]. Он ловко приспосабливается к ее психологии — с этим придется смириться.

Что же дальше?

С сердечным приветом

Твой Юнг.

Боллинген

[1] См. прим. 1 к письму 16.

[2] Эдвин Кренн.

20.

12. 03. 1932 г.

Дорогой Эмиль!

Большое спасибо Тебе за твое дружеское письмо! Я питаю столь благоговейное почтение к величию человеческих заблуждений, что прибегаю перед лицом их величества к англосаксонской учтивости, чтобы даже наилучшую истину — как создание человеческое — преподнести в скромном одеянии «working hypothesis»***. Пусть это тебя разозлит.

Твоя фотография[1] меня заинтересовала. Слишком интенсивная сфера бессознательного как pendant к словно бы перекрытой сфере сознания — из-за этого слишком велика дистанция между сознательным и бессознательным. Вверху слишком много опрятной интел-

* исполним (*англ.*).

** связан (*англ.*).

*** рабочей гипотезы (*англ.*).

лектуальности, внизу слишком силен дух джунглей. Что-то от русской души довоенного времени. Там, где находится главная точка [☉!!], там он слабее всего, то есть разделен на пары противоположностей, отсюда напряженность и спазм, отсутствие спокойствия и склонность к одержимости. Засвидетельствовано: опорожнение бессознательного в фантастических формах с последующими попытками понимания. Несокрушимый могильный камень в сознании должен быть взорван.

С дружеским приветом

Твой К. Г. Юнг

[1] Фотография Адольфа Гитлера.

21.

31. 01. 1933 г.
Г-ну Э. Метцеру
пансион Le Vert Logis,
Rue du Cours, 6,
Montmorency.
Seine et Oise.
France.

Дорогой Эмиль!

Большое спасибо за курьез. Недавно я получил из Голландии очень похожий запрос, там очевидно обо мне тоже печется маленький союз душ.

То, что Ты пишешь о Рубаркине (так. — *М. Ю.*) меня тоже очень заинтересовало[1]. Горько было узнать, что Ты так измучен. Жаль, что я не могу колдовать с помощью телепатии. Даже здесь я этого не могу, потому что в настоящее время я тоже вынужден лежать в постели из-за совершенно не нужного мне гриппа или чего-то вроде гриппа. Времяпрепровождение у меня в высшей степени несовременное, я читаю Origenes contra Celsum и прослеживаю психологические параллели через Плотина и Прокла к Гегелю и, last <but> not least, Карлу Марксу, где как раз и берет начало та энантиодромия, от которой еще изрядно достанется и нашему и нескольким последующим поколениям. Должно быть, сам черт в обличье митрополита Демет-

рия отнял у греческой церкви эзотеризм Оригена, ведь он все же веровал в «двойную церковь людей и ангелов»[2]. У него вообще были идеи, которые в точности соответствуют аспектам Sthula и Sukhma ведийской философии[3].

К сожалению, ничего не могу предпринять для Тебя, кроме как пожелать Тебе скорейшего выздоровления.

Твой Юнг.

[1] Николай Рубакин (1862—1946) — русский библиофил, библиограф и издатель. Основал свою библиотеку в Лозанне и в 1920-х годах создал теорию о воздействии книги на читателя, так называемую библиопсихологию. Как и другие эмигранты в Швейцарии, Метнер посещал его библиотеку.

[2] Епископ Александрийский Деметрий осудил неоплатонические воззрения Оригена на христианство, которые в результате были окончательно отвергнуты церковью.

[3] Грубый и тонкий аспекты в ведийской философии.

22.

31. 07. 1935 г.
Цюрих.
Г-ну д-ру Э. Метнеру
Pension les Nalysis,
11, rue Ernest Renard,
Bellevue. S. & O.

Дорогой Эмиль!

Прежде всего сердечно благодарю тебя за Твои дружеские поздравления. Добавлю, что я чувствую к тебе совершенно особую признательность за Твою статью в юбилейном сборнике. Уже сам факт появления юбилейного сборника меня страшно удивил. Я сразу же набросился на Твою статью и прочитал ее с большим интересом. Мне представляется чрезвычайно оригинальным то, как Ты понял свою задачу. Это показывает, что Ты по своему темпераменту философ и что личность Ты всегда и неизменно рассматриваешь в свете определенной идеи. Меня это страшно захватило. Кроме того, Твоя статья необычайно занимательно написана и радует своим оригинальным юмором и игрой оттенков различных остроумных идей. Особенно удачен, на мой взгляд, ее афористический стиль, в котором целост-

ный образ распадается, оборачиваясь бесчисленными гранями и читателю предоставлена возможность воссоздать целое из многообразных впечатлений. Это поистине импрессионистический стиль.

Пользуясь таким случаем, не премину сказать Тебе о том, как высоко я оценил то, что Ты взялся за перо ради меня. Не говоря уже о трудах, которых потребовал хотя бы один только объем Твоей статьи, я с благодарностью учел и то обстоятельство, что выполнил Ты эту работу вопреки столь большим трудностям и осложнениям. Однако можешь быть уверен, что написав эту статью, Ты создал работу не только интересную, но и долговечную в силу ее внутренней ценности.

Надеюсь, что теперь Ты имеешь возможность хорошо отдохнуть и посвятить себя делу улучшения Твоего здоровья. Шлю в связи с этим мои наилучшие пожелания!

С глубокой признательностью

Твой Карл.

P. S. Надеюсь, Ты извинишь меня за то, что я попросил напечатать это письмо на машинке. Я настолько перегружен обязательствами по корреспонденции, что было бы совершенно невозможно писать письма от руки.

СЛОВО ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ

Я хотел бы выразить свою благодарность людям и учреждениям, которые сделали возможным появление этой книги. Шведский Совет по Исследованиям в области Гуманитарных и Социальных Наук финансировал целиком весь проект. Я получил также помощь от Фонда Гунвор и Юзефа Анер, а Институт Швеции предоставил мне стипендию для архивных разысканий в Москве.

Петер Альберг Йенсен неизменно оказывал мне поддержку на протяжении всей работы над книгой. Его проницательные замечания заставили меня внести в текст важные уточнения. Воодушевление, проявленное Нильсом Оке Нильссоном, в огромной мере способствовало завершению проекта. Общение с российскими коллегами, в особенности, с покойным музыковедом Заруш Апетян и литературоведом Александром Лавровым было для меня полезным и стимулирующим, а их работы послужили для меня образцами, на которые я ориентировался. По ходу перевода моей рукописи на английский Чарльз Ругль сделал множество ценных критических замечаний.

Елена Понсова, дочь племянницы Эмилия Метнера, великодушно открыла мне доступ к документам в семейном архиве в Москве, которые еще не были включены в фонд рукописей Метнера в Российской Государственной Библиотеке. Покойный Рольф Бюлер, сын троюродной сестры Метнера, любезно позволил мне изучить семейные бумаги, относящиеся к России, в Уцвиле (Швейцария). Франц Юнг, сын Карла Густава Юнга, и Урсула Кадорин-Трюб, дочь Ганса Трюба, также великодушно мне помогли.

Важное содействие оказали сотрудники Стокгольмской Университетской Библиотеки, в частности Марта Бергстранд и Валерия Тунхольм, а также сотрудники отделов рукописей в Российской Государственной Библиотеке и Библиотеке Конгресса. Исключительную любезность выказали Гудрун Зел из Библиотеки Психологического клуба в Цюрихе и Розвита Волькопф из архива Гете и Шиллера в Веймаре.

Моя жена Казимира проявила неисчерпаемое терпение на самых различных стадиях проекта. Ее критические замечания сыграли неоценимую роль.

В заключение — формальные указания: где только возможно, ссылки даются на собрания сочинений Юнга и Фрейда в английском переводе. Русские даты, ради согласованности, приведены в соответствие с западным Григорианским календарем.

Стокгольм, декабрь 1994
Магнус Юнггрен

БИБЛИОГРАФИЯ

Безродный, М. В. Из истории русского неокантианства (журнал «Логос» и его редакторы) // Лица. Биографический альманах. Т. 1. М.; СПб., 1992.

Андрей Белый на службе у черной сотни // Alma Mater. 1992. № 2.

Белый, Андрей. Симфония (2-ая, драматическая). М., 1902. Также в: *Белый.* Симфонии. М., 1991.

О теургии // Новый путь. 1903. № 9.

Золото в лазури. М., 1904.

Маска // Весы 1904. № 6.

Возврат. III Симфония. М., 1905. Также в: *Белый.* Симфонии. М., 1991.

Николай Метнер // Золотое руно №1. 1906. Также в: *Белый.* Арабески. Мюнхен, 1969. (М., 1911).

На перевале. VI. Против музыки // Золотое руно. 1907. №3.

Письмо в редакцию // Перевал 1907. № 10.

Кубок метелей. Четвертая симфония. М.,1908. Также в: *Белый,* Симфонии. М., 1991.

Обломки миров (О «Лирических драмах» А. Блока) // Весы. 1908. №1. Также в: *Белый.* Арабески. Мюнхен, 1969 (М., 1911).

Фридрих Ницше // Весы 1908. №№ 7, 8, 9. Также в: *Белый.* Символизм как миропонимание / Сост. Л. А. Сугай. М., 1994.

Урна. М., 1909.

Штемпелеванная культура // Золотое руно 1909. № 9.

Серебряный голубь. М., 1910. Также в: *Белый.* Сочинения в двух томах. Т. 1. М., 1990.

Символизм. М., 1910.

Трагедия творчества. Достоевский и Толстой. М., 1911.

О символизме // Труды и дни. 1912. Кн. 1, 2.

Нечто о музыке // Труды и дни. 1912. Кн. 2.

Египет // Современник. 1912. №№ 5, 6.

Круговое движение (Сорок две арабески) // Труды и дни. 1912. Кн. 4/5.

Горизонт сознания // Биржевые ведомости. 17/30 марта 1916.

Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности. Ответ Эмилию Метнеру на его первый том «Размышлений о Гете». М., 1917.

Котик Летаев // Скифы. № 1—2. М., 1917—1918. Также в: *Белый.* Сочинения в двух томах. Т. 2. М., 1990.

Песнь солнценосца // Скифы. № 2. М., 1918.

Дневник писателя // Записки мечтателей. № 1. Пб., 1919.

Путевые заметки. Сицилия и Тунис. Берлин, 1922.

Из воспоминаний // Беседа. 1923. №1.

Ветер с Кавказа. Впечатления. М., 1928.

Москва. Мюнхен, 1968. Первоначально опубликовано как «Московский чудак» и «Москва под ударом» (М., 1926).

Воспоминания об А. А. Блоке. Мюнхен, 1969. Первоначально в: Эпопея. № I—IV. Берлин, 1922—1923.

Записки чудака. Лозанна, 1973. (Берлин; М., 1922).

Петербург. Л.: 1981. Первоначально в: Сирин. I—III. СПб., 1913—1914.

Почему я стал символистом и почему я не перестал им быть во всех фазах моего идейного и художественного развития // Белый. Символизм как миропонимание. М., 1994.

Воспоминания о Штейнере / Публ. Ф. Козлик. Париж, 1982.

Стихотворения. М., 1988. (Берлин; Пб.; М., 1923).

Начало века. М., 1990. (М.; Л.: 1993).

Между двух революций. М., 1990. (Л., 1934).

Снежные арабески. Музыка Метнера // Советская музыка. 1990. №1.

О двойной истине // Труды и дни. 1912. Кн.1. (Подп.: *Cunctator*).

Берберова, Нина. Курсив мой. Мюнхен, 1971.

Бердяев, Николай. Гносеологическое размышление об оккультизме // Труды и дни. 1916. Кн. 1.

Блок, Александр. Дневники 1901—1921 // Собрание сочинений в восьми томах. Т. 7. М.; Л., 1963.

Блок в неизданной переписке и дневниках современников // Литературное наследство. Т. 92. Кн. 3. М., 1982.

Блок, Александр, Белый, Андрей. Переписка. Мюнхен: 1969. (М., 1940).

Булгаков, Сергей. Русские думы // Русская мысль. 1914. № 12.

Долинская, Елена. Николай Метнер. М., 1966.

Дурылин, Сергей. Рихард Вагнер в России. О Вагнере и будущих путях искусства. М., 1913.

Иванов, Вячеслав. Мысли о символизме // Труды и дни. 1912. Кн. 12. Также в: *Иванов.* Собрание сочинений. Т. 2. Брюссель: 1974.

Маргиналия // Труды и дни. 1912. Кн. 4/5.

Вселенское дело // Русская мысль. 1914. № 12.

Иванов, В., Метнер, Э. К. Переписка из двух миров / Публ. В. Сапов // Вопросы литературы. 1994. № 2/3.

Иванова, Лидия. Воспоминания. Книга об отце. Париж, 1990.

Ильин, Иван. Философия как духовное делание // Русская мысль. 1915. № 1.

Духовный смысл войны. М., 1915.

Котрелев, Н. В. Путешествие на Восток. Письма Андрея Белого // Восток и Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М., 1988.

Котрелев, Н. В., Лавров. А. В. Переписка Блока с С. М. Соловьевым // Литературное наследство. Т. 92. Кн. 1. М., 1980.

Лавров, А. В. Мифотворчество «аргонавтов» // Миф. Фольклор. Литература. Л., 1978.

Рукописный архив Андрея Белого в Пушкинском Доме // Ежегодник Рукописного Отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980.

Золотое руно // Русская литература и журналистика начала XX века. 1905—1917. Т. 2. М., 1984.

Труды и дни. // Русская литература и журналистика начала XX века. 1905—1917. Т. 2. М., 1984.

Затерянная статья Андрея Белого // Studia Slavica Hung. V. 1—4. 1988.

Лютер, А. «Парсифаль» в средние века (Wagneriana) // Труды и дни. 1914. Кн. 1.

Мальмстад, Джон. Андрей Белый и антропософия // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 6, 8, 9. Париж, 1988—1990.

Метнер, Эмилий. Новый путь // Приднепровский край. 13/26 марта 1903. (Подп.: Э.).

Поэзия и критика // Приднепровский край. 1/14 июня 1903. (Подп.: Э.).

Северные цветы // Приднепровский край. 9/22 и 10/23 июня 1903. (Подп.: Э.).

Литература «новых» // Приднепровский край. 3/16 и 4/17 июля 1903. (Подп.: Э.).

Симфонии Андрея Белого // Приднепровский край. 15/28 и 16/29 декабря 1903. (Подп.: Э.).

Весы // Приднепровский край. 20 апреля/2 мая 1904. (Подп.: Э.).

Романтизм и Ницше // Приднепровский край. 12/25 октября 1904. (Подп.: Э.).

Ницше и Вагнер. (Коммеитарий к четвертому «Несвоевременному размышлению») // Фридрих Ницше. Несвоевременные размышления. Полное собрание сочинений. Т. 2. М., 1909.

«Мусагет». Вступительное слово редактора // Труды и дни. 1912. Кн. 1.

Наброски к комментарию (Wagneriana) // Труды и дни. 1912. Кн. 1.

«Вибелунги» Вагнера // Рихард Вагиер. Вибелунги. Всемирная исторня на основании сказания. М., 1913.

Введение (Goetheana) // Труды и дни. 1913. Кн. 1/2.

Размышления о Гете. Разбор взглядов Р. Штейнера в связи с вопросами критицизма, символизма и оккультизма. М., 1914.

Наброски к комментарню (Wagneriana) // Труды и дни. 1914. Кн. 1.

От редактора // К. Г. Юнг. Психологические типы. Берлин: 1929. (Подп.: *Эмиль Метнер*).

От редактора. (Введение к первому тому) // К. Г. Юнг. Избранные труды по аналитической психологии. Т. 1. Париж, 1939. (Подп.: *Эмиль Метнер*).

От редактора. (Введение к второму тому) // К. Г. Юнг. Избранные труды по аналитической психологии. Т. 2. Париж, 1939. (Подп.: *Эмиль Метнер*). Также в: *К. Г. Юнг.* Метаморфозы и символы либидо / Предисловие А. Эткинда. СПб., 1994.

От редактора (Введение к третьему тому) // К. Г. Юнг. Избранные труды по аналитической психологии. Т. 3. Париж, 1939. (Подп.: *Эмиль Метнер*).

«Скупой рыцарь» и «Франческа да Римини» (Оперы Рахманинова на сцене Большого театра) // Золотое руно. 1906. № 1. (Подп.: *Вольфинг*).

Отголоски юбилея Шумана // Золотое руно. 1906. № 11—12. (Подп.: *Вольфинг*).

Sixtus Beckmesser redivivus // Золотое руно № 1. 1907. (Подп.: *Вольфинг*).Также под назв. «Макс Регер» в: *Вольфинг.* Модернизм и музыка. М., 1912.

Модериизм и музыка // Золотое руно. 1907. № 1; 1908. № 5. (Подп.: *Вольфинг*). Также в: *Вольфинг.* Модернизм и музыка. М., 1912.

Калиостро в музыке // Золотое руно. 1907. № 1. (Подп.: *Вольфинг*).Также под назв. «Рихард Штраус» в: *Вольфинг.* Модернизм и музыка. М., 1912.

Борис Бугаев против музыки // Золотое руно. 1907. № 5. (Подп.: *Вольфинг*).

Вагнеровскне фестивали 1907 года в Мюнхене (Заметки невагнериста) // Золотое руно. 1906. № 7; 1907. № 10; 1908. № 1, 2, 3—4. (Подп.: *Вольфинг*).

Рахманинов, как исполнитель // Золотое руно. 1908. № 2. (Подп.: *Вольфинг*).

Эстрада // Золотое руно. 1908. № 11—12; 1909. № 2—3, 5. (Подп.: *Вольфинг*). Также в: *Вольфинг.* Модернизм и музыка. М., 1912.

О музыкальной критике // Золотое руно. 1909. № 6, 7—9; № 10. (Подп.: *Вольфинг*). Также под назв. «Рожденне критики» в: *Вольфинг.* Модернизм и музыка. М., 1912.

Дом песни // Золотое руно. 1909. № 11—12. (Подп.: *Вольфинг*). Также в: *Вольфинг.* Модернизм и музыка. М., 1912.

Модернизм и музыка. Статьи критическне и полемнческие (1907—1910). М., 1912. (Подп.: *Вольфинг*). (Содержит ранее неопубликованные статьи «По поводу новой науки о музыке», «Эстетическне воззрения Бродера Христиансена» и «Приложения»).

Лист // Труды и дни. 1912. Кн.1. (Подп.: *Вольфинг*).

Инвективы на музыкальную современность // Труды и дни. 1912. Кн.1. (Подп.: *Вольфинг*).

Малеиькнй юбилей одной странной книги. 1902—1912 // Труды и дни. 1912. Кн.1. (Подп.: *Вольфинг*).

Инвективы на музыкальную современность // Труды и дни. 1912. Кн.1. ((Подп.: *Вольфинг*).

Из музыкального дневника // Труды и дни. 1912. Кн. 4/5. (Подп.: *Вольфинг*).

Ответ эмоционально-эволюционной эстетике // Труды и дни. 1912. Кн.1. (Подп.: *Ми-ла*).

Метнер, Н. Муза и мода. Защита основ музыкального искусства. Париж, 1935.

Письма / Публ. З. А. Апетян. М., 1973.

Воспоминания. Статьи. Материалы / Публ. З. А. Апетян. М., 1981.

Морозова, Маргарита. Метнер // Наше наследие. 1991. № 1.

Мясников, А. С. У истоков формальной школы // Литературно-эстетические концепции в России конца XIX — начала XX в. М., 1975.

Постоутенко, К. Н. К. и Э. К. Метнеры: парадокс национальной самоидентификации. (К публикации известного письма А. Белого) // Опыты. 1994. № 1. (То же в: De visu. 1994. № 1/2).

Рахманинов, Сергей. Литературное наследие: В 3 т. / Публ. З. А. Апетян. Т. 1—3. М., 1978—1980.

Рачинский, Григорий. Братство и свобода // Русская мысль. 1914. № 12.

Сидоров, Алексей. Гете и переводчик (Goetheana) // Труды и дни. 1914. Кн.1.

Скрябин, А. Н. Письма / Публ. А. В. Кашперова. М., 1965.

Соловьев, Сергей. К войне с Германией. М., 1914.

Соловьев Сергей. Эллинизм и церковь // Богословские и критические очерки. Сборник статей и публичных лекций. М., 1916.

Степун, Федор. Памяти Вячеслава Иванова // Возрождение. 1949. № 5.

Степун, Федор. Бывшее и несбывшееся. Т. 1. Нью-Йорк, 1956.

Толстых, Г. А. Издательство «Мусагет» // Книга: Исследования и материалы. Сб. LVI. М., 1988.

Топорков, Алексей. Лесной царь (Goetheana) // Труды и дни. 1913. Кн. 1—2.

Топорков, А. Гете и Фихте (Goetheana) // Труды и дни. 1914. Кн. 7.

Трубецкой, кн. Евгений. Война и мировая задача России // Русская мысль. 1914. № 12.

Фрумкина, Н. А., Флейшман, Л. С. А. А. Блок между «Мусагетом» и «Сирином» (Письма к Э. К. Метнеру) // Блоковский сборник 2. Тарту: 1972.

Шагинян, Мариэтта. С. В. Рахманинов (Музыкально-психологический этюд) // Труды и дни. 1912. Кн. 4/5.

Orientalia. М., 1913.

Арийское изуверство // Приазовский край. № 3/16 ноября 1913.

Воля к власти (Goetheana) // Труды и дни. 1914. Кн. 7.

О «конце» и «окончании». Несколько мыслей по поводу трилогии Вагнера (Wagneriana) // Труды и дни. 1914. Кн. 6.

«Размышления о Гете» (Книга Э. Метнера). Баку. 1/14 июля 1915.

Путешествие в Веймар. М. 1923. Также в: Собрание сочинений в девяти томах. Т. 1. М., 1971.

Своя судьба. Л., 1928.

Автобиография // Семья Ульяновых. М., 1959.

Мировоззрение и мастерство // Собрание сочинений в девяти томах. Т. 7. М., 1986.

Человек и время. История человеческого становления // Собрание сочинений в девяти томах. Т. 1. М., 1986.

Воспоминания о Сергее Васильевиче Рахманинове // Собрание сочинений в девяти томах. Т. 7. М., 1988.

Шмидт, А. Н. Из рукописей / Публ. С. Булгакова. М., 1916.

Эллис (=Лев Кобылинский). Русские символисты. Константин Бальмонт, Валерий Брюсов, Андрей Белый. М., 1910.

Мюнхенские письма. I. Умер ли символизм? // Труды и дни. 1912. Кн. 4—5.

О задачах и целях служения культуре // Труды и дни. 1912. Кн. 4—5.

Мюнхенские письма. II // Труды и дни. 1912. Ки 1.

«Парсифаль» Рихарда Вагнера (Wagneriana) // Труды и дни. 1913. Кн. 1—2.

Vigilemus! Трактат. М., 1914.

Эрн, Владимир. От Канта к Круппу // Русская мысль. 1914. № 12.

Эткинд, Александр. Эрос невозможного. История психоанализа в России. СПб., 1993.

Bally, Gustav. Deutschstammige Therapie // Neue Zürcher Zeitung, 27 февраля 1934.

Barmark, Jan, and Nilsson, Ingemar. Poul Bjerre // Manniskosonen. Stockholm: 1983.

Bely, Andrey. Spirit of Symbolism / Ed. Malmstad John E. Ithaca; London, 1987.

Brome, Vincent. Jung and Myph. London, 1978.

Carlson, Maria. No Religion Higher Than Truth: A History of the Theosophical Movement in Russia, 1875—1922. Princeton, 1993.

Chamberlain, Houston Stewart. Die Grundlagen des XIX. Jahrhunderts. Bd. 1—2. München, 1899.

Arische Weltanschauung. Berlin, 1905.

Deutsche Friedenskiebe // Internationale Monatsschrift für Wissenschaft, Kunst, und Technik. 1 oct. 1940. Также в: *Chamberlain, H. S.* Kriegsaufsätze. München, 1914. Kriegsaufsätze. München, 1914.

Briefe 1882—1924 und Briedwechsel mit Kaiser Wilhelm II. Vol. 2. München, 1928.

Cocks, Geoffrey. Psychotherapy in the Third Reich. The Guring Institute. New York and Oxford: 1985.

Donn, Linda. Freud and Jung. Years of Friendship, Years of Loss. New York, 1988.

Eckerman, Johann Peter. Gesprache mit Goethe in den letzten Jahren seines Lebems // Johann Wolfgang Goethe. Samtliche Werke nach Epochen seines Schaffens / Ed. Karl Richter a.o. Vol. 19. München, 1986.

Ehrt, Adolf, Schweickert, Julius (=Иван Ильин). Entfesselung der Unterwelt. Ein Querschnitt durch die Bolschewisierung Deutschlands. Berlin; Leipzig, 1932.

Elswort, Jonn. Andrey Bely: A Critical Study od the Novels. Cambridge, 1983.

Andrey Bely und Rudolf Steiner. Briefe und Dokumente // Beitrage zur Rudolf Steiner GA 89—90. Dornach, 1985.

Field, Geoffrey G. Evangelist of Race. The Germanic Vision of Houston Stewart Chamberlain. New York: 1981.

Freud, Sigmund. The History of the Psycho-Analytic Movement // Freud. S. The Standart Edition of the Complete Psychological Works / Edited and translated by J. Strachey. Vol. 14. London, 1986.

On Narcissism: An Introduction // Freud. S. Complete Psychological Works. Vol. 14. London, 1986.

Freud, Sigmund, u Jung, C. G. Briefwechsel // Ed. W. McGuire. Frankfurt a. M., 1974.

Friedman, Maurice. Encounter on a Narrow Ridge. A Life of Martin Buber. New York, 1991.

Goethe, Johann Wolfgang. Ernst Stiedenroth. Psychologie sur Erklärung der Seelenerscheinungen. Erster Teil. Berlin 1824 // Goethe. Werke. Section 2. Vol. 11 Weimar, 1893.

Briefe. (Januar-Oktober 1818) // Werke. Section 4. Vol. 29. Weimar, 1904.

Maximen und Reflexionen. Weimar, 1907.

Gespräche in vier Bänden / Hrsg. W. Herwig. Vol. 2. Zürich; Stuttgart, 1969.

Faust / Hrsg. E. Trunz. München, 1989.

Hannah, Barbara. Jung: His Life and Work. London, 1977.

Hauer, J. W. Deutsche Gottschau. Grundzüge eines deutschen Glaubens. Stuttgart, 1934.

Hurwitz, Emanuel. Otto Gross. Paradies-Sucher zwischen Freud und Jung. Zürich; Frankfurt. 1979.

Intermediarius (=Johanna Poelman-Mooy). Cristliche Theologie und Cosmosophie nach dem Zeichen des Heiligen Graal. Stuttgart, 1914.

Iwanow, W. Die russiche Idee. Tübingen, 1931.

Joyce James. Letters / Ed. R. Ellmann, Vol. 2. London, 1966.

Jung, C. G. Wandlungen und Symbole der Libido. Beiträge zur Entwicklungsgeschichte des Denkens I-III // Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen 3—4. Leipzig; Vienna, 1911—1912. См. также: Symbols of Transformation. The Collected Works. Ed. W. McGuire a.o. Trans. R. F. C. Hull. Vol. 5. Princeton, 1976.

Die Psychologie der unbewussten Prozesse. Ein Überblick über die Theorie und Methode der analytischen Psychologie. Zürich, 1917. Revised and retitled The Psychology of the Unconscious. Collected Works. Vol. 7. Princeton, 1977.

Memories, Dreams, Reflections. Recorded and edited by A. Jaffe, translated by R. and C. Winston. New York, 1965.

The Relations between the Ego and the Unconscious // Collected Works. Vol. 7. Princeton, 1977.

Archetypes of the Collective Unconscious // Collected Works. Vol. 9:1. Princeton, 1977.

C. G. Jung Speaking. Interviews and Encounters / Eds. W. McGuire and R. F. C. Hull. Princeton, 1978.

On Psychic Energy // Collected Works. Vol. 8. Princeton, 1978.

The Psychological Foundations of Belief in Spirits // Collected Works. Vol. 8. Princeton, 1978.

The State of Psychotherapy Today // Collected Works. Vol. 10. Princeton, 1978.

Wotan // Collected Works. Vol. 10. Princeton, 1978.

Editorial // Collected Works. Vol. 10. (Appendix). Princeton, 1978.

A Rejoinder to Dr. Bally // Collected Works. Vol. 10. (Appendix). Princeton, 1978.

Psychological Types // Collected Works. Vol. 6. Princeton, 1989.

A Contribition to the Study of Psychological Types 1913 // Collected Works. Vol. 6. (Appendix). Princeton, 1989.

Ljunggren, Magnus. The Dream of Rebith. A Study of Andrey Bely's Novel «Peterburg». Stockholm: 1982.

The Psychoanalytic Breakthrough in Russia on the Eve of the First World War // Rissian Literature and Psychoanalysis. Ed. D. Rancour-Laferriere. Amsterdam and Philadelphia:1989.

Emilij Medtner och Pasternak // Boris Pasternak och hanss tid. Ed. P. Alberg Jensen, P. A. Bodin and N. A. Nilsson. Stockholm: 1992.

Medtner, Emil. Meister Nikisch. Zürich, 1921.

Jungs «Psychologische Typen» // Neue Zürcher Zeitung. (1) 16 и (2) 17 июня 1921. Über die sog. Intuition, die ihr angrenzenden Begriffe und die an sie anknüpfenden Probleme.

Vorgetragen im Psychologischen Klub, Zürich MDCCCCXIX. M.; Zürich, 1923.

Medtner, Emil. W. Iwanows Wessenschau des Russentums // Neue Zürcher Zeitung. (1) 28 и № 1. (29) ноября 1930.

Bildnis der Personlichkeit im Ramen des gegenseitigen Sich Kennenlernens // Die kulturelle Bedeuting der komplexen Psychologie. Berlin, 1935.

Mulfold, Prentice. Das Unfung des Sterbens Ausgewählte Essays / Revised and translated by Sir Galahad. München, 1909.

Nietzsche, Friedrich. Die Geburt der Tragodie. Werke. Kritische Gesamtausgabe / Ed. G. Colli and M. Montinari. Section 3. Vol. 1. Berlin; New York. 1972.

Also sprach Zarathustra. Werke. Kritische Gesamtausgabe. Section 6. Vol. 1. Berlin, 1966.

Menschliches, Allzumenschliches. Werke. Kritische Gesamtausgabe. Section 4. Vol. 2. Berlin, 1967.

Ecce Homo. Werke. Kritische Gesamtausgabe. Section 6. Vol. 1. Berlin, 1969.

Brief Januar 188-Dezember 1884. Briefwechsel. Kritische Gesamtausgabe. Section

3. Vol. 1. Berlin, 1968.

Niva, George. Lettre autobiographique a Ivanov-Razumnik. Cahiers du Monde Russe et Sovétique. 1974. № 1—2.

Niva, George. Histoire d'une «tératogenèse» bielyenne. Les rapports entre Emilij Medtner et Andrey Belyj. Cahiers du Monde Russe et Sovétique. 1977. № 1—2.

Noll, Richard. The Jung Cult: Origins of a Charismatic Movement. Princeton, 1994.

Normann, Alfred (=Иван Ильин). Bolschewistische Machtpolitik. Die Pläne der 3. Internationale zur Revolutionierung der Welt. Bern, 1935.

Rice, James L. Freud's Russia. National Identity in the Evolution of Psychoanalysis. New Brunswick and London, 1993.

Steiner, Rudolf. Erdensterben und Weltenleben. Berlin, 1922.

Friedrich Nietzsche, ein Kämpfer gegen sein Seit. Dornach, 1926.

Goethes Weltanschauung. Freiburg, 1949.

Goethes naturwissenschaftliche Schriften. Freiburg, 1949.

Grundlinien einer Erkenntnistheorie der Goetheschen Weltanschauung mit besonderer Rücksicht auf Schiller, zugleich eine Zugabe zu Goethes Naturwissenschaftlichen Schriften in Kürschners Deutscher Nationalliteratur. GA 2. Dornach: 1960.

Antroposophie und akademische Wissenschaften. Zürich, 1950.

Probleme des Zusammenlebens in der Antroposophischen Gesellschaft. Zur Dornacher Krise vom Jahre 1915. GA 253. Dornach, 1989.

Stern, Paul J. The Haunted Prophet. New York, 1976.

Tagebuch einer heimlichen Symmetrie. Sabina Spielrein zwischen Jung und Freud / Hrsg. A. Carotenuto. Freiburg, 1986.

Trüb, Hans. Individuation, Schuld und Entscheidung. Über die Grenzen der Psychologie / / Die kulturelle Bedeuting der komplexen Psychologie. Berlin, 1935.

Heilung aus der Begegnung. Eine Auseinandersetzung mit der Psychologie C. G. Jungs. Stuttgart, 1951.

Wehr, Gerhard. C. G. Jung und Rudolf Steiner. Stuttgart: 1972.

Wehr, Gerhard. Carl Gustav Jung. Lebem, Werk, Wiekung. München, 1985.

Weininger, Otto. Geschleht und Charakter. Eine prinzipielle Untersuchung Vienna: 1903.

Woloschina, Margarita. Die grüne Schlange. Lebenserinnerungen. Stuttgart: 1956.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Белый, Андрей. Начало века, т. III. РНБ, ф. 60, ед. хр. 14.

Материал к биографии (интимный), предназначенный для изучения только после смерти автора. РГАЛИ, ф. 53. оп. 2, ед. хр. 3.

Воспоминания, т. III, гл. II. РНБ, ф. 60, ед. хр. 15.

Письма к Эмилию Метнеру. РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 1, ед. хр. 1—56; оп. 1, карт. 2, ед. хр. 1—78; оп. 1, карт. 3, ед. хр. 1—29; оп. 1, карт. 11, ед. хр. 3; оп. 1, карт. 25, ед. хр. 37.

Ильин, Иван. Письма Эмилию Метнеру. РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 14, ед. хр. 16; оп. 2, карт. 13, ед. хр. 7, 9; оп. 3, карт. 16, ед. хр. 14. СП.

Открытое письмо Андрею Белому. РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 14, ед. хр. 16.

[Письмо на открытое письмо князя Евгения Трубецкого]. РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 14, ед. хр. 65.

[Intermeduarius]. Христианская теология и космософия под знаком святого Грааля / Пер. Эллиса. РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 11, ед. хр. 1—2.

Мебиус, Павел Юлиус. О патологическом у Ницше / Перевод и предисловие Эмилия Метнера. РГБ, ф. 167, оп. 4, карт. 18, ед. хр. 8.

Метнер, Анна. Письма Эмилию Метнеру. СП. БК, МБ 31.43.

Метнер, Эмилий. Сестры. СП.

Документация конфликта вокруг трактата Vigilemus! РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 9, ед. хр. 11.

Ответ Андрею Белому на его книгу «Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности». М., 1917. РГБ, ф. 167. оп. 1, карт. 12, ед. 1—6.

Б. и б. м. ж. (= Беды и боли моей жизни ?). РГБ, ф. 167, оп. 3, карт. 15, ед. хр. 1.

Über das Formprinzip in der Kunst. Archiv des Psychologischer Clubs, Zürich.

Der geschichtliche Aufbau des Russentums in psychologischer Beleuchtung. СП.

Ansprache. Goethe-Abend im Psychologischen Club. Archiv des Psychologischen Clubs.

Краткое изложение диевника за 1901—06 гг. 29 августа 1908 года. СП.

Диевниковая запись от 24 апреля 1913 года. РГБ, ф. 167, оп. 4, карт. 22, ед. хр. 19.

Письма Андрею Белому. РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 1, ед. хр. 1—61; оп. 1, карт. 5, ед. хр. 1—38; оп. 2, карт. 13, ед. хр. 6, 7, 8; оп. 4, карт. 24, ед. ед. хр. 3.

Письмо Александру Братеншн. СП.

Письмо Эллису. РГБ, ф. 167, оп. 2, карт. 13, ед. хр. 15.

Письма Ивану Ильину. РГБ, ф. 167, оп. 2, карт. 13, ед. хр. 7, 9; оп. 4, карт. 24, ед. хр. 12. СП.

Письма Николаю Киселеву. РГБ, ф. 167, оп. 2, карт. 13, ед. хр. 10.

Письма Александру Метнеру. РГБ, ф. 167, оп. 3, карт. 16, ед. хр. 3.

Письма Александре Метнер. РГБ, ф. 167, оп. 3, карт. 16, ед. хр. 2.

Письма Анне Метнер. РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 11, ед. хр. 39-56; оп. 1, карт. 25, ед. хр. 1-23; оп. 4, карт. 24, ед. хр. 39. СП. БК, МБ 31.43.

Письма Анне и Николаю. БК, МБ 31.43.

Письма Карлу Метнеру-младшему. РГБ, ф. 167, оп. 3, карт. 16, ед. хр. 4. СП.

Письма Карлу Метнеру-старшему. РГБ, ф. 167, оп. 3, карт. 16, ед. хр. 5. СП.

Письма Николаю Метнеру. СП. БК, МБ 31.43.

Письма Маргарите Морозовой. РГБ, ф. 167, оп. 2, карт. 13, ед. хр. 12; оп. 3, карт. 16, ед. хр. 21; оп. 4, карт. 24, ед. хр. 23.

Письмо Алексею Петровскому. РГБ, ф. 167. оп. 2, карт. 13, ед. хр. 14.

Письма Маргарите Сабашниковой. РГБ, ф. 167, оп. 2, карт. 13, ед. хр. 6—7.

Эпистолярный дневник Мариэтте Шагинян. РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 25, ед. хр. 26—28.

Письма Вере Тарасовой. СП.

Письма Карлу Густаву Юнгу. ETH, Hs 1056:29, 817—818, 819—822.

Письма Лене Бюлер. Архив семьи Бюлер, Уцвил.

Метнер, Николай. Письма Эмилию Метнеру. БК, МБ 31.43.

Морозова, Маргарита. Письма Эмилию Метнеру. РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 14, ед. хр. 30; оп. 1, карт. 25, ед. хр. 44; оп. 3, карт. 16, ед. хр. 21.

Сабашникова, Маргарита. Письма Эмилию Метнеру. РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 25, ед. хр. 46.

Тургенева (Поццо), Наталья. Письма Эмилию Метнеру. РГБ. ф. 167, оп. 1, карт. 14, ед. хр. 16.

Sagittarius (=Эллис/Лев Кобылинский). Теософия перед судом культуры. РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 10, ед. хр. 31.

Эллис. Письма Ивану Ильину. РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 14, ед. хр. 65.

Письма к редакторам Мусагета. РГБ, ф. 167. оп. 1, карт. 14, ед. хр. 67.

Jung, C. G. Письма Эмилию Метнеру. РГБ, ф. 167, оп. 1, карт. 14, ед. хр. 62.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ*

Августин Аврелий 250
Агриппа Неттесгеймский 208
Адлер А. 80, 82, 97, 99, 105, 124, 146, 148, 162, 183, 188
Адлер Р. 146
Азеф Е. Ф. 58
Александр II, имп. 7
Александр III, имп. 173, 174
Альберг Йенсен П. см. *Йенсен П. А.*
Альгейм П. де (П. И.) 39, 44, 55, 73, 88
Андерсен Г. Х. (Х. К.) 222
Андрей Белый см. *Белый А.*
Анер Г. 259
Анер Ю. 259
Анисимов Ю. П. 209
Апетян З. А. 194, 198, 204, 259, 265
Апулей 118
Аренский А. С. 11
Аристотель 159

Бакунина С. Н. см. *Кампиони С. Н.*
Балли Г. (Bally) 185, 186, 266, 268
Бальмонт К. Д. 86, 266
Барт К. (Barth) 225
Бауэр М. (Бауер) 217
Бах И. С. 11, 28, 171
Баховеи И. Я. 105
Безант А. 214
Безродиый М. В. 200, 261
Бейлис М. 205
Бейль А. М. см. *Стендаль*
Белый А. (Бугаев Б. Н.) 5, 6, 13—75, 78—86, 88, 92—95, 97, 98, 104, 107—109, 111, 113—127, 129—132, 135—137, 140—145, 149—151, 153, 154, 156, 157, 160, 162, 163, 170, 172, 188—190, 193—209, 212—220, 222, 224, 225, 228, 229, 231, 232, 244, 261—263, 265—267, 269, 270
Бемс Я. 99
Берберова Н. Н. 199, 262
Бергстранд М. 259

* Составил М. Д. Эльзон

Бердяев Н. А. 142, 172, 218, 262
Бетховен Л. ван 11, 14, 15, 27, 28, 37, 54, 171, 217
Бик Э. 220, 244, 245, 246
Бинсвангер Л. 185
Бисмарк О. фон 61, 66
Блаватская Е. П. 34, 39, 40
Бланк С. 218
Блейлер Э. 101
Блок А. А. 18, 19, 22, 24, 27, 30, 31, 40, 42, 49, 50, 52, 58, 59, 65, 72, 73, 127, 194, 196, 198—200, 202—206, 212, 213, 218, 219, 261, 262, 265
Блок Л. Д. 21, 24, 27, 28, 30, 31, 40, 41, 57, 59, 198
Бобров С. П. 209
Боден П. А. (Bodin) 213, 268
Бодлер Ш. 203
Бодмер Г. 224
Бодуэн Ш. 249, 250
Болдт Э. 213
Брамс И. 9, 36
Браидес Г. 169
Братеншн Александр М. 270
Братсиши Андрей М. 28, 29
Братеншн Анна М. см. *Метнер Анна М.*
Братеншн Е. М. см. *Метнер Е. М.*
Братеншн Мария М. 10, 21, 25, 114, 163
Брюль К. Ф. М., гр. 215
Брюсов В. Я. 30, 197, 208, 266
Бубер М. (Buber) 166, 167, 223, 267
Бугаев Б. Н. см. *Белый А.*
Бугаев Н. В. 19, 202
Бугаева А. А. 39, 41, 44, 47, 48, 51—53, 57, 60, 62, 73, 79, 86, 97, 114, 116, 118, 123, 124, 130, 138, 143, 153, 200, 202, 212, 224, 225
Булгаков С. Н. 112, 172, 200, 212, 215, 262, 266
Бьеррс П. (Bjerre) 211, 266
Бюлер Л. 101, 259, 271
Бюлер Р. 259

Вагнер Р. 5, 12, 15, 18, 21, 23, 26—29, 31, 35—38, 41, 43, 44, 55, 59, 63, 65, 67, 68, 70, 71, 74, 77, 80—82, 96, 100, 101, 103—105, 111, 112, 116, 134, 135, 146, 148, 149, 173, 176, 182, 187, 191, 198, 199, 203, 204, 206—209, 215, 227, 233, 262, 263, 265, 266
Вайцзекер А. 175, 183, 184
Вальтер Б. 182
Ван дер Мойлен И. см. *Мойлен И. ван дер*
Варшатка В. 128—130, 132, 170, 243, 245
Вейнингер О. (Weininger) 54, 55

Вейцзекер А. см. *Вайцзекер А.*
Вергилий 116
Виктор Эммануил, король 174
Вильгельм II (Wilhelm) 100, 223, 266
Вокач Н. Н. см. *Ильина Н. Н.*
Волконский С. М. 206
Волошин М. (Кириенко М. А.) 213
Волошина М. В. 46—48, 52, 56, 66, 73, 110, 114, 116, 118, 125, 136, 142, 200, 201, 205, 213, 269, 271
Волькопф Р. 259
Вольф А. (Тони) 140, 141, 147, 156, 163, 165, 172, 176—178, 187, 193, 225, 229, 236, 239, 244, 248, 253
Вольф Е. см. *Naeff E.*
Вольф М. О. 207
Вольф С. см. *Трюб С.*
Воронский А. К. 227
Вос Л. де (De Vos) 254
Врангель Ф. П., фон 135
Врангель Ф. Ф., фон 135, 136, 171, 217, 224
Вырубов Н. 205
Вышеславцев Б. П. 187, 192

Ганиш О. 128
Ганслик Э. 9, 29
Гарденберг Ф. фон см. *Новалис*
Гаст П. 23, 31, 43, 135, 216
Гафиз (Хафиз) 155, 234, 236—239, 241
Геббельс Й. 182, 227
Гебхард П. см. *Гедике П.*
Гебхард Ф. 7, 11
Гебхарды 23
Гегель Г. В. Ф. 75—77, 87, 99, 181, 223, 256
Гедике, род 194
Гедике А. Ф. 8, 39, 195
Гедике Александра см. *Метнер Александра*
Гедике К. 7
Гедике Ф. К. (Ф. А. П.) 7—9
Гельдерлин И. Х. Ф. 103, 108, 172, 224
Гемстергюйс Ф. (Hemsterhuis) 242, 245
Гераклит 149, 159, 165, 203
Гериг Г. 183, 185, 186
Гериг М. Г. 183, 229
Гесиод 53
Гесс Р. 227

Гессе Г. 160, 161, 170, 222, 224
Гессен С. Я. 48
Гете И. В. (Goethe) 3, 5, 11, 12, 15, 20, 22, 23, 27, 31, 32, 34, 36—38, 41, 42. 44—48, 51—56, 59, 63—66, 68, 69, 71—115, 117, 118, 121, 124—126, 129—133, 141, 143—146, 148—150, 152, 153, 155, 157—159, 161—163, 166, 168, 170, 171, 176, 178, 179, 188, 189, 191, 192, 195—197, 199, 204—210, 212, 215, 216, 218—221, 223, 224, 226, 230, 231, 233—236, 238—240, 242, 259, 262, 263, 265—267, 269, 270
Гете К. см. *Шлоссер К.*
Геш Г. (Goesch) 217
Гильдебранд А. фон 210
Гинденбург П. фон 110, 177, 181, 182, 187
Гиппиус З. Н. 31, 60, 66, 125, 200
Гитлер А. 6, 168, 169, 173, 174, 177, 181—192, 223, 226, 227. 229, 255, 256
Глинка М. И. 72
Гоголь Н. В. 49, 216
Гольштейн-Аугустенбургский, герцог 161
Гофман И. 134
Гофмансталь Г. фон 197
Гранжан-Баярд Э. (Grandjean-Bayard) 253
Гречишкин С. С. 262
Григ Э. 198
Гросс О. (Gross) 150, 217, 219, 267
Гроций Г. (Grotius) 242
Гундольф Ф. (Gundolf) 231
Гуревич Л. И. 206
Гуревич Я. Г. 206
Гуссерль Э. 75
Даль Н. 10, 203
Д'Альгейм М. см. *Олешна-д'Альгейм М. А.*
Д'Альгейм П. см. *Альгейм П. де*
Д'Альгеймы 44, 65
Далькроз см. *Жак-Далькроз Э.*
Данте Алигъери 116, 142, 209, 231
Дарвин Ч. 19
Дейссен П. 203, 240, 244
Деметрий, еп. 256, 257
Дессуар М. 35
Джойс Д. (Joyce) 160, 171, 221, 267
Долгополов Л. К. 201, 262
Долинская Е. Б. 262
Доин Л. (Donn) 214, 229, 266
Достоевский Ф. М. 10, 11, 16, 30, 44, 45, 48, 49, 51, 53, 59, 87, 95, 179, 190, 195, 201, 215, 226, 261
Дуикан А. 117, 202

Дурылин С. Н. 208, 262
Духовецкий Ф. А. 234

Еврипид 235, 236, 240, 242
Елушич М. 187

Жак-Далькроз Э. (иаст. фам. Жак) 79, 117, 141, 152, 206, 220

Зел Г. 259
Зигг Г. (Sigg) 251
Зиммель Г. 75, 85
Зиновьева-Аннибал Л. Д. 46

Ибсен Г. 59, 85, 208
Иванов Вяч. И. 40, 42, 46, 50, 52, 59, 60, 70—72, 84, 96, 99, 104, 105, 112, 142, 145, 170, 172, 173, 176, 188, 201, 203, 205, 210, 212, 225, 228, 262, 263, 265, 267, 268
Иванов-Разумник (Иванов Р. В.) 219, 269
Иванова Л. В. 263
Ильг П. (Ilg) 249
Ильин А. И. 75, 99
Ильин И. А. 75—81, 87, 88, 95—99, 101, 106, 110, 112, 113, 121, 122, 124, 133, 135, 145, 150, 151, 153, 164, 166, 167, 206, 210, 214, 215, 220, 223, 226, 263, 266, 269—271
Ильина Е. Ю. 75
Ильина Л. И. см. *Гуревич Л. И.*
Ильина Н. Н. 96, 97
Имбер, хозяйка квартиры Метнера (предположительно) 236, 240

Йелушич М. см. *Елушич М.*
Йенсен П. А. (Jensen) 213, 259, 268

Кадорин-Трюб У. 259
Кайзерлинг Г. фон (Keyserling) 171, 174, 224, 225
Калиостро (Бальзамо Ж. де) 29, 198, 264
Каннабих Ю. 205
Кант И. 5, 11, 15, 22, 30, 34, 42, 45, 56, 57, 64, 70, 84, 85, 89, 91, 92, 97, 106, 112, 122, 129, 132, 144, 153, 156—161, 166, 177, 188, 203, 212, 216, 230, 234, 261, 266
Каратыгин В. Г. 28, 29, 43, 198, 207
Кашперов А. В. 198, 265
Кёзелиц Г. см. *Гаст П.*
Келлер А. 118, 119, 169, 170
Келлер Г. 241, 243, 244
Кесерлинг Г. фон см. *Кайзерлинг Г. фон*
Киселев Н. П. 210, 220, 271
Козлик Ф. (Kozlik) 207, 262

Кобылинский Л. Л. см. *Эллис*
Коллеони Б. 118, 170
Корещенко А. Н. 27
Котрелев Н. В. 201, 212, 263
Кошиц Н. П. 142
Кренн Э. 167, 171, 226, 255
Кречмер Э. 183
Кусевицкий С. А. 32, 39, 51, 94, 138, 155, 217
Кьеркегор С. (Kierkegaard) 25, 175, 197, 225

Лавров А. В. 4, 194—207, 212, 218, 219, 224, 229, 259, 262, 263
Ланг И. Б. (Lang) 224
Лафатер И. Г. (Lavater) 93, 132, 238, 240
Ле Лэ И. (Le Lay) 252, 253, 255
Леви-Брюль Л. 187
Ленин Н. (Ульянов В. И.) 152, 173, 174, 218, 220, 227, 266
Леонтьев К. Н. 18
Лермонтов М. Ю. 10, 17, 31, 87, 126, 178, 179, 215
Лист Ф. 44, 55, 56, 60, 88, 180, 202, 264
Литвинов М. М. 229
Лорие С. 171, 173, 229
Людвиг Э. 169
Лютер А. 209, 263
Лютер М. 61, 66, 100, 185, 232, 233

Маккормик Г. 151, 155, 167, 215, 218
Маккормик Э. 127, 140, 141, 146, 151, 155, 156, 160, 164, 167, 169, 171, 172, 175, 176, 179, 180, 218, 221—223, 226, 253, 255
Малер Г. 37
Мальмстад Д. Е. (Malmstad) 207—209, 212—216, 263, 266
Мамонтова М. К. см. *Морозова М. К.*
Мамонтова Т. А. см. *Рачинская Т. А.*
Мантеньи А. 110
Мария Айизидельнская 132
Маркс К. 166, 181, 256
Мартынов А. (Пиккер А. С.) 146, 152
Мебиус П. Ю. 199, 270
Мейер С. А. 229
Мейербер Г. 29, 45, 54
Мейнрад, св. 132, 172
Мейринк Г. 242, 245
Мейстер Экхарт см. *Экхарт И.*
Мельников А. П. 20, 22, 200
Мельников-Печерский П. И. 20, 22

Менделеева Л. Д. см. *Блок Л. Д.*
Менгельберг В. 201
Мендельсон Ф. 29
Меньер П. 8, 23, 27, 31, 81, 84, 86, 98, 133, 139, 151, 184, 190, 215
Мережковская З. Н. см. *Гиппиус З. Н.*
Мережковский Д. С. 19, 60, 66, 104
Метнер А. К. 7, 8, 221, 229, 271
Метнер Александра К. 7—12, 24, 26, 27, 34, 41, 51, 120, 128, 129, 136, 139, 155, 171, 197, 212, 233, 271
Метнер Анна М. 10, 18—29, 31, 33—35, 45, 47, 51, 53, 59, 65, 66, 69, 77, 81, 85, 87, 99, 101, 108—113, 115, 119—123, 125—129, 131, 132, 135, 136, 138, 139, 141, 142, 146, 151, 152, 154, 156, 163, 164, 166—172, 175—177, 179, 180, 182, 184, 187, 190, 191, 196, 198, 199, 201, 205, 207, 208, 210—229, 233—235, 239, 240, 252, 270, 271
Метнер Вера К. см. *Тарасова В. К.*
Метнер Вл. К. 7—9
Метнер Е. М. 10
Метнер К. 7—10, 26, 27, 34, 37, 41, 51, 52, 131, 136, 164, 171, 197—199, 203, 211, 217, 221, 222, 229, 233, 239, 244, 271
Метнер К. К. 7, 10, 131, 196, 216, 218, 271
Метнер Н. К. 5, 7—11, 14—18, 20, 22—29, 31—35, 37, 39—41, 44, 45, 47, 51, 53, 55, 59, 61, 65—67, 72, 75, 77, 80, 85, 86, 99, 108, 111—113, 119, 122, 138—140, 142, 145, 151, 154—156, 163, 164, 166, 169, 170, 172—177, 179, 180, 182—184, 187—191, 194—199, 201, 206, 210, 212, 214, 215, 217, 218, 222, 224, 226—228, 234, 239, 243, 252, 261, 262, 265, 271
Метнер С. К. см. *Сабурова С. К.*
Минцлова А. Р. 40, 46, 47, 58, 72, 110, 111, 114, 115, 120, 201, 212, 213
Мойлен И. ван дер 111, 120, 121, 123, 142, 160, 214, 221, 222, 270
Мольтцер М. 119, 122, 123, 125, 127, 128, 134, 138, 214
Моравитц-Кадио А. фон 226
Морозов М. А. 22, 218
Морозова М. К. 16, 22, 24, 32—34, 39, 46, 47, 52, 75, 112—114, 119, 122, 140, 141, 145, 150, 160, 169, 199, 200, 204, 218, 265, 271
Мохаммед-Шамседдин (Шемседдин) см. *Гафиз*
Моцарт В. А. 71
Мулфорд П. (Mulford) 136, 268
Мусоргский М. П. 44
Муссолини Б. 6, 168—170, 174, 177, 182, 192, 226
Мясников А. С. 209, 265

Наполеон Бонапарт 83, 93, 110, 169, 170, 187, 203, 224
Никиш А. (Nikisch) 9, 10, 12, 14, 18, 24, 29, 32, 55, 145, 163, 164, 182, 184, 197, 202, 222, 243, 252, 268
Нилендер В. О. 43, 110, 203
Нильсон И. (Nilsson) 211, 266

Нильсон Н. О. (Nilsson) 213, 259, 268
Ницше Ф. (Nietzsche) 5, 11, 12, 14—16, 19, 20, 23, 27, 29—31, 33, 38, 41—43, 46, 48, 49, 52, 55, 56, 59, 63, 64, 69—72, 74, 79, 82, 84—86, 91, 103, 104, 107, 108, 113, 116, 128, 130, 134—138, 141, 145, 147—150, 152, 157, 161, 170, 172, 188—190, 197—199, 202, 203, 208, 211—213, 216, 237, 242, 261, 263, 268—270
Ницше Э. см. *Фёрстер-Ницше Э.*
Новалис, псевд. 14, 22, 209

Оденковен Г. 134
Оленина-д'Альгейм М. А. 39, 44
Ольсен Р. 25, 175, 197
Опиц М. 235, 240
Ориген 181, 256, 257
Орсье Ж. (Orsier) 208
Осипов Н. 80
Оффенбах Ж. 45

Павел, ап. 222
Павликовский К. К. 9, 16, 128
Пайо Г. (Payot) 253
Панкеев С. ("человек-волк") 99
Парацельс (Гогенгейм Ф. А. фон) 132, 189
Парменид 159
Пастернак Б. Л. 118, 119, 209, 213, 268
Пашуканис В. В. 142, 220
Перикл 12, 184
Петр I (Великий) 58, 242
Петровская Н. И. 21, 32, 197
Петровский А. С. 10, 13, 20, 40, 52, 99, 116, 153, 196, 203, 214, 271
Печерский А. см. *Мельников-Печерский П. И.*
Печковский А. П. 208
Платон 38, 159, 181, 203, 257
Плотин 181, 256
По Э. А. 86
Полина, гориичная 199
Польман-Мой И. см. *Мойлен И. ван дер*
Понсова Е. 259
Понсовы 194
Постоутенко К. В. 201, 265
Поццо Н. А. 97, 98, 114—116, 118, 123, 125, 129—131, 136, 142, 143, 153, 163, 172, 212, 216, 224, 225, 271
Принцип Г. 99
Прокл 181, 256
Пушкин А. С. 17, 20, 26, 31, 58, 66, 78, 173, 195, 198, 206, 264

Рабинович Р. 127, 128, 131, 140, 141, 146, 152, 156, 177, 215, 225, 232—235, 238, 239, 242—244
Расвская О. (Расвская-Хьюз) 229
Раевский С., псевд. см. *Дурылин С. Н.*
Рахманинов С. В. 22, 26, 27, 32, 33, 39, 60, 61, 66, 67, 71, 77, 85, 86, 94, 112, 138, 142, 155, 164, 168, 170, 175, 176, 179, 180, 182, 188, 190, 198, 199, 203—206, 208, 218, 220, 222, 225, 226, 228, 242, 243, 264—266
Рачинская Т. А. 200
Рачинский Г. А. 43, 112, 113, 200, 212, 265
Рашер, издатель 163
Регер М. 28—30, 32, 37, 44, 63, 198, 264
Рейнус Б. 229
Рембрандт ван Рейн Х. 242
Рильке Р. М. 209
Ример Ф. В. (Riemer) 208
Розанов В. В. 18
Розенфельд Н. 210
Рокфеллер Дж. (ст.) (Rockefeller) 127, 140, 146, 171, 222
Рокфеллер Э. см. *Маккормик Э.*
Рубакин Н. А. ("Рубаркин") 256, 257
Ругль Ч. 259
Руссо Ж. Ж. 250
Рюйсбрук Я. ван 200
Рябушинский Н. П. 25, 31

Сабашникова М. В. см. *Волошина М. В.*
Сабашниковы М. В. и С. В., братья 46
Сабурова С. К. 7, 229
Сапов В. В. 205, 225, 263
Сатина С. 205
Сафонов В. И. 11
Сведенборг Э. 159
Семковский С. (Бронштейн С. Ю.) 146, 152
Серафим Саровский 132, 216
Сиверс М. фон см. *Штейнер М.*
Сидоров А. А. 96, 265
Сизов М. И. 116, 124, 200, 203, 217
Синцова О. 208
Скидан А. В. 4
Скрябин А. Н. 22, 24, 26, 27, 39, 67, 94, 138, 197, 199, 205, 217, 265
Сисжинская Г. В. 4, 230
Соколова Н. И. см. *Петровская Н. И.*
Сократ 38, 159

"Солнечная", псевд. 234, 239
Соловьев Вл. С. 14—18, 21, 30, 46, 47, 58, 82, 222
Соловьев С. М., поэт 21, 72, 73, 113, 200, 205, 208, 212, 222, 263, 265
Соловьева Т. А. 73
Сталин И. (Джугашвили И. В.) 185, 227, 229
Стендаль, псевд. 210
Степун Ф. А. (Степпун) 48, 71, 203, 228, 229, 265
Стоковский Л. 169
Стравинский И. Ф. 94
Стриндберг А. Ю. 233
Сугай Л. А. 203, 261

Таиров А. Я. 221
Танеев С. И. 11
Тарасова В. К. 196, 215, 228, 233, 234, 239, 271
Тертуллиан 250, 251
Тик Л. 22, 198
Толстой Л. Н. 49, 53, 59, 129, 134, 201, 215, 241, 243, 261
Толстых Г. А. 265
Толстяков А. П. 265
Топорков А. К. 80, 206, 209, 265
Тредиаковский В. К. 235, 240
Трельч Э. 100
Триппсль А. 93
Троцкий Л. (Бронштейн Л. Д.) 229
Трубецкой Е. Н., кн. 112, 150, 212, 265, 270
Трюб Г. (Trüb) 127, 163—167, 171, 187, 223, 259, 269
Трюб С. 163, 166, 167, 169
Тунхольм В. 259
Тургенев А. Н. 44
Тургенева А. А. Бугаева А. А.
Тургенева Н. А. см. *Поццо Н. А.*
Тургенева Т. А. см. *Соловьева Т. А.*
Тэн И. 203

Уайльд О. 29
Ульяновы 218, 220, 266

Фаворский В. А. 210
Фальконе Э. М. 58
Федюшин В. 217
Фердинанд, эрц-герцог 99
Ферстер-Ницше Э. 23, 31, 43, 63
Философов Д. В. 66

Фирц Л. 187
Фихте И. Г. 209, 265
Флейшман Л. С. 194, 199, 200, 204, 205, 265
Флобер Г. 251
Флоренский П. А. 200
Флурнуа А. (Flourney) 218, 220
Флурнуа Т. 102, 218
Фон Гогенгейм Ф. см. *Парацельс*
Франк С. Л. 112
Франциск Ассизский 201, 208
Фрёбе-Каптейн О. (Fröbe-Kapteyn) 228
Фрейд З. (Фройд, Freud) 5, 6, 55, 72, 76, 77, 79—81, 96—99, 101, 102, 105, 106, 109, 110, 113, 115, 116, 123, 126, 127, 133, 135, 137, 141, 146—148, 151, 162, 166, 183, 185, 186, 188, 192, 206, 211, 214, 217, 219, 229, 234, 240, 243, 250, 260, 266, 267, 269
Фридрих Я. (Х.) 33, 39, 41, 46, 51, 53, 56, 65, 79, 99, 101, 111, 114, 125, 126, 138, 184, 190, 217, 231, 232
Фробениус Л. (Frobenius) 218
Фрумкина Н. А. 194, 199, 200, 204, 205, 265
Фьерц Л. см. *Фирц Л.*

Хаггард Р. 105
Ханна Б. (Hannah) 6, 194, 229, 267
Харденберг Ф. фон см. *Новалис*
Хауэр В. (Hauer) 176, 180, 184, 187, 225—227, 267
Хафиз см. *Гафиз*
Хегелер В. фон (Hegeler) 230, 231
Хейман Х. 176, 177, 225
Хейфец Яша (Хейфиц И. Р.) 55
Хемпель Г. (Hempel) 230, 231
Хичман Э. 79, 80
Хопкинс Ф. 170
Хорст А. см. *Чемберлен Анна*
Христиансен Б. 203, 264

Цветаева М. И. 52
Цезарь см. *Юлий Цезарь*
Цельс 181, 256
Циммер Г. 180, 187, 226

Чайковский П. И. 18, 55, 67
Чемберлен Анна 35, 199
Чемберлен Х. С. (Chamberlain) 27, 35, 54, 63, 84, 85, 121, 122, 136, 168, 171, 173, 174, 199, 200, 207, 214, 223—225, 266, 267

Шагинян Магдалина С. 80, 110, 114
Шагинян Мариэтта С. 60, 61, 66, 67, 69, 71, 76—78, 80—86, 92, 94—97, 100, 101, 110, 111, 114, 120, 125, 126, 129, 135, 138, 141, 142, 145, 168, 185, 203—210, 215—218, 220, 227, 265, 266, 271
Шваб Г. (Schwab) 242, 245
Швейкерт К. Л. см. *Ильина Е. Ю.*
Шекспир В. 25, 129, 185, 231
Шенберг А. 183, 207
Шефтель С. 105, 132, 150, 154, 216, 221, 269
Шиллер Ф. (Schiller) 23, 38, 42, 63, 89, 92, 100, 157, 158, 161, 204, 237, 259, 269
Шлегель А. В. фон 22
Шлегель Ф. фон 22, 203
Шлоссер К. 100
Шмаков А. С. 58, 202
Шмидт А. Н. 20, 200, 266
Шопен Ф. 11
Шопенгауэр А. 12, 30, 69
Шостакович Д. Д. 229
Шпет Г. Г. 43
Шпильрейн С. (Spielrein) см. *Шефтель С.*
Шпиттелер К. (Spitteler) 216
Штегман А. Г. 210
Штегман М. 99, 210
Штейнер М. 64, 116, 125, 138
Штейнер Р. (Steiner) 5, 34, 35, 40, 45, 47, 53, 56, 59, 62—74, 79, 81, 82, 84, 85, 88—90, 92, 98, 99, 106, 108, 110, 111, 114—118, 120, 124, 125, 130, 131, 134, 137, 138, 142—145, 150, 154, 165, 166, 176, 186, 188, 199, 201, 203—207, 213, 214, 217—220, 222, 244, 262, 263, 267, 269, 270
Штиденрот Э. (Stiedenroth) 208, 267
Штраус Р. 29, 30, 32, 37, 44, 63, 180, 198, 264
Шуберт Ф. 14
Шуман Р. 14, 27, 264

Эккерман И. П. (Eckermann) 196, 197, 266
Экхарт И. 48, 201
Эллис, псевд. 20, 27, 30, 34, 40, 43, 45, 46, 48, 52, 56, 65, 71, 79, 81—83, 99, 111, 112, 119—121, 123, 124, 142, 145, 152, 153, 160, 199, 203, 205, 207, 209, 210, 212, 214, 220—222, 266, 270
Энглерт И. 118, 119, 129—131, 224
Эпштейн Р. см. *Адлер Р.*
Эразм Роттердамский 242
Эрн В. Ф. 99, 112, 122, 212, 214, 266
Эрт А. (Ehrt) 226, 227, 266
Эткинд А. М. 210, 264, 266

Эттингер П. Д. 194

Юлий Цезарь 169, 187
Юнг К. Г. (Jung) 5, 6, 97, 101—115, 117—119, 121—123, 125, 127, 131—156, 158, 160—167, 169—181, 183, 185—194, 210, 212—260, 264, 266—271
Юнг Э. 140, 141, 163, 171, 174, 246—258
Юнг Ф. И. 259
Юнггрен К. 259

Яковенко Б. В. 201

Bally G. см. *Балли Г.*
Bärmark J. 211, 266
Barthk см. *Барт К.*
Bcthgc H. 239
Bjerre P. см. *Бьерре П.*
Bodin P. A. см. *Боден П. А.*
Brome V. 266
Carlson M. 266
Carotenuto A. 211, 269
Chamberlain H. S. см. *Чемберлен Х. С.*
Cocks G. 227, 266
Colli H. 203, 268
Donn L. см. *Донн Л.*
Ehrt A. см. *Эрт А.*
Eckermann J. P. см. *Эккерман И. П.*
Ellmann R. 221, 267
Elswort J. 267
Field G. G. 199, 267
Flourney H. см. *Флурнуа А.*
Freud S. см. *Фрейд З.*
Friedman M. 223, 267
Fröbe-Kepteyn O. см. *Фрёбе-Каптейн О.*
Frobenius L. см. *Фробениус Л.*
Funck H. 240
Galahad S. 268
Goesch H. см. *Геш Г.*
Goethe J. W. см. *Гёте И. В.*
Grandjean-Bayard E. см. *Гранжан-Баярд Э.*
Gross O. см. *Гросс О.*
Grotius H. см. *Гроций Г.*
Gundolf F. см. *Гундольф Ф.*
Hafis см. *Гафиз*

Hannah B. см. *Ханна Б.*
Hauer J. W. см. *Хауэр В.*
Hempel G. см. *Хемпель Г.*
Hemsterhuis F. см. *Гемстергюйс Ф.*
Henri Cornélis Agrippa см. *Агриппа Неттесгеймский*
Herwig W. 208, 267
Hull R. F. C. 227, 267, 268
Hurwitz E. 219, 267
Intermediarius, pseud. см. *Мойлен И. ван дер*
Jaffe A. 194, 267
Jensen P. A. см. *Йенсен П. А.*
Joyce J. см. *Джойс Д.*
Jung C. G. см. *Юнг К. Г.*
Keyserling H. G. см. *Кайзерлинг Г.*
Kierkegaard S. см. *Кьеркегор С.*
Kobilinski-Ellis L. см. *Эллис*
Kozlik F. см. *Козлик Ф.*
Lang J. B. см. *Ланг И.*
Lavater J. G. см. *Лафатер И. Г.*
Le Lay Y. см. *Ле Лэ И.*
McGuire W. 211, 227, 267, 268
Medtner см. *Метнер*
Montinari M. 203, 268
Mulford P. см. *Мулфорд П.*
Nevins A. 222
Nietzsche F. см. *Ницше Ф.*
Nilsson I. см. *Нильсон И.*
Nilsson N. E. см. *Нильсон Н. О.*
Nivat G. 194, 196, 201, 219, 269
Normann A. см. *Ильин И. А.*
Noll R. 269
Orsier J. см. *Орсье Ж.*
Payot G. см. *Пайо Г.*
Poelman-Mooy J. см. *Мойлен И. ван дер*
Rancour-Laferriere D. 210, 268
Rice J. L. 269
Richter K. 197, 266
Riemer F. W. см. *Ример Ф. В.*
Rockefeller см. *Рокфеллер*
Schiller F. см. *Шиллер Ф.*
Schwab G. см. *Шваб Г.*
Schweickert J. см. *Ильин И. А.*
Sigg H. см. *Зигг Г.*
Spielrein S. см. *Шефтель С.*

Spitteler C. см. *Шпиттелер К.*
Steiner R. см. *Штейнер Р.*
Stern P. J. 269
Stiedenroth E. см. *Штиденрот Э.*
Strachey J. 207, 267
Trüb H. см. *Трюб Г.*
Vos L. de см. *Вос Л. де*
Wehr G. 222
Winston R. 194, 267
Winston C. 194, 267
Wehr G 269
Weininger O. см. *Вейнингер О.*

Содержание

Введение 5

«Житейская ложь» Метнера 7
Встреча с Белым 13
Новая стезя 26
«Мусагет» 42
Конфликт с Белым 51
Встреча Белого со Штейнером 62
Встреча Метнера с психоанализом 75
Книга о Гете 88
Начало войны и встреча с Юнгом 101
Разрыв с Белым 114
Метнер на «Горе Истины» 127
Метнер и Юнг 140
Последний удар 153
Изменения в личности 168
Культ Гитлера 181
Эпилог 192

Примечания 194

Приложение
Письма Метнера к Юнгу 230
Письма Юнга и Эммы Юнг к Метнеру 246

Слово признательности 259
Библиография 261
Именной указатель 272

Магнус Юнггрен

Русский Мефистофель. Жизнь и творчество Эмилия Метнера / Пер. с англ. А. В. Скидана, пер. с нем. Г. В. Снежинской — СПб.: «Академический проект», 2001 — 288 с., ил.

ISBN 5-7331-0232-2

Эмилий Метнер — незаслуженно забытая ключевая фигура европейской культуры начала XX века.

Человек необычайно восприимчивый, дитя двух величайших европейских культур, русской и немецкой, Эмилий Метнер сконцентрировал в себе и по-своему преломил основные идеи важнейшего для всей Европы периода. Автор книги, известный шведский специалист по русской культуре Магнус Юнггрен, поставил своей целью воссоздать органически целостный мир жизни и творчества Метнера, показав его как посредника в русско-германском культурном диалоге, продемонстрировав, в частности, то значение, которое русский символизм приобрел, благодаря Метнеру, для становления и развития аналитической психологии Юнга. Не обходит автор вниманием и то пагубное влияние, которое оказали на Юнга и Белого расовые идеи Метнера, его энтузиазм по отношению к Муссолини и Гитлеру. Метнер предстает как яркий представитель «предфашизма» в европейской культуре начала XX века.

Работа в значительной степени основывается на неопубликованных материалах — письмах, рукописях, дневниках, хранящихся в архивах России, США и Швейцарии.

ISBN 5-7331-0232-2

9 785733 102320

Переплет *Ю. С. Александров*
Художественный редактор *В. Г. Бахтин*
Технический редактор *Е. Ф. Шараева*
Корректор *О. И. Абрамович*

ЛР № 062679 от 02.06.93

Подписано в печать 11.02.2001. Формат 60×90/16
Печать офсетная. 18 п.л. Тираж 1000 экз. Заказ № 3799

Гуманитарное агентство «Академический проект»
190002, Санкт-Петербург, ул. Рубинштейна, д 26.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12